

ЛАЧПЛЕСИС

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

имени

А.М. ГОРЬКОГО

АКАДЕМИЯ НАУК
ЛАТВИЙСКОЙ
ССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

имени

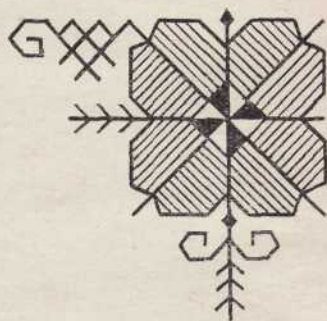
АНДРЕЯ
УПИТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА

LĀČPLĒSIS

LATVIEŠU EPOSS
PĒC TAUTAS
TEIKĀM
IZVEIDOTS

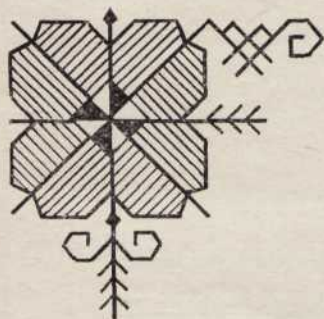

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1975

ЛАЧПЛЕСИС

ЛАТЫШСКИЙ ЭПОС,
ВОССОЗДАНЫЙ
ПО НАРОДНЫМ
ПРЕДАНИЯМ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1975

С (Лат.)
Л31

Главный редактор серии
«ЭПОС НАРОДОВ СССР»
А. А. ПЕТРОСЯН

Издание подготовил
Я. Я. РУДЗИТИС

Редколлегия тома:
В. М. ГАЦАК (отв. ред.), Я. Я. ҚАЛНИНЬ.
Э. Я. КОКАРЕ, Э. П. СОКОЛ

Л31 **Лачплесис. Латышский эпос, воссозданный по народным преданиям. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.**

350 с. (Эпос народов СССР).

Настоящее издание представляет собой научную публикацию латышского национального эпоса «Лачплесис», созданного А. Пумму-ром на фольклорной основе. Исследовательская часть содержит литературоведческий анализ эпоса и подробный научный комментарий. В книгу включен также самостоятельный раздел фольклорных текстов, выявляющих связи «Лачплесиса» с народным творчеством.

С (Лат.)

Л $\frac{70403-163}{013(02)-75}$ 217-75

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР совместно с институтами языка и литературы академий наук союзных республик предпринял научную публикацию эпических произведений устной поэзии народов СССР: русского, украинского, белорусского, узбекского, казахского, грузинского, азербайджанского, латышского, киргизского, таджикского, армянского, туркменского, эстонского, абхазского, башкирского, бурятского, каракалпакского, карельского, осетинского, татарского, якутского, адыгского, алтайского, хакаского и др. Научный характер публикации определяет некоторые особенности книг, составляющих серию: перевод эпических текстов выполнен с максимально достижимой адекватностью. Переводчики всякий раз стремились отразить особенности поэтики эпоса, сохранить систему образных средств.

Каждая книга серии включает разделы: краткое исследование, посвященное исторической оценке и художественной характеристике издаваемого памятника; текст эпоса на языке оригинала и его перевод; Приложение — комментарии, сведения о сказителях, от которых записан текст эпоса и др.

Латышский том серии подготовлен старшим научным сотрудником Института языка и литературы им. Андрея Упита АН Латвийской ССР Я. Я. Рудзитисом. Текст эпоса публикуется в переводе Вл. Державина — на языке оригинала «Лачплесис» издавался неоднократно.

Ранее в серии «Эпос народов СССР» вышли:
1971 г.

«Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос»
1972 г.

«Украинские народные думы»;
«Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос»
1973 г.

«Маадай-Кара. Алтайский героический эпос»
1974 г.

«Нарты. Адыгский героический эпос»
1975 г.

«Кобланды-батыр. Казахский героический эпос»

«ЛАЧПЛЕСИС» — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭПОС ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

В отличие от других эпических памятников народов нашей страны — «Манаса», «Давида Сасунского», «Кобланды Батыра» и т. д. — «Лачплесис» родился не на устах безымянных певцов, а под пером выдающегося латышского национального поэта и вошел в сокровищницу мировой культуры вместе с точной датой своего рождения (1888 г.) и с именем своего создателя Андрея Пумпура.

Еще в прошлом веке, когда «Лачплесис» делал первые шаги в истории культуры, возник спор о природе его жанра. Латышский литератор Теодор Зейферт, отметив, что «Лачплесис» содержит красочный, обширный материал из «богатой и удивительно чарующей духовной жизни древних латышей», тут же усомнился в правомерности признания «Лачплесиса» народным эпосом. По мнению Теодора Зейферта, эпос может возникнуть в атмосфере детской веры в народе в волшебные чудеса¹. Отвечая Зейферту, Андрей Пумпур писал: «Думается, что во времена Гомера греки также не очень-то верили в легенды о людоеде, огромном циклопе Полифеме с одним глазом во лбу, и многим другим легендам и сказкам мореходов, коими испещрено все странствие Одиссея. В то время у древних греков уже были глубокие мыслители...»². Другой автор, латышский филолог Лаутенбах в «Балтияс вестнесис», № 270 за 1888 г. пишет, что «Лачплесис» в силу своего содержания является народным эпосом. Вместе с тем он считает появление этого эпоса не «запоздалым», а «преждевременным». Отвечая критику, Андрей Пумпур писал: «Господин Лаутенбах советует подождать, покамест все предания и сказки минувших героических времен латышского народа будут собраны и вся древняя мифология научно изучена и объяснена, тогда только на основе всего, что народ создал за свою духовную жизнь, воссоздать величественный народный эпос... Но до той поры, пока у нас появится такой Фирдоуси, как у персов...

¹ «Ауструмс», 1888, № 10.

² «Балтияс вестнесис», 1889, № 3—4

неужели мы не можем начать хотя бы с чего-то меньшего, вроде „Лачплесиса“?»³

Все творение Андрей Пумпур скромно назвал героической поэмой, но оно сразу заняло место народного эпоса. Спор был решен самой жизнью. Это произошло в ту же историческую эпоху, когда Элиас Леннрот собрал карело-финские руны о древних временах в единую композицию под названием «Калевала» (1835—1849), представив ее как народный эпос, а Фридрих Рейнгольд Крейцвальд создал из эстонских лиро-эпических песен, сказок и преданий эпос «Калевипоэг» (1857—1861).

Появление «Лачплесиса», как и «Калевалы», и «Калевипоэга», было продиктовано самим ходом жизни — историческим процессом общественного пробуждения народов древней Балтии, возникновением в народных низах стремления к героизации исторической биографии предков.

Для характеристики ситуации, в которой появился «Лачплесис», самым существенным является тот факт, что национальное словесное искусство латышей на родном языке существовало в то время устно. В течение многих веков после захвата в XIII в. крестоносцами балтийских земель латыши были крепостными рабами немецких помещиков. Все ключи от духовной жизни народов Балтии — церковь, система образования, судопроизводство, цензура, печать — находились в руках чужеземцев. Доступ латышей к образованию был весьма ограничен и служил лишь задаче подготовки грамотных прислужников немецких господ. Книги на латышском языке являлись средством воспитания у латышей рабского смирения и чувства брезгливости ко всему национальному.

Когда студент Дерптского университета Кр. Валдемар добавил к табличке на своей двери слово «латыш», он был осмеян однокашниками. Одновременно это было воспринято и как дерзкий вызов. Вскоре дерптские студенты, будущие зачинатели латышской национальной письменной литературы: Юрис Алуна, Кришьянис Валдемар и Кришьянис Барон — образовали кружок с программой борьбы за расширение латышского народа. К ним присоединились другие прогрессивные представители латышской интеллигенции, и в середине XIX в. возникло общественное движение, получившее название младолатышского. Старолатыши (писатели латышской национальности, такие, как Ливентал, Лейтан, Нейкен) проводили идеологию, насаждающуюся немецкими пасторами.

Младолатыши 70-х годов противопоставили пасторской литературе романтические произведения, воспевающие свободолюбие и патриотизм,

³ Там же.

прославляющие латышский язык, родную землю, обычаи и мироощущение простолюдина. Мотивы народных преданий, легенд и сказок легли в основу многих произведений писателей-младолатышей. Устная латышская поэзия стала фундаментом молодой письменной литературы.

Зачинатели национальной письменной литературы заимствовали у народной поэзии не только мотивы и сюжеты, но и язык. Как известно, до середины XIX в. латышский литературный язык развивался именно в русле устного поэтического творчества. Не удивительно, что произведения письменной литературы, создаваемые младолатышами, зачастую вливались в общий поток устной национальной поэзии, и народ распевал стихи поэтов-младолатышей как свои традиционные песни. Так происходило тесное взаимодействие устной и письменной литературы⁴.

И когда в условиях развивающейся консолидации национального самосознания латышского общества возникла историческая необходимость в героическом повествовании о судьбе народа, эта задача была решена в жанре народного эпоса. До появления «Лачплесиса», и это не случайно, уже делались попытки создать латышский национальный эпос (например, писателями Аусеклисом, Малбергом). Существовало мнение (Пумпура, Меркеля), что до прихода крестоносцев у латышей был народный эпос, который исчез в эпоху рабства. Как известно, немецкие пасторы преследовали героические песни латышей. Воспевание времен доблестных предков считалось прямым выпадом против немецких господ.

Во второй половине XIX в., в атмосфере небывалого подъема национально-освободительного движения на Западе и на Востоке, произошли значительные сдвиги в общественном сознании латышского народа, ощутилась неодолимая потребность в героическом слове, обращенном к народу.

Как известно, латышская национальная письменность в ту пору уже овладевала известными в мировой литературе жанрами художественного творчества и могла бы разносторонне откликнуться на духовные запросы времени. Тем не менее историческая миссия консолидации национального духа выпала на долю произведения, созданного в жанре

⁴ Это весьма примечательное обстоятельство может послужить одним из ключей для понимания исторического своеобразия рождения латышского национального эпоса «Лачплесис». Здесь уместно было бы вспомнить, что, когда складывался героический эпос «Давид Сасунский», армянская письменная литература, имевшая к этому времени (IX—X вв.) уже более чем шестисотлетнюю историю, была весьма далека от народа. Она создавалась в стенах монастырей на недоступном для широких масс народа древнецерковном языке (который господствовал в армянской письменной литературе до середины XIX в.). Сокровище армянской национальной поэзии — «Давид Сасунский» — попало на печатный станок лишь в 70-е годы, почти одновременно с появлением «Лачплесиса».

народного эпоса. Слово, обращенное к народу, было произнесено на языке народа, через образы, созданные художественной фантазией народа. Характерно, что сбор текстов повествовательных произведений латышской народной поэзии стал в те годы (60—70 годы XIX в.) одной из главных забот прогрессивных младолатышей, к числу которых принадлежал и создатель «Лачплесиса». Сын крестьянки-сказительницы, Андрей Пумпур знал народные предания и легенды не из письменных источников. Больше половины своей жизни он провел в деревне, в родном Лиелварде, который славился как хранилище духовных ценностей древней Латвии. Пумпур много ездил по Латвии, работая помощником землемера, хорошо знал жизнь народа, слушал его песни, много пел и рассказывал сам на певческих сходках. Сочинения Пумпура жили жизнью народных песен. Особенно популярна в народе была его песня «Ты скажи мне, Даугава родная».

Легенды о затонувшем замке, в котором хранились оставленные первопредком латышей свитки с записями великих законов человеческого счастья и справедливости, о доброй фее Стабурадзе — дочери Латвии, о сотворении латышской земли — гор, долин, великой реки Даугавы, о зловещих шабашах ведьм, замышлявших зло против людей, о фантастическом крае Сумпури⁵, о черте Вэлне и другие повествования, составляющие сюжетную канву «Лачплесиса», тесно связаны со стихией народной художественной фантазии.

Латышская сказка о юноше по прозвищу Лачплесис оплодотворила творческий замысел Пумпура, создавшего образ бесстрашного и самоотверженного народного героя, который, несмотря на свою сверхчеловеческую, исполинскую силу, погиб в единоборстве с Черным рыцарем, став жертвой предательства коварных изменников.

«Лачплесис» родился из органического сплава фольклорных образов с идеями современной борьбы народа за свое раскрепощение. Национальное пробуждение латышского народа происходило в период развертывания революционно-демократического движения в России. Вековая мечта о возрождении самобытной национальной жизни на латышской земле влилась в общий поток развития современной передовой общественной мысли. Народное сознание обогатилось историческим опытом классовой борьбы. Мотивы древних преданий сплелись с исторической достоверностью. Не случайно сказания о благородном витязе, о его борьбе против фантастических врагов человечества перекликаются в эпосе Пумпура с народной памятью о жестоких чужеземных завоевателях и об их прислужниках, предавших интересы латышского народа. Описания борьбы древних латышей с немецкими

⁵ Сумпури (псоглавцы) — фантастический образ латышских сказок.

крестоносцами обретают в «Лачплесисе» конкретно-исторические очертания.

Историческая концепция «Лачплесиса» противостоит лживой версии о «благодетельной» миссии меченосцев, веками прививаемой народам Прибалтики немецкими пасторами и идеологами хуторских мировоззрений. «Лачплесис» отражает народно-демократический взгляд на историю, целебную веками мечту народа о светлом дне избавления от чужеземного ига. Созерцательные по своему характеру древние латышские предания прозвучали в эпосе мажорно, как боевой клич, зовущий к борьбе, вселяющий надежду. Популярными эпизодами латышских волшебных сказок, в которых герой одерживает победу над различными чудовищами, обрели в «Лачплесисе» эпический размах.

Древние латышские мифы, поверья, обычаи, так называемые Яновы песни, а также своеобразная топонимика Латвии (Буртниецкое озеро, Синяя гора, Кангарские горы, река Даугава, скала Стабураг на берегу Даугавы, Балтийское море) — все эти органически вошедшие в повествовательную ткань «Лачплесиса» компоненты составляют фольклорную основу латышского национального эпоса.

Нельзя не обратить внимание на гармоническое созвучие поэтической формы «Лачплесиса» и его содержанием. Стих «Лачплесиса» выдержан в основном в размере латышских народных песен (хорей в сочетании с дактилем). Повествовательный жанр латышской народной поэзии, как известно, имел лишь прозаическую форму. Отметив эту особенность латышского народного словесного искусства, Пумпур писал: «Предание о Лачплесисе народ не пел, а рассказывал. Может быть, когда-то, как и многие другие героические песни, его пели на холмах и в рощах Латвии лигусоны⁶, люди, их совершенствующие и хранящие, но вместе с лигусонами латышские героические песни отошли в область предания, и остались в народе лишь воспоминания, в форме рассказов»⁷.

Весьма существенна и другая мысль Пумпура о том, что латышские «опевальные» песни точно указали ему форму национального эпоса. Он писал: «Для обширных песнопений, скорее, подходит размер наших „опевальных“ песен, т. е. дактиль в сочетании с хореем, так как подобное эпическое произведение является, по сути дела, не чем иным, как длинной „опевальной“ песней, пусть ее и называют героическим сказанием»⁸.

⁶ Лигусоны — см. прим. на стр. 241 настоящего издания.

⁷ А. Пумпур, «Пояснения к „Лачплесису“ в ответ на критику г. Т. и г. Лаутенбаха», — «Балтияс вестнесис», 1889, № 3—4.

⁸ «Балтияс вестнесис», 1889, № 3—4.

Характеризуя сюжетное построение «Лачплесиса», Андрей Пумпур писал: «Он, образно говоря, подобен зданию о трех этажах: в середине цветущая земля, внизу мрачная преисподняя либо царство теней, и над всем этим высится светлый дворец Перкона, или Олимп»⁹.

Весьма примечательно, что подобная трехъярусная композиция фантастической картины мироздания является распространенным компонентом сюжетики эпоса многих народов нашей страны, например, якутских олонхо, бурятского «Гэсэра», калмыцкого «Джангара», хакаских, тувинских и других народных сказаний, о которых Пумпур, разумеется, не имел никаких представлений по той простой причине, что эпос этих народов в то время еще не был записан и тем более не был переведен на европейские языки.

Насколько можно судить, изучая биографические материалы создателя «Лачплесиса», Пумпур был хорошо знаком с германским национальным эпосом («Песню о нибелунгах»). Но этот факт послужил ему опорой не для заимствования, а, наоборот, для отталкивания: идейно-художественная сущность «Лачплесиса» иная, он целиком и полностью отвечает духовным запросам жаждущего национального раскрепощения латышского народа, развивает мотивы его исторической судьбы. Кроме того, в германском эпосе отсутствуют многие художественные компоненты, которые роднят «Лачплесиса» с эпосом народов России. Фольклорно-эпические универсумы (чудесное рождение героя, фантастическая сила богатырей, переплетение символики с исторической достоверностью и др.), характерные для эпоса народов нашей страны и других стран мира, органически вошедшие в повествовательную ткань «Лачплесиса», свидетельствуют не о подражании или заимствовании, а прежде всего о фольклорной природе художественной структуры «Лачплесиса», о родстве его поэтики с поэтикой народных песен.

«Лачплесис» — одна из золотых страниц и латышской письменной литературы. Это «двойственное» положение национального памятника латышской культуры объясняется своеобразием исторической и культурной ситуации в эпоху создания эпоса.

В пору рождения «Лачплесиса» устная народная поэзия все еще занимала господствующее положение в словесном искусстве латышского народа. В то же время из недр фольклора уже вырастала письменная литература, и на общественную арену один за другим выходили национальные поэты и писатели, знакомые с достижениями мировой культуры. Латышская письменная литература развивалась в одном идейно-художественном русле с устной народной поэзией и была сходна с ней как по языку, так и по своим историческим задачам.

⁹ «Балтияс вестнесис», 1889, № 3—4.

Может показаться, что оригинальная судьба «Лачплесиса» как бы опрокидывает исторически сложившееся понятие о природе народного эпоса. Как известно, народный эпос — это, прежде всего, памятник устной поэзии, созданный и отшлифованный в течение веков многими поколениями безымянных певцов. Армянский героический эпос «Давид Сасунский» записан из уст более чем пятидесяти народных певцов в различных районах страны. Киргизский героический эпос записан из уст более чем тридцати народных сказителей. Калмыцкий «Джангар», элтайский «Маадай-Кара», казахский «Кобланды-батыр», туркменский «Гороглы», узбекский «Алпамыш», якутские олонхо и другие памятники эпической поэзии народов нашей страны также записаны из уст народных певцов.

Записи этих текстов и многих других появились много десятилетий спустя после первой публикации «Лачплесиса», но сами памятники столетиями бытовали устно и притом во множестве вариантов. «Лачплесис» появился лишь в одном единственном варианте и не прошел до этого путь устного бытования. Но, как было сказано выше, его художественные компоненты родились в недрах устной поэзии народа, они были рассыпаны во множестве народных повествований.

Невольно вспоминается тот исторический факт, что ни один из более чем пятидесяти вариантов армянского героического эпоса о сасунских храбрецах, записанных в конце XIX и в начале XX в. из уст народных певцов, также не адекватен сюжетно тому «Давиду Сасунскому», который теперь хорошо известен на многих языках мира. Армянский народный эпос представлен всесоюзному и мировому читателю в том *сводном* варианте, который был составлен в 1939 г. коллективом ученых под руководством академика И. А. Орбели. Можно сказать, что армянские фольклористы проделали ту же работу, которая выпала на долю латышского поэта Андрея Пумпура в 70-е годы XIX в., с той существенной разницей, что «Давид Сасунский» был «собран» из «готовых», широко бытовавших в народе вариантов сказания, а «составителю» латышского эпоса пришлось не только *собирать* или *сводить*, но и во многом *воссоздавать* и творить самому. Андрей Пумпур выступил, в сущности, в роли латышского народного сказителя.

Говоря о создателе латышского национального эпоса, хочется напомнить о творческой практике сказителей, например, киргизского «Манаса». Целостный текст этого эпоса был записан в 20-е годы нашего столетия от сказителя Орозбакова и в 30-е годы — от Каралаева. Сопоставляя эти два варианта, мы убеждаемся в том, что сказитель не только хранитель и «передатчик», но и творец эпоса. Опираясь на традиционные представления о героях и событиях давно минувших лет, каждый сказитель пел им самим скомпонованный, импровизированный вариант. Не случайно, наряду с неоспоримой схожестью есть и очевидная

разница между «Манасом» Орозбакова и «Манасом» Каралаева — как по составу сюжета, так и в трактовке образов и в языке. Вот почему публикации текстов «Манаса» неизменно сопровождаются именами Орозбакова и Каралаева. Другого «Манаса», кроме того, что дали нам эти два сказителя, и при этом каждый по своему, мы, в сущности, и не знаем. В исторической науке принято считать, что «Манас» существует с XIV в.¹⁰ Нам неизвестно, однако, каким был этот эпос в XV, XVI, XVII, XVIII вв., существовал ли он в тех сюжетных составах, которые представлены Орозбаковым и Каралаевым. Очевидно, правы киргизские исследователи «Манаса», отметившие, что Орозбаков и Каралаев являются, в сущности, авторами сводного варианта «Манаса».

Продолжая разговор о роли личного творчества в создании и развитии народного эпоса, можно привести также пример из истории хакасского эпоса. Знаменитый хакасский народный эпос, известный под названием «Албынжи», представлен всесоюзному и мировому читателю в записи из уст современного народного поэта Хакасии, члена Союза писателей СССР, Семена Прокопьевича Кадышева.

Явления авторской сопричастности к рождению и развитию эпоса имели место в истории и раньше. Греческий эпос о Дигенисе был составлен из акритских песен византийским монахом, имени которого мы не знаем. Но как известно, ни вариант монаха, ни пять последующих редакций эпоса не стали народными национальными памятниками. Этот факт, безусловно, свидетельствует, что дело не только в том, кто сотворил эпос — человек безымянный или с именем, один народный певец или несколько поколений певцов, ученый или неграмотный селянин. Главный стимул рождения и развития эпоса — это насущность его исторической миссии, продиктованная требованием времени.

Эпос о Дигенисе Акрите, хотя и содержит популярные в мировом фольклоре универсалии, все же не стал, как «Лачплесис», как «Манас», как «Давид Сасунский», народным знаменем. Подвиги и приключения акритов — храбрых стражников государственных границ Византийской империи — имели локальное историческое значение, они не обладали необходимой для народного эпоса идейной емкостью. Духовной мощью народного эпоса не обладали и такие героические эпопеи, как «Жизнь Александра», «Троянская война», «Эллада», и не потому лишь, что они вышли из недр профессиональной литературы (кстати, были и аноним-

¹⁰ За пределами киргизского мира о существовании «Манаса» стало известно только в 50—60-е годы XIX в. (по фрагментам, записанным Велихановым и Радловым). Недавно была найдена рукопись автора XV в. «Собрание Историй» («Маджму Ат-Таврих», изд. ЛГУ, Л., 1960), в которой имеются сведения о Манасе как о киргизском герое.

ные, фольклорные сказания об Александре Македонском, которые также не стали национальным эпосом). Дело в том, что эти героические повествования XIV в., порожденные стремлением аристократической верхушки *остановить* неумолимый процесс распада Византийской империи, не были оплодотворены идеями прогресса, не вооружали нацию мудростью истории, были далеки от чаяний трудового народа.

Фантастическое долголетие героического эпоса народов Советского Союза объясняется прежде всего тем, что накопленные веками народные представления о добре и зле служили посохом для сотен поколений людей на пути к торжеству светлых начал жизни.

Многие эпические памятники древней устной поэзии народов нашей страны до сих пор продолжают свое устное бытование, живут на устах народных певцов и исполняются не только во время народных празднеств, но и на сценах государственных филармоний. Многие эпосы, такие, как «Давид Сасунский», «Гургюли», «Гороглы», «Кобланды-батыр», «Джангар» и др., живут одновременно и на страницах письменной литературы. Но и те и другие являются неиссякаемым кладом, откуда профессиональное искусство черпает образы и мотивы для создания новых произведений литературы, живописи, музыки.

Эта же миссия выпала и на долю эпоса Пумпура. Здесь можно вспомнить такие произведения по мотивам «Лачплесиса», как героико-романтическая драма Райниса «Огонь и ночь», написанная великим латышским пролетарским поэтом накануне революции 1905 г., как опера «Огонь и ночь» Яниса Мединя, как многие замечательные произведения живописи и скульптуры, обогатившие национальную картинную галерею. Нельзя не вспомнить и знаменитое стихотворение Судрабкала «Лачплесис», появившееся в разгар Великой Отечественной войны против гитлеровских агрессоров.

Итак, что же дает нам основание включить поэму классика латышской письменной литературы Андрея Пумпура в серию академических публикаций текстов эпоса народов СССР? Мы указали на фольклорные истоки художественных компонентов «Лачплесиса», отметили, что его идеи и образы родились в гуще народной и прошли столь же длительный путь вызревания и шлифовки, как образы и идеи «Гэсэра» или «Манаса». Известны, однако, произведения писателей, также созданные на базе фольклорного материала, в форме народных сказаний, и тем не менее не получившие признания народа как памятники общенациональной художественной культуры. Стало быть, главная отличительная черта народного эпоса в той исторической миссии, которая выпадает на его долю, в исторической необходимости его появления, которая выражает сокровенные духовные потребности народа. Именно благодаря этому «Лачплесис» по праву занял свое место среди эпических памятников народов мира.

Изучение истории возникновения и общественной роли «Лачплесиса» может пролить новый свет на проблему генезиса народного героического эпоса. Публикация текста и материала фольклорных источников этого замечательного памятника имеет прямое отношение к решению важных задач советской фольклористики.

Принципиальная новизна настоящего издания — документированное раскрытие фольклорных истоков «Лачплесиса». Специальный текстологический комментарий, вобравший в себя результаты многолетних изысканий Я. Я. Рудзитиса, и раздел народных текстов, составленный впервые, вводят в научный обиход новые веские доказательства того, что «Лачплесис» вырос на фундаменте латышской народной поэзии и прозы — выражение исторического и художественного опыта народа.

А. А. Петросян

«ЛАЧПЛЕСИС» А. ПУМПУРА И ЕГО МЕСТО
В ИСТОРИИ ЛАТЫШСКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Лачплесис» — выдающееся произведение прогрессивной латышской литературы второй половины XIX в., посвященное фольклорному герою и созданное в значительной степени на основе народной устно-поэтической традиции. Отвечающий чаяниям народа, идеалам его освободительной борьбы, «Лачплесис» Пумпура заслуженно признан латышским национальным эпосом.

Необходимо принять во внимание, что эпические, повествовательные формы в латышском фольклоре представлены главным образом сказками, преданиями, анекдотами. В наиболее фундаментальных изданиях — многотомном собрании П. Шмидта «Латышские сказки и предания» («Latviešu pasakas un teikas», I—XV, 1925—1937), в собрании П. Биркерт «Латышские народные анекдоты» («Latvju tautas anekdotes», I—IV, 1929—1930), в сборнике А. Анцелане «Латышские народные сказания» («Latviešu tautas teikas», 1961) — приведено более тринадцати тысяч вариантов сказок, преданий и анекдотов. Причем опубликованные тексты составляют лишь небольшую часть собранного материала; в архиве сектора фольклора Института языка и литературы им. Андрея Упита АН Латв. ССР (Рига) имеется сто двадцать тысяч вариантов произведений народной прозы.

Героическая тема в латышском народном творчестве ярче и характернее всего выражена в волшебных сказках. Многие типы волшебных сказок рассказывают о борьбе героя с фантастическими существами (многоголовыми змеями, чертями, ведьмами) или злыми королями. Важно учесть, что борьба в волшебных сказках часто имеет широкую общественную направленность: богатырь освобождает землю или страну от змея или иных чудовищ, отстаивает свою страну от нашествия соседнего короля и т. п.

Ненависть латышского крестьянина к своим угнетателям — немецким господам ярче всего проявилась в новеллистических сказках, легендах и сатирических народных песнях. В новеллистических сказках

крестьянин благодаря своему уму и смекалке одерживает верх над барином.

Многообразны латышские народные предания (teikas) — этиологические, мифологические, исторические. Вместе с тем чрезвычайной редкостью являются героические сказания. В латышском фольклоре такой жанровой разновидности, в сущности, нет, зафиксированы лишь отдельные произведения этого плана. Что касается исторических преданий, то они не образуют цикла о каком-либо народном герое; в большинстве случаев героический персонаж в них вообще не выделяется.

При характеристике эпических жанров латышского народного творчества возникает проблема эпических традиций в латышском песенном фольклоре. Этот вопрос еще мало разработан, но и то немногое, что в данный момент известно, дает возможность сделать некоторые существенные выводы.

По объему латышские народные песни в подавляющем большинстве — четверостишия, они не имеют развернутого сюжета, присущего эпическим песням. В метрическом плане латышские народные песни делятся на дактилические и хореические. Если длинными латышскими песнями считать хореические, начиная с восьми строк, и дактилические, превышающие восемь строк, то приходится констатировать, что в самом фундаментальном собрании «Латышские даины» («Latvju Dainas») Кр. Барона длинных песен со всеми их вариантами — 8119, или 3,6% общего числа текстов¹. Некоторые из подобных песен насчитывают несколько десятков, иногда до сотни строк.

Те латышские народные песни, в которых имеется какое-то повествование, почти всегда лиро-эпические с преобладанием лирического начала. Таковы многие любовно-бытовые песни, развернутые песни с военной тематикой. Характерно, что развернутая военная песня не посвящается изображению конкретных исторических событий, она рисует переживания солдата и его близких в связи с разлукой и тяготами повседневного военного быта.

Встречаются в латышском песенном фольклоре, хотя и гораздо реже, произведения с более выраженным повествовательным началом, которые условно можно было бы назвать эпическими. Это некоторые любовно-бытовые песни, отдельные песни свадебного цикла (о погоне за «похищенной» сестрой и т. п.), так называемые песни-небылицы детского фольклора, некоторые мифологические и др. Главное внимание обращено в них на само событие, а не на переживания упоминаемых в песне лиц. И все же этим песням недостает широкого эпического размаха, они ограничены кругом событий повседневной жизни. В этом

¹ V. Greble, Tautasdziesmas, — «Latviešu literatūras vēsture», I, Rīgā, 1959, стр. 45—46.

отношении зачастую не составляют исключения и мифологические песни, в которых с божествами также связываются события и действия, характерные для повседневной человеческой жизни (свадьба сыновей Диева — Бога и дочерей Сауле — Солнца; сын Диева топил баню, дочь Солнца идет мыться и т. п.). В латышских эпических песнях, так же, как и в лиро-эпических, строгое развитие сюжета нередко отсутствует; как будто подчиняясь игре народной фантазии, различные эпические мотивы сменяют друг друга без тесной тематической связи [LD 33625; 33629; 34040—34042]. В отличие от песенно-поэтических произведений других народов, в латышских эпических и лиро-эпических песнях, за исключением мифологических, не предстают лица с собственными именами. Героями этих песен являются «молодец» или «молодцы», «сестрица», «парень молодой» и т. п. Причем если Солнце, Месяц в мифологических песнях — имена собственные, принадлежащие персонажам божественного происхождения, то в других циклах это — нарицательные имена. Фольклор многих народов показывает, что для произведений эпоса типично повествование в третьем лице, как наиболее соответствующее их характеру. В латышских эпических и лиро-эпических песнях преобладает местоимение первого лица, чем особо подчеркивается их лирическое начало.

«Лачплесис» Пумпура вобрал в себя эпические традиции латышской народной прозы и песенной поэзии; вместе с тем он явился для латышской культуры XIX в. и последующего времени той героико-эпической поэмой, которой не дано было сложиться в фольклоре.

Вторая половина XIX в. в целом и 70—80-е годы в частности (когда создавался «Лачплесис») — период важных общественных процессов в истории Латвии. В связи с развитием капитализма устанавливаются более тесные экономические и культурные связи между отдельными областями Латвии, складывается латышская нация.

Формирование латышской нации протекало в условиях тяжелого национального угнетения. Земля, предприятия и учреждения, школа и церковь находились в руках немецких помещиков и буржуазии; культурная жизнь была подчинена контролю немецких священников. Официальным языком считался немецкий.

В среде остзейских помещиков, бюргеров и священников господствовало убеждение, что латыши — мужицкое сословие, а не народ².

² Характерно, что священник и литератор Г. Браше, говоря в 1859 г. об истории курземских латышей, слово «народ» брал в кавычки. В 1881 г. в курляндском синоде некий пастор Шмидт назвал латышей и эстонцев обломками народов. Он утверждал, что, пока они еще существуют, народами их можно называть только в этническом смысле, подобно тому, как называют людьми грудных младенцев, хромых, слепых и скудомных. См. M. Ārons, *Latviešu literāriskā (Latviešu draugu) biedriba savā simts gadu darbā*, Rīgā, 1929, стр. 94.

Латышский язык объявлялся «мужицким» наречием, которому никогда не возвыситься до уровня языков культурных народов. Более того, многие «прорицатели» утверждали, что латышский язык в ближайшие десятилетия вообще исчезнет. Такие взгляды проповедовались немецкими пасторами, литераторами и общественными деятелями³.

Весьма распространенной была псевдонаучная теория культуртрегерства — легенда о феодалах-завоевателях, явившихся в Прибалтику будто бы с культурной миссией. Впервые она отчетливо прозвучала еще в начале XVII в. у автора «Ливонской хроники» Фр. Ниенштедта и позднее варьировалась в работах различных остзейских авторов (за исключением прогрессивного писателя и публициста Г. Меркеля и некоторых других историков и публицистов, которые вдохновлялись идеями Просвещения XVIII в.). По этой теории латыши, ливы и эсты в XIII в. пребывали якобы в диком состоянии. Завоеватели научили прибалтийские народы приемам обработки земли, принятым у цивилизованных народов, дали им правопорядок, администрацию и даже внушили первоначальные понятия о нравственности⁴. Они являлись будто бы единственно реальным фактором культурного развития в Прибалтике и свою миссию могли исполнять только в том случае, если, как писали в XIX в. идеологи остзейских феодалов, будут сохранены привилегии последних⁵. Цель легенды о культуртрегерстве — оправдать национальный и социальный гнет.

Вполне определенное направление имел интерес к латышскому языку и фольклору, который стали проявлять немецкие священники с первой половины XIX в. В 1824 г. они основали «Латышское литературное (Друзей латышской народности) общество», поставившее своей целью изучение латышского языка, фольклора, мифологии и поощрение развития латышской литературы, зависящей в идеологическом отношении от правящих немецких кругов. Общество это претендовало на роль введителя и вершителя судеб латышской культуры, стремясь ограничить ее развитие пределами, угодными угнетателям. Для латышей помимо сочинений религиозного содержания издавались календари,

³ Обильный материал, иллюстрирующий подобные «оценки» латышского народа и его языка, представлен в вышеуказанной книге Матиса Арона, стр. 93—95, 144, 167, 178, 229, 268—269 и др.

⁴ Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. I, Прибалтийско-немецкая историография, Рига, 1949, стр. 43—44, 51—52, 64—65, 129, 150, 190, 196 и др.

⁵ Там же, стр. 155, 243. В 60-х годах XIX в. остзейские авторы расширили культуртрегерскую теорию, распространив ее на Россию. Так, они стали утверждать, что Прибалтика является для России центром распространения западноевропейской культуры и в связи с этим в интересах России требовать, чтобы остзейские губернии сохранили присущий им характер. См. названную работу Я. Зутиса, стр. 158—159, 184, 188.

буквари, хрестоматии, кое-какие практические руководства по сельскому хозяйству и нравоучительные рассказы с феодально-христианской моралью.

В начале второй половины XIX в. из среды латышской интеллигенции выдвигаются ее наиболее активные представители — так называемые младолатыши (50—60-е и частично 70-е годы), которые начинают борьбу против экономических и политических привилегий остзейских помещиков и восстают против их гегемонии в культурной жизни Латвии.

В это время ощущается острая необходимость в эпическом произведении широкого плана, в котором отразилось бы героическое прошлое народа, его национально-освободительные устремления. Таким образом, мысль о создании латышского эпоса возникла не случайно. В произведениях младолатышских деятелей проявлялся огромный интерес к героическому прошлому народа, к народной мифологии.

Необходимо отметить и то, что во второй половине XIX в. в Латвии развертывается интенсивное собирание фольклора, деятельность эту ведут не только представители интеллигенции, но и крестьяне. За века феодального рабства у латышей не было возможности развить свою национальную литературу, поэтому художественное творчество с особой интенсивностью проявлялось в фольклоре. Стараясь доказать равнозначность латышского народа другим народам (чтобы тем самым обосновать свои требования равноправия в экономической и политической жизни), младолатыши исторически закономерно приходят к фольклору, используют его в борьбе с теорией культуртрегерства, прибегают к нему для критики феодальной идеологии, для укрепления латышского национального самосознания, для совершенствования латышского языка, для развития национальной письменной литературы. Именно на основе традиций народного поэтического творчества зарождается латышская национальная литература.

Возникновение проблемы латышского эпоса, интерес поэтов и писателей к этой проблеме были проявлением усиливающегося интереса латышского общества к фольклору вообще. Сказался, конечно, и тот факт, что деятели латышской культуры имели перед собой яркие примеры: «Калевалу» Э. Леннрота — свод карело-финского народного эпоса (первое изд. — 1835 г., второе, дополненное, — 1849 г.; помимо рун в «Калевалу» вошли, как известно, лирические песни, заговоры и т. д.); «Калевипоэг» Фр. Р. Крейцвальда, сложенный на базе эстонского фольклора (первое изд. — 1857—1861 гг.; в «Калевипоэге» использованы народные лиро-эпические и лирические песни, героические сказки и предания) и др. Иначе говоря, стимулом служил уже существовавший опыт создания на народной основе крупномасштабного эпического повествования.

К латышским писателям периода национального движения эти произведения доходили в немецких переводах⁶. В газете «Балтийс вестнесис» в начале 70-х годов появляются статьи о «Калевипоэге» и «Калевале»⁷. Кроме того, к созданию эпоса Пумпура побудили в какой-то мере труды немецкого поэта и писателя Вильгельма Йордана⁸, равно как и сербские эпические песни.

По мере накопления и изучения материалов по латышской народной поэзии приходилось констатировать отсутствие героических песен. Сложилась две теории, призванные объяснить этот факт: 1) теория исторического исчезновения; 2) мифологическая теория (теория «раздробления»)⁹.

Согласно первой из них, героические песни у древних латышей существовали, но утрачены в период многовекового рабства. Подобный взгляд мы встречаем уже у Г. Меркеля в произведении «Древние времена Лифляндии» («Die Vorzeit Lieflands», т. I, 1798). В третьей четверти XIX в. аналогичную точку зрения выдвигают в своих трудах деятели латышской национальной литературы — писатель Е. Звайгзние, поэты Ю. Алунав, Аусеклис, фольклорист и поэт Фр. Бривземниек и др. Такое же объяснение приводится и в некоторых более поздних работах, например во введении Кр. Барона к первому тому «Латышских дайн» (1894).

⁶ Немецкий перевод «Калевалы» вышел в 1852 г. в Гельсингфорсе. Первое издание «Калевипоэга» содержало параллельно немецкий текст. Несколько вольных переводов «Калевипоэга» на немецкий язык появляются в 70-е годы (Франкфурт-на-Майне, 1873; Лейпциг, 1875).

⁷ К. К. [und ziņš], Igaunų teikas, — «Baltijas Vēstnesis», 1870, № 50; A. Slēziņš, Suomi tautas eposa «Kalevalas» vēsturīgs pārskats, — «Baltijas Vēstnesis», 1872, № 43.

⁸ В. Йордан (1819—1904), стремясь популяризировать немецкий эпос и возродить древнюю форму исполнения народной эпической поэзии, в 60—70-х годах публикует переложение немецкого народного эпоса «Песнь о нибелунгах», выполненное аллитерационным стихом (W. Jordan's Nibelungen. I. Lied, Sigfridssage, I—II, 1867—1868; II. Lied, Hildebrands Heimkehr, I—II, 1874). В. Йордан объездил Германию и выезжал в Америку, чтобы «подобно древнегерманским исполнителям» эпических песен исполнять свое произведение в форме мелодекламации.

В работе Йордана «Эпические письма» («Epische Briefe», 1876) содержалось неправильное утверждение, что существуют лишь «четыре эпических народа» — индусы, персы, греки и германцы, у которых только и может быть эпос. Это утверждение было расценено Пумпуром как вызов, на который необходимо ответить. Он полемизирует с Йорданом в предисловии к первому изданию «Лачплесиса». Сам «Лачплесис» — в известной мере ответ Пумпура на теорию Йордана. Тем не менее критике, заключенной в предисловии Пумпура, недостает должной принципиальности. Пумпур ограничивается тем, что к «четырем эпическим народам» прибавляет пятый — «литовско-латышский народ». Таким образом, ошибочная теория В. Йордана, по сути дела, оспаривается лишь в фактической части.

⁹ A. Ozols, Raksti folkloristikā, Rīgā, 1968, стр. 164—166.

Теория исчезновения героико-эпических песен отразилась и в «Пояснениях к „Лачплесису“» Пумпура (1889)¹⁰. Еще раньше, в стихотворении «Поиски песен» (1873), Пумпур говорил:

Где взять нам песни эти?
Рассыпались в веках,
Пришельцы в лихолетье
Их растоптали в прах [Rk I, 297].

Теория «раздробления» была выдвинута в сочинениях фольклориста Е. Лаутенбаха-Юсмения, типичного представителя реакционного, псевдонародного романтического направления. По его теории, некогда существовал как единое целое латышский мифологический эпос, который со временем «раздробился» на отдельные фрагменты в виде преданий и народных песен. Исходя из этих посылок, Лаутенбах пытался реконструировать предполагаемый древний мифологический эпос по латышским народным преданиям, сказкам, народным песням и другим материалам. Так им были созданы эпосы «Невеста Ужа» («Zalkša līgava», 1880), «Бог и Черт» («Dievs un Velns», 1885) и превышающий десять тысяч строк эпос «Ниедритов Видвуд» («Niedrīšu Vidvuds», 1891). Использование фольклора и народной мифологии в этих произведениях было самоцелью. «Эпосы» Лаутенбаха совершенно чужды реальной жизни народа и его борьбе. Недоставало Лаутенбаху и художественного таланта, литературного мастерства. В силу этого его сочинения не вызвали интереса в народе и не оказали существенного влияния на дальнейшее развитие латышской литературы.

Теория, по которой латышские народные песни и предания возникли не самостоятельно, а являются остатками какого-то мифологического эпоса, несостоятельна. Латышские народные песни, сказки, предания, без сомнения, произведения особых жанров, возникших уже в древности, как и у народов, имеющих свой эпос.

Некоторые авторы как в досоветский, так и в советский периоды высказывали мнение, что героических песен в латышском фольклоре не было и до установления иноземного владычества. В работах советского времени, содержащих этот тезис, указывалось на раздробленность древней Латвии¹¹ и на то обстоятельство, что в XII—XIII вв. (до нашествия немецких рыцарей) консолидация латышской народности еще не закончилась¹². Иноземное вторжение на заре латышской истории лишило

¹⁰ Pūmpurs, Izkaidrojumi par «Lāčplēsi», atsaucoties uz T. un Lautenbaha kungu kritikām, — «Lāčplēsis, Latvju tautas varonis», Rīga, 1961, стр. 224. См. также высказанные в «Предварении» к «Лачплесису» мысли Пумпура о пагубных для латышской культуры последствиях немецкого вторжения «Lāčplēsis...», стр. 69).

¹¹ A. Upīts, Latviesu literatūras attīstības ceļi, — «Kopotī raksti», XXI, Rīgā, 1952, стр. 761.

¹² J. Nīdre, Latviešu literatūra, I, Rīgā, 1952, стр. 29—30.

народ возможности свободного развития и создало новую ситуацию, в которой возникновение народного эпоса было уже невозможно¹³.

Конечно, вопрос о том, почему в сохранившихся фольклорных материалах нет героических песен и были ли они вообще у латышей, еще нельзя считать выясненным. Он требует более углубленных историко-культурных и сравнительных изысканий. Пока что можно высказать лишь следующие предварительные соображения. Возможно, что в древности жанр героической песни у латышей находился лишь *в самом начале своего развития и еще не вобрал в себя широкого материала*; в этом отличие нашей точки зрения от тезиса о непременном существовании сложившегося жанра героического эпоса в древний период латышской истории. В последующие века под влиянием неблагоприятных факторов формирование этого жанра могло приостановиться, а сравнительно немногочисленные созданные ранее произведения исчезли и полностью забылись.

Горячий интерес латышской интеллигенции к эпосу вдохновил в 60—70-е годы XIX в. Аусеклиса и Фр. Малберга на создание поэтических произведений эпического склада: «Стабураг и Лиесма» («Staburags un Liesma») Фр. Малберга, 1869; «Залксис, отец змей» («Čūsku tēvs Zalksis») Аусеклиса, 1875—1876, и его же набросок эпоса «Дзинтария» («Dzintarija»). Но совершенно особое место в истории латышской литературы занял созданный Пумпуром эпос о Лачплесисе.

Андрей Пумпур родился 22 сентября 1841 г. в Лиельюмправской волости б. Рижского уезда¹⁴. Отец его работал винокуром при имении. Вскоре после рождения сына он стал арендатором крестьянской усадьбы.

Три зимы Пумпур ходил в Лиелвардскую приходскую школу¹⁵, где помимо обязательного в то время закона божьего учили латышскому языку, счету, географии и пению. Летом он посещал «немецкий класс» с такой же программой.

После окончания школы Пумпур не смог учиться дальше из-за отсутствия средств: как раз в это время его отец из-за долгов лишился усадьбы. Мальчик обратился за советом и помощью к местному пастору, но получил обычный в таких случаях ответ: приходской школы вполне достаточно для крестьянского сословия, «не каждому дал

¹³ V. Kņoriņš, Latvju tautas pasakas un teikas, J. Straujāna izlase, M., 1936, стр. III—IV.

¹⁴ Лиельюмправская волость находилась по обе стороны Даугавы. Пумпур родился в той ее части, которая простирается вдоль левого берега реки.

¹⁵ Лиелвардская волость находилась на правом берегу Даугавы, по соседству с Лиельюмправской волостью.

господь следовать путями, предназначенными для сословий благородных».

Приходской школой, если не считать года, проведенного позднее в военном училище, ограничилось официальное образование Пумпура. Вся его незаурядная культура приобреталась путем самообразования.

Зимой 1856—1857 гг. семья Пумпура переселяется в имение Ми-рабель в Литве, где отец будущего писателя работает винокуром, а затем в течение года живет в усадьбе «Лачплеши» Лиельюмправской волости, у дяди Пумпура. Юноша выполняет различную домашнюю работу, ходит молотить в имение, вместе с другими отбывающими барскую повинность гоняет плоты по Даугаве.

Вскоре начинается самостоятельная трудовая жизнь Пумпура. В это время в Латвии идет процесс выкупа у помещиков крестьянских хозяйств. Продавая крестьянам часть земли, помещики приобретали средства для перестройки своего хозяйства на новый, капиталистический лад. В 1858 г. один из местных помещиков нанял Пумпура для проведения землемерных работ. Четырнадцать лет — с 1858 по 1872 г. — Пумпур работает помощником землемера в различных местах Видземе¹⁶. Особенно важным оказался для него период пребывания в Пиебалге (1867—1872)¹⁷.

В конце 60-х и в первой половине 70-х годов Пиебалга жила очень активной культурной и общественной жизнью. Здесь находились многие прогрессивные деятели латышской культуры, сторонники идеи национального освобождения. В развитии Пумпура, в направлении его исканий несомненную роль сыграло пребывание в Пиебалге, связь с местным литературным кружком (Я. Юрьян, Е. Пилсатник, А. Стерсте, братья Каудзит и др.).

В конце 60-х и в 70-е годы Пумпур создает большую часть своих стихов. В печати они начинают появляться с 1869 г. Поэт обращается к любовной тематике, к философским размышлениям, к важным общественно-политическим темам. Его гражданская лирика и лиро-эпические произведения в романтическом духе воссоздают жизнь латышского народа периода до нашествия немецких рыцарей, рисуют борьбу с захватчиками и порабощение страны, выражают идеи освобождения, национального полноправия и дружбы народов. Позднее эти темы и идеи найдут широкое эпическое воплощение в «Лачплесисе». В стихах Пумпура творчески использованы образы народных песен, преданий и мифологии. Сочиненная в 1867 г. для одной из свадеб песенка «Ты

¹⁶ Видземе (в то время Лифляндия) — область Латвии к северу от Даугавы, между Рижским заливом и Латгалией.

¹⁷ Пиебалга — общее название для Вецпиебалги и Яунпиебалги — волостей б. Цесисского (Венденского) уезда, в центре Видземе.

«скажи мне, Даугава родная» через некоторое время становится повсеместно известной в Видземе. Наряду с Аусеклисом Пумпур (в 70-е годы) — самый видный латышский поэт, самый яркий в литературе прогрессивного направления представитель так называемого «отечественного романтизма». Об отклике, который имели в среде латышской прогрессивной интеллигенции стихи Пумпура, свидетельствуют воспоминания М. Каудзита. «Кто брал в то время еженедельную газету „Балтияс вестнесис“, тот нетерпеливо переворачивал неразрезанные страницы, спеша узнать, нет ли на предпоследней стихотворения со знакомой подписью „—р“ (Пумпур.—Я. Р.)» — писал Каудзит¹⁸.

В 70-е годы Пумпур приступает к созданию «Лачплесиса». Работа эта длится четырнадцать лет.

Время, которое охватывает юность Пумпура, пору его зрелости и годы создания «Лачплесиса» (60—80-е годы XIX в.), характеризуется развертыванием стихийного крестьянского антифеодального движения. Оно проявлялось в различных формах — в неподчинении той или иной волости повелениям помещика или распоряжениям местной администрации, в отказе отбывать барщину и нести повинности, в захвате помещичьей земли и самовольной ее обработке, в угрожающих подметных лисьмах, в нападениях на помещиков и поджоге помещичьих имений. Из свидетельств современников видно, что и в Лиелварде, волости, где Пумпур проводил свои юношеские годы, в крестьянской среде и среди передовой интеллигенции были распространены враждебные настроения по отношению к дворянству. Эти факты сельской жизни Латвии находили идейный отклик в творчестве поэта еще и потому, что Пумпур сам был сыном земледельца, лишенного земли и вынужденного арендовать ее, сам служил у помещика. Долгое время — почти половину жизни — он провел в деревне, среди крестьян, знал их быт, разделял их горести. Демократизм творчества Пумпура обусловлен влиянием характерных для крестьянской среды настроений социального протеста.

Неотъемлемой частью духовной жизни трудового народа 60—80-х годов XIX в. был фольклор, который в художественных образах выражал мысли, надежды и чаяния масс. Глубокий оптимизм «Лачплесиса», активная антифеодальная направленность произведения очень близки идейным тенденциям латышского фольклора и в значительной степени исходят от него.

Наряду с этим творчество поэта и его «Лачплесис» тесно связаны с лучшими традициями движения младолатышей. Показательно отношение Пумпура к фольклору как составной части самобытной народ-

¹⁸ Kalninieks, Andrejs Pumpurs, — «Jauna Rāža», VI, 1903, стр. 27.

ной культуры и одному из условий и источников ее дальнейшего развития. Под воздействием младолатышей он начинает интересоваться проблемой создания латышского эпоса и приступает к практическому ее решению.

С 1874 г. Пумпур поселяется в Риге, где работает управляющим на фабрике латышского предпринимателя и общественного деятеля Р. Томсона, затем в редакции его сельскохозяйственной газеты. Пумпур принимает активное участие в работе Рижского латышского общества и его Научной комиссии. Материально он в это время обеспечен плохо, семья его испытывает трудности и лишения.

Летом 1876 г. Пумпур приезжает в Москву, но ему не удается найти здесь работу. Когда начинается сербско-турецкая война, Пумпур добровольцем отправляется в Сербию. Он был зачислен в отряд русских волонтеров военным топографом. Затем с отрядом донских казаков Пумпур провел в Сербии пять месяцев — с октября 1876 по февраль 1877 г. Свою поездку в Москву и Сербию он описал впоследствии в путевых очерках «От Даугавы до Дуная» (1895).

Из Сербии поэт попадает в Крым, где зачисляется на действительную военную службу. Он кончает Одесское военное училище и служит в армии на юге России, а с 1880 г. — в Прибалтике: Латвии (Рига, Слока, Цесис), Литве (Поневеж) и Эстонии (Дерпт).

В начале 80-х годов, живя в Риге, Пумпур вступает в тайную революционную организацию, в так называемый кружок Айзупа. Членами его были главным образом офицеры-латыши. Руководитель организации подпоручик Карл Айзуп был связан с русскими народолюбцами. Кружок просуществовал неполный год, Карл Айзуп был предан суду. К сожалению, достоверных материалов о характере кружка и деятельности в нем Пумпура очень мало и изучены они слабо.

В 80-е годы появляются лишь несколько стихотворений Пумпура, зато завершается работа над главным и самым значительным его произведением — «Лачплесисом». Кроме того, он собирает свои разбросанные в периодической печати стихи и публикует их в 1890 г. в сборнике под названием «На родине и на чужбине». Примерно в этом же году он пишет воспоминания о своих детских и юношеских годах, опубликованные гораздо позднее (в 1904 г.).

С 1895 г. Пумпур служит в интендантской части в Двинске (ныне — Даугавпилс). Ему приходится совершать дальние и длительные командировки — пересекать Россию, бывать на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Китае, на Малайском полуострове, на Цейлоне. Из впечатлений от этих поездок возник небольшой путевой очерк «На Востоке, за горами, за морями» (1898—1900). В последние годы жизни Пумпур начинает работать над романом «Курмис». Действие его происходит во время войны 1812 г. Герой романа — мятежно

настроенный и ненавидящий помещиков латышский парень Курмис. Этот роман остался незаконченным.

Умер Пумпур 6 июля 1902 г. в Риге.

В историю латышской литературы Пумпур вошел как поэт-демократ, борец за свободу своего народа и его лучшее будущее, какими они представлялись ему на тогдашнем историческом этапе.

Поэт считал, что величайшим злом для латышского народа являлся гнет остзейского дворянства. Установленное еще немецкими рыцарями в XIII в. иноземное господство препятствовало развитию страны и ее культуры. Немецкие дворяне жестоко притесняли латышский народ. Поэтому ликвидация баронского ига была, по мнению Пумпура, неотложной исторической задачей. Необходимо добиваться социального прогресса как путем реформ, так и выступая с оружием в руках против векового угнетения. Эти взгляды, о которых свидетельствуют немногие сохранившиеся письма Пумпура, некоторые факты его биографии и его творчество говорят об исторически прогрессивной позиции поэта. Действительно, антагонизм между немецкими помещиками и латышскими крестьянами являлся основным социальным противоречием времени, в этом поэт был совершенно прав. Другое дело, что этот факт заслонял от Пумпура классовые противоречия внутри самого латышского народа, а они проявлялись все сильнее. По справедливому суждению Я. Калниня, исследователя жизни и творчества поэта, Пумпур в латышском народе «видел хороших и плохих людей, но не видел классов»¹⁹. Он считал, что с уничтожением власти немецких феодалов в жизни латышского народа уже не будет места социальному угнетению — весь народ станет подлинно свободным. Это, конечно, было заблуждением.

В одном из писем 1871 г. Пумпур так говорит о цели своей жизни: «У каждого человека есть внутреннее намерение и цель, достигнуть коей он тщится все дни своей жизни. Вот и я установил таковую цель, и даже одну из труднейших: благо народа и предстательство за него. А посему, как известно, доведется мне на своем веку много лишений и гонений перенести» [Rk II, 362].

Лучшие произведения Пумпура содержат страстный призыв самоотверженно служить своему народу. Творчество поэта пронизано патриотическим чувством. Вместе с тем Пумпур не противопоставляет свой народ другим — он пишет о них с уважением и симпатией. Существенное место в произведениях Пумпура занимает тема содружества латышского и русского, латышского и славянских народов. Так, в сти-

¹⁹ J. Kalniņš, Andrejs Pumpurs, — «Latviešu literatūras vēsture», II, Rīgā, 1961, стр. 537, 545—546.

хотворении «На Дунае» (1877) поэт говорит о близости латышей, литовцев и славян, об укреплении их дружеских отношений в будущем.

Пумпур считал, что литература играет важную роль в борьбе за национальное освобождение, за достижение демократических идеалов. В конце 70-х годов, характеризуя прогрессивную латышскую поэзию того времени, он писал: «Всеобщая цель нашей новой поэзии суть такова: вызвать любовь к народу и отчизне, стремление к свету, просвещению и свободе, и цель эта — наивысшее назначение человечества!» [Rk II, 407]. Подобным пониманием общественного назначения литературы отмечена лучшая часть творческого наследия Пумпура, в особенности его «Лачплесис».

О работе Пумпура над «Лачплесисом» имеются лишь данные самого общего характера. Рукописи Пумпура погибли во время первой мировой войны²⁰. Несколько абзацев, касающихся создания «Лачплесиса», содержится в книге близкого знакомого Пумпура, писателя Матиса Каудзита, «Воспоминания о периоде „народного пробуждения“» (1924), отдельные указания можно найти в «Предварении» к первому изданию «Лачплесиса» и в других произведениях Пумпура. Невозможно точно установить, когда создавалась та или иная песнь эпоса; остается неизвестным, каков был первоначальный замысел и какие он претерпел изменения.

Правда, в результате сопоставлений с фольклорными произведениями удастся все же проследить, как «Лачплесис» вырос из устного народного творчества. Конечно, общность или близость мотивов и образов различных типов сказок и преданий не всегда позволяют установить, к какому именно типу обращался поэт, но заимствованные им фольклорные мотивы и образы вполне поддаются идентификации. В отдельных же случаях очевидны и типы произведений, использованных им в работе.

Первые сведения о связанном с «Лачплесисом» замысле восходят к 1873 г. В конце лета, после Первого всеобщего латышского праздника песни, Пумпур, бывший в то время управляющим Юмурдского имения, поехал в Аугстроде, пригласив с собой Матиса Каудзита. «И вот по дороге, — пишет М. Каудзит, — Пумпур принялся набрасывать план какого-то большого стихотворного произведения, которое собирался назвать „Ландаг“²¹ богов...» позднее [эта сцена] нашла себе место в „Лачплесисе“ под названием „Собрание богов“. При этом он ломал

²⁰ Из рукописей Пумпура сохранились только некоторые его письма, воспоминания поэта о детстве и юношеских годах; кроме того, мы располагаем пометками и дополнениями, сделанными Пумпуром в одном из экземпляров первого издания «Лачплесиса».

²¹ Вероятно, «Ландаг». В истории Латвии и Эстонии ландтагами именовались особые собрания представителей феодальной знати и городов.

голову, на какой колеснице какому „богу“ ехать на этот „ландаг“, что говорить или какое выносить решение, откуда почерпнуть материал для описываемых событий, к какому исходу привести и т. д. Видно, уже тогда у Пумпура возникли мысли о создании латышского эпоса, пока еще неотчетливые. Подобные же мысли он высказывал и ранее»²². Полагают, что последнее замечание относит идею создания латышского эпоса к Пиебалгскому периоду²³. Более определенно по этому поводу Каудзит высказался в другом случае: «Самым плодотворным временем для Пумпура были счастливые годы, которые он провел землемером в Вецпиебалге и Яунпиебалге... План народного эпоса „Лачплесис“ уже вынашивался в то время поэтом, с тем чтобы воплотиться лишь через несколько лет... в период военной службы»²⁴.

Мысль о необходимости и возможности создания латышского эпоса в косвенной форме высказана самим Пумпуром в стихотворении Юмурдского периода «Поиски песен» (начало 1873 г.).

В 70-е и в первой половине 80-х годов, когда Пумпур работает над «Лачплесисом», в Латвии уже началось интенсивное собирание повествовательного фольклора, но первое значительное издание латышских народных сказок и легенд — сборник Фр. Бривземниека на русском языке — выходит только в 1887 г.²⁵, т. е. незадолго до появления эпоса. Что касается народных песен, то в период работы над «Лачплесисом» имелось несколько довольно обширных публикаций (сборники Г. Ф. Бютнера, Я. Спрогиса, Фр. Бривземниека, А. Биленштейна)²⁶. Главным образом по этой причине Пумпур, создавая эпос, опирался в основном на слышанное им лично, исходил из материалов, хорошо известных ему в живом бытовании. В предисловии к «Лачплесису» автор указывал, что им использованы устные эпические произведения «из сокровищницы преданий латышского народа», которые он сам «имел возможность услышать и подслушать в народе». (Разумеет-

²² M. Kaudzīte, Atmiņas no «tautiskā laikmeta», I, Cēsis-Rīgā, 1924, стр. 183.

²³ K. Ancītis, A. Pumpura «Lačplēša» avoti un paraugi, — «Ceļi», IX, Rīgā, 1939.

²⁴ Kalninieks (Kaudzītes Matīss), Andrejs Pumpurs, — «Jauna Raža», VI, 1903, стр. 27.

²⁵ «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», вып. II, М., 1887.

В том же году выходят подготовленные Фр. Бривземниеком на латышском языке «Mūsu tautas pasakas» (изд. в Риге). До этого вышли сборники: J. Bankins, *Sis un tas, svešs un pats* [I] Jelgavā, 1872; II — 1875 (Наряду с переводами сказок других народов и латышскими народными песнями в сборник вошли и латышские народные сказки); T. Kļemenšs, *Briesmīgi, bailīgi spoku stāsti, Liepājā*, 1873 (латышские народные сказки).

²⁶ [G. F. Buettner], *Latviešu ļaužu dziesmas un ziņģes*, Jelgavā, 1844; И. Спрогис, Памятники латышского народного творчества, Вильна, 1868; Фр. Бривземникс, Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, издаваемый В. А. Дашковым, т. II, М., 1873; [A. Bielenstein], *Latviešu tautas dziesmas*, I, Leipciģā, 1874; II — 1875.

ся, Пумпур приобщался в известной мере и к уже имевшимся, правда довольно редким в то время, публикациям записей повествовательного фольклора, они встречались в периодике и в других изданиях.) Основной фольклорный материал для «Лачплесиса» дали бывший Рижский и Цесисский уезды. Конечно, важную роль сыграло при этом устное народное творчество населения родных мест поэта — Лиельюмправы и Лиелварде. В своих воспоминаниях Пумпур отмечал, что Курземская часть²⁷ Лиельюмправской волости в первой половине XIX в. по своему географическому положению и из-за природных условий (Даугава, большие леса, болота) была отрезана как от Видземской части²⁸, так и от окрестных волостей. «Эта отрезанность и обособленность, вероятно, и были причиной того, что в то время еще всюду жили древние суеверия, дедовские обычаи и обряды... Там еще всевластно царили колдуны и кудесники, ведьмы и знахари», — писал Пумпур [Rk, стр. X].

Замечательной сказительницей, по свидетельству самого поэта, была его мать. Пумпур называет и подробно характеризует нескольких исполнителей, чьи предания и песни он увлеченно слушал; в другом месте поэт говорит об использовании им в «Лачплесисе» некоторых слышанных в детстве преданий [Rk, стр. XIV—XVII]. Со стихией народного устного творчества Пумпур тесно соприкасался, когда жил у дяди в Лиельюмправской волости, в усадьбе «Лачплеши», и вместе с домочадцами ходил в имение на барщину (1857—1858).

В 1873 г. в статье «Латышским девушкам о народных песнях» Пумпур писал, что распространенность народных песен и преданий резко уменьшается; основываясь на своих воспоминаниях, он подчеркивал активность этих жанров в 50-е годы прошлого столетия и приводил для примера несколько тем, на которые прежде имелась «целая уйма» преданий [Rk II, 388]. Некоторые из упомянутых им фольклорных тем нашли отражение в «Лачплесисе» (о замках, озерах, поглавцах, «сборищах ведьм» и др.).

Связь поэта с родной округой, знакомство его с устной народной поэзией особенно углубились и расширились в те годы, когда он служил подсобным рабочим, а потом помощником землемера. Часть зимы Пумпур обычно проводил в Лиелварде, куда в 1858 г. переселился из Лиельюмправы его отец. Поэт Аусеклис в «Письмах из Лиелварде» (1873) называет Лиелварде «антикварным музеем (хранилищем древностей и воспоминаний)», «песенным заповедником», «землей сказок,

²⁷ Курземе — теперь под этим названием обычно понимается только западная часть Латвии (в бассейне р. Венты). Во времена Пумпура название «Курземе» относилось не только к западной части Латвии, но и к Земгалии, которая расположена между Даугавой и границей с Литовской ССР. Левый берег Даугавы по традиции и ныне еще нередко именуется Курземским.

²⁸ Большая часть Лиельюмправской волости находилась на Видземском берегу Даугавы.

легенд и загадок». С августа 1872 по март 1874 г. Аусеклис работал помощником учителя приходской школы в Лиелварде. Пумпур часто бывал у Аусеклиса. Они вместе навещали местных старушек, чтобы послушать сказки, отыскивали старые городища и т. д. Характерное свидетельство об этом содержится в написанном в связи со смертью Аусеклиса стихотворении Пумпура «Памяти дорогого друга» (1879).

В предисловии к эпосу Пумпур пишет, что легенду о Лачплесисе он слышал в окрестностях Лиелварде и Лиельюмправского имения. По свидетельству современника Пумпура и Аусеклиса, хозяина усадьбы «Аузини» Саулитиса, Аусеклис с Пумпуром обсуждали лиелвардскую сказку о герое, родившемся от человека и медведицы. В 1922 г. Саулитис сообщал, что когда-то давно, в молодости, ему приходилось слышать предание, будто в старину на берегах Даугавы жил герой, происходивший от человека и медведицы, с медвежьими лапами и ушами. Когда иноземцы начали притеснять местный люд, он вышел с ними на битву, победил их и скинул в Даугаву. В обсуждении предания помимо Пумпура, Аусеклиса и самого Саулитиса принимал участие и некий Старкис, который прожил двадцать пять лет на Кавказе. Последний рассказывал о войне кавказских горцев под предводительством Шамиля. «Во время этой беседы и зашел разговор о легендарном герое с берегов Даугавы, который своими медвежьими лапами швырял меченосцев в Даугаву»²⁹.

Утверждение Саулитиса, будто в обсуждаемой легенде содержался мотив борьбы героя с меченосцами, следует считать явной ошибкой, невольной подстановкой мотива «Лачплесиса». Если бы в этой легенде герой был показан как борец с немецкими рыцарями, то Пумпур в своем «Предварении» к «Лачплесису» наверняка отметил бы это. Во всем же остальном подвергать сомнению воспоминания Саулитиса нет оснований.

Остается открытым вопрос, действительно ли обсуждался именно вариант сказки о Лачплесисе, что, вероятно, ближе всего к истине. Известно, что школьники по просьбе Аусеклиса записывали для него среди местных жителей народные песни, сказки и легенды. Кроме того, Аусеклис заставлял учеников в свободные часы и по вечерам рассказывать ему сказки и предания. Одним из самых усердных и надежных собирателей был Мартин Старкис, родственник упомянутого выше Старкиса³⁰. Среди записей М. Старкиса есть и лиелвардский вариант сказки о сыне медведицы Лачаусисе [А.-Т. 30IV 313]; [LP VI, 528; см. сбор. П. Шмидта, PŠ, II, 280—282]. Но это произведение весьма

²⁹ «Latvju grāmata», Rīgā, 1922, № 4, стр. 26—27. См. также «Ausekļa Kopoti raksti», Rīgā [1923], стр. 34.

³⁰ «Ausekļa Kopoti raksti», Rīgā [1923], стр. 34, ср. «Latvju grāmata», Rīgā, 1922, № 4, стр. 26—27.

отличается от сказки о Лачплесисе. Судя по записям М. Старкиса и Пумпура, сказка о медвежьем сыне в Лиелварде и Лиелъюмправе была известна в нескольких сильно отличающихся друг от друга вариантах.

В свете всего сказанного следует признать обоснованными слова Аусеклиса: «Пумпура мы, лиелвардцы, считаем своим, так как он в нашей округе родился, вырос и духом народной поэзии преисполнился»³¹. Не случайно Пумпур, полемизируя с теорией В. Йордана о «единственности эпических народов», указывает на изобилие латышских народных легенд и песен именно «на берегах Даугавы» («Предварение» к «Лачплесису»).

Благодаря тому, что поэту на протяжении десятилетий доводилось слушать сказки и предания, в сознании его выкристаллизовывались определенные темы, сюжеты, образы, послужившие основой эпоса. Пумпур органично усвоил эпические традиции латышского устного творчества, проникся его духом. Этим частично объясняется его мастерство в создании сказочного колорита в «Лачплесисе».

Рассматривая процесс создания «Лачплесиса», следует учесть и влияние на Пумпура сербского фольклора. В очерках «От Даугавы до Дуная» Пумпур рассказывает, как он слушал исполнение эпических сербских песен и какие мысли они у него рождали [Rk II, 207—208]. Об этом же свидетельствует стихотворение «На Дунае» [Rk I, 261—262].

Прямо Пумпур нигде не говорит о роли сербского народного эпоса в создании «Лачплесиса», если не считать, правда, указания на то, что в V песне использован размер сербских песен³². Есть, однако, основания считать, что воздействие сербских героических песен не ограничилось областью ритмики: в сербских песнях «про героев тех годин»³³ поэт мог найти поддержку идеи создания латышского эпоса.

Пумпур интенсивно работает над «Лачплесисом» на юге России — в Севастополе и Одессе (1877—1880)³⁴. О том, что в начале 80-х годов он уже значительно продвинулся в написании эпоса, свидетельствует М. Каудзит: «Несколько раз в первые годы своей офицерской службы он (Пумпур после возвращения в Латвию.—Я. Р.), бывая снова в Пиебалге и вспоминая прежние времена... читал еще остававшимся там друзьям и знакомым отрывки из сочиняемого им в то время „Лачплесиса“...»³⁵.

³¹ Auseklis, Vēstules iz Lielvārdes.— Izlase. Sakārtojis V. Austrums, 1955, стр. 159.

³² Pumpurs, Izskaidrojumi par «Lāčplēsi», atsaucoties uz T. un Lautenbaha kungu kritikām [1889],— «Lāčplēsis, Latvju tautas varonis», Rīgā, 1961, стр. 225.

³³ Стихотворение «На Дунае» (пер. С. Шервинского).

³⁴ M. Kaudzīte, Atmiņas no «tautiskā laikmeta», I, стр. 185.

³⁵ M. Kaudzīte, Atmiņas no «tautiskā laikmeta», I, стр. 184—185.

Известен и другой факт, относящийся к работе Пумпура над эпосом. В конце 1881 г. при обыске на квартире поэта в Риге в связи с делом Айзупа полиция обнаружила и приобщила к делу тетрадь, в которой на латышском языке говорилось «об одном сказочном герое» (видимо, это была либо рукопись «Лачплесиса», либо фольклорные материалы для «Лачплесиса»).

После возвращения из России Пумпур работает над «Лачплесисом» и в Латвии, и в Литве (в Поневеже), и в Эстонии (в Дерпте). В Дерпте, предположительно во второй половине 1887 г., произведение было закончено и вышло в 1888 г. к Третьему всеобщему латышскому празднику песни.

Во время второй мировой войны в одной из усадеб бывшей Крапской волости Рижского уезда (в настоящее время — Крапское село в Огрском р-не) был обнаружен экземпляр первого издания «Лачплесиса», в котором рукой Пумпура сделано довольно большое число вставок и исправлений³⁶. Книга, судя по всему, принадлежала писателю и публицисту Индрикису Лаубе (ум. 4 октября 1889 г.): на титульном листе надпись — «Индрикис Лаубе». В этом экземпляре Пумпур в двадцати местах вписал новые строки общим числом 63. В сорока четырех строках сделаны исправления. Новые строки и важнейшие исправления написаны на чистых листах, вклеенных между страницами, менее существенная правка сделана на полях. Глубоким демократизмом отмечена самая большая вставка — семнадцать строк в III песне, в наставлении Видуведа [Л III, 641—667]. Некоторые исправления заостряют характеристику крестоносцев, усилена историческая конкретизация и антиклерикальная направленность произведения. Мелкие исправления касаются опечаток, ритмики и т. д.

В Государственной библиотеке Латвийской ССР им. Вилиса Лациса имеется еще один экземпляр первого издания «Лачплесиса» с внесенными журналистом Карлисом Граудынем³⁷ дополнениями и исправлениями³⁸. На форзаце имеется следующее пояснение К. Граудыня: «Изменения в тексте сделаны по экземпляру почт[енного] автора, таким образом по оригиналу-рукописи. Разночтения между рукописью и печатными экземплярами возникли потому, что некоторые места вычеркнуты цензурой, некоторые в силу этого потребовали дальнейших изменений, а помимо этого вкрались некоторые опечатки. Теперь этот экземпляр полностью соответствует оригиналу, что удостоверяет К. Граудынь. Рига, лето 1891 года».

³⁶ Экземпляр этот найден инженером К. Озолинем. Книга хранится в Музее литературы и истории искусства им. Райниса (г. Рига), инв. № 49116.

³⁷ Карлис Граудынь (1863—1916) занимался историей Латвии и вопросами статистики.

³⁸ Инв. номер книги — 377634.

Исправления, содержащиеся в экземпляре Граудыня, почти полностью совпадают с поправками, внесенными в крапский экземпляр «Лачплесиса».

Примечание К. Граудыня и сам характер вставок и существенных исправлений, сделанных в обоих экземплярах «Лачплесиса», дают веское основание рассматривать правку в целом как восстановление мест, вычеркнутых или измененных цензурой. Однако и после пояснений К. Граудыня остается известное сомнение, все ли существенные исправления и дополнения действительно связаны с вмешательством цензуры. Не исключено, что часть внесенных исправлений возникла в результате дальнейшей авторской работы. Отдельные места в первом издании могли опустить или смягчить издатели эпоса или сам автор из вполне обоснованных опасений, что цензура воспрепятствует изданию книги в целом.

Свой взгляд на художественную природу «Лачплесиса» поэт выразил в «Предварении» к первому изданию своего произведения и в статье 1889 г. «Пояснения к „Лачплесису“» в ответ на критику г. Т. и г. Лаутенбаха.

В «Предварении» поэт высказывает мысль, что «народный эпос»³⁹ должен охватывать большую часть или почти все соответствующие народные предания. Сознвая, что в «Лачплесисе» использована относительно небольшая часть чрезвычайно богатого запаса сказок и преданий, которые в то время находились в устном бытовании, Пумпур заявляет, что созданное им произведение всего лишь одна из предварительных попыток создания «народного эпоса». «Лачплесиса» он скромно именовал «эпической песнью». Издатели, не разделяя мотивировки поэта, снабдили произведение подзаголовком «Народный эпос». Этот подзаголовок сохранен в большинстве изданий «Лачплесиса», в том числе и в латышских советских изданиях 1957, 1961, 1972 гг.

На вопрос, можно ли считать «Лачплесиса» «народным эпосом», ясный и определенный ответ в «Пояснениях»⁴⁰ так и не дается. «Пояснения» были опубликованы в связи с критическими статьями Т. Зейферта и Е. Лаутенбаха (1888) об эпосе Пумпура⁴¹. Не соглашаясь с тезисом Т. Зейферта о том, что в современных условиях создание «народного эпоса» вообще невозможно, Пумпур, между прочим, предлагал следующую характеристику «народного эпоса»: «Если в каком-либо

³⁹ Следует обратить внимание на специфичность употребления слова «народный» в этом и в других аналогичных случаях. Мы бы сказали, что речь идет о народности исходного материала, содержания и общего звучания эпоса (Прим. отв. ред.).

⁴⁰ P u m p u r s, Izskaidrojumi par «Lāčplēsi», atsaucoties uz T. un Lautenbaha kungu kritikām, — «Baltijas Vēstnesis», 1889, № 3—4.

⁴¹ [T. Zeiferts], Lāčplēsis, Latvju tautas varonis, — «Austrums», 1888, № 10, стлб. 1271—1275, Lautenbaha, Lāčplēsis, Latvju tautas varonis, — «Baltijas Vēstnesis», 1888, № 270.

эпосе... в основу положено какое-либо старое народное предание, самим народом рассказываемое или распеваемое, и вокруг сего переплетаются и проявляются древняя народная вера, мифология, власть богов, добрые и злые духи со всеми их чудесами, то такой эпос следует полагать народным».

В крапском экземпляре поэт не вычеркнул подзаголовок «Народный эпос». Это значит, что он в конце концов согласился с определением, данным издателями.

Большая часть содержащихся в «Лачплесисе» мотивов имеет своим истоком латышское народное творчество, главным образом материалы повествовательного фольклора и народной мифологии. (Фольклорные мотивы в эпосе представлены по-разному: в неизменном виде, с незначительными изменениями и с существенными вариационными отклонениями. Некоторые конкретные элементы могли быть заимствованы из народного эпоса других народов.) Используются данные «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, мотивы из произведений латышской письменности и созданные самим поэтом.

«Лачплесис» неразрывно связан с общей идейной и литературной атмосферой эпохи. В нем прослеживается значительное влияние творчества прогрессивных латышских поэтов и писателей 50—70-х годов, а также чрезвычайно популярных в то время, содержащих ярко выраженные антифеодальные тенденции произведений немецкого писателя Г. Меркеля (созданных на рубеже XVIII и XIX вв.). Показательно, что в отборе некоторых фольклорных мотивов и их интерпретации Пумпур следует тем же путем, что и его предшественники и современники — Ю. Алунан, Фр. Малберг, А. Кронвальд, Аусеклис и др. Это сказывается в осмыслении образа затонувшего замка, в персонализации скалы Стабураг — Стабурадзе, в использовании мотива Синей горы и некоторых других, очень популярных в тогдашней поэзии и прозе. Например, такой мотив повествовательного фольклора, как затонувший замок, объясняется у Пумпура в духе идей просветительства, так же, как в произведениях его современников — Аусеклиса, Кронвальда и др.

Аналогии в произведениях Г. Меркеля и латышских писателей имеют и некоторые легендарно-исторические мотивы «Лачплесиса». Так, повествование о перемещении древних латышей со своей прародины «на далеком Востоке» к «Белому», т. е. Балтийскому, морю отвечает представлению, распространенному во второй половине XIX в., особенно в 50—70-е годы, в латышских произведениях этнографического характера и сходно с мотивом, нашедшим отражение в «Стабураге и Лиесме» Фр. Малберга. Согласно этому представлению, древней родиной латышей была Азия — Индия. Под явным воздействием произве-

дения Г. Меркеля «Ванем Иманта» созданы эпизод с бурей, которая загнала немецкие корабли в устье Даугавы (песнь III), и яркая картина «ночь Лиги» (песнь VI). Следует заметить, что мотивы «Ванем Иманта» были широко известны не только благодаря распространённости произведения Г. Меркеля, но и потому, что к ним обращались другие латышские писатели. Особенно популярен в 50—70-е годы в художественной литературе и произведениях этнографического характера образ «основателя латышского народа» Видевута (именуемого также Видвудом, Видведом, Видуведом и т. п.). Впервые он был воссоздан в историческом и этнографическом очерке Г. Меркеля «Древние времена Лифляндии» по древним письменным источникам. В историческом существовании Видевута был убежден не только Г. Меркель, но и многие современники Пумпура. В III песне «Лачплесиса» фигурирует образ Видевута [Л III, 390—407] и творчески развивается мотив, связанный с законами и поучениями Видевута [Л III, 627—672]. Пумпур дает такую широкую и глубокую, насыщенную демократическими и гуманистическими идеями интерпретацию «наставлений Видевута», какой мы не встречаем ни у какого другого автора, вплоть до драмы Я. Райниса «Огонь и ночь» (1905).

Среди фольклорных источников «Лачплесиса» центральное место занимает героическая волшебная сказка о Лачплесисе (лиелвардский и лиельюмправский варианты).

Сказка о Лачплесисе [А.-Т. 650. А], изложенная автором в «Предварении» к первому изданию эпоса, рассказывает о богатыре — сыне человека и медведицы. От матери он унаследовал медвежьи уши и громадную силу, потому-то люди и зовут его Лачаусис («Медвежьеухий»). Герой избавляет округу от хищных зверей — медведей, волков и кабанов, которых он хватает за челюсти и раздирает пополам, в связи с чем и получает имя Лачплесис («Раздирающий медведя»). Лачплесис совершает и другие подвиги. В конце сказки богатырь гибнет в поединке с сыном ведьмы, который является из-за тридцати морей.

Сказки о необычном богатыре чудесного рождения — в том числе сыне медведицы или медведя — широко распространены по всей Латвии⁴². Укажем на некоторые важные их особенности в сравнении с вариантом, записанным Пумпуром.

⁴² Латышские сказки о медвежьем сыне имеют русские, литовские, немецкие, венгерские, сербские, аварские, турецкие и другие параллели. В некоторых литовских и русских сказках, так же как во многих латышских вариантах, героя зовут Медвежьеухим (Medkaausys; Иван-Медвежье ушко). О медвежьем сыне в сказках других народов см.: P. Smits, Kurbadis jeb Lāčplēsis, — Зинибу ком. XIV; Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929, стр. 47; J. Bolte und G. Polivka, Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd II, Leipzig, 1915, стр. 288, 290, 292, 293, 317; J. Balys, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, Kaunas, 1936, стр. 63 и др.

В этих сказках, за исключением немногих вариантов [LP I, 13], герой не погибает⁴³. В концовке мы находим обычно тот же мотив, которым завершается первая половина варианта «Лачплесиса», — мотив свадьбы героя. Имя богатыря в этих сказках варьируется: *Lāčausis* («Медвежьеухий»), *Lācadēls* («Сын медведя»), *Lāču Jānis* («Медвежий Янис»), *Lāču Krišus* («Медвежий Криш»), *Spalvainis* («Мохнач»), *Kēvedēls* («Кобылий сын»), *Dzelzsruka* («Железный малый») и др. Иногда имя героя не называется. Если не считать изложенной поэтом сказки, имя Лачплесис в фольклоре зафиксировано только в новейших записях. Можно считать, что оно появилось под влиянием эпоса Пумпура. Зато мотив одоления хищного зверя (медведя, льва) или вообще сильного животного, «раздирание» его, встречается в ряде латышских сказок, зафиксированных в последние десятилетия XIX в., в том числе в записях, сделанных до появления «Лачплесиса». Имя Лачплесис встречается в латвийской топонимике — в названиях хуторов, усадеб; самые старые из документов, где зафиксированы подобные названия, относятся к XVII и началу XIX в.

Варианту, изложенному Пумпуром, присущи не только признаки сказки, но и черты, сближающие его с преданиями. Эпизоды первой части являются типично сказочными, тогда как рассказ об уязвимом месте героя и гибели его отходит от сказочных традиций, подчиняется законам и тематике жанра преданий. В варианте Пумпура действие частично связано с определенным местом — Даугавой. Такого рода локализация имеет место не только в народных преданиях, но и в сказках, правда, для преданий она более характерна.

Сказка о Лачплесисе в изложении Пумпура сыграла очень важную роль в построении сюжета «Лачплесиса», в характеристике его главного героя. В художественную ткань «Лачплесиса» вплетаются мотивы и других сказок, а также этиологических, мифологических и топонимических преданий. Как уже указывалось, в произведении Пумпура содержится очень богатый и разнообразный материал повествовательного фольклора, здесь использованы легенды о богатырях, ведьмах, псовглавцах, змеях, о Боге (Диеве) и Черте (Вэлне), о сотворении мира, о рытье Даугавы, о Кангарских горах, странствующих озерах, затонувших замках, о крае земли и т. д.

Сказочность, эпичность — один из основных признаков стиля «Лачплесиса». Включить в литературное сочинение большой фольклорный материал, отвечающий теме, еще не самое трудное, хотя в пору создания «Лачплесиса», при отсутствии обширных публикаций сказок и преданий, это тоже было не просто. Особая сложность состояла в том,

⁴³ Ср. с некоторыми литовскими сказками, где герой (подобно Зигфриду в «Нибелунгах») погибает (J. B a l y s, Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas, стр. 63—64).

чтобы добиться органичности сплава, вдохнуть в произведение живое дыхание народной сказки и легенды. В сочинении Пумпура эта задача решена наилучшим образом, что и является одной из важнейших причин притягательности и идейно-художественного воздействия эпоса.

Особенность эпоса Пумпура по сравнению с латышскими народными сказками и многими преданиями состоит в том, что фольклорная фантастика сочетается в нем с подлинно историческими событиями. В «Лачплесисе» фигурируют реальные исторические лица.

Особое значение имеют в произведении Пумпура материалы устного народного творчества, связанные с определенными местностями Латвии. Они способствуют созданию национального колорита.

В «Лачплесисе» текстуально включены (в оригинальном или частично трансформированном виде) одиннадцать четверостиший народных песен и два отдельных двустихия; песни эти относятся к свадебным, календарным, обрядовым, мифологическим и другим циклам. Кроме того, многие песенные мотивы предстают в авторском изложении. Среди самых значительных следует отметить мотивы Стабурадзе. Развитие мотива народной песни является изображением Дочери Севера (в пер. Вл. Державина — «Дочь Зимы»). Ни одна эпическая или лиро-эпическая песня в «Лачплесисе» текстуально не воспроизводится. В этом существенное отличие «Лачплесиса» от «Калевалы» и «Калевипозга», где текстуально использованы тысячи строк устной народной поэзии, в том числе (в «Калевале») эпических песен.

Обращение к народным песням в произведении Пумпура идет в основном по линии использования их образности, а также некоторых стилистических приемов. Большую роль сыграли народные песни как один из идейных источников «Лачплесиса»; в эпосе Пумпура отразилась антифеодалная направленность народных песен, их оптимизм, воспетые в них этические и эстетические идеалы.

В «Лачплесисе» очень широко представлена народная мифология. Присутствие ее Пумпур считал необходимым для создания древней «эпической» атмосферы. Мифологические образы и мотивы Пумпур брал из сказок, преданий, народных песен и поверий.

Наряду с латышскими мифологическими образами в «Лачплесисе» предстают или упоминаются персонажи, которых латышская народная мифология не знает. Например, Антримп, Патримп — не латышские, а древнепрусские⁴⁴ божества; более правильная форма, встречаемая

⁴⁴ Древние пруссы — один из балтийских народов, близкий литовцам, латышам, вымершим ятвингам (ятвягам) и галиндам (голяди). Древние пруссы жили близ Балтийского моря между Вислой и Неманом, примерно на территории бывшей Восточной Пруссии. В XIII в. после долгой и ожесточенной борьбы их земли захватили немецкие крестоносцы. Часть пруссов погибла в борьбе за свободу, остальные впоследствии ассимилировались. Последние упоминания о лицах, владеющих прусским языком, имеются в источниках конца XVII в.

в древних источниках,— «Awtrympus», т. е. «Autrimpus». Ни у одного из балтийских народов неизвестны выведенные в «Лачплесисе» «божества» — Пакол, Пушкайтис, Лиго. Чтобы понять и исторически верно оценить псевдомифологические мотивы в эпосе Пумпура, нужно учесть некоторые важные факты, касающиеся псевдомифологии в латышской литературе.

Зарождение псевдомифологических образов приходится на вторую половину XVIII в. Связано это с некритическим использованием данных, содержащихся в старинных записях материалов по мифологии балтийских народов, и с последующим их утверждением в трудах прибалтийских немецких авторов — И. Гардера, языковеда Я. Ланге, писателя и языковеда Г. Фр. Стендера, а также в произведениях Г. Меркеля. О мифологии древних пруссов и литовцев писали автор прусской хроники немецкий монах С. Грунау, польский священник Я. Малецкий, польские историки Я. Ласицкий, М. Стрыйковский (XVI в.), немецкий священник и историк М. Преторий (XVII в.). В их сочинениях не могли не сказаться тогдашний уровень изученности проблемы, а также незнание или слабое владение этими авторами прусским и литовским языками. Вполне естественно, что наряду с верными сведениями они сообщали имена никогда не существовавших древнепрусских и литовских божеств, необоснованно относили древнепрусских богов и служителей их культа к литовской мифологии и т. п. Во второй половине XVIII в., в одной из статей И. Гардера в «Гелерте Байтраге» — приложении к рижской газете «Ригишен Анзейген» (1764), в немецко-латышском и латышско-немецком словарях Я. Ланге (1777), во втором издании «Латышской грамматики» Г. Фр. Стендера (1783) и в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля, эти боги и жрецы характеризуются уже как латышские.

В 50—70-е годы XIX в. латышские прогрессивные поэты и литераторы (Ю. Алуан, Аусеклис и др.), пытаясь обосновать положение о высокоразвитой культуре латышей в древности, ссылались на мифологический материал, имеющийся в народных песнях, а еще в большей мере — в ненадежных источниках. Псевдомифологизм — явление, распространенное в литературе как в период младолатышского движения, так и в последующее время — в конце 70-х и в 80-е годы. Помимо всех прочих причин оно объяснялось отсутствием серьезных научных исследований и фольклорных публикаций, а также распространенным в пору младолатышского движения и позднее убеждением, что мифология древних латышей, литовцев и пруссов была единой. Научное изучение латышской мифологии начинается, по существу, только с 90-х годов XIX в.

Из сказанного следует, что включение псевдомифологических элементов в обширное произведение, создаваемое латышским поэтом на

основе латышского фольклора и мифологии, в 70—80-е годы было почти неизбежным. Наличие этих элементов в «Лачплесисе» следует рассматривать как печать эпохи. Важно, однако, иметь в виду, что псевдомифологизм «Лачплесиса» не равнозначен тому псевдомифологизму, который наблюдался в поэзии так называемых псевдонародных романтиков 90-х годов с их бесплодным дилетантизмом и примитивно понимаемой народностью. Кроме того, в «Лачплесисе» народная мифология преобладает над псевдомифологией.

Мотивов, о которых сейчас можно было бы уверенно сказать, что они прямо заимствованы из эпоса других народов, в произведении Пумпура почти нет (из «Калевипоэга» взят мотив Пейпус-озера, где пребывает эстонский великан — Л III, 55; в IV песне «Лачплесиса», стк. 823—830, судя по всему, использован эпизод с Полифемом из IX песни «Одиссеи»). Тем не менее имеются основания утверждать, что эпос других народов («Калевала», «Калевипоэг», «Илиада», «Одиссея») во многом вдохновлял поэта, обострял его внимание к различным мотивам латышского фольклора либо определял характер интерпретации. Так, почти не вызывает сомнения, что развернутое изображение совета богов возникло под влиянием «Илиады». Описание странствий Лачплесиса в IV песне создано, вероятно, творческой фантазией поэта на основе латышских фольклорных материалов, но сама тема, видимо, подсказана «Одиссеей» и «Калевипоэгом». Под воздействием эпоса других народов Пумпур обратился к латышскому фольклорному мотиву «края земли». Думается, что под влиянием «Калевалы» поэт развил в «Лачплесисе» встречающийся и в латышском фольклоре мотив Дочери Севера. Калапуйсис из преданий о Кангарских горах предстает у Пумпура как эстонский великан, эстонский народный герой не без влияния «Калевипоэга».

В предисловии к своему эпосу Пумпур отводит более двадцати строк доказательству, что сказка о Лачплесисе годится для создания «эпической песни»; в этой связи он указывает на аналогии и параллели в «легендах древних эпосов» индусов и греков. Разумеется, сказку о Лачплесисе поэт избрал в силу ее идейной и эстетической ценности. Упомянутое же доказательство свидетельствует, что в поисках подходящей основной темы для своего произведения поэт сумел взглянуть на сказку о Лачплесисе взглядом особо проницательным в результате своего знакомства с эпосами других народов. Определенное влияние (в частности, древнегреческого, сербского эпоса) прослеживается и в стихосложении «Лачплесиса».

В ходе творческой работы над «Лачплесисом» Пумпур обращался к различным историческим материалам и сведениям, которые особенно часто восходят к «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, написанной в начале XIII в., прозой, и охватывающей период с 80-х годов XII в.

до 1227 г.⁴⁵ Хроника повествует о покорении немецкими крестоносцами ливов, латгалов, селов и эстов. В ней описываются лишь некоторые столкновения куршей и земгалов и их борьба с крестоносцами: агрессия против куршей и земгалов по-настоящему разворачивается после завоевания Эстонии и Сарема, а описанием крещения жителей Сарема как раз и заканчивается хроника Генриха Латвийского.

Материалы «Хроники Ливонии» в основном достоверны и надежны [Аннинский, 35]. Хроника богата историческими фактами. Однако в освещении событий и их оценке проявляется нескрываемая тенденциозность. Автор выражает точку зрения католической церкви, идеологию немецких крестоносцев, оправдывает и прославляет действия завоевателей. Тем не менее тщательный анализ хроники помогает различить за ее тенденциозностью объективную историческую действительность⁴⁶.

«Хроника Ливонии» дала для «Лачплесиса» чисто фактический материал: ряд исторических лиц и имен, большое число исторических фактов и ситуаций. Из хроники Пумпур почерпнул сведения о предводителях ливов и латышей — Каупо, Дабрелисе, Русине, о рижском епископе Альберте, о Лиелвардском (Леневарденском) леннике Данииле, о немецком монахе Теодорихе Турайдском (Торейдском). Использованы сообщения хроники об основании Риги, о строительстве Икшкильского (Икескольского) и Саласпилсского (Гольмского) немецких каменных замков, о путешествиях Каупо в Германию и в Рим, к папе, и т. д. Рассказ в VI песне о борьбе латышей и ливов с меченосцами у замка Дабрелиса [Л VI, 224—285] частично включает материалы хроники о восстании ливов и аутинских латгалов в 1212 г.

Материалами «Хроники Ливонии» довольно широко оперировал и Г. Меркель в своем историческом очерке «Древние времена Лифляндии» — в тех главах, где речь шла о распространении немецкой власти в землях ливов, латгалов, селов и эстов. Свидетельства хроники он использовал и в художественном творчестве — в литературной легенде «Ванем Иманта». Некоторые факты, содержащиеся у Генриха Латвийского, Пумпур мог воспринять уже через «Ванем Иманта» и через «Древние времена Лифляндии». Произведения эти были ему хорошо знакомы. Тем не менее есть основания предполагать, что, создавая «Лачплесиса», поэт познакомился и с самой хроникой, хотя бы с некоторыми ее частями. Подвергая литературной обработке такие исто-

⁴⁵ Последние научные издания «Хроники Ливонии»: «Indriķa Livonijas hronika», Tulkojis J. Kģirģens, Rģģģ, 1936; Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского, изд. 2-е, М.—Л., 1938; Heinrichi, Chronicon Livoniae, Editio Altera Hannoverae, 1955; Heinrich von Lettland, Livlģndische Chronik, Neu ģbersetzt von A. Bauer, Darmstadt, 1959.

⁴⁶ В научной литературе много дискутировалось (дискуссия шла и в период создания «Лачплесиса»), был автор хроники Генрих Латвийский (Henricus de Lettis) латышом или немцем по национальности; вопрос, однако, до сих пор так и не выяснен.

рические эпизоды, которые воспроизведены по Генриху Латвийскому у Г. Меркеля (намерение ливов принести в жертву Теодориха; Каупо у папы римского), Пумпур привлекает отдельные детали, встречающиеся *только в хронике*. Фигурируют в «Лачплесисе» и имена из «Хроники Ливонии» (Таливалдис, Русинь), которые в «Древних временах Лифляндии» и в «Ванем Иманта» не упоминаются. В VI песне изображена гибель Русиня. В произведениях Г. Меркеля эта описанная хронистом ситуация не отмечена.

Пумпур подходил к «Хронике Ливонии» с позиций прогрессивного мыслителя-патриота, давая в «Лачплесисе» свою собственную оценку приведенным в хронике фактам, диаметрально противоположную оценке хрониста. Правильному пониманию исторических событий XIII в. в значительной мере способствовал Г. Меркель — его «Древние времена Лифляндии» и «Ванем Иманта» с их активной антифеодальной и антицерковной тенденцией, смелым, открытым разоблачением захватчиков. «Древние времена Лифляндии» и, возможно, еще больше «Ванем Иманта» определили характер интерпретации ряда лиц, взятых из хроники (Каупо, Теодорих, Лиелвардский Даниил).

Сочетав элементы сказок, преданий, этнографические материалы и материалы литературные со сказкой о Лачплесисе, Пумпур подчинил все это идее освобождения латышского народа, сделал Лачплесиса латышским народным героем. Время действия поэт исторически конкретизировал, отнес его к очень важному этапу в жизни латышского народа — к концу XII — началу XIII в., т. е. к тому периоду, когда началось завоевание древней Латвии крестоносцами.

В эпосе Пумпура предстает жизнь древних латышей, их быт, причем повествование в целом сочетает в себе подлинно исторические черты и этнографические реалии с фантастикой. В «Лачплесисе» показаны занятия древних латышей, изображены их замки, одежда и оружие, праздник летнего солнцестояния и плодородия — день Яниса, свадебные обряды и т. д. Фольклор в «Лачплесисе» не только использован, но и охарактеризован как явление повседневной жизни древних латышей, как одна из величайших эстетических и идейных ценностей народа. В эпосе неоднократно высказывается мысль о том, что древние фольклорные произведения в ходе истории не утрачивают своего значения, в новых условиях они могут активно служить новым прогрессивным общественным задачам. Характерны слова божества Лиго о будущем народа:

Все же в песнях прекрасных
Будете вы прославляться,
Перкон, и Лайма, и Тикла,

И светлые дочери Солнца.
Все имена эти в песнях
Вновь оживут и воспрянут,
Душу народа разбудят,
В бой поведут за свободу [Л I, 153—160].

В эпосе Пумпура дает о себе знать идеализация жизни древних латышей. Эту идеализацию следует понимать, во-первых, как тенденцию, противостоящую теории культуртрегерства, распространенной остзейскими немцами. Поэт стремится особо подчеркнуть, какое зло причинило латышам нашествие крестоносцев. Во-вторых, Пумпур, подобно многим другим прогрессивным деятелям того времени, ошибочно представлял себе жизнь древней Латвии без социальных противоречий в среде самих латышей. Исторически неверно и то (вопреки изображенному в «Лачплесисе»), будто все латышские племена, за исключением отдельных предателей, единодушно выступали против агрессии немецких феодалов. Следует, однако, присоединиться к уже имеющейся в советском литературоведении оценке, гласящей, что «в центре внимания эпоса не это умиление прошлым, а борьба за свободу родины»⁴⁷.

«Лачплесис» отражает героизм масс, рассказывает о борьбе со сказочными силами зла и с реально-историческим недругом — немецкими феодалами. Геройка «Лачплесиса» идет от волшебных сказок, и вместе с тем ее питает история латышского народа; она связана и с общественной атмосферой времени работы Пумпура над эпосом. Произведение проникнуто глубоким оптимизмом, непоколебимой уверенностью в том, что народ, который отстаивает свою свободу, непобедим, а его воля к победе непреклонна.

В эпосе осуждаются колонизаторские устремления и цели крестоносцев, разоблачается подлинная сущность «носителей веры»:

Но веры носители этой
Умысел тайный имеют:
Забрать балтийские земли
И в рабство народ... повергнуть [Л I, 89—92].

Крестоносцы захватывают латышскую землю, присваивают плоды трудов ливского и латышского земледельцев, налагают подати, заставляют строить для пришельцев крепости, откуда они, «как звери», «как злые волки, на людей бросаются» [Л VI, 166, 171], силой стараясь обратить местных жителей в христианство, сделать их своими рабами.

⁴⁷ J. Kalniņš, Andrejs Pumpurs, — «Latviešu literatūras vēsture», II, Rīgā, 1961, стр. 569.

В произведении содержится самая резкая критика церкви. Рыцари, пастыри, монахи являются в Латвию отнюдь не как представители новой, более высокой морали, а как грабители, насильники, обманщики и мошенники. Повелитель чертей Ликцепуре необычайно рад распространению в Латвии христианства и активно содействует этому. Он говорит:

Власть их новой веры хочу я видеть в Балтии,
Принести должна она мне много прибыли.
Веры той носители моими стали слугами [Л, II, 543—545].

Потому-то Черт и наказывает Кангару «помочь внедрить эту веру здесь, в стране, распространить ее по всей Балтии» [Ор II, 564—565].

Эпос проникнут страстным протестом против семисотлетнего гнета, против исторической несправедливости. Описание борьбы древних латышей с немецкими крестоносцами, данное в III и особенно в IV и VI песнях, содержит ряд конкретно-исторических эпизодов и фактов. Историческая конкретность резко отличает «Лачплесиса» от «Калевипоэга» и особенно от «Калевалы», но сближает с такими эпическими памятниками, как «Песнь о Роланде», «Песнь о нибелунгах».

Народ в «Лачплесисе» Пумпура — творец материальных и духовных ценностей, носитель всего благородного, подлинно ценного. В произведении содержится глубоко демократическая мысль: народ сам имеет право устанавливать общественный строй в стране, выбирать и менять своих правителей. В «наставлениях Видуведа» говорится:

Воля народов — воля богов. Народ полновластен
Сам для себя избирать правителей правдолюбивых.
Если же волю народа избранник народа нарушит
Ради корысти своей сословия некие станут
Или народ угнетать, — народ тогда полновластен,
Как негодяя-слугу, правителя выгнать за двери [Л III, 648—653].

В «Лачплесисе» неоднократно говорится о человечестве, о его целях. В эпосе, как и во всем творчестве Пумпура, «народ» и «человечество» — понятия, тесно связанные. Служение народу и человечеству — высший идеал. Назначение человека — «совершать благороднейшие деяния ради отчизны, ради соотечественников» [Ор II, 719—720]. «Ради великого, бессмертного человечества трудиться, помогать ему достигать совершенства... ради этого жить и умереть — вот долг каждого человека на его кратком, бренном веку» [Ор III, 644—647].

В эпосе звучат мотивы дружбы народов. Дружба латышей и восточных народов, особенно русского и славянского, — таков подтекст воз-

величия Востока в «Лачплесисе»; тема эта вообще показательна для произведений Пумпура. Нет вражды и между латышами и простыми тружениками-немцами. Когда Кокнесис и Лаймдота бегут из Неметчины, дровосеки помогают им, предоставляют убежище. В эпизоде с эстонским великаном Калапуйсом выражается убежденность в необходимости дружеских отношений между латышским и эстонским народами. Совместная борьба с поработителями объединяет в эпосе латышей и ливов. Несправедливые войны, войны ради захвата чужих земель резко осуждаются Пумпуром.

«Лачплесис» проникнут глубокой верой в человека:

И человек, и целый народ благородством высоких
Нравов и мудростью может подняться вровень с богами
[Л III, 639—640].

Человек призван познать законы природы, сорвать «мглистый незнания покров с седого былого», разум его способен проникнуть в глубины истории. Человек — «самое дивное в мире создание». Творя добро для других, жертвуя собой для блага общества, он может достигнуть высшего совершенства. И к этому должен стремиться каждый.

Самые возвышенные человеческие качества в эпосе Пумпура — героизм и отвага, жажда познания и мудрость, бескорыстие, преданность в дружбе и любви.

Вместе с тем произведение далеко от односторонней идеализации человека. В нем ярко показано, что человек может быть и «зол и чудовищен», если он пренебрегает интересами общества, идет против народа, если он своекорыстен. Человек таков, каково его отношение к ближним, к народу. В «Лачплесисе» клеймится предательство, угодничество, ложь, корыстолюбие.

В эпосе звучит горячая вера в будущее человечества, в исторический прогресс. Стоит трудиться для блага человека, умножать культурные ценности — труд этот не пропадает даром; могут сгинуть «целые народы», но человечество будет жить, «пока мир существует». Познавая прошлое, человечество творит свою историю, осмысливая свое. Вчера, оно идет к лучшему. Завтра. Душа поэта в «Лачплесисе» устремляется в будущее, когда «вся вражда между народами и людьми в мире исчезнет».

Основной сюжетный стержень «Лачплесиса» — героическая борьба латышского народа с нашествием немецких рыцарей (в XIII в.). Побочная, однако важная в сюжетном отношении линия — личные отношения Лачплесиса, Лаймдоты и Спидалы (любовь героя к Лаймдоте и его конфликт со Спидалой).

Эпос открывается сценой совета богов Балтии: боги обещают по-

могать латышскому народу в его борьбе с поработителями. Уже в I песне говорится, что Лачплесис «назначен для цели высокой», ему суждено быть народным героем. Во II песне Кангар дает Ликцепуре предательские клятвы; вызревают замыслы темных сил, зарождается конфликт между Лачплесисом и Спидалой; одновременно герой влюбляется в Лаймдоту и завоевывает ее расположение. В III песне Лачплесис в школе мудрости в замке Буртниека учится «делу военному, всякой премудрости, разным наукам», готовясь таким образом к предстоящим героическим свершениям. Дальнейшее развитие получают отношения Лачплесиса и Лаймдоты, они переходят в глубокую и яркую любовь. Но ненависть и жажда мести Спидалы на время лишают Лачплесиса невесты. В этой песне начинается непосредственное изображение стремления врагов поработить латышей. В начале IV песни рассказывается, как крестоносцы постепенно распространяют и укрепляют свою власть в Латвии (основание Риги, строительство замков в Икшкиле и Саласпилсе).

Странствия Лачплесиса в IV песне и некоторые события V песни в композиционном отношении представляют довольно самостоятельное целое, но с общим ходом сюжета их связывает тема личных отношений Лачплесиса, Лаймдоты и Спидалы. Страницы IV песни, посвященные Дочери Севера и рисующие «край земли», принадлежат к наиболее своеобразным и поэтичным страницам эпоса. Великолепно и очень важно для характеристики главного героя развернутое изображение битвы Лачплесиса и йодов в V песне.

В V песне находит разрешение конфликт между Лачплесисом и Спидалой — Спидала отказывается от вражды и ненависти к герою. VI песня полностью посвящена теме исторических судеб латышского народа. Враждебные отношения между крестоносцами и угнетенным латышским народом перерастают в борьбу не на жизнь, а на смерть. Латышское войско под предводительством Лачплесиса выступает против захватчиков и одерживает ряд побед, но сам Лачплесис падает жертвой коварства. После смерти героя народ попадает в рабство. Однако порабощение латышского народа еще не означает окончательной победы врагов. Борьба народа будет продолжаться до его освобождения.

Действие в «Лачплесисе» развивается четко и последовательно. Изображая исторические события или фольклорные эпизоды, автор не вдается в излишние подробности, а целеустремленно движется вперед.

Большая часть образов «Лачплесиса» так или иначе связана с традициями латышского фольклора и народной мифологии. Некоторые собственные имена фольклорных героев — Лаймдота («Дарованная Лаймой»), Спидала («Светящая», «Сверкающая», «Блистающая»), Кок-

несис («Несущий дерево») — хотя и не заимствованы из фольклора, но имеют фольклорную окраску и вместе с тем акцентируют определенные свойства характера. Обе эти особенности присущи и имени центрального героя — Лачплесис («Разрывающий медведя»), которое как собственное имя легендарного богатыря встречалось, по свидетельству Пумпура, в варианте сказки о сыне медведицы, бытовавшем в Лиелварде и Лиелъямправе и использованном в эпосе. Действующие лица «Лачплесиса» — как в повествовательном фольклоре вообще, так и в народном эпосе в особенности — сравнительно мало индивидуализированы. Их расстановка подчинена основной теме — борьбе добра и зла, борьбе эпике, в характеристике образа у Пумпура важную роль играет прием контраста.

Главные действующие лица эпоса — Лачплесис, Лаймдота, Спидала, Кангар и Дитрих. Условно к числу главных персонажей можно причислить и символического Темного рыцаря (которому текстуально в произведении уделено совсем немного места); он появляется лишь в самом конце эпоса как несомненный символ остзейского дворянства, как злейший враг народа на многие последующие века. Свое освобождение от иноземного ига народ связывает с победой Лачплесиса над Темным рыцарем.

Оговорив исключительность сцены, в которой борются призраки Лачплесиса и его противника, следует указать, что, несмотря на использование многих мифологических и псевдомифологических образов, ни один из главных героев в произведении Пумпура не является мифологическим или псевдомифологическим существом. Из прочих персонажей эпоса надлежит выделить Кокнесиса, Калайпуйсиса, Буртниека, Каупо, Даньела Баннерова, Диева (Бога), Отца судеб, Перкона, Лиго, Стабурадзе, Дочь Севера, Вэлна (Черта), Ликцепуре и трех йодов.

Лачплесис, названный в подзаголовке произведения «латышским народным героем», — враг зла, борец за счастье и свободу народа, олицетворение народной силы и героизма; в нем воплощен вековой протест масс против национального и феодального гнета, установленного остзейскими баронами, несокрушимое стремление народа к свободе. Поэт развил фольклорный образ богатыря, связав его с историческими судьбами народа, придав образу Лачплесиса новое общественно-политическое звучание. Многие очень важные мотивы, связанные с центральным героем эпоса, имеются в сказке о Лачплесисе или в близких ей сказках. Часть мотивов, насколько можно судить, взята из произведений повествовательного фольклора, весьма далеких от варианта с Лачплесисом. Из главных образов эпоса Лачплесис и Спидала как бы «самые фольклорные».

В соответствии со сказочным стилем произведения, возможно, сле-

дуя эпическим образцам, Пумпур уже в начале эпоса неоднократно подчеркивает, что Лачплесис избран Отцом судеб, что стать героем ему судили боги. Но очевидно и то, что Лачплесис — народный герой; в нем сконцентрировано все лучшее, что есть в народе; он выразитель интересов народа, ему народ поручает возглавить поход против крестоносцев.

В отличие от Кангара, который преследует лишь корыстные цели, Лачплесис сознательно избирает «трудный жизненный путь» борца за свободу. Он умен, честен, смел и самоотвержен; он умелый организатор воинского похода против немецких рыцарей. Лачплесис показан в эпосе и в перипетиях личной жизни, любовь к Лаймдоте эмоционально обогащает его образ.

Лаймдота — центральный женский образ в эпосе. Она «Буртниеків славных последняя дочка», воспитанница Стабурадзе, «прекраснейшая Латвии дочь»; она воплощает «высочайшие добродетели» женщины. Ее нравственный облик сложился под влиянием образов народной песни о «дочках» Стабурага, невест из сказок о богатырях и, возможно, образов сказочных «мудрых девушек». В характере изображения Лаймдоты (во II песне) угадывается и воздействие латышской сентиментальной литературы 70—80-х годов. В образе этой героини нет ничего сверхъестественного, если не считать мотива пребывания в хрустальном замке мифической Стабурадзе, в глубинах Даугавы, и заключительных строк эпоса (Лаймдота после смерти наблюдает за борьбой Лачплесиса и Темного рыцаря). Лаймдота — самая реальная из основных персонажей фольклорного происхождения в произведении Пумпура.

Очень интересный штрих в характеристике героини — ее необычайный интерес к свиткам в затонувшем замке Буртниеків. Она знает множество народных преданий, с увлечением читает их и вводит Лачплесиса в мир этих преданий, приобщает его к содержащимся в свитках знаниям.

Лаймдота стремится быть другом Лачплесиса на его героическом пути. «Жить будем вместе. И если надо, вместе умрем за народ наш латышский!» — говорит она, обращаясь к нему. Когда Лачплесис отправляется в поход против рыцарей, Лаймдота сопровождает его, а когда он сражен в поединке с Темным рыцарем, умирает и она...

Спидала — дочь предводителя Айзкрауклиса; в противоположность Лаймдоте она олицетворяет женское «злое коварство». Внешне это «настоящая красавица», «несказанно гибкая», со «знойными», «сверкающими», «сверкающе-пламенными», «искрометными», даже «огню подобными» глазами. Спидала строит козни против Лачплесиса, действует заодно со старой ведьмой и Кангаром, старается разлучить героя с Лаймдотой и погубить его.

Не по расчету, а по велению своего «пылкого сердца» Спидала «подписала» «своею кровью» договор с Чертом. По ночам в одеянии черной ведьмы, в золоченых туфельках, крадучись покидает она отцовский замок, отправляясь в свои колдовские похождения...

Стабурадзе ставит Спидалу рядом с предателем Кангаром. И сам Лачплесис в одном из эпизодов характеризует их одинаково:

Юноша гневно воскликнул: «Злодеи! Убийцы народа!
Люди, не слушайте этих обманщиков! Я-то их знаю!
Кангар бесчестный и Спидала адовой нечисти служат,
Ради корысти своей продают и народ свой, и веру! [Л III, 828—831].

Выступая против Лачплесиса, являющегося народным героем, Спидала тем самым фактически идет против всего народа. Но ее конфликт с Лачплесисом, в отличие от конфликта с ним Кангара, продиктован сугубо личными мотивами. Как противница Лачплесиса Спидала не равнозначна Кангару. В конце концов она отрекается от своих заблуждений, от клятвы Черту и становится другом Лачплесиса и Лаймдоты, обретает свое место в борьбе народа с захватчиками.

Кангар — человек, считающий, что в жизни нет иных ценностей, кроме собственного блага. Он предает свой народ и является одним из главных недругов Лачплесиса. С полной откровенностью Кангар говорит о себе:

«...в глупости их (людей.— Я. Р.) и в доверье
Выгода скрыта моя. Дурачки мне нужнее, чем эти,
Как там их?.. родина, совесть, народ! Не хочу быть героем,
Ради народа и родины всякие беды терпящим...» [Л III, 21—24].

Кангар убежден, что «зло и впредь, вовеки, будет зло творить» [Л VI, 962—963]. Он готов на любые подлости. Ханжа Кангар известен как знахарь-врачеватель, он даже прикидывается благодетелем, но во всем преследует лишь свою выгоду. В душе Кангар глубоко презирает народ и всех тех, кому с ханжеским видом дает советы и оказывает помощь. Ему свойственны черты колдуна из народных преданий. Подобно этим колдунам, свои магические способности Кангар получил от Черта, продавшись ему. Теперь он использует их как источник наживы, а также для того, чтобы погубить Лачплесиса. В колдовстве Кангару помогают нечистые духи. В соответствии с мотивами преданий о колдунах, Кангара ожидает мучительная, ужасная смерть.

Кангар совершает предательство как будто выполняет некое жизненное предназначение. Он выступает против Лачплесиса, цель его — подчинить народ завоевателям. В эпосе проводится мысль о том, что предательство несет зло самому предателю. Чужеземцы лишь исполь-

зуют Кангара в своих целях, соплеменники же проникаются к нему ненавистью. Кангар сознает, что народ проклянет его «как черного злодея».

Каупо, предводитель ливов, убежденный прислужник чужеземных захватчиков, изображается в эпосе иначе, нежели Кангар. Переход «прославленного», «могущественного», «пылкого» предводителя на сторону крестоносцев в какой-то мере вызван его честолюбием. Основная же причина в том, что он становится сторонником христианства, проникается верой в церковные догмы и считает необходимым любыми средствами утвердить у себя на родине новую веру. Но тем самым он приносит народу не меньшее зло, чем своекорыстный Кангар.

В *Даньеле Баннерове* особенно выразительно воплощена безжалостность захватчиков. Он терроризирует жителей в окрестностях Лиелварде, созывает — будто бы для заключения мира — лиелвардских старейшин и затем приказывает поджечь клеть, в которой они находятся.

Как чрезвычайно активный политический интриган выведен в эпосе *Дитрих*, «святоша», «пронырливый» проповедник с «льстивым языком». Он сближается с Кангаром, хитрыми речами завлекает в свои сети Каупо. А завоевав доверие Каупо, добивается того, что предводитель ливов становится пособником врагов. Дитрих выведывает, в чем заключена сила Лачплесиса, и выбирает для убийства героя самого опасного из крестоносцев — Темного рыцаря. Для исполнения своего злого умысла Дитрих использует и Каупо, обещая ему за это царствие небесное.

Исторический прототип Дитриха, монах Теодорих Турайдский, был дипломатом крестоносцев (епископа Альберта и отчасти Мейнарда). Эта сторона деятельности исторического Теодориха выявлена и своеобразно развита при создании образа Дитриха в «Лачплесисе». В лице Дитриха разоблачается духовенство в целом.

Своеобразно интерпретируются в эпосе Пумпура мифологические существа, персонифицирующие небесные светила, природные явления, добро и зло. Те из них, которые трактуются в фольклоре как положительные, являются союзниками народа в борьбе с немецкими угнетателями. И наоборот, отрицательные мифологические существа поддерживают чужеземных завоевателей.

А. М. Горький отмечал, что в народных мифах боги изображаются как «идеальные работники, мастера своего дела: Вулкан и Тор — кузнецы, Геба, Фрейя — отличные стряпухи, Диана — удачливая охотница, Вейнемейнен — музыкант и т. д.»⁴⁸. Так же и в латышском фоль-

⁴⁸ М. Горький, Собрание сочинений, т. 26, М., 1953, стр. 53.

клоре, особенно в народных песнях, Пумпур уловил эти особенности народной мифологии и акцентировал их. Используя конкретные фольклорные мотивы, он изображает Диева (Бога) скотоводом, который держит коров и косит для них сено (так же, как и Черт) [Л III, 544—565], Перкона и его сыновей — превосходными кузнецами [Л III, 523—524; Ор III, 528—529; Л IV, 867—868]. Даугава в эпосе возникла в результате совместных усилий зверей и птиц, но руководил этой работой Перкон [Л II, 345 и далее]. Сыновья богов варят медовое пиво [Л III, 464—465]. На сказочном Востоке есть сады Солнца (Сауле), где дочери Солнца выращивают золотые яблоки [Ор IV, 895—896]. Стабурадзе по ночам прядет туманы, которыми по утрам прикрывает посевы, чтобы заморозки не губили их [Л I, 169—170; II, 613—614]. Подобным образом интерпретируются и образы псевдомифологических богов. Лиго великолепно поет и играет на куокле [Л III, 487—492], бог моря Антримп — перевозчик, который за ночь переправляет Солнце через море с запада на восток [Л III, 528—530].

Влияние стилистических средств фольклора ярче и показательнее всего проявляется в «Лачплесисе» в использовании эпитетов.

Как известно, в народной поэзии — в песнях и всех видах эпоса — одним из наиболее распространенных художественных приемов являются так называемые постоянные эпитеты. Постоянные эпитеты часто встречаются и в латышской народной поэзии. Излюбленными в латышских народных песнях являются сочетания: *pelēks vanadziņš* (серый сокол), *mīla māte* (милая матушка), *balta māmulīņa* (букв. «белая матушка»), *tautu meita melnacīte* (близкое по смыслу к «черноокой красной девице», «девице на выданье»), *raženais augumiņis* (сходное с «могутным ростком»), *liela slava* (букв. «великая слава») и др.

В оригинале эпоса Пумпура имеются эпитеты, которые часто повторяются и особенно показательны для языка «Лачплесиса»: *brīnišķs* (чудесный, чудный, дивный, прекрасный) — применительно к понятиям: «чертоги Перкона», «силы», «вера»; *briesmīgs* (ужасный, страшный) — с понятиями «смерть [предателя]», «великаны», «Змей», «чудовище», «сполохи»; *dailīgs* (прекрасный) — с понятиями «песня», «звуки»; *dīvains* (необычайный, причудливый) — с понятиями «сын человеческий [о Лачплесисе]», «сказания», «свитки», «тени»; *jauks* (прелестный, красивый, ведренный) — с понятиями «песня», «порядок», «будущее», «день»; *krietns* (благородный, честный) — с понятиями «дела», «латышские девушки», «невеста»; *liels* (великий, большой) — с понятиями «Перкон», «духи», «корабль», «леса»; *melns* (черный) — с понятиями «одеянье», «платье [ведьмины]», «кошки», «совы», «змеи [в Чертовой яме]» и др.; *slavens* (славный) — «славный в народе», «славных Лиелвардов [или

Буртниек[ов] замок», «славные дела», а также с понятиями «герои», «племена [древних латышей]»; *vesajais* (старый, древний) — с понятиями «куниг [предводитель племени]», «замок», «письмена»; *varens* (могучий, мощный) — с понятиями «сила», «боги», «Перкон»; *zeltots* (золотистый) — с понятиями «куокле» (гусли), «седла», «возжи [в описании поездки богов]», «Балтии солнца»; *laipni* или *laipnīgi* (приветливо, ласково, радушно) — с глаголами «поклониться», «встретить», «принять»; *siņsnīgi* (сердечно) — с глаголами «приветствовать», «пожимать руку», «благодарить», «прощаться» и др.

Перечисленные эпитеты встречаются в эпосе в различных формах и вариациях: в положительной, сравнительной и превосходной степенях, до и после обозначаемого понятия и т. п. Отличие этих эпитетов Пумпура от фольклорных в том, что в фольклоре определяющее слово, постоянный эпитет в рамках одного произведения, обычно сливается с названием какого-нибудь предмета, лица или явления (в разных произведениях тот же эпитет часто используется для обозначения разных понятий), тогда как в «Лачплесисе» (в пределах одного произведения) один и тот же эпитет определяет различные — схожие и несхожие — предметы или явления. Например, *augsti* (высокие) — нравы, божественные судьбы, человеческая цель; *stalts* (статный, стройный, прекрасный) — юноша (Лачплесис, Кокнесис); это же определение употребляется применительно к древнелатышским воинам и их коням; таким же может быть древнелатышский замок. С помощью эпитета раскрывается скрытая сущность явления и авторское отношение к изображаемому. Так, например, для возвеличивания истории народа и его героев широко используется в «Лачплесисе» эпитет *slavenais* (славный, прославленный). Добрые, благородные стремления и мысли часто получают определения *augsts* (высокий) и *krietns* (честный, порядочный, благородный).

Следует отметить, что некоторые из приведенных эпитетов в нескольких случаях повторяются в сочетании с каким-нибудь одним понятием и по отношению к последнему могут считаться постоянными, например *dailīgās dziesmas* (прекрасные песни), *varens spēks* (могучая сила) и др.

В эпосе имеется ряд постоянных эпитетов в собственном смысле слова: *ciņijams vecis* (старец почтенный), *gaismots gars* (просвещенный дух), *Liktentēvs, mūžīgais, sirmais* (Судеб отец, извечный, седовласый), *skarbajā Tikla* (суровая, строгая Тикла), *zvērošas* или *zvērotas acis* (сверкающие глаза).

Значительная часть эпитетов в «Лачплесисе», в том числе широко распространенных, выражает чрезвычайную интенсивность характеризуемого явления, его грандиозность или сказочность. Таковы определения: *augsts* (высокий), *dziļš* (глубокий), *liels* (великий, большой), *tāls*

(далекий, дальний), spēcīgs (сильный), varens (могучий, мощный), brīnišķs (чудесный, чудный, прекрасный), burvīgs (чародейный, волшебный, колдовской), debešķīgs (небесный), dīvains (необычный, необычайный). «Оптимальный» характер этих эпитетов вполне отвечает общей эпической тональности повествования.

Эпитеты в «Лачплесисе» — одно из важнейших стилистических средств. Они просты и вместе с тем образны, эмоциональны (рычащий поток, излучистые берега, рдеющее утро, опасные тропы, буйный сын, сильные сердца, скорбная весть, славные герои и др.). С помощью точно подобранных эпитетов Пумпур добивается большой выразительности слога.

Следует, однако, признать, что не во всех частях «Лачплесиса» Пумпур добился равного совершенства поэтической речи. Во второй половине эпоса (IV, VI песни) язык в ряде мест довольно прозаичен.

Таковы, например, описания исторических и других реальных событий в начале IV песни [Л IV, 1—457], а также войны древних латышей и ливов против немецких захватчиков [Л VI, 186—289, 524—799]. И если эти страницы эпоса все же захватывают читателя, то объясняется это исторической значимостью изображаемых событий, напряженностью, энергичным развитием действия, патриотическим пафосом повествования.

Встречаются в «Лачплесисе» места, напоминающие loci communes народных эпических произведений. К их числу можно отнести устойчивые выражения, употребляемые при описании одеяния и вооружения [Л II, 98—100, 123—125, 333—334]; стабильные формулы приветствия или благодарности и т. п. [Л II, 217, 689, 827]. Впрочем, loci communes в эпосе Пумпура не имеют широкого применения.

Влияние фольклорного языка в «Лачплесисе» прослеживается и в использовании деминутивов (что особенно часто встречается в латышской народной песне); автору удалось, однако, избежать нарочитости, характеризующей в этом смысле сочинения его времени.

Известную стилистическую роль в «Лачплесисе» играют распространенные в устной эпике (в сказках и эпосе) повторения действий и диалогов героев, использование традиционных чисел и т. д. Первоначальная родина Буртниек — «... на Востоке, за семью отдаленными царствами семи королей». Лачплесису в замке Буртниек приходится учиться «семилетье»; за предательскую клятву Ликцепуре дарует Кангару «тридевять лет» жизни; в Чертову яму верхом «на двенадцати колодах» являются «двенадцать ведьм». На Лачплесиса в затонувшем замке Буртниек нападают «семь арапов»; героя после борьбы с йодами в замке Буртниек укладывают спать «три прекрасные девы» — дочери Видувед (или Видведа); старая ведьма, созывая молодых ведьм

к ужину, «трижды» стучит по котлу; Кангар в Чертовой яме дает Ликцепуре «семь клятв» и т. д.

Особенно следует отметить описание борьбы Лачплесиса с йодами в V песне, где прием использования традиционных чисел сочетается с повторами и градацией действия по восходящей степени сложности. Три ночи подряд на заколдованном острове у моста сражается Лачплесис с многоголовыми йодами (трехголовым, потом — шестиголовым и в последнюю ночь — с девятиголовым). Подобного рода сочетание наблюдается во многих народных сказках, в том числе и в тех, где рассказывается о битве богатыря с Чертом у моста; но в «Лачплесисе» оно характеризуется большей степенью разработанности.

В латышских народных сказках и преданиях повествование, как правило, эпически деловито. Лирическое начало представлено богато и разносторонне главным образом в латышских народных песнях. В эпосе Пумпура сказывается в этом смысле воздействие народной песенной стихии. Поэт обогатил художественную манеру, свойственную сказкам и преданиям, введя в свое произведение яркие лирические мотивы. Глубоко лиричны, например, те страницы эпоса, где повествуется о встрече Лачплесиса со Стабурадзе и с «дочкой» Стабурадзе Лаймдотой, о пребывании героя у Дочери Севера. Особым лиризмом напоены описания отношений Лачплесиса и Лаймдоты.

В художественную ткань «Лачплесиса» вошли и специфически фольклорные речевые обороты, пословицы и поговорки. В целом же язык произведения Пумпура литературен и разговорно-нормативен. Лексика, морфология и синтаксис эпоса более характерны для латышского литературного языка 70—80-х годов XIX в., нежели для языка фольклорного.

В языке оригинала порою встречаются германизмы. Употребление их объясняется причинами исторического порядка. Произведения, создаваемые остзейскими немцами для латышей, писались обычно языком, насыщенным германизмами. В известной степени германизмы входили в латышский разговорный и даже литературный язык времени Пумпура.

Влияние фольклора, в особенности лексики народной песни, ощущается и в названиях бытовых реалий.

С точки зрения стихосложения «Лачплесис» не является однородным. В I и II песнях использованы дактиль и хорей. В I песне — стих трехстопный, во II — число стоп в разных частях меняется. В IV и V песнях — четырехстопный хорей. Латышские народные песни по своему ритмическому рисунку также хорейские или дактилические, однако в «Лачплесисе» не отражены некоторые особенности, присущие ритмике

народной песни. Следует учесть, правда, что в то время, когда Пумпур создавал «Лачплесиса», ритмика латышских народных песен была еще мало изучена.

Хореическая строка народной песни состоит из четырех стоп или двух диподий. Диподия может быть и четырехсложной, и трехсложной. В четырехсложной диподии конечный слог неударный, в трехсложной — ударный. Хореическая песня подчиняется закону цезуры: цезура не расщепляет слово, а приходится между двумя словами. В четырехсложной диподии последний слог краткий, он оканчивается кратким -а, -е, -і, -и или -as, -es, -is, -us. Последний слог трехсложной диподии долгий по природе или по положению⁴⁹. Особенности последнего слога и закон цезуры в «Лачплесисе» не выдерживаются.

Песнь III написана своеобразным гекзаметром — шестистопным стихом, состоящим из дактиля и хорея⁵⁰. Гекзаметр в латышской литературе встречался и до «Лачплесиса» (например, в поэзии Аусеклиса). Внимание Пумпура гекзаметр привлек потому, что являлся стихом древнегреческого народного эпоса («Илиады» и «Одиссеи») и произведений возвышенного стиля.

В V песне использована метрика сербских героических песен. В «Пояснениях» поэт говорит: «V песнь написана пятистопным хореем на манер народных песен сербских и других южных славян, на которые латышские песни очень похожи»⁵¹. Гипотезу о влиянии ритмики сербских героических песен на V песнь высказал (в 1925 г.) исследователь жизни и творчества Пумпура Р. Клаустинь, основываясь только на анализе ритмики «Лачплесиса» [Rk I, 131—132] и не подозревая об уже имеющемся свидетельстве самого Пумпура⁵².

В латышском фольклоре нет героико-эпических песен, а следовательно, и соответствующего размера, присущего этому жанру. Поэтому, создавая эпос, Пумпур вынужден был заниматься поисками в области метрики, о чем свидетельствует, в частности, использование в III и

⁴⁹ О метрике латышской народной песни см. L. Bērziņš, Ievads latviešu tautas dzejā, I, Metrika un stilistika, Rīgā, 1940, стр. 36—195; A. Ozols, Latviešu tautasdziesmu valoda, Rīgā, 1961, стр. 28—30. Здесь установлены наиболее существенные закономерности ритмики хореических народных песен.

⁵⁰ В «Пояснениях к „Лачплесису“» Пумпур пишет, что такой вид стиха «весьма отвечает строю латышского языка, если только не калечить язык искусственными цезурами» (Pumpurs, Izskaidrojumi par «Lāčplēsi», atsaucoties uz T. un Lautenbaha kungu kritikām, — «Lāčplēsis, Latvju tautas varonis», Rīgā, 1961, стр. 225). Классический гекзаметр, как известно, включает дактиль (первые пять стоп) и спондей (шестая стопа).

⁵¹ Pumpurs, Izskaidrojumi... — «Lāčplēsis...», стр. 225.

⁵² «Подобный ритм мы находим в сербских героических песнопениях... Пумпур об этом заимствовании нигде не упоминает», — говорит о размере стиха в V песне Р. Клаустинь [Rk I, 132].

У песнях размеров, свойственных эпическим памятникам других народов. По многообразию ритмов «Лачплесис» напоминает созданный на основе древнескандинавского фольклора шведский эпос Э. Тернера «Сага о Фриثюфе» («Frithjofs Saga», 1825), где тоже встречаются самые различные стихотворные размеры, в том числе и античные.

Использованный в IV и VI песнях «Лачплесиса» четырехстопный хорей не вполне соответствует содержанию песен (это верно подметил в «Пояснениях» и сам автор). Как недостаток следует упомянуть и нередко встречающуюся у Пумпура неестественную ритмическую инверсию.

Часть эпоса написана строфическим стихом. В I песне использованы преимущественно восьмистишия. Восьмистишная и шестистишная строфа представлена во II песне — первый подвиг Лачплесиса и его проводы в замок Буртниека описаны в восьмистишиях, а его пребывание в замке Айзрауклиса — в шестистишиях. Восьмистишиями завершается II песня. Форму шестистишия имеет песня девушек, славящих Лачплесиса после победы над Калапуйсисом [Л III, 231—248]. Там, где использована народная песня или дается подражание ей, строфа состоит из четырех стихов, например песня девушек в Буртниеком замке во время церемонии угощения вель [Л III, 701—716], песня корабельщиков о Дочери Севера [Л IV, 458—478], вступление к VI песне [Л VI, 1—8], песни поезжан на свадьбе Лачплесиса и Кокнесиса [Л VI, 374—393]. В оригинале нечто напоминающее строфичность наблюдается и в начале IV песни, где имеются три выделенных периода по двадцать шесть строк, каждый из которых выражает какую-то отдельную законченную мысль [Л IV, 93—118; Op IV, 21—46, 135—160]. Остальной текст (т. е. большая часть эпоса) астрофичен.

Изредка в эпосе появляется рифма, имеются и рифмоиды — переключки одинаковых окончаний и флексий в клаузулах.

В богатой фольклорными традициями латышской литературе «Лачплесис» занимает особое, принципиально важное место.

Своим произведением Пумпур более чем кто-либо другой в латышской литературе XIX в. доказал, что народную поэзию можно использовать для решения актуальных идейно-художественных проблем, которые ставит перед литературой общественно-политическая борьба. Он разработал своеобразный метод литературного освоения фольклора, открывающий перед художником большие идейные и эстетические возможности. Этот метод Пумпура творчески развит в латышской прогрессивной и революционной литературе. В первую очередь следует назвать сочинения Я. Райниса, в особенности его драматургию (она

создавалась в первые три десятилетия нашего века). Почти все завершённые пьесы Райниса⁵³ строятся на фольклорной основе. Следуя примеру Пумпура и основываясь на фольклорных традициях, Райнис в своих пьесах-сказках и пьесах-легендах создает замечательные образы борцов нового времени. Если у Лачплесиса в эпосе Пумпура общедемократические и антифеодалные задачи, то героев Райниса вдохновляют идеалы пролетарской освободительной борьбы и пролетарского гуманизма.

Героическую драму «Огонь и ночь» Райнис написал в канун революции 1905 г. В пьесе непосредственно и в форме иносказания отражена жизнь латышского народа, его борьба с немецкими завоевателями на рубеже XII—XIII вв. и в XIII в. Символика драмы вызывает ассоциации с жизнью общества, с борьбой пролетариата на современном Райнису историческом этапе, выражает идею уничтожения всякой эксплуатации. В пьесе сохранены основные сюжетные линии и многие ситуации «Лачплесиса», действуют почти те же герои⁵⁴, частично воспроизведен характер их отношений. Вместе с тем при всей своей самой тесной генетической связи с «Лачплесисом» «Огонь и ночь» — это качественно новое произведение.

Обращаясь к «Лачплесису», Райнис несомненно воспринимал его как творение, в котором заключены идеалы народных масс. Не случайно в прозаическом прологе⁵⁵ к «Огню и ночи» поэт называл Пумпура «певцом Лачплесиса» и «народным воином». В IV песне драмы Райнис устами Спидолы прославляет Пумпура «как народного певца», «латышского героя» и подчеркивает значение его труда. Обращаясь к людям, превращенным в камень на Острове смерти (заколдованный морской остров), Спидола говорит:

Камень, расколись,
Народ, сбрось чары и проснись!
От сна векового — к обновленью,
От рабского ига — к освобожденью!
Камень, расколись,
Пумпур, певец народный, явись!
Пой Лачплесиса всемогущего,
О прошлом пой и зови в грядущее!⁵⁶

(Перевод В. Рождественского)

⁵³ У Райниса большое количество начатых и незаконченных пьес, в том числе и на фольклорной основе.

⁵⁴ Имена некоторых героев эпоса Райнис слегка изменил: Спидала в пьесе названа Спидолой, Темный рыцарь — Черным рыцарем.

⁵⁵ В пьесе два пролога — поэтический и прозаический (оба написаны в 1907 г.).

⁵⁶ Я н Р а й н и с, Сочинения, т. I, М., 1955, стр. 502.

В драме «Огонь и ночь» по-новому воплощен образ героя, воспетого в эпосе Пумпура. Лачплесис Райниса «большой и сильный, Полный жизни могучей, Словно дуб, вечно юный». Он — самоотверженный боец с силами зла, притеснителями народа, борьба — его труд и призвание. Райнис развил сказочный образ Лачплесиса, индивидуализировал его и вместе с тем превратил в «органический символ» (определение самого Райниса) идеи развития общества.

Пьеса «Огонь и ночь» способствовала еще большей популяризации эпоса Пумпура. Используя для либретто почти полный текст «Огня и ночи», композитор Янис Мединь создал одну из лучших латышских опер «Огонь и ночь» (1913—1919).

К пумпуровскому «Лачплесису» Райнис возвращается и при написании трагедии «Имант», оставшейся незаконченной.

Судя по одному из имеющихся фрагментов трагедии, ее герой Имант, действующий, как и Лачплесис, во времена нашествия крестоносцев, представлен как продолжатель дела Лачплесиса. В минуту отдыха перед боем Имант задумчиво смотрит на Даугаву и ему вспоминаются сказания о герое Лачплесисе, который покоится в ее глубинах.

Лачплесис является Иманту и призывает его продолжить и довести до конца начатую им, Лачплесисом, борьбу:

Я тот, кто с ночью не окончил биться.
А ночь грядет! Исполнишь моим духом
И то, что я не кончил, — заверши! ⁵⁷

В Иманте как бы возрождается дух Лачплесиса. Один из латышско-ливских воинов говорит:

В обличье Иманта сам Лачплесис явился!

Я говорю вам: Лачплесис восстал,
Чтоб в грозный час народ свой уберечь, —
Вот кто он, Имант наш! ⁵⁸

Образ Лачплесиса живет и в латышской советской литературе.

Поэт Ян Судрабкалн использовал его, чтобы воспеть героическую борьбу советских людей в годы Великой Отечественной войны. Лачплесис Я. Судрабкална — преемник лучших свободолюбивых традиций латышского народа.

«...Слушай, герой, лишь в народе вечная сила твоя!»
Тесен старинный наш дом, человечество жаждет просторов.

⁵⁷ J. Rainis, *Kopotī raksti*, IX, Rīgā, 1950, стр. 525.

⁵⁸ Там же, стр. 545—546.

Час долгожданный пробьет, выйдут народы на бой,
 Но не страна на страну, а в союзе всемирном народов
 В бой человеческий род с тьмой мировой пойдет.
 День долгожданный настал, в бой идем против мраконосителей!
 Все на борьбу, в чьей груди пламя свободы горит!
 Ярко сияет над миром советской звезды пятилучье,
 Светит в походе бойцам, силу миллионам дает.
 Вместе с народами мира в содружестве всечеловеческом
 Лачплесис, муж-богатырь, в бой нас ведет, латышей!
 Чтобы расцвел наш народ, чтобы сгнуло иго тевтонов,
 Чтобы латышскую песнь слышал весь радостный мир,
 Чтобы поля богатели и жито копилось в амбарах,
 Мирно б дремало дитя у материнской груди,
 Чтобы в семье человечества равны мы были и славны,—
 Лачплесис за правду и честь в битву зовет латышей.
 Красной звезды пятилучье горит на щите исполина,
 Вечной свободы заря, солнце победы встает! ⁵⁹

(Перевод Вл. Державина)

В 1964 г. появился биографический роман Яниса Калниня — «Андрей Пумпур» ⁶⁰.

В романе рассказывается о формировании замысла «Лачплесиса» и его реализации в условиях тесной связи Пумпура, патриота и прогрессивного мыслителя, с народными массами. Специально подчеркиваются фольклорные истоки и народность образа Лачплесиса.

Дальнейшему утверждению образов «Лачплесиса» Пумпура в латышской советской литературе и в театре способствует и пьеса Лаймона Пура «Лачплесис», имеющая подзаголовок: «Пьеса для кукол по мотивам латышского народного эпоса Андрея Пумпура» (1967). Постановка пьесы была осуществлена Государственным театром кукол Латвийской ССР в 1968 г.

Следует иметь в виду, что в свое время к эпосу Пумпура обращались и реакционные авторы, переделывая и искажая произведение в соответствии со своими взглядами и намерениями («Лачплесис» Фаллия, «Кангар» А. Ниедры).

В пьесе поэта декадентского направления Фаллия (1877—1915) «Лачплесис» (1908—1909) ⁶¹ начисто отброшена характерная для пумпуровского «Лачплесиса» мысль о том, что народ — активная сила истории, носитель высоких моральных ценностей. Фаллий вытравил все героическое, присущее эпосу Пумпура. Народные массы в его пьесе полностью отсутствуют. О немецких захватчиках и борьбе с ними нет

⁵⁹ Я. Судрабкalis, Избранное, М.—Л., 1948, стр. 262.

⁶⁰ Первая публикация в журн. «Карогс», 1964, №№ 4—9; в том же году роман вышел отдельной книгой: J. Kalniņš, Andrejs Pumpurs, Biogrāfisks romāns, Rīga, 1964.

⁶¹ Впервые «Лачплесис» Фаллия опубликован в 1942 г., до этого в печати появлялись только отрывки.

ни слова, время действия угадывается лишь приблизительно. Искражен в пьесе Фаллия и образ самого Лачплесиса. Это замкнутый в себе, стремящийся к внутреннему совершенствованию эстетствующий созерцатель, мысли которого заняты не судьбой народа, а собственной персоной.

В 20—30-х годах в латышской буржуазной литературе появлялись произведения, в которых образ Лачплесиса использовался для провозглашения политических лозунгов латышской буржуазии (например, в некоторых стихотворениях Я. Акуратера). Характерно, однако, что эти произведения не были популярны даже в буржуазных кругах. Попытки исказить величественный образ народного героя неизбежно терпели крах.

«Лачплесис» многократно привлекал к себе внимание представителей изобразительного искусства.

Две знаменитые скульптуры Лачплесиса создал известный ваятель Карлис Зале (1888—1942). Одна из них — Лачплесис в основании памятника на могиле Пумпура (1929) — изображает мужественного, одухотворенного героя, скорбящего о певце. Широко известна и монументальная скульптура К. Зале «Лачплесис, побеждающий медведя» (1938). Подвигу Лачплесиса здесь придано символическое значение. Перед нами богатырское свершение во имя народа.

Скульптура Гайды Грундберг «Лачплесис» (1956) изображает героя после победы над медведем. Лачплесис здесь молодой, стройный, с устремленным вдаль взором. Победа над медведем лишь начало его деяний. Ваятельница подчеркивает не столько физическую силу Лачплесиса, сколько его духовную мощь и внутреннюю красоту.

Обращались к «Лачплесису» и латвийские витражисты — Карлис Бренцен, Тенис Грасис. В центральной части созданного Т. Грасисом витража-триптиха «Латышская история» (1968) изображен древнелатышский ратник, у ног которого лежит сраженный немецкий рыцарь со сломанным мечом. Композиция и содержание центральной части произведения Т. Грасиса вызывают ассоциации с мотивами эпоса, в частности с поединком Лачплесиса и Темного рыцаря.

Разработке образа Лачплесиса в латышском изобразительном искусстве во многом способствовали иллюстраторы эпоса Пумпура — Э. Бренцен, Э. Мелдерис, Г. Вилк, З. Зузе, В. Валдманис.

Непосредственностью народной фантазии отмечены рисунки Эдуарда Бренцена (1929).

В иллюстрациях Эмиля Мелдериса (1936) Лачплесис — огромной силы богатырь, грузный, мужиковатый, исполненный жажды и радости борьбы. Герой изображен скупыми штрихами, этнографические и прочие детали сведены до минимума. Выразителен рисунок, изображающий борьбу Лачплесиса с Темным рыцарем.

В 1947—1948 гг. выходят иллюстрированные издания «Лачплесиса» на латышском и русском языках с титулом, виньетками и заставками Рудольфа Дзениса и иллюстрациями Г. Вилка. Лачплесис Г. Вилка — прекрасный, стройный воин в древнелатышском облачении. Художник старался передать национальный колорит эпоса. Большое внимание уделено красоте природы Латвии, древнелатышской одежде, украшениям, оружию, элементам архитектуры. Лачплесис воспринимается как носитель духовных ценностей своего народа и их защитник. Иллюстрации Г. Вилка использованы в японском издании «Лачплесиса», вышедшем в Токио.

Ценный вклад в интерпретацию эпоса внес Волдемар Валдманис своими иллюстрациями к эстонскому изданию «Лачплесиса». Иллюстрации создавались с 1959 по 1961 г.⁶² В центре внимания В. Валдманиса герои эпоса, их психология, характеры.

Классик латышской музыки Альфред Калнинь (1879—1951) выбрал для своей хоровой песни «Могила Лачплесиса» фрагмент из VI песни эпоса [Л VI, 1118—1141]. «Лачплесис» Пумпура, особенно VI песнь эпоса, «Огонь и ночь» Райниса и «Лачплесис» Я. Судрабална послужили основой для симфонической поэмы Яниса Иванова «Лачплесис» (1957), удостоенной в 1959 г. Государственной премии Латвийской ССР.

«Лачплесис» — одна из самых популярных и любимых книг в латышском народе. Отдельными изданиями и в сборниках сочинений Пумпура «Лачплесис» выходил на латышском языке семнадцать раз⁶³.

Собираателями народного творчества отмечены факты фольклоризации «Лачплесиса». Рассказы, варьирующие эпизоды из эпоса Пумпура и возникшие под его непосредственным влиянием, зафиксированы в Лиелварде и по соседству, в Рембате, Третьей научной экспедицией фольклористов Академии наук Латвийской ССР в Огрский район (1949 г.). На первый план в этих рассказах выдвигается кульминационный момент эпоса — борьба Лачплесиса с Темным рыцарем, прославляется Лаймдота — невеста героя. Вслед за пьесой Райниса противник Лачплесиса именуется в них Черным рыцарем.

В рассказе жителя Рембате — Карлиса Якубовича — эпизод борьбы Лачплесиса и Темного рыцаря контаминирован с популярным в народе мотивом «Черт таскает камни» и значительно варьирован. В записанной Пумпуром сказке борьба Лачплесиса происходила на берегу

⁶² A. Pumpurs, Lāčplēsis, Lāti keelest tõlkinud K. Aben ja V. Beekman, Kunstiliselt kujundanud V. Valdmanis, Redigeerinud A. Kerge, Tallin, 1973.

Следует отметить и мастерски выполненные В. Валдманисом иллюстрации к изданию «Огня и ночи» Райниса на латышском и русском языках (1953 г.).

⁶³ В это число не включены публикации «Лачплесиса» в школьных хрестоматиях.

Даугавы. В предании же, пересказанном К. Якубовичем, она развертывается на острове⁶⁴ посреди Даугавы, где находится «могила Лачплесиса»⁶⁵. В эпосе меч Лачплесиса ломается о доспехи рыцаря, в предании меч задевает за большой камень (так называемый «камень Лачплесиса»).

У черта, когда тот тащил по воздуху мешок камней, один, очень большой камень выпал на остров против Лиелвардского замка.

Звали его Лачплесисов камень, потому что рассказывают, будто на том острове могила Лачплесиса.

Когда Лачплесис рубился с Черным рыцарем, меч его зацепился за камень. Меч сломался, и оба они продолжали бой без мечей.

От удара мечом у камня отбит кусок.

(FS 1850, 6018; Рембате, зап. М. Берзинска, сказ. Карлис Якубович, род. в 1907 г., слесарь).

С эпосом Пумпура соприкасается и рассказ лиелвардца Б. Микельсона:

В Лиелвардском замке жил Лачплесис, вождь (virsaitis) латышского народа. Пришел Черный рыцарь и хотел народ силой и хитростью покорить; рыцари эти — немецкие дворяне, как теперешние гитлеровцы. В том месте, где Лачплесис и Черный рыцарь пали в схватке, сделался остров; теперь он под водой.

(FS 1850, 4600; Лиелварде, зап. А. Анцелане, сказ. Б. Микельсон, 74 года).

Жительница Лиелварде Эмилия Целминя дает пересказ заключительной части сказки, записанной Пумпуром. Но противник Лачплесиса, чудовище с тремя головами, одновременно является у нее и Черным рыцарем (FS 1850, 4441, Лиелварде, сказ. Эмилия Целминя, 66 лет).

В устных рассказах нашел отражение и мотив эпоса о Лаймдоте, которая из окна Лиелвардского замка⁶⁶ следит за борьбой Лачплесиса и Темного рыцаря. Говорится и о призраке Лаймдоты в Лиелвардском замке:

Развалины старого Лиелвардского замка стоят на высоком берегу Даугавы над кручей.

— Вон там окно Лаймдоты, — указывает сказительница, — в него она смотрела, как Черный рыцарь с Лачплесисом бился, пока оба в Даугаву не рухнули. В старое время в окне Лаймдоты до двенадцати часов огонь горел. Из Линдского замка, по ту сторону Даугавы, его хорошо было видно.

(FS 1850, 5550; Лиелварде, зап. М. Берзинска, сказ. Анна Озолина, 56 лет).

Отрывок из другой записи:

⁶⁴ В эпосе говорится, что этот остров образовался после смерти Лачплесиса — волны Даугавы намыли остров в месте гибели народного героя [Л VI, 1126—1127].

⁶⁵ О могиле Лачплесиса см. прим. Л VI, 1139—1141.

⁶⁶ В эпосе Пумпура после изгнания иноземцев Лачплесис с Лаймдотой поселяются в каменном Лиелвардском замке, который построили враги на месте разрушенного замка его отца.

Когда месяц ясный и ночь тихая, лодочники могут видеть, как в (Лиепвардском.— Я. Р.) замке некая женщина волосы расчесывает. Это Лаймдота.
(FS 1850, 5354; Рембате, зап. А. Анцелане, сказ. Мария Петерсоне, род. в 1886 г.).

Последняя легенда может быть старше «Лачплесиса», но имя Лаймдоты, несомненно, появилось под воздействием эпоса.

В окрестностях Лиепварде находилось два огромных камня, которые народ называл «камнями Лачплесиса». В традиционных сказаниях один из них был когда-то известен под названием Арнисов камень⁶⁷. Надо полагать, что Арнисов камень и, возможно, упомянутый ранее камень на острове⁶⁸ получили название камней Лачплесиса уже под влиянием эпоса Пумпура.

Некоторые народные исполнители вместе с «Яновыми песнями» исполняли и фрагменты из VI песни «Лачплесиса» (описание празднования Янова дня). В 1925 г. шестидесятипятилетняя Катрина Янсоне в Лиепупе (Влм) вместе с «Яновыми песнями» сообщила (с некоторыми изменениями стилистического характера) текст Л VI, 31—51, 55—67 (Материалы Общества Кр. Барона, 29, 264; зап. в 1925 г. Юлия Скуиня в Витрупе — Влм)⁶⁹.

От Анны Игнате (65 лет) и Катрины Игнате (38 лет) в 1930 г. в Нице (Лп) записан текст, включающий следующие строки эпоса: Л VI, 1—8, 31—42 (FS 1198, 3440—3443, зап. К. Пелиене в Нице). От этих двух исполнительниц записаны четыреста двадцать четыре песни. В отрывках из Пумпура у А. Игнате и К. Игнате последовательно фигурирует имя Яниса («приходит Янит», «Янов праздник», «Янова ночь»), есть и другие более мелкие отличия.

⁶⁷ А. Анцелане, Латышские народные предания, Избранное, Рига, 1962, стр. 25.

⁶⁸ Об этом камне говорит и сказительница Лина Этмане, 67 лет: «На острове, который теперь под водой, была могила Лачплесиса. Возле могилы был огромный камень» (FS 1850, 5699; Лиепварде, зап. М. Берзинска в 1949 г.).

Арнисов — Лачплесисов камень в 1939 г. был расколот на несколько частей и перевезен в Ригу в связи с проектом сооружения памятника Пумпуру. Второй Лачплесисов камень в 1939 г. в связи со строительством Кегумской ГЭС был перевезен в Кегум, где и находится в настоящее время.

⁶⁹ У Пумпура последние две строки таковы:

Чтоб тебя мы вспоминали,
Чтобы мы тебя любили.

В тексте К. Янсоне эти строки приобрели функцию сквозного мотива. Фраза «Чтобы мы тебя любили» следует у нее и после сороковой строки (песнь VI). Фразы «Чтоб тебя мы вспоминали» в конце у нее нет, зато она встречается в середине текста — после пятидесяти первой строки (песнь VI). В таком варианте текст приобрел большее единство, ярче акцентируется прославление Яниса.

В 1924 г. один из собирателей фольклора, М. Вейш⁷⁰, записал текст из II песни эпоса Пумпура — слова Вайделота Лиелвардису о грядущей свободе, завоеванной народом:

Но не печалься, славный в народе!
Пройдут столетья, — народ наш проснется
И вновь свободу себе завоюет
Подвиги предков своих вспоминая.

(FS 1427, 320; зап. Мартин Вейш в Цицере — Клд)

Мы знаем, что Пумпур творчески варьировал, развивал и обогащал фольклорные мотивы. В сознании латышей «Лачплесис» так тесно связан с фольклором, что и творческий вклад самого поэта нередко отождествляется с устным народным поэтическим творчеством. Показателен такой пример. В очерке об открытии нового дома культуры в Буртниеках Валмиерского района читаем:

«Латышская легенда говорит, что в древности воды огромного Буртниецкого озера поглатили в своей пучине замок света. Но потом пришел народный герой Лачплесис, поднял замок из глубин — встал он посреди озера, давая народу свет и знание.

Это сказание пришло на память собравшимся на открытии нового чудесного дома культуры Буртниецкого совхоза...»⁷¹.

Эпизод эпоса, повествующий о том, как Лачплесис поднимает Буртниецкий замок, создан самим Пумпуром, хотя в нем и отразились фольклорные предания о поднятии затонувшего замка. В приведенной же корреспонденции он предстает как исконно народный.

Образы героев эпоса Пумпура прочно вошли в сознание и жизнь латышского народа. Само имя Лачплесис стало символом народной силы и героизма. «Черный рыцарь» часто употребляется применительно к немецкому прибалтийскому дворянству и германскому империализму. Кангарами народ зовет отщепенцев, предающих свой народ. Название «Лачплесис» носил нелегальный кружок Видиенской социал-демократической организации, который существовал в 1912—1916 гг. в Валмиерской учительской семинарии⁷².

Идеи и образы «Лачплесиса» вдохновляли народ Латвии на борьбу

⁷⁰ М. Вейш в 1934 и в 1935 гг. прислал в Хранилище латышского фольклора более пятисот единиц фольклорного материала своей волости [FS 1427, 1—553]. В присланном им материале есть и несколько литературных произведений с указанием их авторов. Текст, принадлежащий Пумпуру, записан среди народных песен без указания автора. В материалах М. Вейша каждая строка Пумпура разделена на две.

⁷¹ H. Hercbergs, Kultūras pils Burtņiekos, — «Padomju Jaunatne», 12.III.1969.

⁷² Из этого марксистского кружка вышли некоторые выдающиеся советские деятели, в том числе знаменитый Екаб Алкснис (1897—1937), много сделавший для развития советской авиации.

за ликвидацию национального и социального гнета, воодушевляли его в годы Великой Отечественной войны. «Кто в Латвии не знает Пумпура и героя его эпоса Лачплесиса? — писал в дни войны Я. Судрабкалис. — Уже шестой десяток лет поднимает Пумпур латышский народ на борьбу против давних угнетателей... Пусть не забывают кангары, какой конец их ожидает! Пумпур уже давно произнес слова, которые стали твердым решением угнетенного народа... В рядах Красной армии, в партизанских отрядах, повсюду, где растет и проявляется дух сопротивления и свободолюбивый порыв, латышский народ доведет до конца начатую Лачплесисом борьбу»⁷³.

Для трудящихся Советской Латвии Лачплесис стал символом мирного созидательного труда. Его именем названы улицы многих латвийских городов, колхозы, морские суда.

⁷³ J. Sudrabkaļns, Fašisti apgāna latviešu mirušo rakstnieku piemiņu, — «Gīņas literatūras pielikums», 1942, № 2.

Андрей Пумпур (1841—1902)

Надгробный памятник
А. Пумпуру
(скульпт. К. Зале,
1929 г.)

А. ПУМПУР

ЛАЧПЛЕСИС

ЛАТЫШСКИЙ
НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

ПЕРЕВОД
ВЛ. ДЕРЖАВИНА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Собрание богов

- 1 В своде небесном лазурном,
В сказочном Пёркона замке *,
Где вечный свет пребывает,
Где радость царит и веселье,—
5 Балтии боги собрались *,
Слушать Властителя судеб *,
Кто дни удач и несчастий
Дарует народам и людям.

- Перкона серые кони
10 В седлах у замка стояли.
Заря на уздах горела *,
На сбруях солнце сверкало.
Пáтримпа-бога повозка *
Из золотистых колосьев,
15 Спицы из спелой соломы,
Желты, как воск, его кони.

- Пáкола черные кони *
Впряжены в санки из кости,
Из ребер — полозья и перед,
20 Оглобли — из кости берцовой.
Антримпа бурные кони *
Влажной блестят чешуею,
Из раковин драгоценных
Сиденье в его колеснице.

- 25 Лйго и Пúшкайтис — оба *,
Стоя в цветных колесницах,
На быстрых конях крылатых

Летели сквозь радуг ворота.
Всех небожителей дети *
30 К замку примчались верхами;
У них — золоченые седла,
Алмазы горят на уздечках.

Аустра, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца *,
35 В повозках из роз багряных
Несли на сияющих конях.
Юные дочери Солнца
Вожжи держали золотые,
Сыпались из-под колес их
40 Влажно-серебристые блестки.

Судеб отец седовласый
Сидел на троне алмазном;
Направо — Перкон и Патримп,
Налево — Пакол и Антримп.
45 Пушкайтис дальше и Лиго,
И небожителей дети,
Аустра, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца.

С большими богами и малых
50 Множество там восседало;
Сюда все добрые духи
Могли собираться, чтоб слушать.
Судеб отец седовласый
С алмазного трона поднялся,
55 В мрачных словах возвестил он
Собранию о том, что случилось:

«Чудо свершилось в завечности!
Девушка-Свет породила.
Дивный сын бога явился
60 В день, что Судьбою назначен.
Мудро, прекрасно учил он
Смертных познанию бога,
Как жить им в правде, бессмертным
Подобясь величием духа.

- 65 Злые восстали — и смерти
Предали этого бога;
Но пекло не удержало
Его в своей власти ужасной.
Вышел могучий из пекла,
70 На небо в славе вознесся.
Имя его вам известно:
В подлунной зовется он Крїстус.

- Доброе вскоре ученье
Приняли мира народы.
75 Но злые в новом ученье
Все доброе в зло обернули.
Судьбы решили, что будет
В Балтии новая вера.
Но могут старые боги
80 Над волею смертных владычить».

- Перкон поднялся и молвил:
«Даже мы — боги — не властны
Противиться Судеб велению.
Но клятвенно я обещаю
85 Хранить народ мой латышский.
Слушайте, что я скажу вам:
Христово ученье не ново,—
Возникло оно на Востоке.

- Но веры носители этой
90 Умысел тайный имеют:
Забрать балтийские земли
И в рабство народ мой повергнуть.
Я на пришельцев восстану,
Не уступлю ненавистным!
95 Как я раскалывал скалы,
Дубы разбивал вековые,

- Так сокрушать не устану
Молниями и громами
Всех, кто народ мой латышский
100 Начнет утеснять и бездолить.
Я на балтийские нивы
Дождик pošлю благодатный*,

Днем — ветер свежий навею,
А ночью звезды затеплю *.

- 105 Всюду всегда неотлучен
Буду с народом в природе,
Пусть же он слышит мой голос,
Пусть мое имя запомнит!
Всем вам велю я примеру
110 Этому следовать твердо —
Каждому в свою долю
И чередом своим строгим».

- Патримп поднялся и молвил:
«Балтия — край урожайный.
115 Дам я селеньям латышским
Под осень богатое жито.
Пусть урожаем богатым
Дарят их Балтии нивы,
Но пусть враги свои сохи
120 О пни новины поломают!»

- Антримп поднялся и молвил:
«В том море белом, Балтийском,
Где ветры Севера дуют *,
Где волны о скалы дробятся,
125 Я корабли чужеземцев
Стану топить неустанно,
Пока от вражеских весел
Балтии волн не очищу!»

- Пáкол поднялся и молвил:
130 «В пекле есть место незваным,
Но души наших героев
Будут над Балтией реять
В сполохах ярких — и страхом
Оледенять чужеземцев *,
135 А приходя в Ночь умерших,
Благословлять своих внуков!»

- Когда же клятву такую
Перкону дали все боги,
Лиго поднялся и молвил
140 Слово такое собранью:

«Я средь богов почитаюсь
Младшим в латышском народе,
Но Судьбы предуказали
И мне не последнее место:

145 В сердце народном храню я
Песенный дар драгоценный,
Сладостно душу тревожа
Радостью и печалью.

И вечно жить будет имя
150 Лиго в латышском народе.
И если старые боги
Забудутся через столетья,—

Все же в песнях прекрасных
Будете вы прославляться,
155 Перкон, и Лайма, и Тикла,
И светлые дочери Солнца.
Все имена эти в песнях
Вновь оживут и воспрянут,
Душу народа разбудят,
160 В бой поведут за свободу».

Кончилось сходбище вечных,
Боги к домам собирались,
Тут Стабурадзе явилась *
И слова себе попросила.
165 Молвила: «Из дому шла я
Поведать совету бессмертных
О том, что со мной этой ночью
У омута врат приключилось.

Пряла туманы я ночью
170 На Стабурагском утесе.
Уж солнцево веретенце
Всю пряжу мою намотало.
Петь петухам было время.
Вдруг вижу двух ведьм, высоко *
175 Над Даугавою летящих *
Верхом на колодах корявых.

Тут обе ведьмы внезапно
На одну колоду уселись,

- Другую бросили в омут
180 И быстро обе умчались.
Я разузнать захотела,
Зачем они так поступили,
В омут на дно опустилась,
К себе притащила колоду.
- 185 И удивилась, увидя
В дупле дубовой колоды
Юношу прелести дивной.
Лежал он без чувств, недвижимо.
На руки взяв, отнесла я
190 Юношу в замок хрустальный.
Переодев, положила
На ложе из раковин нежных.

- В юноше признаки жизни
Приметив едва, я помчалась
195 К тебе, о Перкон могучий,
А ты укажи, что мне делать.
Знаю, что в омут упавший
Смертный становится камнем;
Из тех камней вырастает
200 Мой Ста́бураг выше и выше.

- Юношу в мир я могла бы
Вывести чрез замка ворота,
Но там окуют его чары
И станет он камнем навеки.
205 Думаю, было бы лучше,
Чтоб у меня он остался,
В моем хрустальном чертоге,
И там бы зажил счастливо».

- Выслушав Ста́брадзе вести,
210 Молвила строгая Тикла:
«Верно, тебе надоело,
Стабрадзе, плакать о милом,
Устала ты мертвые скалы
Векá орошать слезами.
215 Сын человеческий нужен
Тебе для любовной утехи».

- Стабрадзе так и зарделась,
Выслушав Тиклы упреки.
«Нет, Строгая, не затем я
220 Спасти его захотела!
Ныне, я знаю, все в мире
Стало иным, чем бывало;
Благословенный богами
В бой с темными силами вышел!»
- 225 В распрю их Лайма вмешалась:
«Судьбами я управляю,
И я сама позабочусь,
Что мне для юноши сделать!»
«Женщины, спор прекратите! —
230 Перкон в сердцах им воскликнул,—
Юноша этот прекрасный
Назначен для цели высокой.

- Ведьмы забросили в омут
Лячплесиса молодого.
235 Стабурадзе, спасибо!
Ты доброе сделала дело.
К гостю домой возвращайся,
Уход ему нужен и отдых;
Потом, не боясь превращений,
240 Веди его сквозь ворота.

- Лайма, а ты позаботься,
Чтоб он невредимым остался,
Покуда свое назначенье
Великое он не исполнит».
245 Тут завершилось собрание,
Разъехались Балтии боги.
Вместе их вновь соберет ли
Судеб отец седовласый?

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

*Первый подвиг Лячплесиса.—
Лячплесис отправляется в замок Бүртниеков.—
Дочь Айзкрауклиса.— Чертова яма.— Стабурадзе
и ее дочка.— Кóкнесис*

1 В землях балтийских в древнее время,
Где льется Даугава в русле узорном,
Где новь под лен и ячмень выжигали,—
В счастье латышский народ жил, в довольстве.

5 Там, где под берегом пенится Кéгум *,
Где Румба, в Даугаву шумно впадая *,
Ущелья в скалах прогрызла глубоко,—
Высился славных Лйелвардов замок *.

В солнечный, яркий день это было,
10 Когда земле улыбается Зйедон,
Когда, от зимнего сна пробудившись,
Весело звери резвятся на воле.
Юношей, девушек смех, ликование
Утром сливаются с пением птичьим,
15 Радостью жизни сердца их трепещут
Бурно, привольно в Зйедона пору.

Лйелварды куниг с юношей сыном *
В поле гулял, теплым днем утешаясь.
Шел восемнадцатый год его сыну,
20 Отпрыску древнего славного рода.
И поучал старик молодого,
Как близко боги себя нам являют
В чудесных силах щедрой природы,
В долах, лесах, в небесах и на водах.

25 Так говоря, потихоньку добрались
Они до опушки тенистого леса.
Уселся старый, усталость почуяв,
На мураве под раскидистым дубом.
Выбежал вдруг медведь из дубравы *,

- 30 На старца бросился с ревом сердитым.
Поздно уж было тому защищаться,
Смерть свою видел он пред глазами.

- Но подбежал к ним юноша быстро,
Отважно он разъяренного зверя
35 Схватил за челюсти пасти раскрытой
И разорвал его, словно козленка.
Видя, какая мощная сила
Таилась в юноше, куниг воскликнул:
«И впрямь ты избранным витязем станешь,
40 Как про тебя напророчено было!»

- Лет восемнадцать с тех пор миновало...
К берегу челн одинокий причалил.
Вышел оттуда старец почтенный,
Бережно нес на руках он ребенка.
45 Юной походкой направился к замку
И мне Судьбы объявил повеленье,
Что должен этого мальчика взять я
И воспитать, словно сына родного.

- Вайделот был мой гость благодатный *.
50 Сказывал он, что в лесу был им найден
Малютка этот, кормящийся мирно
Грудью молочной медведицы дикой.
Сказывал он, что волей бессмертных
Ребенок станет героем народным,
55 Чье имя ужас посеет повсюду
Средь супостатов края родного.

- «Мощные духи с Запада встали,—
Молвил он,— Перкона власть ненавидя,
Словно сполохи крестоподобные
60 В небе Востоку грозят...
Боги сразятся. Выживут боги!
А наш народ потеряет свободу,
Полягут славные витязи наши
В бранях неравных с врагом чужеземным.

- 65 Вайделем бывши, прожил я долго,
У Крива — в Ромовой роще священной *.
Много вестей и отрадных и скорбных

Я приносил вождям и народу.
Ныне с последней горестной вестью
70 К тебе пришел я, Лиелварды куниг!
Не приходилось вестей тяжелее
Мне приносить на веку моем долгом.

Но не печалься, славный в народе!
Пройдут столетья,— народ наш проснется
75 И вновь свободу себе завоюет,
Подвиги предков своих вспоминая.
Судьбы решили: я не увижу
Ярма на шее народа родного.
Садится солнце, меня призывает,
80 Балтии солнце золотое заходит».

Высказав это, он в челн свой уселся
И вдаль умчался вниз по теченью.
В глубоких думах, взволнованный сердцем,
Вслед ему с берега долго глядел я.
85 Глухо гремел в отдалении Кегум,
И чели швыряли свирепые волны;
Лучи последние солнца померкли,
Скрылись и челн и пловец за стремниной...

Канули в вечность быстрые годы,
90 Свято исполнил я Судеб веленье.
Прекрасным юношей вырос младенец,
Вайдедем данный мне. Ты — этот юноша!
Лачплесис будешь ты зваться отныне,
О дне великом сегодняшнем в память,
95 Когда отца от гибели спас ты,
Когда свершил ты первый свой подвиг.

Конь быstroногий в бранном убранстве
И ратный меч тебе подобают.
Копье и щит, и блестящие шпоры,
100 И кунью шапку в цветах дам тебе я.
Так снаряженный, в путь отправляйся
К нашему славному Буртниека замку,
К доброму другу лет моих юных,
К старому кунигу в Буртниека замке.

105 Ты поклонись ему! Ты ему молви,

- Что, дескать, Лиелварда ты наследник,
Что ты отцом сюда послан учиться
Разуму в школе премудрости древней.
Буртниеку любовно там тебя примет *,
110 Откроет он сундуки пред тобою,
Где наши древние свитки хранятся,—
Вести в них есть о судьбе сокровенной.

- Древние свитки правде научат,*
Восточных стран расскажут преданья,
115 Споют про наших латышских героев,
Вечного неба раскроют глубины.
Ты, семилетье там пребывая,
Обогатишь свой разум наукой,
Как войны надо вести, ты узнаешь,
120 Как побеждать супостата в сраженье».

- Убран, оседлан конь на рассвете
Ржал у ворот высокого замка.
Тяжким мечом опоясался Лачплесис,
Принял свой щит и копье боевое.
125 Куньего меха шапку надел он
И, перед старцем, отцом своим, вставши,
Молвил ему: «Да хранят тебя боги!»
Было коротким, сердечным прощанье.

- «Лиелвардов племя славно в народе,—
130 Сыну отец говорил поучая,—
Героями наши прадеды были,
Никто о них слова дурного не скажет.
Лачплесис, сын мой, эту же участь
Вершитель судеб тебе уготовил.
135 К великой цели стремись неуклонно,
Боги тебя охранят и поддержат.

- Мира соблазны юношей губят,
Но сами они в том бывают повинны:
Живи не так, чтоб тебя поучали,
140 А чтоб ходили к тебе за советом.
Ведать всю правду — трудное дело,
Но высказать правду еще труднее.
Кто эти трудности преодолееет —
Всех выше будет великой душою.

- 145 Чти неизменно обычай народа,
Храни ревниво отцовскую веру.
Лести лжецов коварных не слушай,
Помни — они ненавидят свободу.
Только корысти низкой алкая,
150 С именем бога в устах выбирают
Жертву они,— приблизятся тайно
И адским зельем смертельно отравят.

- В вольной отчизне вольный народ наш
Досель владык наследных не знает;
155 В пору войны вождей выбирает,
Мудрых старейшин — в мирное время,
Лучших венчая этою честью,
Кто заслужил уважение народа.
Твердых мужей народ выбирает,
160 Славу поет им в песнях прекрасных».

- Выслушал молча Лачплесис старца,
От этих слов вдохновенно сердечных
Мужеством сердце его наполнялось.
Чуял: растут в нем дивные силы,
165 Обнял отца, пожал ему руку,
Блюсти поклялся отцовы заветы.
Прыгнул в седло он, шапку приподнял,
Щитом помахал отцу и умчался.

* * *

- Айзкрауклис за столом в своем замке
170 Сидел угрюмый, в думах глубоких.
Спидала, старца юная дочка *,
Перебирала бусы и кольца.
Дивной красою дева блистала,
Так и горели темные очи.
175 Все ж ей той нежной красоты не хватало,
Что привлекает юношей сердце:
Скоро обманут знойные очи,
Смотреть в такие — опасное дело.
«Спидала! — старый дочку окликнул,
180 Голову медленно приподымая,—
Все собираюсь спросить у тебя я,
Где ты взяла ожерелья и кольца?

- Что они так тебе полюбились?»
Вспыхнула Спидала, разом смутилась,—
185 Этот вопрос ей был неожидан.
Но отвечала отцу она быстро:

- «Все это дарит мне старая кума *,
Что в гости ходит к нам. А у ней дома
Много сокровищ в ларцах золоченых».
190 «Доченька,— тихо старец промолвил,—
Я тебе, милая, не позволяю
Впредь принимать от старухи подарки.

- Люди толкуют, что старая кумэ —
Ведьма и пукиса в дом свой пускает *,
195 Кормит его человеческим мясом.
Всяким добром ее тот одаряет.
Все украшенья у ней колдовские;
Дочке моей их носить не пристало».

- Спидала быстро к окну обернулась,
200 Спрятав свои заалевшие щеки,
Словно не слыша отцовское слово,
Речи такие к нему обратила:
«Гость у нас будет, видно, сегодня
Юный тот воин, что въехал в ворота!»

- 205 Айзкраукла замок стоял одиноко *,
Вдали от Даугавы, в чаще дремучей.
Были медведи — замка соседи,
Волки и филины были ночами.
К замку вели потаенные тропы.
210 Путники редко туда заходили.

- Вот почему удивилась дева,
Всадника видя, что, из лесу выехав,
Прямо к их замку коня направляет.
И Айзкрауклис тоже встал у оконца,
215 Гостя нежданного видеть желая.
Въехав во двор, осадил коня Лачплес.

Юноша вежливо им поклонился;
Сказывал он, что, в дороге замешкав,
Просит теперь у соседа ночлега.

- 220 Вышел хозяин гостю навстречу,
Молвил, что рад он в дому своем видеть
Славного кунига Лиелварды сына.
- Лачплесис, ловко с коня соскочивши,
Старца приветствовал, как подобает,
- 225 Коня усталого отрокам отдал,
Вошел с хозяином в горницу замка
И на мгновенье замер невольно,
Спидалу увидав пред собою.
- Красы такой никогда не встречал он.
- 230 Смело глядели Спидалы очи,
Пламя пылало в них колдовское.
Витязю руку она протянула:
«Здравствуй, храбрец, разорвавший медведя!
Будущего я вижу героя».
- 235 Слова не вымолвил гость от смущенья.
Дева, с улыбкой, ловко и быстро
Гибкою змейкой пред ним повернувшись,
Смело ему в глаза поглядела.
И только тут разглядел ее витязь,
- 240 Стан ее стройный, наряд драгоценный.
- Девушки облик необычайный
Витязя ошеломил молодого.
Когда ж старик наконец своей дочке
Ужин обильный велел приготовить,
- 245 Спидала вышла. И юному гостю
Сразу на сердце стало полегче.
- И за столом он беседовал весело,
Спидале метко, остро отвечая.
Уж миновало смущенья мгновенье.
- 250 Вспомнил он все наставленья отцовы
И не боялся стрел он горящих,
Как ни метали их Спидалы очи.
- Ночь приближалась. Полна беспокойства,
Огненноокая Спидала встала,
- 255 Молвила, что она, мол, привыкла
До наступления ночи ложиться.

Верно, и гость утомился в дороге,
Спальню ему она тотчас укажет.

- Айзкрауклу пожелав доброй ночи,
260 Следом за девой направился витязь,
И в отдаленные замка покои —
В опочивальню — она привела его,
Молвя: «Герой, разорвавший медведя,
Спать будешь, как у богинь на коленях».
- 265 Лачплесис был изумлен несказанно:
Постель, как снежный сугроб, возвышалась;
Застлана пурпурным покрывалом,
Кроваво-ало она пламенела.
Благоуханье по горнице веяло,
270 Голову юноше сладко дурманя.

- Спидала столь несказанно прекрасной,
Столь чародейно прелестной казалась,
Что, позабыв наставленья отцовы,
Лачплесис руки в пылу протянул к ней.
275 Тень пронеслась за окном темно-синим...
Девушка, словно виденье, исчезла...

- Полночью полчища звезд пламенели,
Месяц катился над лесом дремучим,
Бледным серебром затопляя долины.
280 В горнице душной дышать стало нечем,
Витязь окно распахнул, и холодный
Воздух полуночи жадно впивал он.

- Тут показалось ему, будто тени *
К небу взлетели под полной луною.
285 «Черти и ведьмы гуляют, наверно *,
В полночь, делами тьмы занимаясь...—
Лачплесис думал.— И как же так быстро
Спидала, словно растаяв, исчезла?»

- Старому Айзкрауклу утром сказал он,
290 Что хорошо отдохнул в его доме,
Что погостил бы охотно неделю
В замке большом дорогого соседа.

Айзкраукл гостя радушно приветил
И пригласил отдыхать, сколько хочет.

- 295 Спидала вечером тихо сказала:
«Горницу гость наш сам уже знает.
Спать может лечь он, как только захочет.
Сладкого сна я ему пожелаю!»
Лачплесис, всем пожелав доброй ночи,
300 Тут же отправился в опочивальню.

- Но не уснул он. Вышел тихонько,
В темном углу на дворе притаился
И стал смотреть, никем не замечен,
Кто это ночью бродит у замка.
305 В полночь без скрипа дверь отворилась,
Спидала вышла неслышно из двери.

- В черном была она одеянье
И в золоченых сапожках на ножках.
Длинные косы распущены были,
310 Темные очи сияли, как свечи.
Длинные брови земли доставали.
Вышла она с колдовскою клюкою...

- Там под забором колода лежала...
Спидала села на эту колоду,
315 Пробормотала слова колдовские,
Хлопнула трижды колоду клюкою;
В небо взвилась кривая колода...
Ведьма, шипя и свистя, улетела.

- Лачплесис долго стоял у забора,
320 Долго глядел вослед улетевшей.
Он бы и сам умчался за нею,
Чтобы проникнуть в ведьмины тайны.
Только не знал он, как это сделать.
Так он ни с чем к себе и вернулся.

- 325 Поутру Лачплесис, из дому выйдя,
На прежнем месте увидел колоду.
Он разглядел, подошедши поближе,
Дупло большое в стволе ее древнем.
Мог человек в том дупле поместиться.

330 Сразу решенье созрело в герое.

Вечером, только от ужина встали,
Гость поспешил в свою опочивальню.

Куньего меха шапку надел он,
Вышел из замка, мечом опоясан,
335 В дупло колоды влез, притаился,
Спидалу там поджидая спокойно.

Спидала снова в полночь явилась,
В черное платье ведьмы одета,
Села, ударила трижды клюкою,
340 В воздух взвилась на огромной колоде
И полетела над дебрями бора,
Куда и ворон костей не заносит.

* * *

Звери да птицы в старину умели
Говорить по-нашему; сошлись, зашумели,
345 По приказу Перкона все собрались в стаи *—
Даугаву великую рыть вместе стали.
Лапами копали, клювами клевали,
Рылами рвали, клыками ковыряли.
Только пава не копала, на горе сидела.
350 И спросил у павы Черт, бродивший без дела:
«Где же остальные звери-птицы пропадают?»
«Птицы все и звери Даугаву копают».
«А чего ж тебе идти копать не хочется?»
«Да боюсь — сапожки желтые замочатся».
355 Столковались Черт и пава и под Даугавой прямо
Стали рыть и вырыли бездонную яму *.
А как воды Даугавы в яму покатались,
Звери с перепугу говорить разучились,
Стали разбегаться, начали бодаться,
360 И кусаться, и лягаться в свалке, и клеваться.
Кони ржали, кошки жалобно мяукали,
Каркали вороны, совы гукали,
Волки и собаки выли, а волы мычали,
Свиньи хрюкали, визжали, медведи рычали.
365 Филины ухали, кукушки куковали,
Мелкие птахи песни распевали!
Поглядел на землю Перкон в изумленье,

- Видит суматоху, драку и смятение.
Он ударил Черта громовой стрелой,
370 Даугаву заставил течь стороною.
Яму окружил крутыми берегами,
А павлин с тех пор гуляет с черными ногами.
Люди этой местности до сих пор чураются,
Ночью там виденья путникам являются.
375 Расплодилась нечисть разная в пучине,
Ямой Чертовой зовется местность та доныне.

- В этом самом месте Спидала спустилась *,
Долго среди ясных звезд она носилась.
Задыхался Лачплесис в колоде той пузатой,
380 А вокруг метались пукисы хвостатые
И несли на крыльях мешки большие денег,
А за ними искры рассыпались веником.
За витязем ведьмы мчатся, визжат, догоняют,—
Голова его кружится, дыханье спирает.
385 Если б он в колоде хоть раз пошевелился,
Был бы он замечен,— с жизнью бы простился.
Дюжина колод летучих наземь опустилась,
Дюжина наездниц в темной яме скрылась.
Огляделся Лачплесис — край ему неведом,
390 И спускаться в яму стал за ними следом.
В яме тьму густую, как смолу, колыша,
Реяли огромные летучие мыши.
Слабым огоньком блеснула пропасть черная,
Лачплесис пещеру увидал просторную.
395 Грудами диковинные там лежали вещи:
Черепы и кости, кочерги и клещи,
Оборотней шкуры, личины, крючья ржавые *,
Ступы, корчаги, коробья дырявые,
Битые горшки и прочие пожитки,
400 Черные книги, скоробленные свитки *,
Древнее оружие в дорогой оправе;
А углы завалены колдовскими травами.
А стенные полки полны туесками,
Коробьями, склянками, горшками, котелками.
405 А среди пещеры яркое блестело
Пламя, озаря купол закоптелый.
Над огнем котел кипел, на крюке подвешенный,
Кочергою черный кот уголья помешивал.
Жабы и гадюки ползали по полу,

- 410 Совы от стены к стене шарахались сослепу.
В ворох трав сушеных Лачплесис зарылся,
Но невольно все же он устранился,
Как заворошились груды этой нечисти,
Зашипели, дух учуяв человеческий.
- 415 Тут из дверцы низенькой старушонка скрюченная
Высочила, крикнула: «Ах вы, мразь ползучая!
Кто чужой вошел сюда — шею сам свернет себе!»
Черпаком мешать в котле стала ведьма старая,
Приговаривая: «Дочки, время ужинать»,
- 420 Трижды черпаком она о котел ударила,
И двенадцать девушек из темной боковухи
С ложками и плошками вышли к старухе.
Получили варево. Витязь разглядел его —
Черной колбасы кусок, малость мяса белого,
Словно поросенок, показалось юноше;
- 425а Тут в лещеру новую двери отворили,
Стены той пещеры цвета крови были.
И стояла средь пещеры кровавая плаха,
И торчал топор в ней, вогнанный с размаха.
В той пещере двери новые открылись,
- 430 И туда с горшками мяса ведьмы удалились.
Лачплесис за ними прокрался незаметно.
Там столы и стулья были все беленые,
Своды и стены были белым-белые.
Две большие печи по углам стояли.
- 435 Был горюх в одной, в другой — уголья пылали.
Ведьмы молча сели, занялись едою,
За едой не молвили слова меж собою.
Дальше дверь открылась в новые покои,
Желтыми там были стены, свод, устон.
- 440 Там двенадцать пышных постелей стояли.
Ведьмы поели, косточки прибрали.
«Ну-ка, все на кухню,— старая сказала,—
Чтобы я глаза вам зрячими сделала.
Женишки-молодчики вскорости появятся,
- 445 И пора красавицам к встрече приготовиться».
Лачплесис поспешно на кухню воротился,
В груды трав сушеных с головой зарылся.
Тут на полку старая за горшочком слезила *,
Веки птичьим перышком девушкам помазала,
- 450 И опять ушли они безмолвной вереницей.
Витязь этим перышком мазнул себе ресницы —

- Будто пелена в тот миг слетела с вежд его,
Все он начал видеть иначе, чем прежде.
Он в котле, где стыли ужина подонки,
455 С ужасом увидел детские ручонки.
И не колбасы там кровавые плавали,
А змеи черные в подливе кровавой.
Ведьмам вслед пошел он — в первые двери,—
Все из красной меди было в той пещере.
460 В плахе топор торчал с медной рукоятью,
А на что он нужен, было непонятно.
Все в другой пещере серебром блестело:
Стол и подсвечники, стулья и стены.
То же, что казалось белыми печами,
465 Стало вдруг серебряными шкафами.
Серьги и перстни в одном, как жар, горели,
А в другом — мерцали груды ожерелий,
В третьей пещере все было золотое —
Стены, и своды, и сводов устои.
470 Меж колонн сияли золотом постели,
На постелях красные покрывала рдели.
Во второй пещере ведьмы стали раздеваться *
Донага, как будто собрались купаться.
Из шкафов старуха достала украшенья,
475 Девушкам надела их на руки и шеи,
Пышные их волосы жемчугом опутала.
Лачплесис дивился, что не только Спидала —
И другие девушки казались знакомы.
В золоте и жемчуге они по-другому
480 Стали вдруг невиданно, дьявольски красивы.
В медную пещеру, нарядясь, пошли они,
Вкруг кровавой плахи рядышком встали.
Спидала одеждою плаху накрыла,
Взяв топор в руки, ударила с силой
485 И при том злорадно так проговорила:
«Вот я первая рублю, завтра — не признаю» *.
И молодчик некий выскочил из плахи,
Спидалу обнял, и оба улетели
В тот покой, где были постланы постели.
490 И другие девушки, сделав то же самое,
Вслед за нею скрылись со своими молодцами.
Были на молодчиках черные кафтаны *,
Шляпы треугольные сбиты на затылки,
На кривых ногах — блестящие сапожки,

- 495 Из-под шляп торчали маленькие рожки.
После всех старуха рубила, восклицая:
«Вот я рублю последняя, завтра — не признаю».
И тотчас, шипя, из плахи выполз Ликцепур *,
Или, как народ зовет, хромоногий Нагцепур,
500 Набольший над ведьмами, нечисти начальник,
По кривой высокой шапке отличае́мый,
С козырьком сработанным из ногтей остриженных.
«Все ль у вас готово?» — спросил он ведьму старую.
«Все готово!» — пропищала, кланяясь, старуха.
- 505 Ликцепур по плахе тяпнул с размаха.
Пламенем серным пещера озарилась,
Плаха в золотую повозку превратилась,
А топор стал пукисом, пышущим яро.
Ликцепур поехал с ведьмою старой.
- 510 В золотой пещере он остановился,
На полу блестящем пукис развалился,
Выдохнул из пасти искры, дым и пламя.
Из постелей выскочили ведьмы с молодцами
И перед Ликцепуром заплясали.
- 515 И опять на кухню ведьмы убежали,
Острые вилы из кухни притащили,
У пукиса в пасти вилы раскалили.
Поднялась тогда в повозке ведьма старая,
Кликнула: «Входите!» — и клюкой ударила.
- 520 Расступились стены, задрожали своды,
Вышли из пролома косматые уроды,
Выволокли человека, белого от страха,
На пол перед пукисом бросили с размаха.
И, узнавши пленника, испугался Лачплесис.
- 525 Это был сам Кангар, живущий в одиночестве *
В Кангарских горах, в лесу густом, дремучем,—
Хитренький ханжа, богомольное чучело.
Голосом ужасным Ликцепур воскликнул:
«Срок твой окончился, грешник несчастный.
- 530 Ты сгоришь у пукиса в огненной пасти».
Ужаснулся Кангар казни неминуемой,
Жалобно взмолился: «Пощади, могучий,
Дай отсрочку! Я ж тебе послужу по-прежнему».
И, подумав, молвил Кангару Ликцепур:
- 535 «Не мольба твоя, другие причины смогли бы
В этот час спасти тебя и отсрочить гибель.
Средь подвластных Перкону изменников мало.

- С Перконом бороться нам очень трудно стало.
 Но на счастье наше, в Балтию вскоре
- 540 Люди чужеземные придут из-за моря,
 Будут завоевывать землю балтийскую,
 Новую веру навязывать силою.
 Власть их новой веры хочу я видеть в Балтии,
 Принести должна она мне много прибыли.
- 545 Веры той носители моими стали слугами.
 В этом деле помощи от тебя я требую.
 Тридцать лет за это дам тебе я жизни.
 Пукиса пастью, злодей, поклянись мне,
 Поклянись бороться с нами против Перкона»
- 550 «Я клянусь бороться с вами против Перкона»
 «Поклянись, что будешь родины предателем».
 «Я клянусь, что буду родины предателем».
 «Истреблять клянись защитников народа».
 «Истреблять клянусь защитников народа».
- 555 «Ради пользы пришлых свой народ обманывать!»
 «Ради пользы пришлых свой народ обманывать».
 «Приводить слугителей чужеземной веры!»
 «Приводить слугителей чужеземной веры».
 «Убивать клянись всех, кто сопротивляется».
- 560 «Убивать клянусь всех, кто сопротивляется».
 «В рабство обратить, в конце концов, всю Балтию».
 «В рабство обратить, в конце концов, всю Балтию».
 «Встань же и живи назначенное время».
 Кангар встал, любезно приветствуемый всеми.
- 565 Ликцепур сказал, что уезжать пора ему.
 И поехал, всеми с почетом провожаемый,
 С ведьмою старой в ту пещеру медную.
 Черные молодчики из повозки ведьму
 Высадили, сами в повозку повскакали.
- 570 Ведьмы щеками к полу припали.
 Вспыхнул вновь огонь удушливый, как сера.
 С громом скрылся Ликцепур под пол пещеры.
 Поспешил и Лачплесис выбраться на волю.
 Но, пробравшись в кухню, прихватил с собою
- 575 Свиток, колдовскими покрытый письменами,
 В знак, что побывал он в Чертовой яме
 И что был свидетелем мерзостных деяний.
 В воздухе студеное ночное отдышался он,
 Но горело сердце в нем, жалостью терзаясь.
- 580 Влез в дупло колоды он, притих, дожидаясь,

- Чтобы вышла Спидала, домой полетела.
Провожая девушек, старуха говорила:
«Спидала, скажу тебе нечто нехорошее:
Лачплесис тайком был здесь во время ужина.
585 Видел, как с подругами ты тут веселилась».
Спидала то бледной, то красной становилась,
Первая любовь в ее сердце превратилась
В яростную ненависть. Ведьма ж говорила:
«Дерзкий, он нашел бы гибель в пасти лукиса,
590 Только повелителю не хотелось вмешиваться...
Решено однако: жить не должен Лачплесис.
Он тебя в дупле колоды дожидается.
Вы сейчас домой летите вместе с Серничкой *
Вверх по Дáугаве, до утеса Стáбурага.
595 Ты над самым омутом прыгай на колоду к ней,
А свою колоду вниз бросай с заклятьем.
Пусть с колодой Лачплесис рухнет в бездну омута,
А живым оттол не выходил никто еще!»

* * *

- Неба величьем овеванная,
600 Прекрасным убранством сияя,
Вернулась грустная Стабурадзе
В свой замок с собранья бессмертных.
Долго ль ей, долго ль грустящей века
В объятой дремотой громаде
605 Скорби копящего Стабурага
Средь вечных богов, одинокой,
Долго ль ей, долго ли плакать еще
О горестных Балтии судьбах?
Иль никогда не забудет она
610 Умолкшую древнюю славу?
Там, где обычаи прадедовы
Живы донине, любовно
Она по утрам от заморозков
Туманом поля укрывает.
615 В темную ночь она лодочников
Отводит от водоворота,
В полдень водой родниковую
Поит пастухов и прохожих.
Есть у ней дело излюбленное:

- 620 Средь девушек доброго нрава
Лучших порой выбирает она,
В особое время рожденных,
И под свои адамантовые
Подводные своды уводит.
625 Девушек многому учит, затем
Замуж сама отдает их.
Зовут их «дочками Ста́бурадзе».
И тот, кому Ла́йма назначит
В жены такую избранницу,
630 Счастливым считается в мире.

- Витязь очнулся от смертного сна
В постели из раковин нежных.
Он изумлялся, оглядываясь,
Не помня, не ведая, где он.
635 Ложе под ним, словно зыблемое
Потоком, слегка колыхалось.
Волны сиянья лазоревого
Лились сквозь хрустальные стены.
Утварь золотая, серебряная
640 Высокий чертог украшала,
В дивном порядке расставленная,
Ласкала она его взоры.
Только что Лачплесис стал вспоминать,
Как с ведьмами ездил вчера он,
645 Дверь отворилась в хрустальной стене,
И девушка в ней появилась.
И та́к была она с виду мила,
Что каждый сказал бы невольно:
Лунному свету подобна она,
650 Слитому с маковым цветом.
А темно-синие очи ее
Сияли, как день на рассвете,
Но если глубже вступишь в них,
Двух омутов бездны темнели.
655 В складках обильных наряд голубой
Охватывал стан ее стройный.
Волосы, блестками перевиты,
Волной до колен ниспадали.
И пораженному Лачплесису
660 Казалось — богиня явилась.
Встать он хотел, избавительницу

- Поблагодарить за спасенье.
Та же ему не позволила встать,
Дескать, беречь надо силы,
665 Ведь после всех приключений своих
Еще не оправился витязь.
«Дай мне ответ, где я нахожусь?
Как эти чертоги зовутся?
Дай мне ответ, создание небес,
670 Как мне величать тебя можно?»
«Зовут меня дочкою Стабурадзе,
И ты в ее замке хрустальном.
Она из бездонного омута
Тебя принесла в этот замок».
675 Сильно забилося исполненное
Радости сердце героя,
Узнал он, что лишь человеческое
Дитя — эта девушка-диво.
Завтрак ему предложила она:
680 Мед, молоко и лепешки.
И попросив подкрепиться его,
Дочь Стабурадзе удалилась.
Тут облачась, как приличествует,
Он сел к приготовленной снеди.
685 Дверь отворилась, и Стабурадзе
Сама перед ним появилась,
Ласково гостя приветствовала
И спрашивала о здоровье.
Лачплесис, кланяясь, благодарил,
690 Сказал, что он в добром здоровье,
Вечно бы жил в алмазном он
Дворце у богинь благосклонных.
С видом загадочным Стабурадзе
Лачплесису отвечала:
695 «Может быть, позже встретимся вновь,
И вечность не будет столь долгой.
Ныне же боги судили тебе
На жизненный путь возвратиться
И богатырскими подвигами
700 Стране послужить и народу.
Славу в народе себе завоей
И счастье у сердца любимой!»
Пламя во взоре у Лачплесиса
Блеснуло. Он пылко ответил:

- 705 «Мудрым богам благодарствую,
Рад послужить я отчизне!
Все совершу, что завещано мне,
И счастлив, что вижу в лицо я
Светлую, вечную Стабурадзе
- 710 С прекрасною дочкою своею!
Обе великой опорой мне
Вы будете в жизни отныне».
Стабурадзе отвечала ему:
«Успеха тебе мы желаем!
- 715 Трудно придется, витязь, тебе
Бороться со злыми врагами,
Что подползают исподтишка,
Как Спидала-ведьма и Кангар.
Некое зеркальце маленькое
- 720 Я дам тебе, витязь, на счастье,
И как начнут тебя одолевать
Враги твои, ты покажи им
Зеркальце это, и мигом они
Рассеются перед тобою!»
- 725 Зеркальце из сундучка своего
Стабурадзе доставала
И Лачплесису отдавала его
С наказом беречь пуще глаза.
Витязь с поклоном благодарил
- 730 Ее за подарок чудесный,
Девушку также просил что-нибудь
Ему подарить на прощанье.
Девушка, с кос своих бисерную
Сняв ленту, украсила ею
- 735 Шапку высокую Лачплесиса
И так, заалевшись, сказала:
«Дара чудесного нет у меня,
Но, шапку твою украшая,
Другом отныне считаю тебя
- 740 И счастья тебе я желаю!»
Витязь был тронут подарком ее,
Не знал, что сказать в благодарность.
Тут ему добрая Стабурадзе
Молвит: «Спешить надо, витязь!
- 745 Вверх, на скалу я тебя поведу,
Как Перкон великий велел мне.
Лаймлотой девушку эту зовут *,

- И скоро ее ты увидишь,
Лента же девушки бисерная,
750 С волос ее снятая русых,
Тебе еще лучше, чем зеркальце,
В опасное время послужит».
Снова у выхода Лачплесис
На них поглядел, обернувшись.
755 Свет из бездонно глубоких очей
Лаймдоты мягко струился.
Но в то ж мгновение сознание его
Затмилось в воротах чертога,
И мертвую глыбою каменной
760 Упал он на влажную землю.

* * *

- Даугавы крутообрывистое
Прибрежье заря осветила.
Небо сияло безоблачное
И ведренный день обещало.
765 Но вот из-за леса окрестного
Тучка взошла небольшая.
Ехал старик перед тучей, с бичом *,
Верхом на коне длинногривом.
В воздухе прямо над Стабурагом
770 Коня осадил он седого,
Щелкнул бичом, и сверкающие
Ударили молнии в землю.
Гром загремел, перекатываясь
По небу от края до края.
775 Камни посыпались с кручи скалы.
Встал к жизни разбуженный Лачплесис.
Все им недавно испытанное
С трудом, словно сон, вспоминал он.
Но все припомнив, уверился он,
780 Что явь, а не сон это было.
В памяти женских два образа
Ярко запечатлелись:
Спидала — злобно коварная
И Лаймдота — чистое сердце.
785 Клятву себе он крепкую дал:
От первой подальше держаться,
А заслужить уважение второй
Достойными славы делами.

Видит он, к Персе-реке подойдя*, —
790 Люди стоят у парома*.

Переправляться хотели они,
Да взяться за весла боялись.
Надобно было и Лачплесису
На тот переправиться берег.

795 Людям он выгресть один посулил
На быстрине близ порогов.
Люди, поверив, взошли на паром,
А Лачплесис взялся за весла.

Но, словно прутья, в руках у него
800 Тяжелые весла сломались.
И подхватило их яростное
Течение, к порогам помчалю.

Путники перепугались,
Гибель свою ожидали.

805 Не до того было Лачплесису,
Грести он ладонями начал.
Сильно, глубоко взбурова волну,
Он плот удержал на стремнине.

Был он могучей стремнины сильней
810 И вскорости к берегу выгреб.
И удивлялись спасенные им
Столь дивной, неслыханной силе.

Юноша, видом величественный,
Десяток огромнейших бревен,
815 Словно тростинки держа на плече,
На подвиг глядел с крутояра.
Ношу оставя свою, он сошел
С обрыва и витязю молвил:

«Люди зовут меня Кокнесис*,
820 И здесь я считаюсь сильнейшим.
Бревна таскаю для крепости я
Из близ растущего леса.

Рою я рвы, насыпаю валы,
Бревенчатый тын воздвигаю, —
825 Надобна крепость надежная нам
Укрыться от бед и напастей».

Лачплесис поклонился ему
И также назвал свое имя,
Молвил, что, к Буртниека замку спеша,
830 Он в старом лесу заблудился.

И заключили они меж собой
Дружбу и вместе решили
Путь продолжать, чтобы выучиться
Премудрости в Буртниеком замке.

- 835 Спидала... Можно ли ужас ее
Представить, когда на рассвете
Витязя в добром здоровье она
В воротах своих увидала.
И попросила колдунья отца,
840 Чтоб сам он двух юношей принял,
На сердце тяжко, мол, нынче у ней,
Мол, в спальню пойдет она, ляжет.
Старый же Айзкрауклис радовался,
Увидев живым и здоровым
845 Гостя. Сбирался он весть посылать
Тревожную в Лиелвардский замок.
Но не хотелось и Лачплесису
Со Спидалой встретиться снова,
И он прощенья у Айзкраукла
850 Просил, что остаться не может,
Что, мол, и так задержался он здесь
И дальше пора ему ехать;
Молвил, что он заблудился в лесу,
А Кокнесис из леса вывел.
855 Айзкрауклис покрутил головой
В недоуменье, но все же
Витязю вывести коня он велел.
И тронулись други в дорогу.
Спидала вслед им глядела в окно,
860 Глаза ее гневом пылали.
«Скачи хоть до солнца! — шептала она, —
Тебя я настигну повсюду!»

- Юноши сутки в пути провели
И славного замка достигли.
865 Буртниеком приветливо встретил гостей.
Спросил, кто они и откуда.
Передал витязь поклон от отца,
Сказал, что учиться он прибыл.
Буртниеком любезно их принял тогда
870 Учениками в свой замок.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

*Кангар и Дитрих.— Великан Калапуйсис.— Война с эстами.—
Потонувший замок Буртниеков.— Легенды и поучения
в свитках Буртниекского замка.— Ночь велей.—
Лаймдота исчезла*

- 1 Мрачно шумящим бором покрыты Кангара горы *,
Недра болотные дышат туманами между холмами,
Рыскают в дебрях дикие звери, гады и змеи
Ползают в топях, филины воют и плачут ночами.
- 5 Страх и тоску навела угрюмая эта округа.
Возле тропиночки узкой, у самого края болота,
Кангара уединенная в чаще усадьба стояла.
Только что Кангар простился с последним из приходивших
Нынче к нему за советом или за помощью в разных
- 10 Жизненных трудных делах, за лекарством от всяких недугов;
Только стемнело — двери он запер, факел зажег свой,
Пересчитал все подарки, что днем принесли ему люди,
Все уволок в кладовую, к добру, запасенному прежде.
Там сундуки и лари стояли, до крышек набиты
- 15 Золотом и серебром, жемчугом, ценной пушниной.
«М-да! — святоша бурчал, на свои богатства любясь.—
Впрочем, не слишком ли дорого я от них откупился?»
Нагцепур требует страшного... Впрочем, что ж я? Об этом
Больше никто не узнает. Ведьмы, боясь наказания
- 20 Слова не скажут. И почитать по-прежнему люди
Будут меня за святого. А в глупости их и в доверье
Выгода скрыта моя. Дурачки мне нужнее, чем эти,
Как там их?.. родина, совесть, народ! Не хочу быть героем,
Ради народа и родины всякие беды терпящим...»
- 25 Так бормотал негодяй, любясь своей кладовою,
Кутаясь в теплый кафтан. Ветер выл и шумел над горами.
Глухо на западе слышался Перкона гром отдаленный.
Кто-то в наружную дверь постучал. В удивлении Кангар —
Кто мог так поздно стучать? — снял с дверей крюки и засовы.
- 30 Спидала быстро вошла, но не в образе ведьмы, а в милом
Женском обличье, в наряде обычном всех девушек скромных.

- «Здравствуй! — сказала она. — Ты гостей, наверно, так поздно Нынче не ждал?» — «Не ждал, — ответил ей Кангар, — тем более Рад я соседку прекрасную видеть! Ну, как живется?»
- 35 «Плохо живется! — ответила гостья. — Похоже, что сами Мощные боги орудуют против меня! И решила Я у тебя совета просить; может быть, если вместе Действовать будем, скорей своих целей достигнем».
- Спидала тут рассказала ему, что Лачплесис-витязь
- 40 Ночью недавно тайком пробрался в Чертову яму И свидетелем был всех их мерзостей. После же, в омут Брошенный, чудом каким-то остался в живых и доньше Жив и здоров, а теперь обитает он в Буртниеком замке. Сумрачно Кангар слушал ее, охваченный страхом.
- 45 Вот он, свидетель живой, в его тайну проникший; отсюда Слава дурная о нем в народе пойдет. И сказал он Спидале: «Ты поступила умно, сообщив мне об этом! Вижу, судя по всему, что боги его охраняют. Витязь, хранимый богами, опасным противником будет.
- 50 Хитрые средства должны мы придумать, так чтобы сам он, Славы ища, на себя навлекал смертельные беды. Есть у меня на уме два способа, очень пригодных, Чтобы его погубить! Вот один: много лет уже не был Калапуис, эст-великан, во владеньях латышских. Пошлю я
- 55 Весть великану на озеро Пейпус, что время настало * Очень удобное, чтобы напасть на наши селенья, А латышей подговаривать буду ответно на эстов Выйти войною. Понятно, что Лачплесис — витязь отважный — Дома не высидит, а на войну отправится вместе
- 60 С Буртниеком. Тут-то его и смерть ожидает. Ведь если Встретится он с великаном — конец ему. Нет для эстонца В землях латышских противника». Спидала уж собиралась Кангара благодарить, как внезапно слепящею вспышкой Молнии все озарилось и оглушительный грохот
- 65 Грома раздался над самою крышей, земля задрожала, Вмиг налетела ужасная буря. Все небо гремело, Ливень хлестал потоками, падали с треском деревья, В чаще ревели медведи, совы и филины выли, Плакали и хохотали. Ужас, казалось, природу
- 70 Всю охватил, когда Перкон слепящие молнии с громом Наземь бросал со всей своей мощью. Дрожа, замирая, Бледные, как мертвецы, злодей и колдунья стояли, Словно преступники пойманные. Они знали, что Перкон * Ведьм, колдунов и нечистых стрелою своей убивает.

- 75 «Ну и гроза! — прошептал Кангар, трясаясь. — Ты сегодня
Не доберешься к себе! Грозу пережди в моем доме!»
Так говоря, он оконце прикрыл, погасил свой светильник
И дрожащую гостью увел в боковую каморку.
Там, забравшись в постель и подушками уши закрывши,
80 Ждали они, от страха трясаясь, когда буря утихнет.
Но — удар за ударом — гром грохотал. Колебались
Горы окрестные. Дубы столетние с треском валились.
Мнилось, что Балтии боги, бушуя с неслыханной силой,
Небо решили свалить и землю скрыть под водою.
85 Перкон, как будто раскалывал в ярости купол небесный,
Антримп горы воды громоздил на клокощем море,
Волнами туч доставая, море и тучи сливая.

- В Даугавы устье корабль без мачт и ветрил был заброшен *
Бурею. Мог потонуть он в любое мгновенье. Кричали
90 Люди на палубе. Перкон и Антримп на смерть обрекли их.
Но человек свободен в поступках своих. Чужеземцев
Ливы спасли. А спасли они своих беспощадных *
Будущих поработителей. Буря утихла к рассвету,
Солнце багровое встало над мертвою зыбью морскою.
95 Кангар, поднявшись, взглянул на подругу. Спала она крепко.
«Брр...ну и жутко же было! Добро, что ночь миновала.
Думал я, Перкон решил уничтожить всех йодов. Отроду
Страсти такой я не видел!» — кряхтел он, кафтан надевая
И на крыльцо выходя. Видит: крыша сворочена с дома,
100 Посередине двора повалились крест-накрест деревья,
Изгородь сломана. Тут он заметил на узкой тропинке,
К дому ведущей, двух незнакомцев: когда же к калитке
Дома они подошли, узнал в одном из них Кангар
Ридзиньского рыбака, а другой был ему неизвестен *:
105 В длинной белой одежде с крестом на груди, изнуренным
Выглядел он. Рыбак рассказал, что в Даугавы устье
Ночью разбился корабль и что этот — в белой одежде —
Был одним из спасенных, что он увидаться хочет
С кем-нибудь из старейшин, а Кангар, мол, ведает лучше,
110 Как поступить, потому и привел он к нему чужеземца.
Пристально Кангар и пришлый друг другу в глаза поглядели.
Близкие души друг друга и за морем, видно, отыщут.
Здесьним наречьем с трудом, но все же владел чужеземец.
Молвил он: «Дитрих зовут меня. Жрец я великого бога *»,
115 Сына на землю пославшего, чтобы весь мир осчастливить.
Прибыл сюда я с людьми, что хотят здесь торговлей заняться.

- Буря расстроила замыслы наши. Но мы благодарны
Богу за наше спасенье! Приходится нам задержаться,
Здесь, пока на помощь немецкий корабль не прибудет.
- 120 Я же хотел бы с вождями племен познакомиться!» Кангар
Гостю ответил: «Привет тебе, Дитрих, в землях балтийских!
Знаю, зачем ты пришел сюда! Но меня ты не бойся,
Нет, я не буду мешать твоему могучему богу.
И хоть ты мне не веришь и я тебе тоже не верю,
- 125 Но отведу тебя к славному Каупо в Турайды замок.*
Там для посевов своих ты найдешь благодатную почву,
Если возьмешься за дело с умом. А сегодня останься
Здесь, у меня; отдохни день, другой поразмысли, что боги
Балтии тоже сильны!..» Рыбака отпустив восвояси
- 130 В горницу Дитриха Кангар повел. Уж Спидала встала.
Вскоре меж ними тремя завязалась живая беседа,
Дальше да больше, покамест дружною не завершилась.

* * *

- Годы текли. Многие в мире события свершились
И необычно Балтии мирной жизнь изменили.
- 135 В Буртниеком замке два друга усердно учились
Делу военному, всякой премудрости, разным наукам.
В буртниеких древних свитках священных юноши сами
Уж разбирались. И особенно Лачплесис жадно
В них углубился. Тайны великие в них раскрывались —
- 140 Были правдивые о человеческих странствиях в мире,
О совершенстве первоначальном, и о позднейшем
Горьком паденье, и о великом новом подъеме.
Но и особую Лачплесис также имел здесь причину
В знаниях и в благородных деяниях цели достигнуть.
- 145 Шитая бисером лента, которую Лаймдота, дочка
Стабурадзе, ему подарила, чудо свершила.
Стабурадзе ученицу, Лаймдоту, Лачплесис встретил
В Буртниеком замке. Она оказалась дочкой родною
Старого Буртниека. Пылкой любовью ее полюбил он.
- 150 Лаймдота тем же ему в глубине души отвечала.
По вечерам они часто над озером вместе гуляли.
О затонувшем в озере замке она рассказала
И говорила преданья чудесные Буртниеков древних.
Он же у Буртниека Лаймдоты руку просить собирався,
- 155 Но в это время распространились вести, что снова

- В Кангарских чащах Калапуйс лютый обосновался *,
 Грабит селенья и беспощадно людей убивает.
 Ужасом люди были объаты. Не находилось
 Храброго, кто бы осмелился против насильника выйти.
- 160 Буртниека кликнул тогда клич по стране, что, мол, если
 Калапуйса кто-нибудь из Кангарских дебрей изгонит
 Или убьет, то он, Буртниека, ни пред какою наградой
 Не остановится, дочь свою выдаст за витязя замуж.
 Это услышав, Лачплесис и Кокнес с жаром просили
- 165 Старого Буртниека, чтобы позволил им с эстом сразиться.
 Буртниека вначале не соглашался, боясь за питомцев.
 Но наконец он, зная обоих дивную силу,
 Все ж отпустил их, доброй удачи им пожелавши.
 Вот на конях боевых, в богатырских военных доспехах
- 170 Вооруженные двинулись юноши к Кангарским дебрям,
 Сопровождаемы сверстниц и сверстников звонкою песней.
 На полдороге витязи встретили вестников конных,
 К кунигу Буртниекому торопившихся с вестью о том, что
 Сильные полчища эстов, переваливши границу,
- 175 Грябят и жгут беззащитные села и просят селяне
 Мудрого Буртниека, чтобы послал им войско на помощь.
 Посовещались юноши, как поступить им разумней.
 Буртниеку тоже надобны будут добрые руки
 В битвах с лютым врагом. Все обсудив, порешили,
- 180 Что одному из них надо с гонцами назад воротиться.
 Вызвался Кокнесис ехать обратно. Так говорил он:
 «Лачплесис, друг! Пускай ты заслужишь Лаймдоты руку!
 Видя любовь вашу, я отрекаюсь от спора с тобою».
- Калапуйс полдничал, сидя на склоне горы над обрывом,
 185 Близ шалаша своего из поставленных стоймя деревьев,
 Съев молодого быка, кабана он на вертеле жарил,
 К склону горы прислонив свою палицу из суковатой *
 Цельной сосны, с насаженным крепко до корня огромным
 Мельничным жерновом. Но увидавши, что едет
- 190 Из лесу Лачплесис, эст за оружие немедля схватился.
 Страшную палицу начал крутить он над головою
 Так, что вихрь загудел. Великан хохотал, издеваясь:
 Как, мол, такого птенца мать на верную смерть отпустила?
 Витязь ответил ему: великанов пора миновала,
- 195 Ныне последнего он отправит к Паколу в пекло.
 С яростным хохотом грозную палицу Калапуйс бросил,
 Вышиб коня из-под Лачплесиса с седлом и уздечкой.

- С палицей конь залетели в болото. На ноги Лачплес
Встал, не шатнувшись, выхватил меч и в бедро великана
200 С силой ударил, и тот, как подрубленный, рухнул на землю.
Падая, он за сосну вековую схватился, и, с корнем
Вывернув дерево, грузным стволом себе грудь придавил он.
Юноша освободиться ему не позволил: мечом замахнувшись,
Голову он уж хотел отрубить великану. Взмолился
205 Калапуйс, громко вопя: «Помедли, витязь могучий!
Дай перед смертью слово сказать мне! Ты, вероятно,
Лачаусис будешь? Мне еще в юности мать предсказала,
Что из-за Даугавы явится некогда Лачаусис-витязь,
Что одного его надо мне в будущем остерегаться;
210 Пусть берегутся тогда здесь народы,— море извергнет
Неких чудовищ в железной броне, с ненасытною пастью.
Все пожрут они: хлеб, и людей, и животных, и землю...
Мир заключим! Пред угрозой всеобщей было б нелепо
Нам убивать друг друга, народы свои без защиты
215 Бросив в опасности. Я же, мой витязь, тебе обещаю,
Выйдя отсюда, поддерживать вечный мир между нами.
Буду в дальнейшем оберегать я наши морские
Все острова, и, покамест я жив, чужаки на родную
Землю не ступят! А умирая, лягу я в Зунде» *.
220 Лачплесис спешно на ноги встать помог великану,
Руку ему протянул, говоря: «Да будет меж нами
Мир навсегда! Пойдем и разнимем наши народы.
Там, под горой, на равнине, они уж, должно быть, дерутся.
Пусть эта битва будет последнею меж латышами
225 И между эстами!» Перевязав бедро великану,
Двинулись оба они на равнину и остановили
Бой начинавшийся... Там, где упал великан, меж горами
Кангарскими, и доныне видна широкая яма;
Люди ее посегоднѣ зовут «Великаново ложе».
230 А его палица будто б лежит и поныне в болоте *.

«Пышноветвистые, узорнолистные
Еще красуются в Балтии дубы.
Стражи отчизны, герои отважные
Еще не вывелись в нашем народе.

- 235 Сестры, сплетайте венки им зеленые!
В песнях прекрасных их воспевайте!

Дочери Латвии, Лачплесиса пойте!
Лачплесис ударил и падает Калапуйс,

- В диких горах победил его Лачплесис,
240 Мира просить великана заставил он.
Эсты к нам больше прийти не посмеют
Грабить добро и пугать наших девушек.

- Братья! Корчуйте новины лесные!
Матери! Осенью пиво варите!
245 Весело будет на дружеских свадьбах
Петь, пировать и плясать поезжанам.
Первому — Лачплесису — пожелаем
Милую по сердцу выбрать невесту!»

- С песней такую Лаймдота с девушками выходила
250 В поле из Буртниека замка навстречу отцовскому войску.
Мир заключив, с ликованием Буртниека домой возвращался,
И украшали венками из свежих листьев дубовых
Девушки воинов, Лаймдота Лачплесиса увенчала;
Он же и воины девушкам песней такой отвечали:

- 255 «Где есть дубы, там и липы красуются.
Где есть герои, есть девушки милые.
С радостью жизнь отдадут наши воины,
Родину оберегая от недругов
И охраняя сестер своих, девушек.
260 Ярче пусть блещут веночки расшитые,
Пусть этот блеск никогда не туманится!
Лайминя-мать их растила для Латвии —
Милых, усердных, разумных, приветливых,
И если мне ниспошлет тебя Лайминя,
265 Лаймдота, милая дочь моей Латвии,
Жить для тебя поклянусь я, любимая!»

- Буртниека, восторженно глядя на них, сам петь с ними начал.
Радость великая сердце у каждого переполняла.
Лаймдота в замок всех пригласила и там угощала
270 Воинов славных. Буртниека велел для них выкатить меду.
Лачплесис был счастливее всех: сама обносила
Лаймдота медом гостей и пила за здоровье героя.
И прокатилась витязя слава по землям балтийским.
Так превратился умысел злой — уничтожить героя —
275 Волей бессмертных в удачу высокую, в громкую славу.

Лачплесис вечером как-то один спустился под своды

- Замка, в покой сокровенный, где древние свитки хранились.
Он увидал в углубленье стены приоткрытые двери.
Раньше дверей этих не замечал он. Факел поднявши,
280 В дверь заглянул он и ход потайной за дверью увидел.
Узкие камни стертых ступеней вели в подземелье.
Лачплесис долго спускался и вот очутился
В замке старинном. И скоро по звуку шагов догадался
Он, что в замок попал затонувший, что над крутыми
285 Сводами замка глубокого озера высятся воды.
Много покоев, наполненных разным добром, миновал он,
Древним оружием, какого дотоле нигде он не видел.
Тут он заметил свет, исходивший из дальней палаты.
Медленно витязь в палату вошел. Там лари громоздились *.
290 Бирками, свитками древними, досками и письменами
Полки забиты. Каменный стол стоял средь палаты.
Тускло горящий светильник чадил на столе, и сидела
Девушка там со свитком в руках, погруженная в чтение
Так глубоко, что вошедшего юноши не замечала.
295 И лишь, когда подошел он, звуком шагов его будто
Пробуждена ото сна, подняла она голову тихо.
«Лаймдота, ты не сердись, что я покой твой нарушил!
Мне благосклонная Лайминя встретиться здесь предсказала,
В этом чудесном чертоге, с тобою, как с доброю феей.
300 Дверь потайную нечаянно я наверху обнаружил
И в подземелье спустился, пришел в этот замок волшебный.
Здесь ты сегодня; позволь хоть мгновенье побыть мне с тобою!
В тайные древние свитки позволь заглянуть! Мне сдается,
Этот чертог затонувший тот замок и есть, о котором
305 Ты мне рассказывала...» — «Да, тот самый! — ему отвечала
Лаймдота. — Как это дверь я сегодня закрыть позабыла?
Только отец ее ведал да я. Но уж раз обнаружил
Ты затонувший наш замок, останься! Читать будем вместе
Праотцев наших преданья и их прекрасные песни».
310 «Ах, как хотелось бы мне с такою подругой прекрасной
Вместе остаться навек у наших преданий великих!»
«О, никогда сгоряча не высказывай сильных желаний! —
Лаймдота отвечала. — А то подслушают боги,
И неожиданно наше желанье мгновенно исполнят, —
315 Так чтоб потом не раскаяться! Знай: с околдованным замком
Связано счастье мое. Последняя Буртников дочка
Сужена в жены герою тому, кто в замке пробудет
Ночь и останется жив. Тогда рассеются чары,
И на поверхность озерную вместе с отважным героем

- 320 Замок поднимется». Взяв ее за руку, юноша с жаром
Вымолвил: «Лаймдота! Буртниеков славных последняя дочка!
Здесь, в сокровенном чертоге отцов твоих, правду скажи мне:
Можешь ли ты полюбить всем сердцем Лиелварда сына?
О, если бы так!.. Я найду в себе силы на дело любое!
- 325 В замке остаться и чары разрушить горю я желаньем!»
Лаймдота молвила тихо: «Могу! И жить будем вместе
И, если надо, вместе умрем за народ наш латышский».
Лачплесис милую обнял; она головой русокудрой
Тихо склонилась к нему на плечо, и два сердца горячих,—
- 330 Два благородные сердца, полные славных достоинств,—
Сладко слились, как два редко встающих над миром светила.
Волны шумели над кровлями древнего Буртниеков замка.
Месяц мерцал сквозь высокую воду. Легкие тени
Роем скользили по горницам замка и улыбались
- 335 Радостно, видя влюбленных чету. Но не замечали
Те ничего, ничего не слыхали, чистым, огромным
Полные счастьем. Раз только в юности первой любовью
Счастье такое даруется людям в обманчивой жизни.
О быстрокрылое, краткое счастье! Зачем ты так рано
- 340 Прочь улетаешь? Ты рай на земле созидаеть мгновенно
И в то ж мгновенье из рая избранников прочь изгоняешь.
Но неужели мгновение счастья не перевесит
Века трудов и мучений? Да! Перевесит! Мгновенье
Яркого счастья любви и долгие годы страданий —
- 345 И наконец всезабвение смерти, когда безразлично,
Счастлив ты был, человек, иль несчастен за век свой короткий.
Тою порой, пока витязь и Лаймдота переживали
Счастье небесное, злоба поблизости их не дремала.
В темное замка окно глядела змея водяная,
- 350 Яростью взгляд пламенел, словно Спидалы черные очи.
Лаймдота первой очнулась, молвила, что уже поздно,
Близится полночь и надо наверх уходить поскорее.
Лачплесис твердо решил в этом замке на ночь остаться.
Видя, что все уговоры напрасны, Лаймдота скрылась.
- 355 Полночь настала. Так вдруг морозно сделалось в замке,
Что не вытерпел витязь. В углу валялись обломки,—
Ларь там был полунстлевший,— витязь зажег их и, греясь
Возле костра, принялся ожидать, что дальше случится.
Вихрь закружился по замковым залам. Озерные воды
- 360 Забушевали за окнами. С грохотом дверь распахнулась*.
Семь эфиопов в залу втащили огромный раскрытый
Гроб. В нем лежало чудовище с синею мордой, с клыками,

- Словно кирки, и с ногтями, как сабли. Вначале казалось
Мертвым страшилище это, потом начало оно грузно
- 365 Ерзать в гробу, раскрыло глазища и завопило:
«Ой, как мне холодно! Ой, как я зябну!» Дрожь поневоле
Лачплесиса охватила. Таких неистовых воплей
Вынести был он не в силах. Разжег свой костер он пожарче,
Сгреб он верзилу, из гроба выволок мигом,
- 370 Близко к огню посадил и сказал ему: «Грейся, негодный,
Но не ори так противно!» А тот вопил еще громче
И норовил ухватить зубами косматые уши
Витязя. Видно, он знал, что сила в ушах у героя.
Юноша, сопротивляясь ему, рассердился и прямо
- 375 В пламя пихнул его. Шерсть на боках у того запылала.
Заскрежетал он, завыл, моля, чтоб пустил его витязь.
Не отпустил его витязь, сказал: «Не пущу тебя, прежде
Чем этот замок со дна навёрх не поднимется к свету!»
С грохотом дверь распахнулась, и с дьявольским визгом вбежали
- 380 Спидала-ведьма и прежние с нею семь эфиопов.
Были у них в руках докрасна раскаленные вилы,
И налетели на витязя все, заколоть угрожая.
Спидала яростней всех нападала, сверкая глазами.
Трудно стало герою нечисти сопротивляться.
- 385 Зеркальце Стабрадзе вытащил он из-за пазухи мигом,
Выставил перед врагами. Отчаянный вой прокатился
Гулко по замку. Чудовища в страхе попадали на пол
И мгновенно вскочили и, пыль поднимая, удрали.
И все утихло. Пыль улеглась. Дуновением свежим
- 390 Влажного ветра очистился воздух. Свет показался
В дальней палате, и вышел оттуда старец почтенный.
Лачплесиса он приветствовал: «Витязь мой! Счастья желаю
Я и тебе и народу латышскому! Выгнал ты нечисть,
Освободил из-под дьявольской власти Буртниекский замок.
- 395 Завтра, чуть свет, он к свету дневному подымется снова.
Свет принесет он народу в духовных сокровищах предков.
Есть среди них и законы, данные некогда мною,
Мною полученные от бессмертных зиждителей мира.
Видувед я! От меня народ происходит латышский*.
- 400 Будь же счастлив, мой сын! Усни сегодня спокойно!
Дочки мои до утра тебя песнями будут баюкать».
Видувед смолк и, как облако белое, мягко растаял.
Тихо вошли три прекрасные девы. В руках у них были
Простыни и покрывала и травяная подушка.
- 405 Девы постель постелили и, пожелав доброй ночи,

Тоже как будто растаяли. Сильную чуя усталость,
Лачплесис лег. Издалека прекрасные песни звучали.
Грудь поднималась легко, невольно веки смыкались.
Снилось ему, что постель его кверху легко подымалась
410 Вместе с ларями и свитками, вместе с чертогом высоким...

И поутру удивлялись чуду окрестные люди,
Видя на озере, там, где вчера еще волны катились,
На островке горделиво стоящий замок старинный.
Лаймдота все рассказала отцу, как витязь остался
415 На ночь вчера в заколдованном замке; и радостный, понял
Буртниека, что снова свободен древний отеческий замок.
В лодку он с дочерью сел, в нетерпенье отправился к замку.
Витязя спящим еще нашли они в светлой палате.
Лаймдота, тихо окликнув, его разбудила. Открыл он
420 Веки и видит, что в окнах узорчатых солнце сверкает.
Быстро поднялся Лачплесис с ложа, Лаймдоту обнял
И, целуя ее, говорил ей: «Моя ты отныне!
Ныне разбиты преграды, которые нам не давали
Соединиться!» И Буртниека сказал: «Отныне тебе лишь
425 Лаймдота принадлежит. Прими мое благословенье
Отеческое! Да сольются навеки два славные рода,
Коем дано просвещать и хранить народ наш латышский!»
С этой поры каждый день посещали замок старинный
Витязь и Лаймдота и сокровенные свитки читали,
430 И с удивленьем немалым герой наш узнал, как глубоко
Лаймдота вникла в премудрость, сокрытую в свитках старинных,
Как хорошо рассказать умела она о высоких
Судьбах богов, и о нравах людских, и о древнем величье.
Вечером как-то, когда они вместе в замке сидели,
435 Лаймдота, свиток один развернув, сказала: «Сегодня
Я прочитаю тебе о нашем давно затонувшем
И из пучины тобою снова поднятом замке.

Так началось: на Востоке, из-за семи отдаленных *
Царств семи королей, с края света, где солнце восходит,
440 Облако белое в небе, как белый конь, появилось.
Перкон сидел на облаке, как на коне, и огромным
Щелкал бичом и молнии сыпал кругом, так что скалы
В щебень раскалывались и долины и горы дрожали.
С облака Перкон воззвал, потрясая просторы земные:
445 „Кто пожелает за мною последовать и подчиниться

- Мне, тех на Запад с собой поведу я, на новую землю!“
 Люди молчали внизу, испугавшись грозного бога.
 Буртнииков род отозвался один, род могучих и храбрых
 Воинов и мудрецов, говоря: „Мы пойдем за тобою,
 450 Перкон великий, и будем служить тебе, слушаться будем
 Голоса мы твоего. Веди нас на новую землю!“
 Перкон поплыл впереди на облаке, Буртниики следом
 Шли по земле. По дороге немало врагов им встречалось.
 Оборотни, людоеды, и змеи, и всякая нечисть
 455 Злобно на них нападали; Перкон разил их громами,
 Буртниики били мечами, покамест над Западным морем
 Перкон не остановился; и стали там люди на отдых.
 Там их никто не тревожил; и Запада море назвали *
 Белым они. Посреди той страны плодородные земли
 460 Вскоре открыли они и навеки там обосновались.
 Крепкий построили замок в долине, леса корчевали,
 Сеяли лен и ячмень. Перкон вовремя дождик давал им,
 Солнышко им наливало колосья, а Узинь под осень *
 Медом одаривал. Дети богов научили их делать
 465 Хмельную брагу и пенное пиво. Буртниики пили
 И веселились. Юноши их выбирали прекрасных
 Девушек в жены. Разросся народ на балтийских просторах.
 Зиедон сходил к ним, Лиго слетал с золотыми куокле.
 Песни веселья беспечно звенели в лесах и долинах.
 470 Светлые то времена, золотые для Буртнииков были *.
 Йоду, завистнику Перкона, это пришлось не по нраву.
 Вихорь послал он на Белое море, и Вихрю велел он *
 Смерч водяной исполинский скрутить и, поднявши на воздух,
 Целое бурное озеро вод опрокинуть в долину
 475 Буртнииков, чтобы утопить их. Увидели люди — огромный
 Смерч водяной, шумя и крутясь, к ним от моря несетя,
 И, налетев, над землей завертелся и остановился.
 Некий старик, видя это, решил со смёрчем сразиться.
 Вилы он взял, обошел вокруг смерча, шепча заклинанья,
 480 И размахнулся, прицелясь вилами в смерчево сердце.
 Рядом стоящий сказал: „Подожди! Я сейчас водяное
 Слово шепну. Мне сдается, что целое озеро, Вихрем
 Пóднятое, ищет места себе, чтобы наземь пролиться“.
 Но не послушался старый! Вилы метнул. И мгновенно
 485 Вихорь утих. И озеро с шумом ужасным упало
 На землю и затопило долину и Буртнииков замок.
 Буртниики все бы погибли, если бы Лиго случайно *
 Не оказался поблизости. Петь и играть на куокле *

Лиго на дне озерном принялся, да так сладко, что камни
490 Мягкими стали, скала расступилась, и Буртниеки вскоре
Из затонувшего замка пещерой и ходом подземным,
Здравы и невредимы, вышли к солнцу, на волю».
Лачплесису на другой день Лаймдота снова читала:

«Не было ничего вначале. Лишь в беспредельных *
495 Далях витал изначальный свет, из которого после
Все появилось. И был этот свет без конца и начала —
Мира душа, прародитель дүхов, старый, предвечный
Бог. А с ним рядом жил Черт. Он еще был послушен
Богу в то время, еще не отпал по злобе от Бога,
500 Хоть и тогда уж терзали его корыстные думы.
Мир сотворить наконец надумал Бог и сказал он *
Черту: „Поди отыщи на дне болотной трясины
Твердо слежавшийся ил, горсть его загреб и проворно
Мне притащи!“ Черт нырнул в болото и, черного ила
505 Горсть ухватив, подумал: „Зачем он надобен Богу?
Ну-ка и я прихвачу, чтоб мне в дураках не остаться!“
И запихнул себе за щеку первую горсть, а вторую
Богу наверх притащил. А Бог, эту горсть разбросавши,
Молвил: „Да будет земля!“ — и в просторах земля появилась
510 Ровная. Стал разрастаться спрятанный в пасти у Черта
Ил. Не выдержал Черт и его выплевывать начал
И наплевал на гладкую землю высокие горы.
Бог захватил своего сияния горсть и, рассеяв,
Молвил: „Да будет солнце! Да будет луна!“ — и над миром
515 Солнце взошло золотое, а следом серебряный месяц.
Солнце в те дни и Земля были девушками и настолько *
Были прекрасны, что Бог полюбил их и женами сделал.
В те времена родились дети Бога и дочери Солнца.
Солнцеву старшую дочку Месяц взял себе в жены.
520 Тысячи звездочек ясных от брака их народились,
Боги-сыны были дивно сильны и сами богами *
Стали они. Мирозданье они меж собой поделили.
Первый был Перкон средь них, с пятью сыновьями своими
Свод над землей он воздвиг — обиталище духов бессмертных.
525 Солнышку дали коней золотых, чтоб легко ему было *
За день успеть все небо объехать и запыленных
Жарких коней своих выкупать в море. Море же Антримп
Взял во владычество. Вечером Антримп Солнце встречает
И перевозит его через море в ладье золоченой
530 Вместе с конями к восточному берегу, к месту восхода.

- Патримп землю избрал. Ее он с Зиедоном вместе
 Шелком зеленым, парчай золотой, серебром одевает.
 Пакол дорогу мостит от земли до высокого неба.
 Все ж из-за Черта многое стало другим, чем вначале.
- 535 Много напортил он. Камни вначале мягкими были *.
 Черту наказывал Бог, чтоб тот не топтал их, покамест
 Сами не станут они рассыпчатой, мягкой землею.
 Но любопытствовал Черт: что же будет, если он камни
 Станет ногами топтать? И много камней навалил он
- 540 И наступил на них. Сразу все камни твердыми стали.
 Есть над Даугавой камень один, на котором доньше
 Виден ступни отпечаток; зовут его Чертовым камнем.
 Не было в те времена у деревьев ветвей и развилин *.
 Черт косою владел и сам сенокосничал ею,
- 545 Бог же имел долото, что ковали Перкона дети.
 Раз, когда Черт задремал, взял бог его косу и ею
 Много себе накопил травы. Черт проснулся и очень
 Был удивлен: как Бог накопил долотом столько сена?
 Сено косить долотом он решил испробовать тоже.
- 550 Бросил в траву долото, а оно ненароком вонзилось
 В дерево. И с той поры пошли на деревьях развиля,
 Ветви и сучья. В ту пору водились у Черта коровы *
 С неразвоенным копытом, комолые, с синею шерстью.
 Бог же настроил хлевов. Черт спросил: „Какую скотину
- 555 В эти хлева ты загонишь? Ведь ты коров не имеешь“.
 Бог отвечал ему: „Были б хлева, а коровы найдутся!“
 И только ночь наступила, из чертовых стойл перегнал он
 Чертовых синих коров к себе, рога им приделал,
 Синюю шерсть их раскрасил пестро, раздвоил им копыта.
- 560 Черт проснулся с зарей, чтоб коров на пастбище выгнать,
 Видит он: стойла его пустые стоят, а у Бога
 Много коров, но совсем незнакомой, новой породы,
 Все — с кривыми рогами на лбу, с развоенным копытом,
 Все — разномастные — дымчатые, буренки, пеструхи,
- 565 Черные, рыжие. И не признал свою он скотину.
 Вскорости Бог завести собаку решил. И сказал он *
 Черту: „Возьми посошок, выйди в поле и сделай из глины
 Четвероногого зверя с двумя глазами, с ушами,
 С шерстью, с хвостом; а потом посошком ударь его трижды,
- 570 Молвив: „Бог тебя сотворил!“ — и станет живой он“.
 Черт из глины собаку слепил, ударил клюкою,
 Трижды сказав: „Бог тебя сотворил!“ — Собака вскочила
 И побежала за Богом, виляя хвостом. Захотелось

- Черту и для себя завести собаку. Слепил он
 575 Нового зверя, но телом крупнее и шерстью пышнее.
 Выдрав пучок из бровей своих, сделал зверю он брови.
 Трижды ударил клюкою и молвил: „Черт тебя создал!“
 Но не вставало животное. Нечего делать. И Черту
 Трижды пришлось повторить: „Бог тебя сотворил!“ — Мигом ожил
 580 Зверь и кинулся Черту на грудь с оскаленной пастью.
 Черт закричал: „Иш-ты, волк!“ — Зверь отпрянул и в поле умчался
 Бог, наконец, человека решил сотворить. Из чистейшей *
 Глины слепил он его; две руки, две ноги ему сделал,
 Но один только глаз и ухо одно, и промолвил:
 585 „Доброе только должен ты видеть, доброе слышать,
 Доброе делать вдвойне и путями добра неуклонно,
 Прямо ходить!“ — И одну ноздрю в носу человека
 Бог просверлил и дунул в ноздрю и молвил: „Ты будешь
 Вечным богам подобен, рожденный из глины и духа!“
 590 Начал дышать человек. Еще спал он первым спокойным
 Сном. „Спи пока до утра! — Бог сказал. — А солнышко утром,
 Встав над землею, тебя к счастливой жизни разбудит!“
 Только что Бог на ночлег удалился, Черт появился.
 Сделал он ухо второе и глаз второй человеку,
 595 Молвил: „Зло да увидишь, зло да услышишь, да будешь
 Делать и зло, и добро!“ — и вторую ноздрю человеку
 Черт просверлил и дунул в нее. А пóутру солнце,
 Встав, разбудило самое дивное в мире создание.
 Вольным божественным духом полно и дерзанием смелым,
 600 К дивной цели — к добру — стремится оно и к познанию.
 Жизнь отдает свою самоотверженно, неустрашимо,
 Только б достичь совершенства! Даны ему от природы
 Ум величавый и воля железная; в мире подлунном
 Нет сильней никого — ему сами боги покорны!..
 605 Может, однако, оно страшным стать: дыша вероломством,
 Смерть и гибель нести добру и красе во всем мире.
 Бог, увидав, что работа его испорчена Чертом,
 Вечным проклятием проклял Черта и вверг его в пекло.
 Черт наплодил там несметное множество нечисти всякой,
 610 Вверх затем поднялся и войну против Бога затеял.
 Боги и дети богов — все пошли воевать. Грохотала *
 Буря, земля колебалась, качалась. Высокие горы
 В бездну проваливались, а море, вздымаясь до неба,
 Материки затопляло... Но вот вся нечисть обратно
 615 Загнана в пекло была, где она предается донине

Мерзостям всяким и, на землю ночью тайком выползая,
Ткет свои гнусные сети и слабых людей соблазняет,
Перкон же, адскую нечисть заметив, гонит обратно».

- Вечером как-то затем некий свиток старинный
620 Лаймдота развернула и молвила: «Лачплес, послушай,
Буду читать я премудрого Видуведа наставленья,
Писанные лишь для тех, кто их может понять и исполнить:
„Время уходит, время приходит, но не иссякает;
Время безбрежное — вечность, и вне его вечного круга
625 Вечность иную искать неразумное будет стремленье.
Солнцу, земле и богам на вечную жизнь его хватит;
Лишь человеку его не хватает, и за короткий
Миг бытия лишь каплю от вечности он испивает.
Но человечеству в мире дано безграничное время.
630 Кто сосчитает минувшие годы с тех пор, когда первый
В мире открыл глаза человек? Кто сегодня предскажет
День, когда смертный последний навеки закроет зеницы?
И человек умирает, и могут народы исчезнуть —
Лишь человеческий род будет жить, пока мир существует.
635 Ради великого, ради бессмертного рода людского
Жить и трудиться, и совершенствоваться неустанно,
И умереть за него — вот достойные в жизни задачи
Каждого, кто человека высокое звание носит.
И человек, и целый народ благородством высоких
640 Нравов и мудростью может подняться вровень с богами.
Но с той поры человек в богов своих старых не верит,
Низкими старые боги мнятся ему, создает он
Новых высоких богов, прекрасную новую веру;
Первая же, одряхлев, становится уж суеверьем.
645 Поприще здесь для работы друзьям народов открыто:
Освобождать народы от лживой веры, чье иго
Дух свободы теснит — на пользу известным сословьям.
Воля народов — воля богов. Народ полновластен
Сам для себя избирать правителей правдолюбивых.
650 Если же волю народа избранник народа нарушит,
Ради корысти своей сословия некие станут
Или народ угнетать, народ тогда полновластен,
Как негодяя-слугу, правителя выгнать за двери.
Поприще здесь открывается новое свободолобцам:
655 Дать народу закон, который, как щит, охранял бы
Каждому право, свободу, жизнь его и достоянье —
Мудрый, великий закон, неизменный закон во вселенной.

- И вот, когда все народы богам уподобятся в мире,
 Ненависть, горе, вражда и нужда без следа расточатся.
 660 Тайны миров раскрывая, себе покоряя природу,
 Мглистый незнания покров с седого бывшего срывая,
 Люди, поняв свое прошлое, смогут без горьких блужданий
 Правильный путь в настоящем найти и согласно устроить
 Будущее — золотое, прекрасное, полное счастья.
 665 Каждый, трудясь для высокой всечеловеческой цели,
 У своего народа родного и рода людского
 Добрую славу заслужит и благодарность потомков,
 Дух же его будет жить средь богов, в обители света“».
 Лаймдота чтение закончила, свиток свернула, связала
 670 И, убирая в ларец его, молвила: «Здесь еще много
 Повестей и наставлений хранится в ларцах заповедных;
 Чтобы их все прочитать, нужны будут многие годы.
 В будущие времена, быть может, народа сыны их
 Вынесут к солнцу, пыль отряхнут с них и пред народом
 675 Скрытые в них возгласят поученья, преданья и знания».

* * *

- Велей пора наступила. Лаймдота захлопоталась *,
 Для долгожданных гостей угощение готовя. Сам БуртниеК
 Спать не хотел в эту ночь, чтобы встретить достойно, с почетом
 Души людей дорогих, могилою с ним разлученных.
 680 Лачплес и Кокнес работали оба. В риге просторной
 Сдвинули плотно шесты для снопов и вымели чисто
 Пол земляной и белым песком и нарубленной мелко
 Хвоей посыпали, листьями дуба украсили стены.
 Рига всегда была местом любимым всяких домашних *
 685 Духов. В яме под печкой гномы гнездились. За печкой
 Жил Домовой. А у злых и скупых соседей под крышей
 Прятался огненный пукис. Зимой, как овсы обмолотят,
 В ригах пустых привиденья являлись и черти гуляли.
 Ночью же велей все духи и черти бросаются в бегство,—
 690 Место они отдают почитаемым душам усопших.
 Лачплесис с другом, убрав и украсив внутри помещенье,
 В ригу столы принесли и вокруг них расставили стулья,
 Лаймдота тут же столы скатертями льняными накрыла
 И на столах разложила мед, молоко и лепешки,
 695 Блюда поставила с мясом и с ячменем разваренным.
 БуртниеК раздвинул на окнах щиты, прислонив лубяные
 Скаты, чтоб вёли могли легко, как на санках, скатиться.

Все домочадцы сошлись уже в риге. И Лаймдота вместе
С девушками под столами расставила с шерстью корзины,
700 Тонко расчесанный лен положила. И девушки пели:

«Аугшлеците, Землеците!
Закатись в корзиночку,
Отдохни в корзинке с шерстью,
В камышовом креслице!

705 Велей мать, лети, родная,
Прямо в ригу батюшки,
Чтоб следочков не осталось
На песке серебряном.

Просим мы тебя, отведай
710 Наше угощеньице,
Наших кушаний попробуй,
Для тебя состряпанных!

Береги меня, чтоб вечно
Я была красоткою,
715 Чтобы весь свой век со мною
Счастлив был мой суженый».

Вот темнота наступила. Зажгли факелá и лучины.
Все оставались до полночи в сборе. А в полночь поднялся
Буртние́к и молвил: «Дети, идите и спите спокойно!
720 Я здесь останусь один дожидаться милых умерших».
Все разошлись, чтоб молчание ночи святой не нарушить.
Поутру Буртние́к и Лачплесис вместе Лаймдоту ждали.
Кушанье велей она должна была утром из риги
В дом принести, чтобы все освященную пищу вкусили.
725 Буртние́к, в глубоком раздумье сидевший, витязю молвил:
«Сын мой! Минувшею ночью явились мне вещие знаки,
Нам и стране испытаний тяжелых сулящие много.
Дочке они и тебе обещают нелегкие судьбы,
Только бы Перкон и боги к добру это все обернули!
730 Где же замешкалась Лаймдота наша? Взгляни-ка, быть может,
Все еще спит она?» Витязь пошел и видит: закрыта
Лаймдоты дверь. На зов и на стук не услышав ответа,
Он воротился, сказал, что, должно быть, Лаймдота вышла.
Всех домочадцев и слуг спросить они в замке велели,
735 Но ни один в это утро девушку дома не видел.

- Дверь ее горницы Буртниеки и Лачплесис быстро взломали.
Постланное, как вчера, там несмятое ложе стояло.
Лаймдота, значит, и спать не ложилась. Страх обуял их.
Все обитатели замка встревожились. Мигом окрестность
740 Замка обрыскали тщетно. И Кокнес исчез в это утро.
Кокнес и Лаймдота оба пропали, куда — неизвестно.
Горем убитый Буртниеки вернулся домой после долгих
Поисков. «Сын мой! — сказал он Лачплесису, — значит угодно
Стало богам тяжело испытать нас. Но сокрушаться
745 Нынче не время. Я думаю, дочь оказалась во власти
Вражьего умысла. Быстро поэтому действовать надо!
Всех моих воинов ты созови и, не медля ни часу,
Вслед злодеям скачи. Может быть, ты их и догонишь».
Лачплесис молвил: «Нет, мой отец! Твои ратные люди
750 Сами пусть ищут, особо: меня они только задержат.
Я же отправлюсь один и свято тебе обещаю:
Или вернуться обратно с Лаймдотой в Буртниецкий замок,
Или же вы никогда меня не увидите больше!»
Лачплесис вооружился, с Буртниеком старым простился
755 И покинул места, где так много счастья изведаль.

* * *

- В Турайдском замке, в зале большом, за беседой сидели
Кангар и Дитрих и замка хозяин Каупо славный.
Немец пронырливый Дитрих быстро сумел незаметно *
Властно-горячего Каупо сетью своею опутать.
760 Много рассказывал Дитрих ему о землях немецких,
О городах, о науках, о славе князей иноземных
И о единственно праведной вере, которая в жизни
Святость дает, а по смерти — бессмертье и вечную радость.
Дальше рассказывал Дитрих о римском великом владыке,
765 Как он с общиной рыцарей верных решил всем народам,
Мир населяющим, преподнести свою правую веру.
Дитриху Кангар поддакивал, а простодушный их слушал
Каупо и сомневался он в силе богов своих древних.
Дитрих ему рассказал, что прибыл корабль из немецких
770 Стран, что заморские люди хотели бы обосноваться
Здесь — при слиянии Ридзини с Даугавой город построить;
И говорил, что большая была бы для Балтии польза,
Если бы город построить куниг позволил пришельцам.
Дальше читал ему Дитрих послание римского папы:
775 Тот, мол, приветствует Каупо, шлет ему благословенье

- И приглашает его погостить в прославленном Риме.
Дитрих еще говорил, что Каупо сам тогда сможет
Видеть воочию дальних земель чудеса и навеки
Дружба святого отца в честь ему будет и в славу.
780 Каупо думал: «Не худо б немецкие земли увидеть».
Так посланье святого отца его сердцу польстило,
Что обещал разрешить иноземцам он город построить,
Сам же на их корабле плыть решил в заморские земли*,
Дитрих ему обещал сопутствовать всюду и в Риме
785 К папе его отвести самолично. Они после ночи
Велей решили, не мешкая, сразу же в путь отправляться.

- Минула Велей ночь, и наутро у Ридзини устья
Много народу в большом оживленье шумно толпилось.
Грузный немецкий корабль у причала качался на пенных
790 Даугавы волнах. Купцы, отплывавшие спешно, меняли
Разный немецкий товар на мед, на меха дорогие,
А остававшиеся иноземцы уже нанимали
Ливов и латышей строить город у Ридзини устья.
Вскоре подъехал старейшина Каупо. Сопровождаем
795 Дитрихом, сел на корабль он под громкие крики приветствий.
Став на высокой корме, обратился Каупо к народу:
«Братья мои дорогие! Дошли ко мне дивные слухи
О несказанно богатых, прославленных землях немецких.
С немцами дружбу поэтому я заключить предлагаю
800 И разрешить им на нашей земле новый город построить,
Чтобы отныне торговые здесь пролегали дороги,
Чтобы цвела наша родина, множилось наше богатство!
Дабы проверить чудесные слухи о Западе, сам я
Еду в Неметчину и обо всем расскажу вам, вернувшись,
805 Что я там видел и что нам потребно для нашего блага.
Ждите меня терпеливо и с немцами дружно живите!»
«Славный да здравствует Каупо! Пускай живут иноземцы,
Если с намереньем добрым они нашей дружбы желают!»
Так восклицая, народ отвечал старейшине Каупо.
810 Поднял якорь корабль, подгоняемый ветром попутным,
Двинулся. Вслед ему шапками с берега люди махали.
Кангар-святоша остался на суше. Он-то всех лучше
Знал, что за дружба с балтийским народом надобна немцам.
Кангар и Спидала,— Спидала тоже корабль провожала,—
815 Оба с коварной усмешкой глядели вслед уплывавшим.
Все ж был один человек, что зловерный их замысл проведаль...
«Калапуйса победитель — Лачплесис тут!» — среди народа

- Слышались возгласы. Дружно толпа раздалась, пропуская
Витязя. Он осадил скакуна, покрытого пеной,
820 На землю прыгнув, направился к Кангару он и угрюмо,
Грозно спросил его: «Старый злодей! Отвечай мне немедленно:
Где моя Лаймдота, Буртниека дочь, или череп
Я раздроблю тебе; знаю я хорошо, кто виновен
В исчезновенье ее!» Не успел еще Кангар придумать,
825 Что бы ответить ему, как Спидала, вдаль указавши рукою
На уплывающий быстро корабль, ехидно сказала:
«Там она! Вместе с парнями немецкими за море едет!»
Юноша гневно воскликнул: «Злодей! Убийцы народа!
Люди, не слушайте этих обманщиков! Я-то их знаю!»
830 Кангар бесчестный и Спидала адовой нечисти служат,
Ради корысти своей продают и народ свой, и веру!
Также не верьте и этим пришельцам — немцам коварным,
Если вам дорога свобода и прадедов вера!»
Но пока обвинение страшное это в безмолвье
835 Слушали люди, Кангар с духом собрался и быстро
В этот опасный решительный миг,— ибо мог потерять он
Сразу всю добрую сраву свою, что нажил годами,—
Заговорил: «Юный витязь мой! Будь в твоём обвиненье
Истины сотая доля, пускай меня Перкон раздавит
840 Здесь же на месте. Но ведомо мне, что тебя обманули.
Верь мне: за благополучье сородичей наших ответит
Каупо, который и сам плывет с ними в дальние страны,
Чтоб самолично рассказы людей чужеземных проверить.
Слушай, и сам ты свое обвиненье признаешь напрасным:
845 Лаймдоту не похищали, нет! Сама захотела
С Кокнесисом,— его она втайне и раньше любила,—
Сесть на этот корабль. А тот ведь давно уж проведаль,
Что собирается Каупо ехать в немецкую землю
И из дружины своей взять юношей самых толковых,
850 Чтобы премудростям всяким заморским они обучались.
Кокнесис очень хотел с ними за море ехать учиться.
Прошлую ночью обоим им с Лаймдотой выпал удачный
Час, чтобы, старого Буртниека дом незаметно покинув,
С Каупо вместе уплыть в немецкие дальние земли.
855 Но успокойся, мой витязь! Теперь не терзайся напрасно!
Правду узнай: тебя никогда она не любила,
Лишь уважала она твои подвиги и не хотела
Горя тебе причинять, на любовь отвечая отказом.
Сердце же требует прав своих тоже! И Лаймдота нынче
860 Счастлива, соединясь со своим настоящим любимым!»

- Если бы Перкон ударил над ним средь ясного неба,
Лачплесис не был бы так потрясен, как он потрясен был
Словом злодея. Бледен, убит, уронил он бессильно
Руку с мечом, что занес над злодеем. Мука терзала
- 865 Невыносимая душу его; лезвия иступленной
Боли изрезали сердце. Что ж это? Кокнесис, первый
Друг, его так обманул?.. А Лаймдота, ради которой
Отдал бы он сто жизней, лгала ему? Да неужели
Все это правда? Хотя в глубине души не поверил
- 870 Витязь обманщику, все ж не нашел иных объяснений
Исчезновенью невесты и друга. Такие же мысли
Прежде его обступали, но он от себя отгонял их,
Думая: «Нет, подожду, пока не воротится Каупо
Или другой чей-нибудь корабль мне вестей не доставит.
- 875 И берегитесь тогда вы, лукавые, если налгали!»
И, уж не слушая их и не глядя на них, на коня он
Сел и уехал прочь горделиво вдоль Даугавы синей.
Полная радости злобной, Спидала вслед поглядела,
Думалось ей, что она вожденной цели достигла.
- 880 Витязя участь была в самом деле гибели горше...
В скорби глубокой приехал он в Лиелварде, в замок отцовский.
Радостно старый отец приветствовал милого сына.
С первого взгляда заметил старик, что витязь несчастен.
Спрашивать стал осторожно. И все ему витязь поведал.
- 885 Молвил старик: «Не отчаивайся прежде времени, сын мой!
Дивны дороги Судьбы! Не теряй же надежды! Хоть с виду
Все против Лаймдоты, но, я уверен, она невиновна,
Любит тебя одного и верной тебе остается!»
Лачплесис, выслушав слово отца, стал немного спокойней.
- 890 Старому Буртниеку весть послал обо всем, что разведal
Он по дороге. А сам решил на некое время
В доме отцовском остаться, раздумать в тиши о дальнейшем.
Но нестерпимую мукой витязя сердце томилось.
Целые дни по крутым берегам он бродил одиноко,
- 895 Даугавы волнам вспенённым горе свое поверяя.
Вместе с волнами седыми хотел он отправиться в море,
С северным ветром поспорить, на Севера Дочь подивиться*,
Может быть, Севера Дочь, владычица бурь и сполохов,
Рану души уврачуе, остудит горящее сердце.
- 900 Так протомился он несколько дней. И внезапно не стало
Юноши в замке. Никто не видал, когда он уехал.
Также не ведал никто, куда он путь свой направил.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Каупо у святого отца в Риме.— Основание Риги.—
Лаймдота в монастыре.— Бегство Кокнесиса
и Лаймдоты из монастыря.— Лачплесис в Северном
море.— Дочь Зимы.— Псоглавцы.— Край земли.—
Алмазная гора.— Зачарованный остров в море*

- 1 В Риме старом, вечном Риме,
Где святой отец живет,
Войско рыцарей сзывали
Для похода в Балтию.
- 5 Балтию Марии-деве
Посвятил отец святой,
Кровописцам и убийцам
Дал он отпущение
Всех грехов; чтоб к правой вере
- 10 Обратить могли они
Балтии народ несчастный,
Гибнущий в язычестве.
Им на новые убийства
Дал благословение,
- 15 Строить каменные замки
Он велел им в Балтии.
Много всяческого сброду
На призыв откликнулось,
Много нищей, безземельной,
- 20 Хищной рвани рыцарской,
Всюду ужас наводящей,
По дорогам грабящей.

Сам святой отец сегодня
Принял войско рыцарей,
25 Полководцев им назначил,
Дал своих епископов.
Под конец отцу святому *
Двух людей представили.
Это Дитрих был и Каупо,

- 30 Что пришли из Балтии.
К целованью туфли папа
Допустил паломников,
Через толмачей любезно
С Каупо он беседовал.
- 35 Спрашивал его о нравах
И о людях Балтии,
Захотят ли христианства
Благодать принять они.
«Люди нашей веры — братья
- 40 Меж собой! — он сказывал.—
Так и новообращенным
Братьям предоставлено
Будет, наравне со всеми,
Пользование благами
- 45 И щедротами земными,
Что увидел в Риме ты
И в других местах обширной
Западной империи.
Но все эти блага мира —
- 50 Прах, пустяк, ничтожество
Пред блаженством, после смерти
Верных ожидающим!..»

- Каупо и на самом деле
Ослеплен был сказочным
- 55 Блеском и великолепьем,
В Риме им увиденным.
Слабыми ему казаться
Стали боги прадедов
Пред могучим, щедро льющим
- 60 Миру счастье господом.
И душой пред чуждым блеском
Славный лив не выстоял.
С племенем своим креститься
Дал он обещание.
- 65 И святой отец за это
Щедро одарил его;
Милостиво князя ливов
Посвятил он в рыцари;
И к себе его приблизил —
- 70 В свиту знати избранной.
Наконец отца святого

- Выслушав напутствие,
Рыцарское ополчение
В край балтийский двинулось.
75 Юношей, что в Рим с собою *
Вывез Каупо-вирсайтис,
По монастырям монахам
В обучение отдал,
Был меж ними — ставший позже
80 Знаменитым — Индрикис *.

- Зиедон вновь пришел. Оделись
Горы, доли зелению.
Бурно ожила природа,
Славя бога щедрого.
85 Но с природой не делили
Люди ликования,
Не видали, не слыхали,
Как цветет, шумит земля.
Их желания иные
90 И иные страсти жгли:
Обирать народ несчастный,
Праздно жить и пьянствовать.

- Там, где Ридзиня впадала *
В Даугаву, там тьмы людей
95 Рыли, сван забивали,
Новый город строили,
Окружали крепким валом.
Посредине каменный *
Встал собор, покрытый круглым
100 И тяжелым куполом.
Был у Ридзини возникший
Город назван Ригою.
Под броней соборных черных
Стен епископ Альберт там *
105 Властвовал. Попов с войсками
Рассылал оттуда он.
Убивать, крестить и грабить
Начали в стране они.
Замок Икшкиле и замок *
110 Саласпилс построили.
Ужасом объаты были

Жители окрестные.
Люди поняли, да поздно,
Что они обмануты,
115 И оплотом стала Рига
Чужаков и хищников.
Не тогда ль о ней сложили
Песню эту горькую:

«Рига, сколько ты убила
120 Наших юных сыновей!
Рига, сколько породила
 Ты рыданий, стонов, слез!
Рига, сколько потравила
 Ты зеленых наших нив!
125 Рига, сколько ты спалила
 Наших гумен и домов!
Рига, сколько осушила
 Бочек нашей браги ты!
Рига, сколько истребила
130 Ты богатства нашего!
Рига, сколько погубила
 Ты народу нашего!
Так скажи: чего же больше
 Пожелать могла бы ты?»

135 А пока над Даугавой
Новый город строился,
Далеко, в земле немецкой,
В некоей обители
Лаймдота в плену томилась,
140 Ложью из родной страны
Увлеченная и силой
К немцам привезенная.
Ведьма Спидала и Кангар
Злое дело сделали:
145 Тихой ночью велел к замку
Буртниека пришли они.
Деве Спидала явилась
В виде мертвой матери
И в засаду за собою
150 Ночью завела ее.
Взяли Лаймдоту, связали

И умчали в Турайду,
А оттуда прямо к морю
Той же ночью вывели.
155 И не помогли ни просьбы,
И ни слезы Лаймдоте —
На корабль ее втащили,
Увели в Неметчину.

Приходил в пути к ней Дитрих
160 Утешать хотел ее.
Говорил, чтоб не боялась,
Что вреда не будет ей,
Что на корабле с ней едут
Многие сородичи
165 Добровольно и что с ними
Едет Каупо-вирсайтис,
Что на жизнь в немецких землях
Поглядеть хотят они...
И что там предрешена ей
170 Слава несказанная,
Что ее себе в невесты
Избрал Крестус — бога сын.
Но с презреньем глядела
Лаймдота на Дитриха.
175 Гордо дева отвечала,
Коротко, с достоинством:
«Если Крестус твой насильно
Может брать невест себе,—
Хоть была бы я свободна,
180 Не могла б любить его.
Я обещана в отчизне
Молодому витязю,
На союз любви отец мой
Дал благословение.
185 Отпусти меня на волю,
Не томи, не мучь меня,
Иначе жених мой, витязь,
Страшно отомстит тебе!
Я же человеческая
190 Дочь, людьми рожденная,
Никакому сыну бога
Не гоюсь в невесты я!»

Совесьь вытравивший в сердце,
Дитрих, лжец испытанный,
195 Весь побагровел от злобы,
Услыхав ответ ее,
И, оставя уговоры,
Он покинул Лаймдоту.

Но не облегчилась доля
200 Горемычной пленницы.
Умоляла о защите
Вирсайтиса Лаймдота.
Тот сказал: «Никто не будет
Над тобой насильничать,
205 Но уж если в край немецкий
Занесла судьба тебя,
Ты останься здесь, покамест
Не вернусь из Рима я».
По лукавому совету
210 Дитриха решилсЯ он
Лаймдоту оставить в некой
Девичьей обители.
Но, ошеломленный Римом,
Ослепленный виденным,
215 На корабль свой возвратившись,
Он забыл про Лаймдоту.
Дитрих словом не напомнил,
Ибо видел ясно он,
Что за жемчуг драгоценный
220 Им подарен Западу
И что будут благодарны
Там ему за пленницу.

Настоятельница с нею
Ласкова сперва была,
225 Лишь надоедала часто,
Муча уговорами
Позабыть богов латышских,
Поклониться Кристусу.
Видя тщетность уговоров,
230 Начала запугивать
Лаймдоту. Отдать грозила
Пленницу какому-то

- Графу, он ее своей, мол,
Сделает наложницей.
235 И угрозы эти слыша,
Испугалась Лаймдота.
Стало ей к тому ж известно,
Что беспутный родственник
Настоятельницы — некий
240 Рыцарь — был в обители,
Что ее он мельком видел
И, пленясь красой ее,
Очень сильно захотел он
Завладеть красавицей.
245 Ибо, думал граф, для этой
Некрещеной грешницы
Нет защиты и закона
В просвещенном мире их,
Обращаться с нею можно,
250 Как бы им ни вздумалось.
Лаймдота просила дать ей
Срок на размышления:
На чудесное спасенье
Узница надеялась.
255 Минул данный срок. Напрасно
Чуда прождала она.
Поутру она ответ свой
Дать должна игуменье,
От богов родных отречься,
260 Позабыть великие
Книги, что она читала
В древнем замке Буртниеков.
Нет, отрадней смерть, чем это
Страшное решение!
- 265 Пала вечером на ложе
Лаймдота в рыданиях,
Умоляла добрых духов
Прилететь на помощь к ней.
В полночь в монастырском замке
270 Страшный шум послышался,
Топот, крики, лязг оружия,
Треск ворот ломаемых.
Ближе гул шагов тяжелых,
Распахнулась дверь ее.

- 275 На пороге кельи стали
Люди, в сталь одетые.
Старые монахи, слуги
Замка окружали их,
И один, заплывший жиром,
280 Обратился к рыцарям:
«Если только вы хотите
Взять у нас язычницу,
Отдаем ее с охотой
И благословляем вас.
285 Много дней она священный
Монастырь поганила!
Забирайте! Увозите!
Только нас не трогайте!»
Настоятельница вызвать
290 Попросила Лаймдота,
Ибо под ее защитой
Здесь она находится.
Но монахи отвечали,
Что сейчас нельзя ее
295 Вызвать, ибо затворилась,
Устрашась насилия,
В алтаре она со всеми
Остальными сестрами.
Тут железными руками
300 Ухватили Лаймдоту,
Вынесли за стены замка,
Подняли в седло ее
И с добычей поскакали
К лесу похитители.
305 Но внезапно некий рыцарь
Преградил дорогу им.
Палицей в шипах железных
Тяжко замахнувшись, он
Прогремел им: «Отпустите
310 Девушку, разбойники,
Или палицей своею
Размозжу вам головы!»
Те от неожиданности
В первый миг опешили
315 И обрушились тотчас же
Все на неизвестного.
Но с неслыханною силой

- Он в толпу их врезался,
Отражая град ударов
320 Кованым щитом своим,
Страшной палицей дробил он
Скорлупы железные.
Череп в стальных покрывках
Разлетались вдребезги.
325 Всех побив, свалил с коня он
И того, кто Лаймдоту
На руках держал. Чеканный
Тяжкий шлем сорвал с него.
Нечестивца, сына графа,
330 Он узнал в разбойнике.
Грозно молвил: «Пес немецкий!
Знаешь ли, что гордая
Дочь свободного народа
Стольких совершенств полна,
335 Что любой из ваших графов
Недостоин воду ей
Подавать! Умом высоким,
Красотою светлую
Ни одна в немецких землях
340 Дева не сравнится с ней!
Расскажи своим, бездельник,
Подлецам-приятелям,
Что когда они посмеют
К нам явиться в Балтию,
345 Так же, как теперь я с вами.
С ними там расправятся!
В этот раз, до новой встречи,
Отпущу живым тебя».
А когда он смолк, очнулась
350 Лаймдота, пришла в себя.
Тяжкий шлем ее спаситель
Скинул с головы своей.
Радости своей не веря,
Под луною полною
355 Кокнеса перед собою
Лаймдота увидела.
«О, спасибо добрым духам,
Что поспел я вовремя,—
Говорил отважный Кокнес,
360 Девушку приветствуя.—

Но теперь бежим отсюда,
Лучше здесь не мешкать нам.
О своей судьбе тебе я
Расскажу дорогою».

- 365 И на двух коней уселись
Кокнесис и Лаймдота.
По лесной тропе поспешно
Поскакали прочь они.
Глубоко в горах, в избушке
370 Бедной кров нашли они.
Там радушно дровосеки
Беглецов приветили.
Отдохнули день и дальше
В путь они отправились.
375 Молодым оруженосцем
Нарядилась Лаймдота,
Кокнес ехал перед нею
В одеянье рыцарском.
Так они достичь хотели
380 Самой ближней гавани,
Чтоб на корабле попутном
Воротиться в Балтию.
Все, что с ним случилось, Кокнес
Рассказал дорогою:

- 385 Перед ночью велел Кангар
Повстречался с Кокнесом,
Рассказал ему, что Каупо
Едет в земли римские
И перед отъездом важной
390 Вестью должен с Буртниеком
Поделиться. Если ж Буртниеком
Занят встречей с велями,
Кокнес пусть пойдет с ним, чтобы
Весть принять от Каупо.
395 И пошел, доверья полный,
Кокнес вместе с Кангаром.
В Турайду прибыв, он встретил
Там знакомых юношей,
Что поехать собирались
400 Вместе с Каупо за море.

- Проводить до корабля их
Друга звали юноши.
Согласился он охотно.
Сообщил уж после им
405 Кангар, что, мол, весть от Каупо
Будет только завтра лишь.
На корабль прибывши, гости
Мирно сели завтракать.
Подносил вино им Кангар,
410 Дитрихом даренное.
Пили молодцы напиток,
Прежде им неведомый,
До тех пор, пока глубокий
Сон не пересилил их.
415 Кокнес, пробудясь, увидел,
Что корабль качается
Средь взволнованного моря.
Небо да вода кругом.
С тяжкой головой, сердитый,
420 Сам себя стыдился он.
Что беспечно, без опаски
Пил вино немецкое.
Против воли на чужбину
Плыть пришлось теперь ему,
425 А другие утешали,
Говоря, что может он
Сам воочию увидеть
Чудеса заморские.
Кокнес тем был успокоен.
С юношами прочими
430 Он в монастыре старинном
Предался учению.
На досуге посещал он
Ближний замок рыцарский,
И, участвуя в турнирах
435 И в забавах рыцарских,
Местных витязей дивил он
Силою и ловкостью.
А что здесь, в земле немецкой,
Лаймдота, не ведал он.
440 Но прослышал, что в соседней
Девичьей обители
Пленница есть молодая,

- Девушка из Балтии,
И что графский сын задумал
445 Тайно увезти ее.
Зная же, какая злая
Доля ждет несчастную,
Он ее решил вырвать
Из когтей насильника.
450 И когда у монастырских
Стен узнал он Лаймдоту,
Гневу не было предела,
Милосердья не было.
Потому он так свирепо
455 Перебил разбойников
И унизил сына графа,
Оскорбив пощадою.

* * *

- «Сколотил отец мне лодку*,
Мать мне парус выткала,
460 Чтобы я искать поехал
Дочь Зимы прекрасную.
День я ехал, ночь я ехал,
Дочь Зимы не повстречал.
465 Гору увидал. Там трое
Великанов мелют снег.

- „Добрый день вам, снегомолы!
Где найти нам Дочь Зимы?“
„Дальше, к северу плывите,
470 Мореходы. Добрый путь!“

День я ехал, ночь я ехал,
Дочь Зимы не повстречал.
Гору увидал. Там трое
Великанов лед куют.

- 475 „Добрый день вам, леδοковы!
Где найти нам Дочь Зимы?“
„Дальше к северу плывите,
Мореходы. Добрый путь!“»

Так в студеное Белое море
480 Пели корабельщики,
Но сказал им старый кормщик,
Что пути не знает он.
А на этом корабле
Вышел в море Лачплесис,
485 Чтоб достичь земель немецких,
Чтоб найти там Лаймдоту.
Но по воле урагана,
Их в пути застигнуло,
Лачплесиса корабль вслепую
490 Плавал в море Северном.
Мнилось, будто злые силы
Брали в плен корабль его,
Корабельщиков пугали
Бездн кипящих чудища.
495 Мгла густая, снеговая
Муть неслась над палубой,
Зерна града, хлопья снега
В паруса хлестали им.

Но однажды там, где небо
500 С морем слито, зарево
Засияло, и ветрило
Из сияния выплыло.
То была на самом деле
Лодка с белым парусом,
505 И прекрасная сидела
У руля в ней девушка.
К кораблю подплыв, с улыбкой
Девушка промолвила:
«Вы к себе своей прекрасной
510 Песней привлекли меня.
Вот я — Дочь Зимы! А что же *
От меня вам надобно?»
Не могли сказать ни слова
Люди потрясенные
515 И на Дочь Зимы глядели
Молча, в изумлении.
Лик ее снежно-румяный,
Словно отсвет сполохов,
А глаза — как свод небесный

- 520 В ясный день на севере.
Ниже плеч переливались
Косы цвета золота.
Стан ее, высокий, стройный,
В одеянье радужном.
- 525 Виллайне белее снега *
На плечи накинута.
Не венки, а шлем блестящий
Был на голове ее.
А на дне ладьи лежало
- 530 Доброе оружие:
Меч и щит, и лук, и стрелы
С остриями медными.
В песнях прославляемая,
Такова была она,
- 535 Та, что, как гласит преданье.
Управляет бурями,
Та, что, в небо подымаясь
Далеко на севере,
Водит воинов убитых
- 540 Полчища великие.
И когда они мечами
Блещут, забавляясь,
Люди на земле страшатся:
Мор, война, чума идут...
- 545 Лачплесис ей молвил слово.
Рассказал он девушке,
Что они в студеное море,
Заплутавшись, кружатся,
Что хотят они дорогу
- 550 Отыскать на родину
И что Дочь Зимы могла бы
Дать им помощь в бедствии.
Отвечала та, что трудно
Это будет выполнить,
- 555 Ибо редко, очень редко
Удавалось путникам
Выйти из пределов страшных,
Где царит отец ее.
Но теперь ее родитель
- 560 В ледяном чертоге спит,
И еще, пожалуй, с месяц

Будет спать без просыпу,
 И пока в ее владеньях
 Могут отдохнуть они,
 565 А она для их спасенья,
 Что возможно, сделает.
 Выбора не оставалось,
 Как совету следовать.
 Дочь Зимы плыла на север,
 570 Вслед ей — судно Лачплесиса.
 Далеко, у края неба,
 Где играло зарево,
 Высился крутой, скалистый
 Остров, льдом заваленный.
 575 И, корабль вкатив на отмель,
 Здесь они причалили.
 Вышли на берег высокий
 Моряки за девушкой.
 Замок сказочно роскошный
 580 Там они увидели.
 Башни, стены замка были
 Из льда прозрачного,
 Мимо замка ледяного
 Провела их девушка.
 585 Страшной стужею оттуда
 Путников обвеяло,
 А вдали, за снежным полем,
 Дым клубился до неба.
 Молча их, маня рукою,
 590 Повела туда она.
 Долго шли они. Им в щеки
 Теплым ветром дунуло.
 Поле снежное сменилось
 Вешней яркой зеленью,
 595 В зеленеющий, цветущий
 Свежий сад вошли они.
 Среди сада был колодец,
 В пекло опускавшийся.
 Из колодца вечно пламя
 600 Извергалось до неба.
 Это было пламя сердца
 Мира, и одно оно
 В сад прекрасный превращало
 Середину острова.

- 605 Отягченные плодами,
Там стояли яблони.
Под ветвями их журчали
Речки светлоструйные.
Меж деревьев мелькали звери,
610 Птицы пели, щелкали;
Златорогие олени
Мирно на лугах паслись.
Вот ударила хозяйка
В звонкий щит мечом своим —
615 Отовсюду к ней сбежались
Человечки малые,
Жители предела мира,
Сказочного Севера.
Накрывать столы для пира
620 Дочь Зимы велела им.
Мигом был шатер воздвигнут,
И столы дубовые
Сплошь уставлены ковшами,
Блюдами и кружками.
625 За столы гостей сажала
Дочь Зимы приветливо,
Крепким пивом, старым медом,
Брагой обносила их.
Мягкие в шатре соседнем
630 Ложа были постланы,
Чтоб с дороги отдохнули
Люди утомленные.
В том саду они немало
Дней в довольстве прожили,
635 Все, чего душа желала,
В том саду нашли они,
И никто из них не думал
Об отплытии с острова.
Ночь от дня не отличали,
640 Солнышка не видели,
Но давал довольно света
Столп в саду им огненный,
Так что днем одним огромным
День и ночь казались им.
645 Устоял пред обольщением
Славный витязь Лачплесис,

- Дочь Зимы просил он к дому
Указать дорогу им.
Дочь Зимы пообещала
650 Указать дорогу им,
Но хотела, чтобы витязь
Выслушал совет ее:
Пусть своей дорогой старой
Он не возвращается,
655 Так как там подстерегают
Лютые враги его,
И теперь его наверно
Погубить удастся им.
Но она ему укажет
660 Новый путь на родину.
Долгий этот путь, опасный,
Но врагам неведомый:
Пусть он землю ту, где злые *
Обитают сumpurни,
665 Всю объедет и по краю
Света выйдет к Балтии.
Сumpurни подобны людям
С мордами собачьими,—
Мясо лишь едят сырое,
670 Пьют лишь кровь горячую.
Эти звери — людоеды,
Злые, кровожадные,
Путников подстерегают
И живьем съедают их.
675 Но спастись от них возможно,
Только надо задником
Наперед обуь в дорогу
Постолы ременные...
А на самом крае света *,
680 В глубине пещер, живут
Маленькие человечки.
Зла они не сделают.
И растет там сад, откуда
Солнце поднимается...
685 Небо там стоит так низко *,
Что рукой дотянешься.
При восходе солнца надо
Там в пещеры прятаться,
Чтобы не истлеть от жара

- 690 Солнца восходящего...
Полок, вешалок, укладок
В той земле не ведают.
Пообедав, ложки, плошки
Там суют за облако.
- 695 На небо вальки бросают,
Отстиравшись, девушки.
Едущим по краю света
Небеса не видимы,
Только океан безбрежный
- 700 И безбрежный мрак над ним.
А средь океана мрака
Есть гора алмазная,
Ярким светом блещущая,—
Далеко видна она.
- 705 Мимо той горы придется
Проплыть им по морю.
Только пусть не пробуют
Подыматься на гору!
Дальше будет снова небо,
- 710 Снова будет свет дневной,
Там увидят мореходы
Некий остров на море,
Он заманчиво прекрасным
Издали покажется.
- 715 Но пускай корабль их близко
Не подходит к острову,
Так как обладает свойством
Остров тот притягивать
Корабли к себе и лодки,
- 720 По морю плывущие.
Много путников беспечных
Гибель там нашло себе.
Если он в пути со всеми
Справится преградами,
- 725 То с другого края мира
В край родной воротится.
Поблагодарил сердечно
Лачплесис хозяйшку
И велел скорей к отплытью
- 730 Спутникам готовиться.
Те же ехать не хотели
С острова прекрасного,

- Но хозяйка им сказала,
Что вот-вот отец ее
735 Встанет и своим дыханьем
Грозным заморозит их.
Устрашились мореходы,
Поспешили на берег;
В целости нашли корабль свой,
740 Где его оставили,
Но внезапно прокатился
Гром глухой над островом,
С грозным треском откололись
Горы льда от берега.
745 «Уезжайте прочь! Спасайтесь! —
Дочь Зимы им крикнула.—
Просыпается отец мой!
Буря подымается!»
Тут свои ветрила быстро
750 Мореходы подняли
И умчались с первым свежим
Ветром прочь от острова.
Только скоро этот ветер
Вырос в бурю грозную,
755 Бушевала вьюга, смерчи
Подымались до неба.
И пловцы в смертельном страхе
Веслами работали,
Чтоб скорее из пределов
760 Урагана выбраться.
Так и этак их швыряли
Волны разъяренные,
Наконец, когда корабль их
К потопленью близок был,
765 В бухту некую неожиданно
Буря их забросила.
Но хотя они покамест
Избежали гибели,
Злополучных ожидали
770 Новые несчастья,
Ибо к области псоглавцев*
Волей волн прибило их.

Вот утихли ветры. Море
Зыбь качала мертвая.

- 775 Моряки в угрюмый берег
Вглядываться начали.
Их кораблик очень тяжко
Был изранен бурей;
Воду вычерпать, заделать
780 Бреши было надобно.
Та земля была пустынна,
Хмуро-неприветлива,
Лишь паслось оленей диких
Стадо под утесами.
785 Моряки чинить корабль свой
Принялись не мешкая.
Лачплесис людей с собою
Взял, чтоб поохотиться,—
Вскоре к стаду незаметно
790 Подошли охотники.
Подстрелить двух-трех оленей
Тут им посчастливилось.
Только свежевать собрались
Дичь они убитую,
795 Как из-за горы внезапно
Гнусный вой слышался.
Волчьей стаей из пещеры
Выбежали сumpурни,
С лаем, с визгом окружили
800 Вмиг они охотников
И в мгновение ока, в клочья
Разорвав, сожрали их.
Но от них оборонялся
Лачплесис мечом своим.
805 Сталью острою махая,
Много порубил он их,
А они, как волки, ловко
На него набросились
И жестоко искушали
810 Бедро и бока его.
И едва ли смог бы витязь
Долго им противиться,
Если бы его догадка
Не спасла счастливая;
815 К той пещере он, в которой
Жили псоголовые,
Кинулся в мгновение ока,

Им не дав опомниться;
Там, в пещерном устье узком,
820 Встав, он мог мечом своим
Без труда обороняться
Против стаи яростной.
Сумпурни, увидя это,
Взвыли громче прежнего
825 И взялись за труд, которым
Устрашили витязя;
Скалами жерло пещеры
Завалили наглухо,
Замурованным в пещере
830 Оказался Лачплесис.

Долго-долго ожидали
Моряки охотников,
На берег они боялись
Выйти их разыскивать.
835 Починили, снарядили
К плаванью корабль они,
С берега ж не возвращались
К кораблю охотники.
Вдруг воскликнул старший кормщик:
840 «Вот он! Вот он — Лачплесис!»
На корабль взобрался витязь
В платье окровавленном
И велел без промедленья
Поскорей отчаливать.
845 Только в море рассказал он,
Как погибли спутники,
Как он сам от смерти спасся,
Как, в пещере запертый,
Долго он блуждал в потемках,
850 Как, увидев трещину
В куполе, своим мечом он
Камни стал выламывать,
Как, прорыв себе лазейку,
Из ловушки выбрался
855 И к товарищам на берег
Вышел незамеченный.

Долго-долго плыл к востоку
В дальнем море Лачплесис,

Плыл, покамест края света *
860 Не достиг корабль его.

Там сошлись земля и небо,
Вечно неразлучные.
Это колыбель народов,
Берега священные.
865 Там врата небес, и там же
Пекло отверзается.
Дети Перкона куют там
В жарких кузнях золото,
В светлых рощах Солнца зреют
870 Золотые яблоки.
Ночью Солнце отдыхает
Там в алмазной лодочке;
Встанет поутру, а лодка
В море колыхается.
875 Солнце там купает в море
Резвых скакунов своих,
На холме их ждет, златые
Вожжи держит в рученьках.
И живут легко, счастливо
880 Края света жители.
Сердцем чистые, как дети,
Зла они не ведают.
Их соседи, дочки Солнца,
Дети небожителей,
885 Берегут их от несчастий
И от всякой нечисти.
С корабельщиками долго
Прогостил там Лачплесис.
Много люди увидали
890 В той стране чудесного,
Обласкали их сердечно
Тамошние жители.
Но сады златые Солнца
Были недоступны им,—
895 Ослепляло их деревьев
Огненных сияние.

Но что время плыть им дальше,
Вспомнил витязь Лачплесис,
Потому однажды утром,

- 900 Когда Солнце, выпавшись,
В золотой своей повозке
Над землей поехало,
Опустил он мачты, чтобы
Не задели за небо,
905 И за край земли, в глухое
Море мрака выплыл он.
Тьма была так непроглядна,
Так густа над волнами,
Что в лицо один другого
910 Моряки не видели.
Только далеко во мраке
Брезжило мерцание,
И к нему, подняв ветрила,
Повели корабль они.
915 К берегам горы алмазной *
Их корабль приблизился.
Будто солнцем залитая,
Огненными гранями
Ярко та гора блистала,
920 Мраком окруженная.
Вот корабль к горе причалил,
Люди вышли на берег.
Всем узнать хотелось, что там
На горе находится.
925 Но хоть витязь запрещал им,
Все ж один ослушался
И на гору влез и крикнул:
«Боже, как прекрасно здесь!»
И, как бы подхвачен ветром,
930 Улетел, пропал из глаз.
А за ним второй взбирался,
И, добравшись доверху,
Крикнул: «Боже, как прекрасно!»
И пропал за первым вслед.
935 Не дождавшись их возврата,
Мореходы третьего,
Привязав к веревке длинной,
Отпустили на гору.
На горе и тот воскликнул:
940 «Боже, как прекрасно здесь!»
И бежать, как оба первых,
Дальше порывался он.

Тут друзьями за веревку
Был он стащен на землю,
945 Но не мог он им ни слова
Рассказать о виденном:
Онемел. И безъязыким
Навсегда остался он.
У горы алмазной долше
950 Не промешкал Лачплесис.
Вкруг земли поплыл он дальше...
И дневного света он
Вновь достиг. Теперь препятствий
Не было в пути ему.
955 Свет сиял. Попутный ветер
Напрягал ветрила их.
Все надеялись, что скоро
Возвратятся в Балтию.
Но однажды ранним утром,
960 Только мгла слетела с волн,
На море прекрасный остров
Моряки увидели.
Витязь понял: это остров, *
Что с чудесной силою
965 Корабли притягивает
К дивным берегам своим.
И велел он поскорее
Прочь грести от острова.
Но к земле корабль их неся,
970 Словно околдованный;
Наконец со страшной силой
Выбросился на берег.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

*В море, на зачарованном острове.—
Три йода.— Старая ведьма.— Спидала.—
Лаймдота и Кокнесис.— Встреча и счастливое
возвращение на родину*

- 1 Ведьма Спидала, волшебой, коварством
Лаймдоту отняв у Лачплеса,
Злобу все ж свою не утолила,
Зло и дальше причиняла им.
- 5 По далеким островам летала
Со старухой-ведьмой Спидала;
В море ветры, бури подымала *
И угнала судно витязя
В ледяное Северное море.
- 10 Был бы он проглочен бездною,
Если б не пришла ему на помощь
В пору Дочь Зимы любезная.
Но грозил напастью неизвестной
Дивный остров, притянувший их.
- 15 Оглядысь на берегу отлогом
Заколдованного острова,
Витязь увидал в скопленье многом
Кораблей и лодок остовы,
Тех, что прежде, проплывая мимо,
- 20 Были берегом притянуты
И теперь на отмелях лежали,
Обдавал прибой их пеною.
Грудами на берегах лежали
Моряки окаменелые,
- 25 И на всем том острове пустынным
Жизни признака не виделось,
Только лес шумел... Из леса в море *
Мост высокий переброшен был,
На конце ж моста, из моря прямо,
- 30 Дом большой прекрасный высился.

- Лачплесис с товарищами смело
По мосту пошел и в дом вошел.
Ни живой души, как ни искали,
В доме также не нашли они,
35 Но на всем печать лежала жизни:
Посреди просторной горницы
Всяческой едой, питьем большие,
Длинные столы заставлены,
А в другом покое, рядом, были
40 Мягкие постели постланы.
Моряки не ждали приглашенья,—
Сели, пили, ели досыта,
А потом на мягкие постели
Повалились утомленные.
45 Упрекнул их Лачплесис за это,
Что, мол, так дела не делают,
Что сначала перед входом дома
На ночь надо стражу выставить,
Ну а спутники его просили,
50 Чтoб он сам был нынче сторожем,
Ибо все они перетомились,
Ночь без сна не смогут выстоять.
Взял тогда свое оружие витязь*,
Стал на страже на крутом мосту.
55 Никого вокруг не примечал он,
Остров был объят безмолвием.
Ровно в полночь вдруг раздался топот.
Из чащобы всадник выехал.
Конь перед мостом остановился,
60 Пятился, храпел, шарахался.
Всадник стал бранить коня: «Чего ты
Испугался? Нет здесь недруга!
Только Лачплесис был нас достоин,
Но он кружит в море Северном,
65 Да и молод — не дорос рассудком,
Чтoб найти в морях дорогу к нам!»
Лачплес отвечал с моста крутого:
«Чепуху ты мелишь, чучело!
Я дорос кой до чего рассудком,
70 У твоих ворот я жду тебя!»
Всадник, бывший йодом трехголовым,
Отвечал с громовым хохотом:
«Если впрямь ты будешь Лачплесис,

- Выйдем силами померяться!»
- 75 И пошел на остров с йодом витязь.
Рос вокруг непроходимый лес.
«Сдуй-ка этот лес! — промолвил всадник,—
Чтоб просторно было биться нам».
«Сам сдувай! Ведь у тебя три глотки!
- 80 Иль боишься опозориться?»
Дунул йод, и сразу на три мили
Лес вокруг исчез, как скошенный.
Тут на Лачплесиса йод рванулся,
Так его по шапке треснул он
- 85 Палицей, что витязь от удара
Погрузился в землю на четверть.
Но в ответ его мечом тяжелым
С силою ударил Лачплесис,
И одну из трех голов у йода
- 90 Отхватил одним ударом он.
Размахнулся снова йод свирепый,
Все же витязь одолел его —
Изловчился, снес вторым ударом
Сразу остальные головы;
- 95 Из земли он высвободил ноги,
Спрятал в чаще труп убитого;
Словно ничего и не случилось,
Воротился утром к спутникам.
Ничего не знали мореходы,
- 100 Поутру беспечны, веселы,
Пить и есть уселись беззаботно,
Напились, наелись досыта,
Лачплесиса упросили снова,
Чтобы ночь стоял на страже он.
- 105 Снова Лачплесис вооружился,
Стал на страже на крутом мосту.
Ровно в полночь страшный видом всадник
Из дремучей чащи выехал.
Сам с собою громко говорил он:
- 110 «Где ты, братец, запропáстился?
Уж не с Лачплесом ли повстречался?
Только быть не может этого!
Заблудился он в студеное море
И оттуда не воротится...»
- 115 Встав ему навстречу, крикнул витязь:
«Ну и чушь ты мелешь, чучело!

- Лачплес — я! Не твоему ли братцу
Я отсекал вчера все головы?»
Верховой тот был шестиголовым
- 120 Йодом. Заревел он яростно:
«Если брата моего убил ты,
Палицею пришибу тебя!
Сдуй-ка этот лес, чтоб место было
Драться нам!» — И молвил Лачплесис:
- 125 «Сам сдувай, ведь у тебя шесть глоток!
Иль боишься опозориться?»
Дунул йод, и на шесть миль пред ними
Полетел, как пух, столетний лес.
Размахнулся йод своей дубиною,
- 130 Так хватил по шайке витязя,
Что ушел до половины бедер
В островную землю Лачплесис,
И дрались они друг с другом долго.
Победил под утро Лачплесис
- 135 И в густом лесу неподалеку
Скрыл чудовище убитое.
Воротился он домой усталый
И проспал далеко за полдень.
Вечером же спутникам сказал он,
- 140 Что опять на страже станет он,
Но чтобы они всю ночь не спали,
Чтоб сидели дома, бодрствуя,
Ибо всем, быть может, им придется
Этой ночью помогать ему.
- 145 Чистую затем взял витязь чашу,
Налил чистою водой ее.
Чашу посреди стола поставил
Перед Стабурадзе зеркалом
И сказал: «Когда вода в той чаше
- 150 Чистой до утра останется,
Вы спокойно дома отдыхайте,
Помощь ваша мне не надобна.
Ну, а если ночью станет в чаше
Чистая вода кровавою,
- 155 Выходите вы тогда на помощь
Все ко мне, без промедления,
И с собой — смотрите, не забудьте! —
Захватите это зеркало!»
Снарядился он, вооружился.

- 160 Стал на страже на крутом мосту.
В полночь всадник девятиголовый,
Всех страшней, из лесу выехал.
Черный конь его у въезда на мост
На дыбы вставал, шарахался.
- 165 Всадник заревел: «Чего боишься?
Что тебя перепугало так?
Если б даже Лачплесис явился,
Братья с ним давно бы справились!»
«Я убил твоих обоих братьев!—
- 170 Громко с моста крикнул Лачплесис,—
И тебя судьба их не минует.
Вот я — Лачплесис! Я жду тебя!»
Разъярилось чудище, взревело:
«Если ты и вправду Лачплесис,
- 175 Силою померяйся со мною.
Выходи! Сдуй лес на острове!»
«Девять крепких глоток ты имеешь,
Сам сдувай!» — ответил Лачплесис.
Дунул йод, что буря заревела,
- 180 Сдул столетний лес миль на девять,
Налетел на витязя, по шлему
Так его ударил палицей,
Что забил его одним ударом
В островную землю по пояс.
- 185 Рубанул по шеем йода витязь,
Три башки мечом срубил ему.
И еще раз йод его ударил,
В землю он забил по грудь его.
И опять ударил йода витязь,
- 190 Три башки еще срубил ему.
Долго они бились, истомились,
Под конец из силы выбились.
Уж одна башка торчит у йода,
До подмышек в камне Лачплесис.
- 195 С нетерпеньем богатырь подмоги
Ждал обещанной от спутников,
Но они давно спокойно спали,
Позабывши про наказ его...
Развернулся витязь из последних
- 200 Сил, за мост забросил палицу,
И она, три мили пролетевши,
Дверь двойную в доме вышибла.

- И от грохота проснулись люди,
Разом повскакали на ноги,
205 Увидали — в чаше кровь клокочет,
Через край переливается.
Взяв оружие, дружно побежали
По мосту на помощь Лачплесу.
И в тот миг, когда ударом новым
210 В землю йод хотел загнать его,
Люди витязю подать успели
В руки Стабурадзе зеркало.
Йод, увидев зеркало, на землю
Пал, окаменел от ужаса.
215 Выкопали Лачплесиса люди,
На ноги его поставили.
Встал он, отрубил мечом тяжелым
Йоду голову последнюю,
Крепко выбранил за послушанье
220 Беззаботных сотоварищей.
«А теперь, — сказал он им, — мы будем
Властвовать над этим островом!
Только вдоль и поперек сначала
Мы не раз должны пройти его.
225 Может быть, еще у братьев йодов
Есть на острове сообщники!»

- Два-три дня спустя, как только витязь
После боя поправился,
Он пошел с товарищами вместе
230 Землю новую осматривать.
Долго лесом шли они и вышли
На цветущую поляночку.
Посреди поляны был колодец,
А над ним густая яблонька.
235 Бросились к колодцу мореходы:
Все они томились жаждою.
Но дорогу преградил им витязь,
Запретил им эту воду пить.
Трижды по колодезному сруб
240 Он мечом ударил, вырубил
Треугольник. И в колодце кровью
Сделалась вода прозрачная.
В глубине ж колодца — что за диво! —
Стоны тяжкие слышались.

- 245 Но уже через мгновенье стоны
Стихли в глубине колодезной,
Улеглась густая муть, и влага
Стала, как янтарь, прозрачною.
«Ну теперь,— промолвил витязь,— пейте!
- 250 От воды вреда не будет вам».
А на яблоне над тем колодцем
Рдели яблоки румяные.
Люди, жажду утолив, хотели
Подойти, сорвать по яблоку.
- 255 Снова силой удержал их витязь.
Чтобы яблок тех не трогали.
Размахнулся он, хотел ударить
По стволу ее мечом своим.
Вдруг листвою она зешелестела,
- 260 Молвила: «Не убивай меня!»
И в тот же миг, как витязь изумленный
Отшатнулся прочь от яблони,
Дерево вдруг девушкою стало —
Молодою и прекрасною.
- 265 Онемевший, на нее глядел он
В несказанном изумлении.
То была виновница всех бедствий,
Враг его заклятый — Спидала!
Девушка к ногам его упала,
- 270 Умоляла пощадить ее;
Обещала до скончанья жизни
Больше зла не делать витязю.
Причиненный вред клялась исправить,
Искупить клялась вину свою.
- 275 Хоть словам ее и не поверил,
Все же витязь пощадил ее:
Богатырь, чудовищ поражавший,
Воевать не станет с женщиной.
Спидала во всех своих злодействах
- 280 Повинилась и поведала,
Как она и Кангар заманили
В сети Лаймдоту и Кокнеса,
Но что друг и милая невеста
Всюду и всегда верны ему.
- 285 Ведьма та, которую когда-то
Видел витязь в яме Чертовой,
Колдовала здесь, притягивала

- Корабли и лодки к острову,
Моряков же в глыбы каменные
290 Превращала ведьма старая.
Были сыновьями ведьмиными
Йоды, Лачплесисом убитые,
И порой, когда полакомиться
Им хотелось человечиною,
295 Им на завтрак оживляла она
Двух ли, трех ли корабельщиков.
А как сыновей ее убил он,
Обернулась ведьма старая
На пути его лесным колодцем,
300 Спидала же — дикой яблоней.
Если б из колодца люди пили
До того, как трижды Лачплесис
Надрубил его, то все они бы
Тут же в страшных муках умерли.
305 Но колдунья от его удара
Умерла на дне колодезном.
То б и с ней, со Спидалой, случилось,
Если б он не пощадил ее.
«Лачплесис, ты победил! — в глубоком
310 Молвила она волнении.—
От чудовищ, сумпурней и йодов
Боги Балтии спасли тебя.
Но теперь в отчизне нашей милой
Ждут тебя труды великие.
315 Знай, пока ты по морям блуждаешь,
Чужаки терзают родину!
Воротись в родимые пределы,
Разгони толпу насильников!
Как бы я помочь тебе хотела,
320 Если б я была свободною,
Если б я была чиста душою,
Как твоя невеста Лаймдота!
Но никто не сможет воротить мне
Договор мой вечный с дьяволом,
325 Что сама писала я когда-то
В страсти гнева кровью собственной!»
Кончила; закрыв лицо руками,
Горько Спидала заплакала.
Лачплесис теперь не сомневался
330 В искреннем ее раскаянье.

- И внезапно в этот миг он вспомнил
Про неведомую грамотку,
В свиток свернутую, что когда-то
Он унес из ямы Чертовой.
- 335 С корабля принесть велел он свиток,
Отдал свиток в руки Спидале.
Спидала, едва его увидя,
Вскрикнула в великой радости,
Горячо благодаря, припала
- 340 Вновь она к коленям витязя:
«Лачплесис! Всю жизнь мою тебе я
Отдаю, хочу служить тебе!
Это договор мой с темной силой,
Кровью собственной подписанный.
- 345 Вместе с ним вернул ты мне свободу,
Вывана из власти пекла я.
Я сожгу проклятый этот свиток,
И всю жизнь стремиться буду я
Делать доброе усердно, так же,
- 350 Как доныне злое делала!»
И она достала из колодца
Колдовскую клюшку ведьмину,
Ту, которой страшная старуха
Оживляла корабельщиков.
- 355 Долго Спидала с клюкой ходила
От ладьи к ладье по берегу,
Трогала клюкой окаменелых —
И живыми стали мертвые.
Им казалось, что они проспали
- 360 Только ночь на этом острове.
Радостно они с высоких палуб
Толпами сходили на берег.
Лачплесис приглядывался зорко,
И с великим изумлением
- 365 Он узнал среди толпы оживших
Друга Кокнеса и Лаймдоту.

* * *

- Как освободил из рук злодейских
Лаймдоту отважный Кокнесис,
Долгий путь пройдя, они достигли
- 370 Наконец морского берега

- И увидели корабль, поднявший
Паруса пред дальним плаваньем.
Должен он был некий новый город
Посетить при устье Даугавы.
- 375 Кокнесис и Лаймдота не знали
Ничего о новом городе,
О родных, о милых сердцу также.
Как живется им, не ведали...
Потому-то им и не терпелось
- 380 Поскорей попасть на родину.
Но не сразу все ж сбылось, не скоро
Их горячее желание.
И на них дорогою наслала
Ветры, бури ведьма старая.
- 385 Заблудился их корабль в тумане,
Без пути носился по морю.
Долго-долго в море проблуждавши,
В некий день пловцы увидели
На краю небес красивый остров
- 390 И корабль к нему направили.
Приближаясь к острову, корабль их
Мчался, как гонимый бурей,
Все быстрее и с неудержимой
Силой выбросился на берег.
- 395 С берега пловцам навстречу вышла
Бабушка с лицом приветливым,
Повела их всех с собой по мосту
В дом и славно угостила их.
Угостившись, воротились люди
- 400 На корабль свой и уснули там,
И глубоким спали сном, покамест
Спидала не разбудила их.
О, какая радость обуяла
Их сердца при встрече с витязем!
- 405 Кокнес обнимал его. Припала
Лаймдота к плечу любимого.
И когда к ним речи дар вернулся,
Начали они рассказывать
Обо всем, что в странствиях далеких
- 410 Пестрая судьба дарила им.
И исчезла в сердце Лачплесиса
Тень последняя сомнения.
Новой клятвою незыблемой

- Был скреплен союз великий их.
415 Спидала лишь в стороне стояла,
В радости их не участвуя.
За руку тогда ее взял витязь
И к друзьям своим подвел ее.
Рассказал, что лишь ее стараньем
420 Были оба спасены они.
И наперебой благодарили
Лаймдота и Кокнес Спидалу,
Горячо ее упрашивали,
Чтобы к ним вошла в содружество.
425 И сердечно им пообещала
Быть их вечным другом Спидала
И в грядущем, что бы ни случилось,
Вместе быть в беде и в радости.

- Спидале чудесный этот остров
430 Хорошо известен раньше был,
И отныне добрым провожатым
Стала Спидала друзьям своим.
Этот остров в море безымянном
Был богат землею тучною.
435 Пожелали там навек остаться
Многие из корабельщиков.
Лачплесис, ту землю взявший с бою,
Сам и править ею должен был.
Потому, чтоб навести порядок,
440 Задержался он на острове.
А когда обжили остров люди,
Он назначил им старейшину.
Четверо друзей все это время
Жили в доме йодов за мостом.
445 Тайники и склады все в богатом
Доме ведьмы знала Спидала.
Полные несчитанных сокровищ
Кладовые отперла она.
Также и припасов им хватило б
450 На сто лет для пропитания.
Если бы всего дороже в мире
Не была им только родина,
То они совсем бы жить остались
На прекрасном этом острове.
455 Но не такова была их доля —

Беззаботно, в счастье век прожить.
Властно их звала к себе отчизна,
Радость, горе и борьба ее.

* * *

- В некий день, когда совсем был собран,
460 Оснащен корабль к отплытию
И давал уже наказ последний
Лачплесис всем остающимся,
Шел без цели, думами объятый,
Кокнес под вечер по острову
465 И достиг поляны, где в колодце
Околела ведьма старая.
И заметил Кокнес издалёка
У колодца пламя малое.
Подойдя, он Спидалу увидел,
470 Около костра стоящую.
Разглядел: она в руках держала
Свиток и клюку узорную.
Бросила в огонь клюку и свиток
И сама себе промолвила:
475 «Уходите прочь, развейтесь вихрем,
Как летучий дым исчезните!
Ваша власть бессильна надо мною,
Навсегда от вас свободна я!»
В то ж мгновенье столб огня огромный
480 Из костра со свистом вырвался,
Превратился в огненного змея,
Сгинул, рассыпаясь искрами,
И потух костер тот у колодца,
Дол покрылся мягким сумраком.
485 Спидала на землю опустилась
И, казалось, тихо плакала.
В это время Кокнес подошел к ней
И, подняв с земли, спросил ее:
«Почему, сестрица, ты в печали?»
490 «Почему в слезах глаза твои?»
Спидала смутилась, но, поднявши
Голову, ему ответила:
«Вновь на будущее я надеюсь.
Эти слезы — слезы радости.
495 Верю я, что жизнь начну сначала,

- Темное забывши прошлое.
В тайне сохрани, чему сегодня
Был свидетелем ты, Кокнесис!
Скоро мы расстанемся навеки,
500 Но тебя не позабуду я».
За руку ее схвативши, Кокнес
Слово вымолвил сердечное:
«Ведай, Спидала, твою я тайну
Навсегда похороню в себе.
505 Что мне прошлое? Я знаю только
Избавительницу милую!
Но теперь тебе я неотложно
Должен вверить тайну некую.
Если сердцем ты ее услышишь,
510 Никогда мы не расстанемся.
Спидала, иди со мною в жизни
Вечно вместе! Я люблю тебя!»
Спидала, то слыша, побледнела,
Часто подымалась грудь ее.
515 «Кокнес, знаешь ли,— она спросила,—
Кем была твоя любимая?
Договор свой с силою нечистой
Я сожгла сегодня вечером.
«Знаю,— тихо ей ответил Кокнес,—
520 Видел я, как нечисть сгинула,
Но кто пал и снова встал, тот крепче
Не изведавших падения!..»
А пока она раздумывала,
С грустью говорил ей Кокнесис:
525 Коль его любовь отвергнутою
Остается, лучше было бы,
Если б он всегда лежал на взморье
Бездыханной глыбой каменной...
И, уж не раздумывая больше,
530 Спидала ему ответила:
«Если так любовь твоя прекрасна,
То и я хочу любить тебя!
Не могу иначе! Буду верной,
Любящий везде всегда тебя!»
535 Кокнес крепко обнял ее, слезы
Осушая поцелуями.
Нежным ветерком их обвевало
Лаймы-матери дыхание.

- Рано поутру корабль свой Лачплес
540 Колыхаться по волнам пустил.
Рухнули все чары ведьмы старой,
Плыл корабль по воле кормщика.
И в любви своей друзьям открылись
В море Спидала и Кокнесис.
545 Радовались Лаймдота и Лачплес
Счастью их, друзья их милые.
Пережитые в скитаньях дальних
Позабыты были горести,
И одно у всех желанье было:
550 Поскорей попасть на родину.
И в пути помех им не встречалось,
Ветры, бури их не трогали,
Будто Мать морей, попутно вея *,
В плаванье оберегала их.
555 Наконец на дальнем крае неба
Поднялись леса сосновые,
Берега росли и приближались,
Вплыл корабль их в устье Даугавы.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

*Праздник Лиго, ночь Лиго.— Собрание старейшин.—
Лачплесис с товарищами на собрании.— Свадьба.—
Война с немецкими рыцарями.— Лачплесис
в Лиелварде.— Предатели Кангар и Дитрих.—
Смерть Лачплесиса*

1 Раз в году приходит Лиго *
Гостем в край детей своих,
И над Латвией в то время
«Лиго! Лиго!»— слышится.

5 Щелкай над речной излучкой
Ласковой, соловушка!
Праздник Лиго, полночь Лиго *
Снова воротились к нам.

Как костры пылали ярко *
10 Над горою Синею! *
Как рога трубили звонко *,
Созывая родичей!
Шли на зов отцы и деды,
Юноши и девушки.

15 Старцы мед несли и пиво,
Жены — угощение,
Молодежь — цветы и травы
И венки весенние.

Все венками украшались
20 На великом празднике,
Пили, ели, песни пели,
Утешались плясками.
Жертвенники возжигали
Лигусоны важные *,

25 Хмельный мед на пламя лили,
Масло ароматное.
И пока светло пылало
Пламя благовонное,

Всем народом запедали
30 Песню восхваления:

- «Будь всегда к нам милостивым,
Лиго, Лиго!
От друзей тебе спасибо, Лиго!
Освяти хозяйство наше,
35 Лиго, Лиго,
Полни клетки, полни чаши, Лиго!
На коне своем красивом *,
Лиго, Лиго,
Объезжай поля и нивы, Лиго!
40 Сохрани их от потравы,
Лиго, Лиго!
Дай лугам густые травы, Лиго,
Дай лугам густые травы,
Лиго, Лиго,
45 Нашим телкам корм на славу, Лиго!
Дай овса нам в изобилие,
Лиго, Лиго,
Чтобы кони сыты были, Лиго!
По горам и по долинам,
50 Лиго, Лиго,
Рассыпай свои цветы нам, Лиго!
Чтоб сплетали наши дочки,
Лиго, Лиго,
Из цветов своих веночки, Лиго!
55 Дай парням невест хороших,
Лиго, Лиго,
Работающих и пригожих, Лиго!
Дочкам добрых дай любимых,
Лиго, Лиго,
60 Пахарей неутомимых, Лиго!
Навести в зеленых селах *,
Лиго, Лиго,
Детушек своих веселых, Лиго!
Сохрани их от печалей,
65 Лиго, Лиго,
Чтоб тебя мы вспоминали, Лиго!
Чтобы мы тебя любили,
Лиго, Лиго,
Никогда не позабыли, Лиго!»

- 70 А когда той песни звуки *
Лес и дол наполнили,
Появились в древней роще
Под дубами темными
Тени прадедов умерших,
75 Добрых покровителей.
Вайделоты, лигусоны
Славных духов видели
И, почтительно склоняя
Головы, встречали их...
80 Вайделот меж тем старейший
Поучал собравшихся
В дружбе жить, держаться вместе
В крепком единении,
Помогать друг другу в бедах,
85 Защищать в несчастиях.
Руки подали друг другу
Юные и старые,
Радостно клялись друг другу
В дружбе меж собою жить.
90 Враждовавшие спешили
Поскорее встретиться,
Заключали мир навеки,
Позабыть вражду клялись.
Предками благословенный,
95 Под горою Синею
Пировать народ садился
Пред лицом богов своих.
Матери и жены пищу
Роздали собравшимся;
100 Чаши с брагой да кувшины,
Пивом пенным полные,
Двигались от ряда к ряду
По кругам пирующих.
Блюда пирогов и сыра
105 Шли вослед за чашами.
За едой вели соседи
Разговоры дельные.
Мужи здесь мужей встречали —
Братьев и соратников,
110 Жены здесь подруг встречали,
Живших в отдалении.
Деды древние встречали

- Стариков, с которыми
Вместе выросли когда-то
115 И дружили в юности.
Но всех больше праздник Лиго
Молодым был по сердцу:
Про любовь, гурьбой собравшись,
Хором пели юноши.
120 На любовь не отвечая,
Девушки лукавили,
Но любви желала втайне
Каждая и думала:
«Скоро ль долгожданной встречи
125 С милым час приблизится?»
Ближе, ближе подходили
Парни к хору девушек,
Тут свою мгновенно каждый
Подхватил избранницу,
130 И уж вместе все веселый
Общий танец начали.

- На пригорке, под священной
Сенью дуба древнего,
Собрались вайделоты,
135 Всех племен старейшины.
Среди них был мудрый Буртник
И почтенный Айзкрауклис,
Куниг Лиелварды позднее
Присоединился к ним,
140 Были сумрачны их лица,
Разговор нерадостен.
В знаках рун они читали *
Черные пророчества.
Был особенно печален
145 Старый куниг Лиелвардский;
Поприветствовав сердечно
Стариков-товарищей,
Стал в их круге и такие
Вести он поведал им *:
150 «Вижу я, старейшины,
Вы еще не знаете,
Что беда нависла грозно
Над свободной Балтией.

- Что у Даугавы на взморье
155 Пришлые торговые
Люди с позволенья ливов
Город свой построили.
Позже каждую весною
Приплывали с запада
160 Воины, закованные
В панцыри железные.
Стал теперь тот новый город
Крепостью могучею.
Крепостями также стали
165 Саласпилс и Икшкиле.
И оттоль враги, как звери,
На охоту вышедши,
Поначалу, как лисицы,
Добрыми прикинутся,
170 А потом, как злые волки,
На людей бросаются.
И теперь пришельцы эти
Разоряют начисто
Землю ливов, жгут их нивы.
175 Грабят их селения,
Истязают, убивают
Всех, кто им противится,
Остальных в чужую веру
Обращают силою.
180 Лютый замысел лелеют:
Захватить всю Балтию,
Подчинить навеки гнету
Нивы наши вольные,
А народ ее свободный
185 Превратить в рабов своих.
И однажды возвестили
Мне мои дозорные,
Что отряд людей железных
Подъезжает к Лиелварде.
190 Я велел вооружиться
Всем, кто в замке был со мной,
Сам с мечом в руках и в латах
Стал перед воротами.
Коротко спросил я пришлых,
195 Что у нас им надобно.
От отряда отделился *

- Некий рыцарь. Молвил он:
„Даньел Баннеров зовусь я!
Прислан я епископом,
200 Чтоб занять твой старый замок,
В долю мне доставшийся.
Если ты добром уступишь,
То тебе позволю я
В деревянном старом доме
205 Мирно дни дожить свои,
Для себя же я построю
Рядом замок каменный.
Жителей в селеньях ваших *
Обложу я податью.
210 С каждого двора себе я
Часть возьму десятую
И для церкви — десятину
От посева всякого,
От порубки и запашки
215 Десятину стребую“.
Разумеется, отверг я
Предложение дерзкое,
И за это был разрушен
Старый дом отцов монахов,
220 Люди в доме перебиты,
А добро разграблено.
Сам же с маленьким отрядом
Уцелевших воинов
В крепость Гауи ушел я *.
225 Приютил нас Дабрелис *.
Несколько старейшин наших
Там нашли убежище
Со своими воинами.
Замок окопали мы
230 Валом, рвами окружили,
В замке том решили мы
Крепкий дать отпор пришельцам,
В нашу землю вторгшимся.
Но епископ Рижский Альберт *,
235 Извещенный Даньелом,
Войско рыцарей большое
Выслал к замку Гауи.
Шел на нас с немецким войском
Каупо сам из Турайды,

- 240 Узы кровные забывший,
В Риме окрестившийся,
Подружившийся с врагами
На погибель родине.
И теперь с врагами вместе
- 245 Осадил он замок наш,
И вождей старейших наших
Стал он уговаривать,
Чтоб они богов забыли,
В Крестуса поверили.
- 250 Мол, великий папа римский
К ним прислал наместника,
Мол, наместник будет с ними
Справедлив и милостив,
Как отец с детьми своими,
- 255 Коль добром решат они
Новой власти подчиниться.
А когда с высокого
Вала замка куниг Русинь *
Отвечать хотел ему
- 260 И, как принято издревле,
Кунью шапку снял свою,
Некий латник иноземный
Выпустил стрелу в него.
И стрела вонзилась прямо
- 265 В лоб открытый Русиня.
Замертво, не молвив слова,
Пал на землю вирсайтис.
Гневом нас зажгло великим
Это дело мерзкое.
- 270 Грозно мы с крутого вала
Ринулись на рыцарей
И побили их, и к ночи
В бегство обратили их.
Но пришли на помощь вскоре
- 275 К ним отряды новые.
Отступить пришлось обратно
Нам за насыпь крепости.
Там врагов мы отражали
Много дней и месяцев,
- 280 Наконец могучий замок
Пал под вражьим натиском.
Хоть сражались, как герои,

- Крепости защитники,
Все погибли, обагрят
285 Кровью насыпь крепости,
И теперь врагам открыта
Вся земля латышская.
Говорят, что снова Альберт
Собирает полчища.
- 290 Братья! Все ли вы слышали
Весть мою печальную?
Час придет — и волей неба
Счастье к нам воротиться!
Есть еще в отчизне руки,
295 Нам мечи кующие,
Есть еще в отчизне руки,
Меч держать могущие.
Так трубите в трубы, бейте
В барабаны, родичи!
- 300 Чтобы снова весь народ наш
Был готов, как издревле,
Умереть или свободу
Отстоять от недругов!»
- А пока старейшины
305 Вести злые слушали,
Песни праздничные Лиго
Стихли по окрестностям,
В чаще загремели клики:
«Лачплесис! Наш Лачплесис!»
- 310 И, сопровождаем шумным
Общим ликованием,
У костра в священной роще
Появился Лачплесис.
Своего отца сердечно
315 Обнял он, и радостно
Были встречены отцами
Лаймдота и Спидала.
Кокнесис, как подобает,
Стариков приветствовал.
- 320 И забыто было горе,
Радость охватила всех:
Если Лачплесис вернулся,
Не страшны опасности.
Но всех больше радовались

- 325 Старики почтенные,
Вновь детей своих живыми
Видя и здоровыми.
Лачплесис со спутниками
Сел среди собрания,
330 Выслушал он все рассказы
О событиях в Балтии.
Гневом взор его светился,
Сердце klokотало в нем.
- Вайделоты объявили
335 Празднество оконченным,
Пожелав всему народу
Доброй божьей помощи,
Всех собравшихся дарили
Светлыми надеждами,
340 Заклиная, если надо,
Жертвовать для родины
И добром своим, и жизнью.
Люди по домам своим
Разошлись задумчивые:
345 Знали все, что скоро им
Грудью собственной придется
Край родной отстаивать.
Но еще не расходилось
Вирсайтов собрание,
350 Солнце встало и застало
Их в кругу сидящими.
Дружно все они решили
Воевать с пришельцами:
Иль изгнать всех немцев или
355 Истребить их дочиста.
На мечях своих друг другу
В этом поклялись они.
Старики вождем военным
Лачплесиса выбрали,
360 А его помощниками —
Талвалда и Кокнеса *.
И, поклявшись боевою
Клятвою великою,
Гору Синюю седые
365 Старики покинули.
Лиелвард, Лачплес, Кокнес, Талвалд,

Айзкрауклис и Спидала
С воинами проводили
Буртниека и Лаймдоту.
370 В замке Буртниека решили
Обе свадьбы праздновать,
Молодых благословили
Их отцы и вайдлоты.

* * *

«Что сидишь ты, мой веночек,*
375 Криво на головушке?
Покривили мой веночек
Пересуды праздные.

Как носила я веночек *,
Лаймини не знала я,
380 А как сняли мой веночек,
Кланяться ей стала я.

Милый, в клети камышовой *
Гвоздь забей серебряный,
Чтобы было где повесить
385 Мой веночек бисерный!

Скачут молодцы чужие *,
Кони ржут и топают.
А проскачут наши братья,
Сабли грозно звякают.
390 Скакуны под ними пляшут *,
На дыбы взвиваются,
Ворота пред их мечами
Сами открываются».

Так родня невесты пела
395 Возле замка Буртниека,
Наконец к воротам сваты
Весело подъехали.
С провожатыми явились
Лачплесис и Кокнесис,
400 По обычаям старинным,
Словно незнакомые,
Для себя прося ночлега

- И для скакунов своих.
Их допрашивали, встретив
405 Во дворе, с пристрастием:
Что за люди и откуда
Едут, и куда они,
Да и можно ли пустить их
Как гостей в хороший дом?
410 Наконец сам старый Буртниец
Пригласил их в горницы.
Там уже столы для пира
Были приготовлены.
И стояли там два кресла,
415 Пышно разукрашенных.
Оба жениха уселись
В эти кресла, требуя,
Чтобы им показывали
Самых лучших девушек.
420 Многих девушек с поклоном
Гости подводили к ним,
Прочь они их отсылали,
Самых лучших требуя.
Наконец-то подвели к ним
425 Лаймдоту и Спидалу,
Были в праздничных одеждах,
В дорогих венках они,
Крупным жемчугом расшитых,
Золотом украшенных.
430 Встали женихи, сказали:
«Эти — настоящие!»
В кресла вежливо, с поклоном,
Усадили девушек
И продать свои веночки
435 Стали их упрашивать.
Мол, и золотом и медью
Заплатить могли б они.
Девушки в ответ молчали.
Отвечали родичи,
440 Что нельзя продать веночки
И за пúру золота *,
Что нельзя забрать веночки
Ни войной, ни силою.
Все же скоро сговорились
445 С женихами родичи,—

- Свято охранять веночки
Взявши слово с юношей,
Отдали с венками вместе
Им обоих девушек.
- 450 И явились вайделоты
И благословили их,
Руки их сложили вместе,
Лайме поручили их.
Хмелем и листом дубовым
- 455 Головы осыпали
И, над ними простирая
Руки, говорили им:
«Как в лесу хмелинка вьется *
Вкруг ствола дубового,
- 460 Обовьется пусть невеста
Так вокруг любимого!»
Женихи гостям подарки
Свадебные роздали,
А невесты со слезами
- 465 Отдали веночки им.
Женихи взамен им дали
Бархатные шапочки,
Мехом отороченные,
Серебром расшитые.
- 470 За столы уселись гости
Вместе с новобрачными,
И пошел тут пир горою,
Пир веселый, свадебный,
С песнями и с удалыми
- 475 Играми и плясками.
Все же старый Буртниеке раньше
Пир окончил свадебный,
Чем, бывало, по обычьям
Прадедовским принято.
- 480 Не пришлось молодоженам
Счастьем молодым своим
После свадьбы в тихом доме
Насладиться досыта.
- Вновь судьба неумолимо
- 485 Разлучила витязей
С милыми и в бой послала,
Где мечи ломаются,

- Где от жаркой алой крови
Люди мокры по пояс.
- 490 На холмах окрестных трубы
Грянули военные,
И на всех горах высоких
Пламенища вспыхнули.
То был знак всему народу
- 495 К бою изготóвиться.
И по всем домам и селам,
По зеленой Латвии,
Перед битвой снарядились
Удалые юноши,
- 500 Опоясались мечами,
Сели на коней своих.
Жены, сестры и невесты
Шапки их высокие
Украшали, с пеньем, с плачем
- 505 Провожая воинов,
И по всем дорогам вскоре
Поскакали витязи.
На ночлег вставали в рощах
Шумными отрядами,
- 510 Дружно, толпами съезжались
К месту сбора общего.
А когда на месте сбора
Появился Лачплесис,
Возгласами: «Ликоп! Ликоп!» *
- 515 Грянули окрестности.
Буртние́к, Лиелвард и другие
Провожали витязя,
К войску присоединились
Славные старейшины.
- 520 Даже жены молодые —
Лаймдота и Спидала —
Не остались дома, вместе
С воинством в поход ушли.
- Где оврагами лесными
- 525 Глубоко разорваны
Гауи берега, там много
Возвышалось крепостей,
Обнесенных насыпями,
Рвами опоясанных,

- 530 Населенных племенами
Вольными латышскими;
В те лесные дебри войско
Лачплесиса двинулось,
И везде, где основались
- 535 Выходцы немецкие,
Словно гнезда змей, те замки
Выжигались начисто.
Замка Дабреля достигло
Воинство латышское.
- 540 Много в замке том засело
В черных латах рыцарей.
Этот старый замок немцы
Укрепили заново.
Все же Лачплесис ворвался
- 545 В крепость неприступную,
Много немцев в этой битве
Потеряло жизнь свою.
Дальше дальше, как стремнины
Вод неудержимые,
- 550 По лесам и по долинам
Шли дружины витязя.
Наконец они достигли
Замка Каупо в Турайде.
Всюду здесь на землях ливов,
- 555 В хуторах, в селениях,
След немецкого был виден
Хищного владычества.
Золотились, колосились
Ливов нивы тучные;
- 560 Ливы сеяли, а немцы
Брали урожай себе.
На лугах паслись коровы,
Телки, овцы жирные;
Чужаки их мясо ели,
- 565 Продавали шкуры их.
Под защитой замков церкви
Крестоносцев выросли.
В церкви те людей сгоняли
Немцы — и крестили их.
- 570 В рабство всех крещеных ливов
Обратили пришлые,
Обложили население

- Тяжкими поборами.
Те же, что верны остались
575 Дедовским богам своим,
По глухим лесам, по дебрям
Непролазным прятались,
Вырубали, выжигали
Новины заветные.
580 Строились в лесных трущобах
И молились Перкону.
Но и здесь их настигали
Рыцарей разведчики
И опять их облагали
585 Непосильной податью.

- А когда на землю ливов
Вышел с войском Лачплесис,
Испугались чужестранцы,
Бросили имения
590 И дома свои и в замке
Турайды попрятались.
Лачплесис тот крепкий замок
Окружил осадю.
Но нелегким дело было
595 Взять твердыню Турайды:
Очень много меченосцев
Заперлося в крепости,
Тучи стрел они метали
В осаждавших воинов.
600 Лачплесис велел народу
Лестницы сколачивать,
И по ним на стены замка
Поднялись воители.
Закипела битва насмерть
605 На высоких насыпях:
Бились тяжело, отступали
Та и эта стороны.
Звон железа, стоны, крики
Окрест раздавались.
610 Впереди своей дружины
Бился славный Лачплесис,
Сокрушая беспощадно
Меченосцев панцирных.
Испугалось силы грозной

- 615 Войско чужеземное
И пощады запросило,
Побросав оружие.
Сам владелец замка Каупо
В это время в Риге был,
620 Где подолгу проживал он
Гостем у епископа.
Лачплесис его берлогу
Разорить дотла велел,
Церкви и монашьи кельи
625 Сделать пепла грудюю,
Чтобы впредь пришельцам чуждым
Не было пристанища!
Немец Дитрих, льстец коварный,
В замке был средь рыцарей.
630 Лачплесису говорил он
Лживым языком своим,
Что сюда явились немцы
По желанью Каупо,
Им, гостям своим, хозяин
635 Предоставил замок свой
И просил, чтоб как гостям им
Жизнь была дарована.
Лачплесис, еще глубоко
Уважавший Каупо,
640 Внял в конце концов тем просьбам
Дитриха лукавого.
Ливы все же убеждали,
Чтоб не верил Лачплесис
Дитриху; клялись, что это
645 Самый беспощадный их
Враг, что он сто раз своею
Лестью их обманывал.
А уж раз пощаду немцам
Дать решился Лачплесис,
650 Пусть щадит, но на расправу
Пусть им выдаст Дитриха.
Лачплесис велел немедля *
Выдать ливам Дитриха.
Ливы Перкону решили
655 Дитриха пожертвовать,
Но когда в священной роще
Конь гнедой под Дитрихом

Трижды левою ногою
Меч переступил, тогда
660 Стало ясно, что и боги
Подлецом гнушаются.
Вот как Дитрих нечестивый
Вновь ушел от гибели.
Взял оружие, латы, шлемы
665 Лячплесис у рыцарей
И велел их в город Ригу
Гнать простоволосыми.
Воротил он ливам все их
Прежние владения
670 И с надежною дружиной
Там оставил Талвалда,
Чтоб от немцев охранял он
Славный берег Гауи.
Сам же с другом Кокнесисом
675 И со старшим Лиелвардом
Сквозь леса повел он войско
Прямо к замку Лиелварде.

Немцы в Лиелварде засели *
Так же, как и в Турайде,
680 Как и в прочих замках, прочно
На житье устроились.
Всех безжалостнее был их
Главный — Даньел Баннеров.
Это был злодей без чести
685 И без искры совести.
Снес он старый, ветхий замок
И построил новую
На скале над Даугавой
Крепость неприступную.
690 На людей, как хищный ястреб,
Налетал оттуда он,
Села жег, терзал и мучил
Беззащитных жителей.
Видя ужасы такие,
695 Многие старейшины
Со своими племенами
По лесам попрятались.
Баннеров внезапно бросил
Грабить и насильничать,

- 700 Вестников послал в леса он,
Беглецам сказать велел,
Что отныне в мире с ними,
В дружбе жить желает он,
А для заключения мира
705 Приглашает в замок свой
Всех старейшин. Зла не видя,
Люди простодушные
Из своих убежищ в гости
К негодяю прибыли.
710 Он их принял в новой клетки
За стенами крепости,
Угощал питьем-ею,
Дружески беседовал.
Но пока еще сидели
715 За столом старейшины,
Даньел вышел и снаружи
Запер дверь тяжелую.
Клеть со всех сторон велел он
Обложить соломой.
720 С четырех сторон солому
Сам поджег он факелом.
Быстро запылали стены
Клетки деревянные,
Старики внутри кричали,
725 Задыхаясь в пламени.
Даньел же с товарищами,
На высокой насыпи
Встав, пожаром любовался
С сатанинским хохотом.
730 Только скоро нечестивым
Смехом подавился он;
Видит — из лесу верхами
Выехали воины.
Впереди с мечом тяжелым
735 Ехал грозный Лачплесис.
Услыхавши крики в клетки,
Витязь двери выломал
И успел спасти несчастных
Стариков из пламени.
740 Старики благодарили
Своего спасителя,
Со слезами обнимая

- В несказанной радости,
Рассказали, как жестоко
745 Обманул их Баннеров.
Услыхав рассказ их, страшно
Лачплесис разгневался
И немедленно на крепость
Начал наступление.
750 Хоть оборонялись крепко *
Латники немецкие,
Все ж до наступленья ночи
Занял крепость Лачплесис.
Всех засевших в ней велел он
755 Перебить без жалости,
Кроме Даньела. Живьем он
Взять велел мучителя
И расправу над злодеем
Поручил старейшинам.
760 Чтобы те за все насилья
Отомстить могли ему.

- Зашумели, полетели
Вести: Лачплес в Лиелварде!
Радостно встречали эту
765 Весть селенья Латвии,
Ликовали люди, словно
Жизнь увидев заново.
Те, что по лесам скитались,
В темных дебрях прятались,
770 Радостные возвращались
К старым очагам своим,
А оттуда направлялись
Прямо в замок Лиелварде
Поблагодарить героя
775 За освобождение.
В замке Лиелварде победу
Праздновали весело,
Пир устроил для народа
Старый куниг Лиелвардский.
780 Пили, пели и делились
Боевой добычею;
Под конец про Баннерова
Вспомнили старейшины.
Вывели его на берег

- 785 Даугавы и молвили:
«Пес немецкий, сжечь в проклятой
Западне хотел ты нас!
Милостивы мы! За это
Отдадим воде тебя!»
- 790 Доску толстую достали
И на доску Даньела
Положили, прикрутили
К той доске веревками
И с издевками пустили
- 795 Доску вниз по Даугаве.
«Улывай домой! — сказали, —
Поищи родных своих!
Пусть с тобою уплывает
Вера, нам ненужная!»
- 800 Страх и ужас обуяли
Чужеземных рыцарей.
Слыша вести о победах
Витязя латышского,
Все они бежали в Ригу,
- 805 Побросав дома свои,
В городе ища спасенья,
За стенами толстыми.
Но и сам епископ Альберт *
Не был в безопасности.
- 810 Видел он, что очень скоро
Здесь погибнет власть его,
Ежели он не получит
Подкрепленья сильного.
Сел он на корабль, не мешкав,
- 815 И уплыл в Германию.
Сколотить большое войско
Альберт там надеялся,
Чтобы будущей весной
Вновь нагрянуть в Балтию.
- 820 А взамен себя оставил
Альберт в Риге Каупо.
Каупо обещал защиту
Уцелевшим рыцарям.
Лачплес, видя, что угрозы
- 825 Нет пока над Балтией,
Распустил свои дружины,

- Сам остался в Лиелварде.
Хорошо, привольно зажил
Там он с милой Лаймдотой.
830 Лаймдота хозяйством в доме
Правила, а Лачплесис
Укреплял отцовский замок
И работал на поле.
Кокнес тоже восвояси
835 В замок свой со Спидалой
И со старым Айзкрауклисом
Вскорости отправился.
Проводили их сердечно
Лачплесис и Лаймдота.
340 Обнялись друзья. Друг другу
Пожелали счастья.
Провожать домой поехал
Лиелвард друга Буртниека,
Старики пожить хотели
845 Вместе в замке Буртниеком.
И остались в старом доме
Лаймдота и Лачплесис,
Осененные любовью,
Славою венчаные.
850 Здесь, на берегу прекрасной
Даугавы, нашли они
И любовь, и мир, и счастье,
И почет страны своей.

* * *

- По весне холмы, долины
855 Вновь оделись зеленью.
Все живое в мире снова
Ободрилось, ожило.
Мнилось, позади остались
Времена тяжелые.
860 Мирно пахарь принимался
За труды весенние,
Починял забор, готовил
Плуги, косы, бороны.
Кангар, как и все, работал
865 Вкруг своей усадьбы,
Саженьцы окапывая,
Подновляя изгородь.

- По лицу его бродило
Недовольство хмурое.
- 870 Выпали ему на долю
Всякие превратности.
Горе Балтии, в котором
Тяжко он повинен был,
Как и всем, плоды дурные
- 875 Также принесло ему.
Поселяне перестали
Вскоре посещать его,
Немцы ж вовсе без вниманья
Кангара оставили.
- 880 Но всего больнее сердцу
Лиходея старого
Было то, что жив и счастлив,
И прославлен Лачплесис;
Также, что освободилась
- 885 Спидала от дьявольской
Власти и один он должен
Был конца ужасного
Ожидать с стесненным сердцем
В черном одиночестве...
- 890 Так что даже испугался
Он, однажды под вечер
Услыхавши чей-то оклик
За своей калиткою.
Голову подняв, увидел
- 895 Пред собой он Дитриха.
«Удивляюсь, как надумал
Вновь ты навестить меня,
Иль жаркое надоело
Кушать в замках каменных?..»
- 900 Так, смеясь недружелюбно,
Гостя он приветствовал.
«Не жаркое надоело, —
Дитрих отвечал ему, —
А его не будет вовсе,
- 905 Если ты на помощь нам
Не придешь, пока не поздно.
Обещаю все тебе,
Что ни спросишь ты в награду,
Если ты поможешь нам!»
- 910 И поведал хмуρο Дитрих,

- Что с большой военной
Силой Альберт из-за моря
Вскоре возвращается,
Но что все напрасно будет,
915 Что покамест Лачплесис
Жив, для них завоевание
Балтии немисливо.
А поэтому и нужно
Поскорее выведать,
920 В чем заключена такая
Сила у латышского
Витязя, чтоб можно было
Хитростью сразить его.
Кангар отвечал, что много
925 Раз он сам на витязя
Насылал могучих бесов,
Но напрасно было все —
Одолеи их Лачплесис,
Невредим ушел от них.
930 Если ж, как ботву, он рубит
Иноземных рыцарей,
Кангару и горя мало!
Но причины тайные
Все же в нем вражду питают
935 К витязю могучему.
Он хоть сам еще не знает
Тайну силы Лачплеса,
Но, быть может, слуги-духи
И дадут совет ему.
940 Если гость его убогим
Домом не гнушается,
Пусть задержится тогда он
Здесь на время некое...
Удалился в подклеть Кангар,
945 Дверцу запер изнутри.
В полночь зашумела буря,
Весь скрипел, шатался дом.
Скрежет, воркотня и стоны
Слышались у Кангара
950 Из-за двери, так что дыбом
Волосы у Дитриха
Подымались. И крестился,
И шептал молитвы он.

- Колдовал три дня, три ночи
955 Кангар в темной подклети,
Лишь на третье утро вышел
Бледный, молвил Дитриху:
«Пусть он будет проклят — этот
День, открывший тайну мне!
960 Мы, как черные злодеи,
Также будем прокляты.
Все же зло и впредь, вовеки,
Будет только зло творить.
Одного с тобой мы нрава,
965 И тебе я все скажу:
Лачплесис в лесу дремучем
Был рожден медведицей;
Там отец его, отшельник,
Жил, храним бессмертными.
970 Лачплесис медвежьи уши
От косматой матери
С богатырской дивной силой
Вместе унаследовал.
Если кто-нибудь сумеет *
975 Уши отрубить ему,
В тот же миг его покинет
Сила непомерная.
Кончил я. Иди! Не нужно
Никакой награды мне».
- 980 Рыцарей большое войско
Вывел из Немецчины
Альберт в Ригу. Собирался
Воевать он сызнова.
В войске том был некий Черный *
985 Рыцарь. Годы многие
Промышлял он грабежами
У себя в Немецчине.
Матерью своею — ведьмой —
Рыцарь заколдован был,
990 Так что никакая рана
Не была смертельною
Для него. Его назначил
Дитрих стать орудием
Сатанинского коварства,
995 И убийства Лачплеса.

Помощь в этом страшном деле
Он просил у Каупо,
Обещав ему за это
Царствие небесное.

* * *

- 1000 В некий день уединенно
Лачплесис и Лаймдота
В замке за столом сидели,
Меж собой беседуя.
Лаймдота, сама не зная
- 1005 Почему, грустна была.
Много дней она ходила
Тихой и задумчивой,
А теперь совсем печальной
И унылой сделалась.
- 1010 Наконец она сказала
Задумчивым голосом:
«Я не знаю, мой любимый,
Что бы это значило?
Грусть меня одолевает,
- 1015 Страх сжимает сердце мне...
Я так счастлива, мой милый,
Я сейчас так счастлива,
Что мне страшно, как чего бы
Не стряслось, что нашему
- 1020 Счастью помешать могло бы,
Разлучить меня с тобой!..»
Не успел подругу витязь
Успокоить ласково,
Как вошел привратник, молвив,
- 1025 Что перед воротами
Люди стали верховые
И впустить их требуют,
Объявляются друзьями.
Лачплесис в окно взглянул,
- 1030 Видит: латники чужие,
Впереди их Каупо.
И велел открыть ворота
Перед ними Лачплесис;
Принял, как гостей, достойных
- 1035 Уваженья всякого.
Каупо сказывал, что послан

- Он к нему епископом
Разговор вести о вечном
Мире и согласии.
- 1040 Никогда ни с кем без нужды
Лачплесис не вел войны,
И вступил в переговоры
Он охотно с Каупо.
Дней немало чужеземцы
- 1045 Прогостили в Лиелварде.
Угощал как можно лучше,
Развлекал их Лачплесис
Состязаньями, борьбою,
Играми военными.
- 1050 Но была все это время
Беспокойна Лаймдота;
И особенно тот Черный
Рыцарь ей не нравился,
Хоть ее он сладкой речью
- 1055 Всячески улещивал.
- В некий день опять борьбою
Развлекались пришлые.
Всех осилил Черный рыцарь
В бранных состязаниях.
- 1060 Подошел он к Лачплесису,
Вызвал на борьбу его.
Отшутившись добродушно,
Отказался Лачплесис:
Мол, нельзя с мечом на гостя
- 1065 Выходить хозяину.
Злобно издеваясь, молвил
Рыцарь, что, наверное,
Все, что посегодня слышал
Он про силу витязя,
- 1070 Просто болтовня пустая,
Хвастовство, безделица!
Тут уж Лачплесис, не споря *,
Вышел против рыцаря.
На мечях единоборство
- 1075 Как бы в шутку начал с ним,
Только отражал удары
И оборонялся он.
Но большую силу рыцарь

- И сноровку выказал.
1080 Он ударом метким ухо
Отрубил у Лачплеса.
Страшно рассердился витязь,
Так врага ударил он,
Что рассек стальные латы,
1085 Кровь сквозь латы хлынула.
Но сломался от удара
Меч в руках у витязя.
Видя это, враг второе
Ухо отрубил ему.
1090 Тут уж не было предела
Гневу, обуявшему
Лачплесиса. И руками
Обхватил он рыцаря.
Начали ломать друг друга
1095 По-медвежьи. Лачплесис
Трижды подымал на воздух
Рыцаря тяжелого,
Трижды сам пошатывался
Под напором недруга.
1100 Бледные, на них смотрели,
Расступившись, воины,
Словно все окаменели
Перед этим зрелищем.
Борющиеся все ближе
1105 Подходили к берегу.
Наконец свалил с обрыва
Лачплесис противника.
Но и сам упал с ним вместе,
Увлекаем тяжестью
1110 Грузных лат его. Всплеснулись
Шумно волны Даугавы,
И в пучине скрылись оба
Яростных воителя.
Страшный женский вопль раздался
1115 В замке. Это Лаймдота
В то же самое мгновенье
Жизнь свою окончила.
Бледное тонуло солнце,
Угасая в Даугаве,
1120 Встал густой туман, слезами
Осыпаясь на берег.

Волны Даугавы стонали
В пенящемся омуте,
Приняли они на лоно
1125 Витязя латышского
И воздвигли твердый остров
Над его могилою.

Вслед за Лачплесисом вскоре
И другие витязи
1130 Друг за другом пали в битвах
С силою неравною.
Чужаки пришли. Свирепо
Немцы-бары правили,
А народ наш милый горько
1135 Рабствовал столетия.
Но народ через столетья
Помнит, славит витязя,
Для народа он не умер.
В золотом чертоге он *
1140 Спит близ Лиелварде, глубоко
В Даугаве, под островом.

И доньне лодочники *
Иногда о полночи
Видят, как на темной круче
1145 Борются два призрака.
Огонечек вспыхивает
В этот миг в развалинах
Замка. И к обрыву ближе,
Ближе борющиеся
1150 Подступают и в пучину
Волн обрушиваются.
Гаснет огонечек. В башне
Крик тоскливый слышится...
Лаймдота глядит на битву,
1155 Ждет победы витязя.
И придет однажды время —
Лачплесис противника
Одного с утеса сбросит
И утопит в Даугаве.
1160 И народ тогда воспрянет
К новым дням, свободным дням!

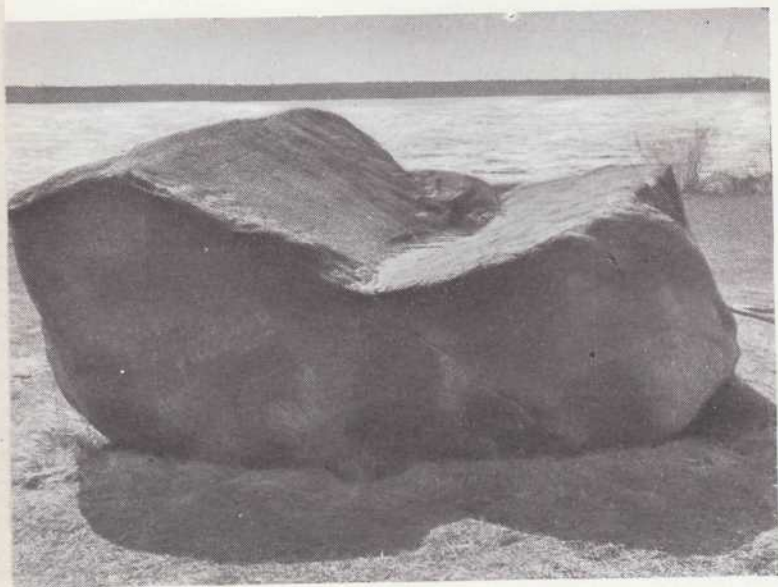
Остров на Даугаве близ Лиелварде—
место гибели Лачплесиса

«Надгробный камень» на месте
гибели Темного рыцаря
в Лиелварде

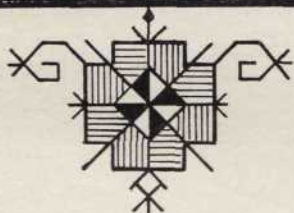
Развалины изображенного в «Лачплесисе» немецкого замка на правом берегу Даугавы (Лиелварде). Здесь, по мотивам эпоса, происходила схватка Лачплесиса с Темным рыцарем

Камень Лачплесиса в Кегуме, перевезенный из Лиелварде в 1939 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Предлагаемые комментарии призваны в первую очередь представить по возможности более полную картину использования и творческого видоизменения фольклорного и этнографического материала в «Лачплесисе» А. Пумпура, выявить фольклорную традиционность мотивов и образов эпоса.

В комментариях прослеживается также связь произведения Пумпура с современной ему литературой и публицистикой, степень использования автором различных исторических источников.

При характеристике связей «Лачплесиса» с устным народным творчеством указываются не только самые близкие эпосу фольклорные сюжеты и комплексы мотивов (которые использованы или могли быть использованы Пумпуром), но и менее близкие и даже совсем инородные их варианты. Этот метод представляется целесообразным, поскольку ориентирует читателя не только в том, что связывает эпос Пумпура с соответствующими тематическими фольклорными циклами, но в известной мере выявляет и своеобразие «Лачплесиса». В тех случаях, когда позволяли имеющиеся данные, автор старался установить, в какой мере использованные или близкие эпосу Пумпура фольклорные мотивы показательны для устной народной традиции.

Эпос комментируется по отдельным песням. Стихи «Лачплесиса» пронумерованы с обозначением каждой пятой строки. Звездочкой помечен в тексте комментируемый стих или начальная строка целого комментируемого периода. Комментарии располагаются соответственно под порядковым номером отмеченной звездочкой строки.

В некоторых важных собраниях латышского фольклора, материалы которых привлекаются в комментариях, нет точных указаний на время записи фольклорного произведения. Целесообразно поэтому дать общие сведения о периоде записи текстов, помещенных в этих изданиях (латышские названия даются в переводе):

Фр. Бривземниек, Сборник материалов по этнографии, 1887. Тексты записаны в 70-х годах XIX в., в основном во второй половине десятилетия.

А. Лерхис-Пушкайтис, Латышские народные предания и сказки, тт. I—VII. Сказки и предания в тт. I—IV записаны в 80-х годах XIX в. Тексты V тома — главным образом в 70—80-х годах; материалы VI—VII томов по большей части в 70—90-х годах.

П. Шмидт, Латышские сказки и предания, 1925—1937. Из числа записей, публикуемых здесь впервые, большинство сделано корреспондентами П. Шмидта в 20—

30-х годах XX в. Важной является первая публикация в данном собрании рукописи II части VII тома «Латышских народных преданий и сказок» А. Лерхиса-Пушкайтиса, материалы которой датируются главным образом 70—90-ми годами XIX в.

Кр. Барон, Латышские даины, тт. I—VI, 1894—1915. Включают, за редкими исключениями, все латышские народные песни, записанные до 1913 г. Преобладают записи второй половины и конца XIX в. Использованы также собрания начала и первой половины XIX в.

«Латышские народные песни», Избранное, тт. I—III, 1955—1957. Тексты, опубликованные впервые, записаны с 1925 по 1956 г.

Перевод комментариев с латышского языка выполнен Ю. И. Абызовым.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

2. В сказочном Перкона замке. В латышской мифологии Перкон — божество, повелитель грома и молнии. Это божество известно и у древних пруссов (Perkupis), литовцев (Perkunas), русских (Перун). У старых авторов Перкон неверно характеризуется как главное божество; на самом деле таковым у латышей считался Диев (Бог) или Дебестев (Небесный отец) [Лат. мит., 22, PS XII, 10, 224].

Взгляд на Перкона как на самое могущественное мифологическое существо сказался на изображении его в «Лачплесисе»: Перкон — первый после Властителя, или Отца, судеб (Likteņtēvs). На собрании богов он говорит сразу после Властителя судеб. Стабурадз сообщает о спасении Лачплесиса Перкону и именно от него получает дальнейшие указания. Лачплесис — «Перконом благословенный». Перкон последовательно выделяется из числа других божеств. Его всегда называют по имени, тогда как остальные божества часто упоминаются все вместе: «Только бы Перкон и боги к добру это все обернули» [Л I, 729], «Перкон и боги тебя охраняли» [Ор V, 321]. Порою имя Перкона используется для обозначения всего сонма древнелатышских богов. В предвещании Вайделота Лиелвардису (песнь II) нашествие крестоносцев на Латвию и распространение христианской веры изображаются как борьба против Перкона: «Мощные духи с Запада встали, — Молвил он, — Перкона власть ненавидя...» [Л II, 57—58]. Ликцепуре именует древних латышей «Подвластными Перкону» [Л II, 536]. Кангар в Чертовой яме должен поклясться «в полном отречении от Перкона» [Ор II, 567—569]. У Пумпура Перкон — наиболее активное божество. Он заставляет зверей и птиц рыть русло для Даугавы, приводит латышей с далекого востока на запад — к «Белому», т. е. Балтийскому, морю, посеждает в латышской земле злых волшебников, ведьм и йодов (чертей).

5. Балтии боги собрались. Под богами Балтии в эпосе понимаются божества латышской мифологии. В произведении Пумпура Балтия обычно употребляется в значении Латвии [Л I, 114; Ор I, 127; III, 125]. Такое словоупотребление было широко распространено в латышской литературе и журналистике 60—70-х годов прошлого века. Параллельно в «Лачплесисе» встречается и собственно «Латвия» [Л III, 237, 265; Ор II, 624; III, 229, 260]. В ряде случаев «Балтия» используется как обозначение древней Ливонии (Латвии и Эстонии) [Л I, 78; IV, 5, 36; Ор III, 792; IV, 10; VI, 810].

В данной песне наряду с персонажами латышской мифологии выступают древне-прусские божества. Некоторые из упоминаемых богов в мифологии балтийских народов вообще неизвестны, они фигурируют лишь в произведениях псевдомифологического характера (см. об этом далее).

6. *Властитель судеб* (также *Судеб отец*, *Вершитель судеб*) — мнимое божество, олицетворяющее могущество судьбы. Вершительницей судеб предстает в «Лачплесисе» и Лайма, но сфера ее действий более ограниченная. Судеб отец в произведении Пумпура — высший и самый могущественный вершитель и предсказатель судеб. Это он на собрании богов «возглашает» будущее Балтии, т. е. Латвии [Л I, 56—80]; «Участь героя» Лачплесису также «уготовил Вершитель судеб» [Л II, 133—134]. Вершитель судеб действует в I песне эпоса (сцена собрания богов), где он описан лишь в самых общих чертах («Судеб отец, извечный, седовласый»). Один раз он назван во II песне. Гораздо чаще, однако, в эпосе Пумпура встречаются «Судьба», «Судьбы повеленье», «дороги Судьбы».

С точки зрения выполняемых функций разницы между Отцом судеб и Судьбой нет, но о Судьбе в эпосе говорится в абстрактном плане [Л I, 83, 143; II, 77], в то время как Отец судеб антропоморфизирован, хотя и очень скупо [Л I, 6, 53; II, 134].

В народных песнях человеческую судьбу порой определяет Днев, но чаще всего в качестве вершительницы ее упоминается Лайма (см. прим. Л I, 33—34). В мифологии некоторых народов (например, древних греков и римлян) существовала вера в силы предопределения, которым подчинено все, даже боги. Для древних воззрений латышского народа характерно иное понимание судьбы, определяемой Диевом, Лаймой или ими обоими. В «Лачплесисе» понятие «Судьба» истолковано под известным влиянием упомянутых верований других народов.

«Судьба» («liktenis») — в латышском языке слово позднее, подлинно народные латышские песни его не знают. Надо полагать, что в латышском языке в старину вместо «liktenis» было «laime».

Появление Судьбы в «Лачплесисе» связано, во-первых, с трактовкой Пумпуром фольклорного мотива судьбы как весьма существенного в преданиях «эпического народа» и в жанре народного эпоса. Во-вторых, слово «судьба» служит автору «Лачплесиса» своеобразным определением объективной необходимости, закономерности исторического пути народа.

11—12. *Заря на уздах горела, На сбруях солнце сверкало*. Образное описание латышского всадника заимствовано из народной поэзии. В песнях говорится, что у воина «от шапочки сияние занимается», «от уздечки месяц поднимается» [LD 32004, 4] или «от седла солнышко встает, от уздечки — месяц ясный...» [LD 32004, 9].

13. *Патримпа-бога повозка*. Патримп в «Лачплесисе» выведен как древнелатышский бог плодородных нив. В таком значении мы встречаем имя Патримп в статье Ю. Алунана «Боги и духи, коих латыши древле почитали» (1858), в стихах Аусеклиса, в популярном во второй половине XIX в. произведении Г. Меркеля «Ванем Иманта» (1802) и др. У латышей имелись боги плодородия (Юмис, Цероклис), но Патримпа, или Потримпа, латышская народная мифология не знает. Имя Потримп заимствовано из древнепрусской мифологии. У древних пруссов Потримп был якобы богом рек и

источников. В XVI в. С. Грунау в своей «Хронике Пруссии» («Chronica und Beschreibung... Historien des namkundigen Landes zu Preussen») производит Потримпа (Potrimpo) в божество злаков и счастья — у древних пруссов (см. Wilhelm Mannhardt, Letto-Preussische Götterlehre, Riga, 1936, стр. 197).

17. *Пакола черные кони*. Образ Пакола возник и получил распространение в XI—XVI вв. в литературе о древних пруссах, где он необоснованно именовался древнепрусским божеством. Для имени его использованы, очевидно, древнепрусские слова «puculs» — ад и «pickuls» — черт, которые произошли от польского «piekło». В рукописях XVI в. («Das Sudauerbüchlein») «Peckols» приводится как древнепрусский бог ада и тьмы, а «Pockols» — как черт.

21. *Антримпа бурные кони*. Антримп — в «Лачплесисе» древнелатышский бог моря. Антримпа нет ни в латышской, ни в литовской народной мифологии (латышским божеством моря является изображаемая в народных песнях Мать моря). Близкое Антримпу имя Аутримп (Awtrimpus) встречается в прусской церковной агенде 1530 г. («Constitutiones Synodales»). Аутримп был якобы древнепрусским богом моря. Я. Малецкий в XVI в. упоминает бога моря Антримпа (Antrimpum). Введенная Я. Малецким форма «Антримп» возникла, по-видимому, в результате искажения имени Аутримп.

25. *Лиго и Пушкайтис*. Лиго в эпосе Пумпура изображается как древнелатышское божество песни. Однако образа, подобного древнегреческим музам, в латышской народной мифологии нет. В качестве божества Лиго появляется в латышской письменности конца XVIII — начала XIX в. В «Лексиконе» Я. Ланге («Vollständiges deutsch-lettisches und lettisch-deutsches Lexicon», 1777, II) и в грамматике Г. Фр. Стендера («Lettische Grammatik», 1783) Лиго — бог веселья (у северных народов), а у Г. Меркеля («Ванем Иманта») — древнелатышский бог веселья.

В латышском фольклоре восклицание «Лиго!» служит припевом в песенном цикле, связанном с древним праздником летнего солнцестояния (Янов день).

Пушкайтис — псевдомифологическое божество, в верованиях балтийских народов не встречается. Первоначально как прусский, литовский, а потом и как латышский бог (в различных вариантах — Putsaetus, Puschkaytus, Putscetus, Puszaitis) фигурирует в трудах этнографического характера у авторов XVI и XVII вв. (Я. Малецкого, Я. Ласицкого, М. Стрыйковского, М. Претория), откуда впоследствии Пушкайтис проник в латышскую литературу и поэзию. О популярности этого имени во второй половине XIX в. свидетельствует тот факт, что собиратель сказок и преданий А. Лерхис присоединил к своему имени романтическое Пушкайтис (А. Лерхис-Пушкайтис). Пумпур также подписывал некоторые свои произведения псевдонимом Пушкайтис.

Слово «пушкайтис» встречается в народной речи, но имеет совсем иной смысл, оно обозначает брэнчащий инструмент, которым отбивали такт при исполнении песен большим числом людей. У названия этого древнего латышского «дирижерского инструмента» общий корень с существительным «rišķis» (пучок). Пушкайтис украшался гарусом, цветными лентами и проч.

Как божество Пушкайтис выступает у разных авторов в различных качествах: то как бог священных деревьев и рощ, то как бог земли, то как бог сосняков. Аусеклис в своих примечаниях к латышской мифологии называет Пушкотайса (т. е. Пуш-

«кайтиса» «богом красоты», а в стихотворении «Боги предков весной» (1873) пишет, что Пушкийтис «деревья на красу рядит».

В «Лачплесисе» Пушкийтис упоминается без точного раскрытия его мифологической роли [Л I, 25—28, 41—45].

29. *Всех небожителей дети* (в оригинале: *Сыны богов и Перкона*). «Сынам богов» (в «Лачплесисе») в латышской народной мифологии соответствуют «сыны Диева». Встречаются они главным образом в народных песнях. Народная поэзия изображает сынов Диева как исполнителей разных работ: они ставят клетки, «возводя золотые стропила», ладят из золота и серебра мосты, выют вожжи из бурной воды, охотятся на серебряных куропаток и золотых соловьев, косят сено и т. п. [LD 33754; 33755; 33759; 33764; 33818].

Чаще всего сыновья Диева предстают вместе с дочерьми Солнца — Сауле (см. прим. Л I, 34). Сын Диева тайком подглядывает, как дочь Солнца моется в «излучине быстрой реки» или причесывается в «золотом орешнике». Они вместе веселятся, играют и работают. Многие народные песни рассказывают о женитьбе сына Диева на дочери Солнца [LD 33939; 33962; 34008; 34030]. Так же, как у Пумпура, в народных песнях сыны Диева ездят верхом.

В народных верованиях известны небесные божества, отцом которых является Перкон [LD 33704 и варианты, 33709, 1; 33709, 2 и др.]. Сыновья Перкона воспеваются в народных песнях. Судя по этим песням, у Перкона от трех до девяти сыновей. В песнях они издают гром и мечут молнии.

33—34. *Аустра, и Лайма, и Тикла, светлые дочери Солнца.*

Аустра — латышское божество утренней зари, денница. Имя Аустра фонетически близко к именам соответствующих персонажей ряда народов (древнеинд. Ушас, греч. Eos или Auos, лат. Аугога, литовск. Aušra). В народных песнях Аустра встречается лишь в некоторых вариантах [LD 6100; 33924; Tdz 55063 v и др.]. Известно это имя и в латвийской топонимике [см. Эндзелли, 1956, 56].

Лайма, или Лайме, (Счастье) фигурирует в преданиях, сказках, но чаще всего в народных песнях. Лайма заботится о девушках, решает, как им выйти замуж, в эпосе Лайма чаще всего исполняет те же функции [Л II, 628—629; III, 262—265; V 538]. Как божество судьбы в более полном понимании она очерчена у Пумпура слабо [Л I, 225—228].

Тикла предстает в произведении Пумпура как древнелатышская богиня добродетели и нравственности. Имя Тиклис встречается у Я. Ласицкого (XVI в.) как название некоего литовского бога. Я. Ланге и Г. Фр. Стендер перенесли Тиклис в латышскую мифологию, характеризуя ее как латышскую богиню, наделяющую детей добродетелями.

В латышских народных песнях прилагательное «tikls» («tikla», f.) означает — резвый, ловкий в работе. Позднее «tikls» приобретает в латышском языке значение «tikumīgs» — нравственный, «šķīsts» — целомудренный. Это позднейшее значение слова «tikls» и побудило Я. Ланге, Г. Фр. Стендера и латышских писателей соответствующим образом интерпретировать божество, которое фигурирует у Я. Ласицкого.

Дочери Солнца — мифологические существа, встречающиеся в народных песнях.

Имеется и ряд сказаний о дочерях Солнца [Сб 5; LP V, 51; PS XIII, 218; см. также сказку PS IV, 404—405]. Солнце (Сауле) выступает в роли матери (в латышском языке солнце — ж. р.).

У дочерей Солнца обычно венец из золота, серебра и алмазов, на пальце — золотое колечко, на ногах — золотые башмачки. Платье — шелковое. Они сгребают сено серебряными граблями, мелют на ручных мельницах, ткут кушаки, покрывала, вяжут рукавицы, колют белье, готовят обед, сажают розы. В песнях рассказывается, как они моются, причесываются золотыми или серебряными гребнями, наряжаются [LD 33796; 33816; 33817; 33984; 33986].

В «Лачплесисе» говорится, что дочери Солнца ездят на колеснице. В народных песнях ездит обычно само Солнце — Сауле [LD 33915; Ltdz 7940 и др.].

101—102. Я на балтийские нивы Дождик пошлю благодатный (в оригинале: Летом, с приходом Зиедониса, дам плодородный дождик). Поэтическое название весны — «зиедонис» — Пумпур превращает в название латышского божества весны и последовательно пишет его с прописной буквы.

103—104. Днем — ветер свежий навею, А ночью звезды затеплю (в оригинале: Днем я буду очищать воздух, а ночью буду высекать огни). В народных песнях Перкон или сыновья Перкона изображаются как «высекатели огня» [LD 31653; 31707; 33704, 3; 33704, 3v; 33704, 7v]. Перкон высекает огонь, чтобы согреть «барских работников», когда те «промокли, озябли» [LD 31707]. Он освещает дорогу девушке, когда она после барщины темной ночью бредет домой через сосновую рощу [LD 31653].

123. Где ветры Севера дуют (в оригинале: Где ветры Зиёмелиса дуют). Слово «зиёмелис» на латышском языке означает «северный ветер». Зиёмелис в «Лачплесисе» — фантастическое существо, олицетворяющее зимний холод, северный ветер и снежный буран. Подробнее Зиёмелис изображается в IV песне эпоса (см. прим. Л IV, 511—562).

132—134. Будут над Балтией реять В сполохах ярких — и страхом Оледенять чужеземцев (в оригинале: В северном сиянье и сполохах сражаясь, приводят в ужас чужеземцев). О народных поверьях, связанных с северным сиянием, см. прим. Л IV, 511—562.

163 и сл. Тут Стабурадзе явилась... и далее. Стабурадзе в «Лачплесисе» (ради сохранения размера Пумпур использует и краткую форму «Стабразде») — покровительница девушек, крестьян. По Пумпуру, Стабурадзе живет в хрустальном замке в глубинах Даугавы, возле скалы Стабураг. В изображении Стабурадзе Пумпур частично исходил из фольклорных мотивов, связанных с этой скалой.

Скала образовалась из известняковых отложений на левом берегу Даугавы, в Сеце, в семи с половиной километрах от Кокнесе — в том месте, где сейчас водохранилище Плявинской ГЭС. Скала непрерывно увеличивалась в размерах. Этому естественному процессу поэт дал в эпосе сказочное истолкование: скала растет якобы оттого, что к ней добавляются камни, в которые превращаются люди, попавшие в омут [Л I, 197—200].

Со скалой Стабураг связан ряд народных песен и преданий. Опубликовано шестнадцать народных песен о скале Стабург — все в объеме четверостиший (Fg. Kglise,

Urgeschichte des Estnischen Volksstammes und der Kaiserlich Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Curland, Moskau, 1846, стр. 170—171; [J. Ch. Stender], Der Stabburgs, Mitau, 1850, стр. 10; LD 4267; 30783; 30783, 1; 30783, 1v; 30967, 30967v). Фактически в народных песнях фигурируют два названия упомянутой скалы — Стабурадзе и Стабураг, причем первое встречается чаще. Параллельно с формой «Стабурадзе», где того требует песенный размер, используется сокращенная форма, иногда просто — «Стаба», иногда — «Радзе». В преданиях, за исключением двух вариантов (с формой «Стабурадзе»), скала называется Стабураг.

Стабурадзе рисуется в народных песнях человеком с добрым, отзывчивым сердцем. Туманным утром Стабурадзе горько плачет, а в солнечную погоду радостно улыбается, «беспечно радуется». В некоторых вариантах Стабурадзе — ловкая работница: она прядет, ткет, вышивает. Образ скалы — ткачихи и прядильщицы возник, вероятно, в результате метафоризации водяных струек, непрерывно текущих из пор и гротов скалы. В народных песнях Стабурадзе прядет шелк, сучит шелковые нити. Ее ткани с чудесными узорами получают «Стабурагские девушки», «Стабурагской матушки дочки». В песнях подчеркивается, что «Стабурагские дочки» «пригожие» и «красивые». В четырех вариантах имеются в виду дочери окрестных жителей. Но есть варианты, где называется дочь самой скалы. В двух народных песнях жених просит Стабураг или «Стабурагову матушку», чтобы они отдали ему «знатную вышивальщицу», «дочку свою». В двух других песнях говорится также о «Стабурагских рабочих», т. е. об окрестных жителях, пахарях и сеятелях, поэтизируется их труд. Суровые, реалистические мотивы, отражающие тяжелую жизнь крепостных, звучат в песенке о «сынке Радзе», которому «тяжко век свой вековать».

Во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в. в народе была очень популярна песня «Стабурагская дочка» (опубл. в 1866 г.), текст которой написал поэт Фр. Малберг.

Прозаические устные произведения о скале Стабураг записывались и публиковались начиная с середины XIX в. Вот содержание некоторых преданий.

В гроте скалы Стабураг находится девушка, которая придет для бедного крестьянского люда, для тех, кому недосуг заняться своими делами, потому что господа немилосердно притесняют их (F. K. G. u. s. e, Urgeschichte..., стр. 169).

В скале Стабураг живет седой старец, который в полночь делит между посетителями свое добро. По вечерам перед скалой сидит девушка, она моется и моет свои длинные волосы в прозрачной воде родника («Der Stabburags...», стр. 9).

В стародавние времена молодой жених отправился на Даугаву ловить рыбу. Неожиданно поднялись огромные волны, лодка перевернулась, и он утонул. Невеста дни и ночи плакала на берегу, пока не обратилась наконец в известняковую скалу Стабураг [LP V, 408, Саука — Ек, зап. Я. Озол].

Парень с видземской стороны поехал на коне через Даугаву на курземский берег, думая увести в Видземе свою невесту, но утонул. (Под Курземе здесь понимается Земгалия — местность в Латвии, к югу от Даугавы.) Девушка плакала на берегу, пока не превратилась в скалу — Стабурадзе (FS 1955, 14843, Сесе — Ек).

Есть и другие предания о скале Стабураг.

В научной литературе справедливо отмечалось [Анцитис, 271], что фольклорные произведения о скале Стабураг были очень популярны в латышской поэзии и прозе второй половины XIX в. В 1869 г. выходит эпос Фр. Малберга «Стабураг и Лиесма» («*Staburags un Liesma*»). В нем использованы и некоторые элементы преданий о скале Стабураг. В 1871 г. в газете «Балтияс вестнесис» печатается большой очерк Карла Зариня «Стабурадзе (Стабураг) в Курземе». В очерке приводятся одиннадцать народных песен, в которых фигурирует Стабураг,— песни взяты из предыдущих публикаций (из работы Фр. Крузе),— несколько латышских и одно немецкое предание, посвященных скале Стабураг. Под влиянием фольклора возникло стихотворение Аусеклиса «К Стабурадзе» (1875). Образ Стабурадзе имеется и в его стихотворении «Весна латышского народа». Народные песни о Стабурадзе Аусеклис приводит или частично пересказывает в своих фольклорных очерках.

В период работы Пумпура над «Лачплесисом» Стабураг, благодаря не только фольклорным, но и литературным произведениям, пользуется широкой известностью во всей Латвии. Во второй половине XIX в. Стабураг и окрестности становятся местом, притягательным для туристов.

Как уже показал К. Анцитис [Анцитис, 271], фольклорные материалы о скале Стабураг Пумпур почерпнул из названного очерка К. Зариня. Из народных песен поэт взял название Стабурадзе, но сам образ изменил. В «Лачплесисе» Стабураг и Стабурадзе — два разных образа. Стабураг оказывается «возлюбленным» Стабурадзе, пребывающем в «вечном сне» [Ор]. Отчасти такую трактовку могло подсказать сочинение Фр. Малберга «Стабураг и Лиесма», где спящий Стабураг — любимый Лиесмы. Действие в I и II песнях эпоса происходит в тот период, когда латышский народ еще свободен. Героиня грустит «из-за того, что Стабураг вечно дремлет, и в одиночестве она пребывает среди живых» [Ор II, 625—626]. В данном случае переживания вызваны причинами личного свойства. Но после собрания богов Балтии, в предчувствии будущих невзгод, Стабурадзе спрашивает себя: «Неужели мне в будущем оплакивать и горестный удел Балтии?» [Ор II, 627—628]. Горе Стабурадзе Пумпур мотивирует исторически, как и некоторые авторы периода национального пробуждения (К. Заринь, Аусеклис и др.).

Поэт видоизменил мотивы народных песен о Стабурадзе-прядильнице. Его героиня по ночам придет на скале туманы [Л I, 169—170], которые утром накидывает на поля, чтобы заморозки не губили посевы [Л II, 613—614]. Она заботится о лодочниках (здесь использован локализованный в «Стабураге и Лиесме» мотив Лорелеи) [Л II, 615—616], опекает пастухов, путников и покровительствует им [Л II, 617—618], совершает благодеяния, подобно обитающему в скале легендарному старцу. Особое значение в эпосе приобретает песенный мотив — заботы Стабурадзе об окрестных девушках [Л II, 619—630 и сл.]. В «Лачплесисе» подчеркивается, что воспитанницы Стабурадзе приносят счастье тем, кто берет их в жены. Эта фольклорная тема разрабатывается в повествовании о Лаймдоте, взятой Стабурадзе на воспитание. (Лаймдоту Лачплесис полюбил в хрустальном замке Стабурадзе.) Не подлежит сомнению, что «Стабурагские девушки», выступающие в народных песнях, в значительной мере явились прототипами Лаймдоты.

Если «Стабурагская дочка» в «Лачплесисе» — дитя человеческое, то сама Стабурадзе — сверхъестественное антропоморфное существо, посредница между богами и людьми.

Как Стабурадзе, так и «Стабурагская дочка» у Пумпура — символ женственности и благородства. В согласии с символикой соответствующих фольклорных образов, обе героини — олицетворение красоты. Романтическое чувство, с которым созданы эти образы, несомненно, в значительной степени восходит к народным песням о Стабурадзе.

174—188. *Вдруг вижу двух ведьм высоко...* и далее. В этом отрывке использован сказочный мотив — полет ведьмы и парня, спрятавшегося в ее колоде (см. прим. Л II, 283—342, 377—386).

175. *Даугава* (Западная Двина) — самая большая река Латвии. В народной сказке о Лачплесисе некоторые события тоже происходят на Даугаве, и понятно, что присутствие Даугавы в эпосе Пумпура объясняется частично использованием этой сказки (сама сказка о Лачплесисе бытовала в округе, примыкающей к Даугаве). Имели место и моменты субъективно-биографические. Пумпур вырос близ Даугавы и, как свидетельствуют многие его стихи, очень любил ее. В стихотворении «У Даугавы» поэт сравнивает реку с матерью и невестой, Даугаве поверяет он свои горести. Точно так же и Лачплесис, когда Лаймдоту силой и коварством увозят в Неметчину, идет к Даугаве «плакаться на свою судьбу»: «Целые дни по крутым берегам он бродил одиноко, Даугавы волнам вспенённым горе свое поверяя» [Л III, 894—895].

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

5. *Кегум* — порог на Даугаве в 6 км ниже Лиелварде, примерно в 35 км от Риги.

6. *Румба*, или *Румбиня*, — правый приток Даугавы, впадает в Даугаву возле древнего Лиелвардского городища.

8. *...славных Лиелвардов замок*. В 40 с лишним км от теперешних границ Риги на правом берегу Даугавы до начала XIII в. находился древний ливский (см. об этом прим. Л III, 91—92) Лиелвардский замок (в хронике Генриха Латвийского — *Lelewarde*).

В окрестностях Лиелварде в XIII в. среди ливов жили и латыши. Пумпур изображает лиелвардское ливское поселение как латышский замок. В 1205 г. немцы сожгли старый замок и на месте его построили каменный, развалины которого сохранились. Каменный Лиелвардский замок тоже упоминается в «Лачплесисе» [Л VI, 206—207, 678—691 и далее, 1142—1155].

17. *Лиелварды куниг с юношей сыном*. «Куниг» в «Лачплесисе» употребляется параллельно с «вирсайтис» как определение древнелатышского племенного вождя; куниги Лиелвардис, Буртниек (выдуманные поэтом имена) зовутся и вирсайтисами (песнь VI). «Куниг» — литуанизм, от литовского «kunigas». В свое время в печати высказывалась мысль, что древнее название латышского повелителя в народном языке было «кунгс».

29—39. *Выбежал вдруг медведь из дубравы...* и далее.

Богатырь латышских народных сказок, подобно Лачплесису Пумпура, часто появляется на свет необычным, сверхъестественным образом.

Кузнец выковывает себе сына — будущего богатыря — из железа [LP I, 56; VI, 539, 554]. Человек, страстно желающий иметь сына, вырезает будущего богатыря из ложки [LP VI, 550]. Сын рождается от горошины, которую муж дает жене [LP IV, 17]. Мать кормит грудью сына до двадцати лет, и тот вырастает богатырем [Сб 60]. У кобылы от сена, клевера и воды родится могучий сын человеческого облика [LP VI, 524]. Королева (барыня, крестьянка) узнает, что у нее родится сын, если она поест рыбы. Рыбу эту или навар от нее пробует и повариха, а кобыла только вылизывает чешую или выпивает помой. У всех трех родятся сыновья. Самый сильный — сын кобылы [LP I, 1; 482—483, 534—535, 561]. Волк похищает женщину, чтобы взять ее в жены. От волка у женщины родится сын-богатырь [Jkr V, II, 122].

Целый ряд латышских сказок рассказывает о происхождении героя от человека и медведя. Подобные сказки записаны в Рижском, Цесисском, Валкском, Талсинском, Баусском, Екабпилсском и других уездах. В них рассказывается, как медведь похищает женщину, чаще всего молодую, и уносит ее в лес, в берлогу. От медведя у женщины рождается сын [Jkr II, 1; LP VI, 570, собр. А. Биленштейна, зап. в 1864 г. в Эргли — Ц; VI, 490, 493, зап. Погу Янис-Бехманис ок. 1879 г. в Глуде — Ег; VI, 462, 475, 526, 582]. Матерью медвежьего сына в этих вариантах является дочь крестьянина или бедного дровосека, принцесса, жена священника. Есть варианты, рассказывающие о рождении героя от человека и медведицы. Один человек рубил как-то в лесу дрова. Появилась медведица и утащила его в свою берлогу. Там они жили долгое время, и у медведицы родился мальчик [LP VI, 528, зап. М. Старкис в Лиелварде]. Некий старичок воспитывал мальчика, которого ему притащила медведица. Мальчик вырос богатырем и стал совершать подвиги [LP VI, 415]. В сказке, которую пересказывает в «Предварении» Пумпур [А.-Т. 650А], богатырь рождается от медведицы и человека — лесного жителя.

В соответствии с этими фольклорными мотивами герой в эпосе Пумпура также является сыном человека и медведицы.

В качестве имен главных героев сказок о богатырях в латышском фольклоре приводятся следующие: Dzelzsdēls («Железный сын»), Dzelzspuika («Железный малый»), Dzelža Mārtiņš («Железный Мартин»), Karotes dēls («Сын из ложки»), Zīrņiņa vīrs («Гороховый человек», «Гороховик»), Kēves dēls («Кобылий сын»), Niedrīte («Тростинка», «Камышинка»), Ancis, Jānis, Stiprais («Силач») и др. В сказках о герое, рожденном от медведя, богатырь зовется Медвежьим сыном — Lācadēls [LP VI, 493, 526], Медвежьим Янисом — Lāču Jānis [LP VI, 462], Криш-Медведем — Lāču Krišus [Jkr II, 1], Мохначом — Spalvainis [LP VI, 493] и др. Во многих вариантах герой зовется Медвежьеухим — Lāčausis [LP VI, 462, 475, 490, 528]. Последнее имя появляется обычно в тех сказках, где говорится, что богатырь унаследовал от своего отца-медведя медвежьи уши:

«Через какое-то время у жены медведя родился сын: во всем человек, только одно ухо медвежье. Потому мать и нарекла его Медвежьеухим» [LP VI, 490];

«...у нее от медведя родился сын, назвали его Медвежьеухим, потому что уши у него были, как у медведя» [LP VI, 462];

«Родился у работницы от медведя шустрый сынок. Так во всем на обычного чело-

века похож был — только уши на медвежий лад. Потому его и прозвали Медвежье-ухим» [LP VI, 475];

«И родился у медведицы за то время человек с медвежьими ушами. Назвали его Медвежьеухим» [LP VI, 528, ср. LP VI, 493].

В варианте, записанном А. Пумпуром, имеется собственное имя — Лачплесис, или Лачаусис. Как уже отмечалось во введении, имя Лачплесис («Раздирающий медведя») объясняется тем, что юноша истребил вокруг отцовского дома медведей и других хищных зверей, хватая их за челюсти и раздирая пополам. Мотивы «медвежьи уши богатыря» и «раздирание медведя» включены в эпос Пумпура.

Борьба с медведем имеет место почти во всех народных повествованиях о сыне медведя. Герой убивает медведя и становится свободным, одновременно освобождая из плена свою мать. Так же, как в сказках, в «Лачплесисе» убийство медведя — первый подвиг богатыря. Разработка эпизода специфична в том отношении, что герой побеждает какого-то другого медведя, не своего «родителя»; он делает это, спасая от зверя названного отца. В отличие от записанной Пумпуром сказки и от его «Лачплесиса», почти во всех образцах латышского фольклора, связанных с сыном медведицы, герой побеждает медведя, не раздирая его, а иным образом. Так, он просто убивает медведя [LP VI, 476, 494], выворачивает ему лапы [LP VI, 582], пристреливает [Jkg II, 1; LP VI, 526], вгоняет в землю [LP VI, 490].

За исключением сказки, приведенной в «Предварении» Пумпура к первому изданию «Лачплесиса», и некоторых новейших записей, имя Лачплесис как имя собственного сказочного героя в латышском фольклоре не зафиксировано.

Лачплесис фигурирует в различных рассказах, записанных в XX в. в тех местах, с которыми связано действие эпоса Пумпура, или вблизи от этих мест [FS 1177, 60, Скайсткалне — Б, зап. в 1926 г.; 861, 22, Кегум — Рг, зап. в 1929 г.; III фольклорной экспедицией АН Латвийской ССР в Оргский р-н в 1949 г. зап. варианты: FS 1850, 4600 — в Лиелварде; 1850, 4715, 6018 — в Рембате; 1850, 4441, 5550, 5699 — в Лиелварде]. Имя Лачплесис в этих вариантах взято из эпоса Пумпура, что доказывается содержанием записанных текстов. Как старое топонимическое название имя Лачплесис встречается в сказе, опубликованном в сборнике П. Шмидта «Латышские сказки и предания» («Latviešu pasakas un teikas»). Мостиком Лачплесиса (Lāčplēš tiltiņš) в лесу под Сеце (Ек) зовется место, где в старину обычно охотились на волков. Сюда их заманивали, подражая волчьему вою [PS XV, 483, зап. Э. Клявиня]. Содержание сказа (уничтожение хищных зверей) весьма близко к содержанию названия. Название «Lāčplēš tiltiņš», вероятно, и возникло в связи с охотой (об имени Лачплесис в других топонимических обозначениях см. далее).

Некоторые авторы досоветского времени высказывали мысль, что имя Лачплесис в сказке о медвежьем сыне создал сам автор, используя название хутора своего дяди Яниса в Лиельюмправе («Лачплеши») или название Яунпиебалгских «Лачплешей» (Ц).

В «Предварении» к своему произведению поэт подчеркивает, что имя Лачплесис относится к группе собственных имен из народных преданий. Он пишет: «Но надо заметить, что есть в Латвии и предания, в коих герои зовутся собственными именами,

как наприм. *Лачплесис* (выделено Пумпуром.— Я. Р.). Это указание является для нас существенным, но все же к нему следует относиться с известной осторожностью.

Рассматривая вопрос об аутентичности имени *Лачплесис* и мотива раздирания медведя, следует указать, что помимо пурпуровского рассказа в имеющихся фольклорных изданиях содержится еще одна сравнительно давно записанная сказка о медвежьем сыне, в которой также встречается данный эпизод. Вариант этот зафиксирован еще до опубликования «*Лачплесиса*». Запись сделана известным собирателем латышского фольклора Дависом Озолинем в Яунрозе (Влк) и прислана им Фр. Бривземниеку в Москву в конце 70-х годов.

О борьбе медвежьего сына с медведем в сказке говорится так: «...Медвежьеухий (в оригинале: *Lāčausis*.— Я. Р.) был на диво сильный парнишка. Вот как-то он спрашивает мать, а не лучше ли им уйти из берлоги? Мать говорит: „Оно бы лучше, сынок, да как же уйдешь? Лаз-то в берлогу медведь большим камнем завалил!“ „Эка штука!“ — посмеялся Медвежьеухий и одной рукой отвалил камень. Вышли они. Только в ту самую пору медведь домой идет — и решил он Медвежьеухого разорвать за то, что тот камень отвалил. Только Медвежьеухий не поддался: схватил медведя и разорвал пополам, как котенка» [LP VI, 462].

Мотив раздирания зверя встречается и в некоторых волшебных сказках иного типа. В одном варианте, который записал Давис Озолинь в Яунрозе и прислал Фр. Бривземниеку в тот же самый период, что и сказку о Лачаусисе, говорится о паренке, который «больше десяти лет прожил в логове у льва и только сырое мясо ел». Каждый раз, когда мальчик пытался покинуть логово, лев загонял его обратно. Наконец мальчик «в гневе разорвал льва пополам» и вышел на волю [LP VI, 458]. В 1885 г., т. е. за три года до появления «*Лачплесиса*», была напечатана сказка, в которой богатырь разрыбает быка, схватив его за задние ноги [Зинибу ком., III, 108]. В одной из сказок (Ница — Лп), опубликованной в 1896 г. [LP VI], действует богатырь, которого мать кормила грудью до тех пор, пока «он не стал дубы с корнями вырывать». Богатырь нанимается служить к барину. Барин посылает его ко льву. Герой льва «разодрал, как ягненка» [LP VI, 413]. Есть несколько вариантов, в которых подобным же образом побеждаются черти и оборотни. В сказке о Курбаде, которую записал в 80-х годах в Джукстской волости (Ер) А. Лерхис-Пушкайтис, герой расправляется с оборотнем, схватив его за глотку и разорвав пополам [LP I, 13]. В другой сказке (Круте — Лп), которая впервые вошла в рукопись II части тома «Латышских народных преданий и сказок» А. Лерхиса-Пушкайтиса, подготовленную в основном к 1900 г., говорится о борьбе богатыря Ансиса с чертями. Ансис три вечера подряд борется с ними у моста. И каждый раз побеждает противника, разрывая его [PS II, 38—39]. В сказке, которую в 1926 г. в Билске (Влк) записал Г. Скуиня (А. Зиемелис) от Я. Туркиса (63 года), Медвежий сын «разрывает пополам» медведя, «будто дохлую кошку» [FS 145, 1327].

Мотив раздирания зверя — древний и достаточно широко распространенный. Он положен, например, в основу известной библейской легенды о древнееврейском богатыре Самсоне. Юный Самсон встретил в пути льва и голыми руками разорвал зверя, «как козленка» [кн. Судей Израилевых, XIV, 5—6]. Как показывают материалы FS,

рассказ о Самсоне фольклоризировался и стал бытовать в латышском повествовательном фольклоре [FS 483, 243—Рз; 647, 1079—Клд; 1713, 1290—Лп].

Все приведенные факты свидетельствуют в пользу фольклорной аутентичности эпизода с раздиранием медведя и имени героя в сказке о Лачплесисе. Вместе с тем можно предположить, что это имя, как и мотив раздирания медведя, не были очень распространены в латышском повествовательном фольклоре.

Интерес представляют некоторые материалы о древности и распространенности имен Лачплесис и Лачплеши как прозвищ латышских крестьян и топонимических названий. В своем «Предварении» Пумпур указывал, что Лачплеши как название хуторов встречается в окрестностях Лиельюмправы и в некоторых других волостях. Так, сведения о Лиельюмправских «Лачплешах» — усадьбе дяди поэта — восходят еще к 30-м годам XIX в. Но имеются и более ранние данные. В перечне лифляндских крестьянских усадеб, составленном на немецком языке в 1638 г., упомянут некий крестьянин Лиельюмправского имения Ein Curländer Jahne Latzplätz или Jahne Latzplats («Latvijas vēstures avoti», IV, Vidzemes 1638 gada arklu revīzija, III burtņīca, Rīgā, 1941, стр. 1015, 1018). Это можно расшифровать как Янис из Лачплешей или Лачплешов Янис. В списке Кулдигских государственных крестьян 1683 г. встречается название хутора — Latzplehsz («Filologu biedrības raksti», XVII, Rīgā, 1937, стр. 28; ср. там же стр. 41). Название хутора Лачплеши в разных местах Латвии документально зафиксировано в списках крестьянских хозяйств 1811, 1826, 1858 гг. [Плакис, II, 304, 378]. Кроме того, в сборниках топонимических названий Латвии Я. Эндзелина и Ю. Плакиса приводятся некоторые варианты этого названия, о которых в указанных изданиях нет хронологических сведений [Эндзелин, 1922, I, 23, 42; Эндзелин, 1925, II, 156; Плакис, I, 245; Плакис, II, 245, 358, 367]. Конечно, нет оснований считать эти топонимические обозначения непременно доказательством того, что Лачплесис было широко распространенным именем героя повествовательного фольклора. Чтобы понять причины распространенности названия Лачплеши в латвийской топонимике в далеком прошлом, достаточно учесть то обстоятельство, что борьба с хищными зверями в жизни древних латышей занимала важное место. Но как бы то ни было, распространенность имени Лачплесис и названия Лачплеши в топонимике Латвии задолго до появления эпоса Пумпура свидетельствует о глубокой народности имени героя «Лачплесиса». Очень важно, что главный герой эпоса Пумпура, олицетворяющий величие народа, его волю к борьбе и героизм, носит имя, которое в латышском языке с давних пор было своего рода символом героизма, отваги человека, очищающего землю от хищных зверей.

49. Вайделот был мой гость благодатный;

65—82. Вайделем бывши, прожил я долго у Крива — в Ромовой роще священной... Слово «вайделот» встречается у старинных авторов как название древнепрусского жреца. По данным, которые в первой половине XIV в. приводятся в «Хронике Пруссии» П. Дюсбурга, в Пруссии, в Надраве, было некогда место — Ромове (Romow). Здесь жил Крив (Crīve). Явно преувеличивая, автор пишет, что Крив, подобно папе, управлял не только язычниками Пруссии, но и литовцами и другими прибалтийскими народами. Эти утверждения повторяет и развивает в своей «Хронике Пруссии» С. Гру-

нау. В Ромове якобы правил Крив (Krywe Kyrgwaito), у которого были подчиненные ему жрецы — вайделоты (die waidlotten). Крив был полновластным правителем пруссов, литовцев и латышей. В ветвях вечнозеленого дуба в Ромове находилось изображение (die bilde) трех богов — Patollo, Potrimpo, Perkupo. Приведенное у С. Грунау описание воспроизводит Г. Меркель в книге «Древние времена Лифляндии», а из нее заимствуют латышские авторы. Не исключено, что Ромовский Крив почитался и соседними народами, но какого-либо единого духовного или светского правителя у древних пруссов, литовцев и латышей не было. Это явный домysel. Ни в латышской, ни в литовской мифологии «Крив» и «вайделот» не встречаются.

Во II песне «Лачплесиса» вайделот, или вайделис, посланец Ромовского Крива, приносит вести и указания «предводителям и народам», в том числе и латышскому. Вайделоты действуют и в VI песне, где они изображаются как прорицатели и священнослужители [Л VI, 76, 134, 373, 450].

109. *Буртние́к любовно́ там теб́я приме́т...* Буртние́к в «Лачплесисе» — древнелатышский племенной вождь, живущий в замке у Буртние́кского озера, мудрец, философ искусный в письменности. Пумпур называет его потомков, «древних Буртние́ков», — *ро́г «смелых, сильных воинов, умельцев читать письмена»* [Ор III, 453—454].

Буртние́к (лит. burtininkas — прорицатель, колдун) — слово, встречающееся в старом латышском языке; оно имело несколько значений, одно из них — колдун, прорицатель, знающий магические письмена (символы) и прибегающий к ним. В этом значении оно употреблено в народной песне:

Сядем-ка мы рядышком,
Как-никак мы родичи:
Буртние́к — твой батюшка,
Ведьма — моя матушка [LD 21051].

Другое значение слова «буртние́к» — лицо, делающее зарубки на бирках (см. прим. Л VI, 142—143). Возможно, наконец, и третье значение — пасечник, *бортник*.

Имя Буртние́к Пумпур взял не из приведенной выше народной лексики, а из топонимики Латвии (название озера в Северной Латвии — в Валмиерском р-не), причем употребил его в том смысле, в каком оно встречалось в литературе периода младолатышского движения. Ю. Алуна́н в примечании к III книге сборника «Двор, природа, вселенная» (1860), толкует слово «буртние́к» как обозначение особого сословия сказителей, в том числе сочинителей и исполнителей героических песен у древних латышей. По его объяснению, буртние́ками они назывались потому, что знали «бурты» (буквы), или «письмена»: «Так вот, буртние́ки (нем. skalden) у латышей были особым сословием певцов, кои людей во время войны своими песнями ободряли, воодушевляли, а в мирное время на крестинах, свадьбах и похоронах священные песнопения вместо священнослужителей пели. Буртние́ки — среди латышей были такие люди, кои знали бурты (Runen), или старые латышские письмена, и все славные деяния и примечательные события, среди латышей происходящие, обозначали и воспевали и в таком виде для внуков-правнуков сохраняли» (J. Alunāns, Kopoti raksti, II, Rīgā, 1931, стр. 228).

Далее у Ю. Алуна́на содержится совершенно фантастическое утверждение, будто

название Буртниецкого озера возникло оттого, что в нем утонули все «буртниеки» со своими писаниями и письменами.

Следуя Ю. Алунану, буртниеков начинают воспевать и популяризировать в своих произведениях другие авторы второй половины XIX в. Черты популярного в тот период персонажа придал своему герою и Пумпур, однако в отличие от «буртниека» Ю. Алунана Буртниец Пумпура не предстает в роли певца (правда, среди свитков в затонувшем замке есть и героические песни — Л II, 115). Знаменитый владыка Буртниецкого замка — мудрец, мыслитель, патриот, организующий борьбу с захватчиками. Он — отец невесты Лачплесиса — Лаймдоты, и в этом смысле может быть сопоставлен с соответствующим персонажем народной сказки (отцу невесты служит герой сказки).

Утверждение, что у древних латышей была своя письменность, равно как и вдохновившее Пумпура толкование слова «буртниец», существовавшее в публицистике младолатышского периода, научными данными не подтверждено. С уверенностью можно лишь сказать, что существовали первоэлементы письменности в виде символических и магических знаков (орнаменты с магическими функциями, символы, обозначающие принадлежность предмета определенному человеку). Возможно, отдельные представители латышских племен знали скандинавскую и славянскую письменность.

Совсем иначе, нежели в работах авторов 60—70-х годов прошлого века (утверждения которых следовал в «Лачплесисе» Пумпур), в позднейшей научной литературе объясняется значение топонима «Буртниеки». Высказано предположение [Мюленбах-Эндзелин, I, 355; Зинибу ком., XXIII A, 228], что «Буртниеки» означает «Дравниеки» — пасечники (ср. древнерусск. *бортъники*). Использование слова «буртниец» в значении «пасечник» объясняется тем, что пасечники вырезали на колодах символические обозначения или знаки владельца.

В топонимике Латвийской ССР «Буртниец» наиболее популярно как название озера в Валмиерском р-не, но встречается подобное обозначение и в других местах Латвии [Эндзелин, 1956, 148].

113. *Древние свитки правде научат.* В эпосе говорится, что у древних латышей до нашествия рыцарей с помощью письмен фиксировались народные предания, героические песни, исторические сведения и др. Пумпур внешне следует версии Ю. Алунана о богатой письменной литературе у древних латышей. Но если Ю. Алунан рассматривает существование этой литературы как исторический факт, то в произведении Пумпура мотив свитков в Буртниецком замке (II и III песни) имеет главным образом аллегорический смысл (см. прим. Л III, 289—290).

171. *Спидала, старца юная дочка.* Женское имя Спидала встречается в составленном уже Аусеклисом списке латышских крестильных имен в его «Календаре для нужд прибалтийского земледельца, хозяина, выборного волостного правления на 1879 год». Имя это производное от *spīdēt* — сверкать, блеснуть, светиться. Спидала — «Сияющая», «Сверкающая». Пумпур изображает ее порывистой, страстной, мстительной. У нее «знойные», «сверкающе-пламенные», «сверкающие» глаза [Л II, 177; Ор II, 174, 252]. Таким образом, имя Спидала вполне отвечает облику героини. В фольклоре имя Спидала не встречается, за исключением записанного в 1926 г. предания [Ас 297—298], где оно появилось под влиянием «Лачплесиса» Пумпура и «Огня и ночи»

Райниса. Однако у этого имени есть известная фольклорная окраска, в ряде мест эпоса Пумпура говорится о пылающих глазах Спидалы «в прямом смысле» — магическом, поскольку она ведьма [Л II, 310; III, 350]. Фонетически «Спидала» напоминает одно из латышских народных обозначений ведьмы — «spīgana»; корень, общий с глаголом «spīgāt», «spīgot» — мерцать, сверкать (что не случайно). В некоторых народных преданиях и поверьях имеется мотив: ведьма в полете — как «огненная полоса», как «горящий банный веник» [LP VI, 121] или «пылающий веник» [LP VII, 1, 547], как «огненное пламя» [LP VII, 1, 547].

187. *Все это дарит мне старая кўмэ*. Kūta, kūts (от русск. кума, кум) — свидетели на церемонии наречения или на крестинах; крестная мать, крестный отец.

194—198. *Ведьма и пукиса в дом свой пускает*. Пукис (Pūķis) — мифологическое существо, часто встречающееся в латышском фольклоре (ср. русск. дракон, змей; нем. Drache; франц. и англ. dragon). Латышам известны два вида пукисов. Как мифологическое чудовище пукис фигурирует в народных сказках и является одной из разновидностей сверхъестественного противника. Живет он близ воды или в воде. Этот пукис — многоглавый огнедышащий змей. Чудовище требует, чтобы ему приносили в жертву людей (чаще всего молодую девушку, иногда принцессу), иначе он угрожает войной, грозит утащить весь город под землю, пожрать все царство и т. п. Другой тип — пукис как накопитель богатства, обеспечивающий сытость и довольство (эстон. riik, ливск. rūik, лит. rūkus — в Северной Литве, aivavargas или aivavaras). Этот пукис из народных преданий, народных песен, поверий и т. п. В фольклоре говорится, что держат его у себя хозяева хуторов. Заполучить его можно, обещав черту свою душу. Иногда пукиса покупают за деньги, причем и в этом случае обещают черту свою душу и души близких. Пукис крадет у соседей и прочих людей и приносит своему хозяину зерно, масло, молоко, деньги и др. В некоторых легендах говорится, что пукис — накопитель богатства требует человеческой жертвы или крови, но этот мотив, встречающийся и в «Лачплесисе» [Л II, 193—195], в латышских преданиях — исключение. Пукис обычно орудует по ночам, добро всякое он приносит по воздуху. Внешность пукиса-накопителя в разных преданиях рисуется по-разному, причем есть различия между пукисом в спокойном состоянии и в движении. В своем хвосте, напоминающем мешок или куль, он переносит хлеб, вещи и т. п. В полете он — «как огонь», как «огненное пламя» или «комоч огня»; когда опускается, брызжет искрами и т. п. (L. Adamovičs, Pūķis latviešu folklorā un senlatviešu mitoloģijā, — Зинибу ком., XXIII A, 246—362).

Насколько можно судить по материалу «Лачплесиса», Пумпур различал и более или менее четко разделял эти два типа, представленные в повествовательном фольклоре. Пукис — мифологическое чудовище предстает, например, в Чертовой яме (песнь II). Этого типа пукисов касаются некоторые мотивы в свитках из затонувшего Буртниекского замка (песнь III). В латышских сказках пукис-чудовище состоит иногда в родстве с чертом и служит ему. Именно таким изображается пукис и в «Лачплесисе». Он приспешник черта [Ор III, 613—623], слуга предводителя йодов (чертей) Ликсепуре [Л II, 505 и сл.], он опасен и для людей [Ор III, 457—461]; породил его черт [Ор III, 616]. Его огромная пасть может проглотить человека [Л II, 530—531], в ней «получит свое» предатель Кангар. В пасти Пукиса — огонь; черти и ведьмы докрас-

на раскаляют в ней свои вилы [Л II, 516—517]. Подобно своему сказочному прототипу, он выдыхает «из пасти искры, дым и пламя» [Л II, 512].

Пукис-накопитель неоднократно упоминается во второй песне [Л II, 194, 196, 380—382] и однажды в третьей [Л III, 687]. В народных преданиях такой пукис живет в хозяйственных постройках — в риге, хлеву, клетю. И в эпосе он обитает в риге под крышей [Ор III, 702]. Приносит деньги [Л II, 381] и разное добро [Л II, 181—196, 381]. В соответствии с мотивами преданий пукис в полете изображается светящимся [Л II, 380—382]. Так же, как в преданиях, тот, кто держит у себя пукиса, характеризуется в эпосе как чертов слуга [Л II, 194; Л III, 686—687].

205. *Айзраукла замок стоял одиноко...* В Айзраукле, на правом берегу Даугавы, между Лиелварде (см. прим. Л II, 8) и Кокнесе (см. прим. Л II, 819—832), в древности находился ливский замок (у устья небольшой реки Ашкере, в 4 км от города Яунелгава). В хронике Генриха Латвийского Айзраукле называется «Ascrade». Нашлось Айзраукле у восточной границы территории, которую занимали даугавские ливы. В окрестностях Айзраукле среди ливов жили и латыши. В 1205 г. крестоносцы сожгли ливский замок. В «Лачплесисе» древний Айзрауклеский замок называется латышским, а владыка его — латышом.

283—342, 377—386. В этих частях II песни использованы мотивы народных сказок и преданий о ведьмах, в частности сказки об их полете на колоде и улье к месту шабаша и о человеке, который прячется в этой колоде, чтобы подсматривать за проделками ведьмы. В «Лачплесисе» в колоду забирается богатырь Лачплесис. В народной прозе героем в таких случаях является обычно простой парень (батрак), не наделенный какими-либо особыми физическими свойствами.

285. *Черти и ведьмы гуляют, наверно...* (в оригинале: *Верно, йоды и ведьмы носятся*). Йод (Jods) — одно из названий черта, напоминает эстон. Juudas и финск. Juutas. Йод встречается в латышском переводе Библии Э. Глюка (1689), в словаре Я. Ланге, в приложении к латышской грамматике Г. Фр. Стендера, в народных песнях, легендах, поверьях, проклятиях и заклинаниях. «Йод» в фольклоре упоминается значительно реже, чем «черт» («velns»), но во второй половине XIX в. становится очень популярным в художественной литературе и попадает даже чаще, чем «вэлн».

В «Лачплесисе» встречаются и «йод», и «вэлн», но йода Пумпур наделяет большей злобностью, чем вэлна. О вэлне в «Лачплесисе» говорится лишь применительно к далекому прошлому, отраженному в свитках, находящихся в затонувшем Буртниеком замке, тогда как йод действует непосредственно. Ликцепуре [Ор II, 499] — предводитель йодов (а не вэлнов!); Лачплесис в замке Буртниеков [Ор III, 398] и на зачарованном острове [Л V, 71 и сл.] борется с йодами.

Пумпур чутко подметил и отразил в своем эпосе различие между вэлном и йодом в народном понимании. Вэлн в народных повествованиях не является зачастую носителем зла, как такового; йод же почти всегда воплощение отрицательных сил, откровенно злобное начало, противопоставленное божеству.

Йодами (jodi) в народных поверьях зовут и души погибших воинов, вызывающие в момент сражения северное сияние [LTT 14187, 14189], но в таком значении слово «йоды» в «Лачплесисе» не употребляется.

345—354. По приказу Перкона все собрались в стаи... и далее. В этих строках варьируются народные предания о рытье Даугавы животными (F.г. Brīvzemnieks Mūsu tautas pasakas, Rīgā, 1887; Сб 41; LP VI, 192—193; PS I, 399—401; ср. LD 2605 и вар.) В предании говорится, что Диев создал «всех зверей, птиц, рыб» и приказал «вырыть» Даугаву. В других вариантах сообщается, что животные рыли «реку» или «реки и озера». Все усердно трудились, кроме иволги и зуйка. После окончания работы все получили вознаграждение, а иволгу и зуйка Диев наказал: запретил им пить из рек и озер, разрешив утолять жажду только капельками дождя на листьях. В «Лачплесисе» рыть Даугаву приказывает Перкон, от участия в общем деле уклоняется павлин (и даже пытается мешать).

Предание о рытье Даугавы использовал ранее Аусеклис в своем известном балладном стихотворении «О тех, кто рыл Даугаву» (1876).

В «Лачплесисе» предания о рытье Даугавы контаминированы с преданиями о происхождении Чертовой ямы.

356—376. Стали рыть и вырыли бездонную яму... и далее. В эпизоде с возникновением Чертовой ямы использована тема латышских народных преданий. Один из самых известных циклов составляют предания, рассказывающие об изменении рельефа в различных местах Латвии «в результате деятельности черта». Образование ям, речных омутов чаще всего связывалось с именем черта, и соответствующие места назывались Чертовыми ямами. Подобным же образом объяснялось расположение больших валунов, нагромождение камней и т. д. Согласно преданиям, черт старался навредить людям, только ему не удалось довести задуманное до конца; остались ямы, скопления камней или песка как следы его усилий.

Мотив возникновения Чертовой ямы подчинен у Пумпура теме борьбы добра и зла. Чертова яма в «Лачплесисе» находится на берегу Даугавы, где-то ниже Статура (см. прим. Л I, 163 и сл.). Черт, стараясь помешать начинанию зверей и птиц, роющих Даугаву, вырыл на пути у реки «бездонную яму», чтобы в нее ушла вся Даугава. Злому замыслу не дает осуществиться Перкон: он приказывает реке изменить русло, и яма остается в стороне.

Одна из так называемых Чертовых ям есть в Скривери (Рг) — по соседству с б. Юмправской вол. — родиной Пумпура. Находится она на правом берегу Даугавы. В народном предании говорится, что черт хотел завалить Даугаву у Кегума (см. прим. Л II, 5). Ночью с большим камнем он отправился к Кегуму, но тут запел петух. Черт бросил камень и скрылся. На том месте, откуда был взят камень, осталась глубокая впадина — Чертова яма [FS 861, I, зап. в Скривери в 1929 г.; см. также LP V, 383]. По другому варианту, черт набрал в этом месте земли, чтобы засыпать Даугаву у Яунелгавы (Ек) и затопить этот городок [LP V, 408, Айзкраукле — Рг]. В одном из преданий говорится, что омуты на реке Гауе — это ямы, которые вырыл черт [PS XV, 446, Вецпиебалга — Ц, зап. П. Звайгзне]. Мотив довольно близкий к эпизоду эпоса.

Ситуация, изображаемая в «Лачплесисе» (река меняет русло, когда черт водит на ее пути препятствие), имеет некоторые аналогии и в предании о речках Лачупите и Слоцене. Согласно преданию, эти реки в старину сливались у Каньерского

озера (Pг) и впадали в Рижский залив. Из-за козней йода они разделились. Прежнее русло зовется Чертовой ямой (FS 1835, 3373, Милзкалне — Тк, зап. в 1948 г.).

Об окрестностях Чертовой ямы в «Лачплесисе» говорится: «Ночью там видения путникам являются. Завлекают их в яму, зинят им зло...» [Ор II, 372—373]. По народным преданиям, з Чертовых ямах или вблизи их «нечисто» — обитают духи или черти и увлекают в яму прохожих [Сб 88; LP V, 407; FS 631, 233 и др.].

377—494. В этом самом месте Спидала спустилась... и далее. Этот сравнительно небольшой отрывок изобилует фольклорными мотивами, заимствованными из народных сказок и преданий нескольких типов, развитыми и произвольно скомпонованными для создания картин пиршества ведьм, встречи ведьм и чертей. Соответствующие параллели мы находим в сказках о разбитых в танцах башмаках, в легендах о ведьме, за которой подсматривают, о музыканте в аду и др. По сказкам и преданиям, празднества чертей и ведьм происходят «в большом доме», «во дворце», «в корчме», «в овине», «в подземелье», «в богатой комнате» и т. д. В латышских сказках о разбитых в танцах башмаках (по указателю Аарне—Томпсона — № 306) участницы увеселений выглядят внешне, как обычные люди [Сб 190—192; LP III, 50—51, 84—86; VII, 1, 613—614; PS II, 492—495].

Есть ряд вариантов об участии в пиршествах нечистой силы немецкого помещика, который изображается как чертов сообщник. В этом, по-видимому, проявились в известной мере представления латышских крестьян об остзейском дворянстве и духовенстве.

Сказки и предания рассказывают, как на бесовские игрища нечаянно попадает парень, солдат, музыкант или господский кучер. В эпосе за происходящим в Чертовой яме наблюдает Лачплесис.

Бесовскому сборищу в Чертовой яме Пумпур придал фантастический колорит народных сказок и преданий, но есть и нечто новое: колдун Кангар клянется черту стать слугой чужеземцев, помогать крестоносцам установить в Латвии «всеобщее рабство».

397—400. *Оборотней шкуры...* и далее. По народным поверьям, оборотень (vilka-cis) — обратившийся или обращенный в волка человек.

Превращения связаны с различными магическими действиями и средствами. Одно из средств — набрасывание на человека так называемой шубы оборотня (LP VII, 1, 919—920; ср. с мотивами латышских сказок о человеке, который обращен в рысь благодаря тому, что на него накинули рысью шубу — LP I, 103 и др.).

400. *Черные книги* — колдовские книги с черными страницами и белыми буквами. Считалось, что с их помощью можно вызывать души умерших (см. легенды и сказки о черной книге — Сб 114—115; Jkr III, 79; LP III, 109 и др.).

Скоробленные свитки (в оригинале: букв. — *кожи для писания*). В распространенной латышской народной сказке на воловьей, коровьей или козьей коже черт записывает прегрешения прихожан [LP VII, 1, 66, 67; PS XIV, 112; Сб. 161—162].

448—457. Идентичные и сходные мотивы имеются в народных преданиях. Участники бесовского игрища мажут себе глаза, обычно левый глаз, «особой мазью», «варевом»; проходя между двумя серыми столбами, трутся о каждый столб щекой. Лач-

плесис у Пумпура поступает точно так же, благодаря чему все происходящее предстает перед ним в истинном виде: колбасы оборачиваются змеями, жаркое оказывается из человеческого мяса [Сб 131—132, Jkr IV, 57; LP VI, 12; LP VII, I, 619, 628, 629; PS II, 521; FS 302, 13156], знатные господа и дамы превращаются в чертей и ведьм [LP VII, I, 615, 621; PS II, 521; V, 223—224, 228—230].

472—495. *Во второй пещере ведьмы стали раздеваться...* и далее. Эпизод соответствует некоторым поверьям о чертях и ведьмах [Латв. бур., II, 552—553]. В латышских сказках увеселения чертей и ведьм обычно ограничиваются буйным танцем.

486. *Вот я первая рублю, завтра — не признаю.* В преданиях о бесовских играх говорится, что ведьмы наносят одна другой удары деревянным мечом или деревянным ножом и приговаривают: «Нынче рублю, завтра не узнаешь!» «Что ночью сделано, днем не видно!» и т. п. [LP II, 86; V, 7, 28, PS XV, 263—264 и др.]. Какая цель при этом преследуется — не указано. Только в одном варианте говорится, что ведьмы бьются, желая решить, «которая в этот год будет первой во всех делах и наворожит для себя больше молока» [FS 147, 7—Д]. В «Лачплесисе» фраза «Вот я ... рублю, завтра — не признаю!» является магической формулой, которую произносят ведьмы, вызывая чертей — «женихов»; при этом они рубят медным топором колоду [Л II, 482—489].

492—494. *Были на молодчиках черные кафтаны...* и далее (в оригинале: *На них были черные бархатные сюртуки, На ногах — блестящие сапожки, На головах — треугольные шляпы*). Черти здесь имеют внешность немецких дворян.

В латышском фольклоре помещик уподобляется черту. В народных песнях барина именуют «чертовым детищем» [LD 31856—31862 и др.], «чертовым барином, барином из пекла» [LD 31369; Ltdz I, 909], а барский овин, ригу (где во время обмола та урожая выбивались из сил крестьяне) — «преисподней» [LD 31536, 31538—31542]. В свою очередь, черт в латышском народном творчестве нередко сравнивается с немецким барином. В народной сказке или предании черт часто предстает как «господин», «детый «благородно», «изысканно», «по-господски» [LP V, 22; VII, I, 762, 975]. Подобно изображенным в «Лачплесисе» «молодчикам», он «в черном наряде» [LP VII, I, 425; V, 223, 230], «в черном сюртуке» [LP VII, I, 617], на ногах у него «блестящие сапожки» [LP VII, I, 617, 762], на голове «треугольная» шляпа [LP VII, I, 425, 975; FS 69, 1445]. Черти появляются в виде «черных и красных немцев», т. е. господ, и даже говорят «по-немецки» [LP III, 102, 108, Джуксте, зап. А. Лерхис-Пушкайтис]. В народных сказках и преданиях черту часто присущ образ жизни помещика: он ездит в роскошной карете, запряженной несколькими лошадьми, с кучером на козлах; курит сигареты, играет в карты и т. п. Самые старые сведения о латышских преданиях, в которых черт предстает в облике немецкого барина, имеются в написанной в начале XVII в. «Ливонской летописи» («Denkwürdige Sachen und Geschichten») немецкого историка Франца Ниенштедта (описанный случай относится к 1598 г. — Латв. бур., II, 508; данную легенду см.: Бинеманн, 265; PS XIV, 6). Подобные материалы имеются и в документах XVII в. о процессах против ведьм в Латвии [Латв. бур., II, 506—507].

498. *Ликценур* (букв. — «Кривая шапка»), или *Нагценур*, («Шапка с козырьком

из ногтей) зовется в «Лачплесисе» «предводитель» йодов и ведьм. Похожее имя встречается в произведениях Г. Фр. Стендера: «...Лицпеурис — это черт, рыскающий вокруг и порою показывающий себя людям» (G. Fr. Stenders, Pasakas un stāsti, Jelgavā, 1789, изд. 2-е, стр. 369). П. Шмидт отмечает также: «...Лицпеур, или Лицпеурис, — не чуждые для народной речи имена» [PS II, 13]. Надо полагать, что «Лицпеур» образовалось в результате переделки в народе имени предводителя падших ангелов, известного по христианским верованиям как Люцифер. «Люцифер» зафиксирован в четырех народных сказках [Зинибу ком., III, 105; PS III, 238; V, 173, 304], тогда как «Līcserurģis», «Līcserurs», «Līcseroris», «Līkserurģe» (как и «Nagserurģe») в фольклоре не зафиксированы.

Подобно Ликцепуре в эпосе Пумпура, Люцифер в народных сказках предстает как старший среди чертей, владыка над чертями, ведьмами, колдунами. Люцифер упоминается и в одной из записей народных поверий [LTT 3873]. Владыка чертей довольно часто фигурирует и в народных сказках: «старший черт», «чертов батька», «король чертей» [LP VI, 164, 432; VII, 1, 195; PS XI, 167; XV, 12].

Мотив «чертова шапка из ногтей» заимствован из народных преданий и поверий. В предании говорится, что крестьянин сорвал с черта шапку и засунул под клеть. На другое утро там нашли груды свиных, коровьих и овечьих копыт и человеческих ногтей [Сб 95]. Зафиксирован и целый ряд поверий о том, что черт делает себе шапку или козырек к ней из человеческих ногтей [LTT 21520—21526]. Подобные верования имеются в финно-угорской мифологии (Фр. Крейцвальд, Калевипозг, Пер. Вл. Державина и А. Кочеткова, М., 1956, стр. 312).

Надо полагать, что традиционные мотивы сказались на превращении чуждого имени Люцифер в Лицпеур и т. п. Имя Ликцепуре в «Лачплесисе» мотивировано тем, что у него кривая шапка с козырьком из ногтей остриженных [Л II, 501—502].

В эпосе Пумпура предводитель чертей способствует проискам немецких рыцарей и священников. Это он приказывает колдуну Кангару стать предателем.

525—527. Имя Кангар у Пумпура — производное от названия гор — Кангары. Об имени Кангар и Кангарских горах см. прим. Л III, 1—7.

593. В эпосе Пумпура *Серничка* (Sēreniete) — имя ведьмы из Серене. Оно является омонимом названия жителей б. Серенской вол. на левом берегу Даугавы.

747. Имя *Лаймдота* (Laimas dotā — «Дарованная Лаймой») — в духе традиций латышского народа. Не выяснено, создал ли это имя Пумпур или кто-то другой, но образность имени отвечает заключенным в народных песнях древнелатышским мифологическим представлениям о Лайме как о попечительнице невест, выдающей их замуж (см. прим. Л I, 33—34).

Среди приводимых Аусеклисом крестильных имен имеется Dievdots — «Дарованный Диевом», «Богоданный». По этому образцу Пумпур мог создать имя Лаймдота.

767. *Ехал старик перед тучей с бичом...* Подобным образом изображается Перкон и в народных преданиях. С приближением грозы в воздухе появляется колесница, запряженная белыми конями. В ней сидит старец с длинным кнутом. Он хлещет кнутом и высекает молнии [PS XIII, 225, Рембате — Pr]. Перкон едет впереди грозовой тучи на белом коне [PS XIII, 226]. Старичок с белой бородой сидит «в поднебесье»

или на облаке и держит в руке «красную стрелу» или «огненную палицу» [Jkг II; PS XIII, 227].

789. *Персе* — правый приток Даугавы, впадает в нее неподалеку от развалин построенного в 1209 г. Кокнесского немецкого замка (81 км от Риги).

789—812. *Видит он, к Персе-реке подходя,— Люди стоят у парома...* и далее. Эпизод с Лачплесисом — перевозчиком через Даугаву перекликается со сказочным мотивом «Лачплесис ломает при гребле весла», который Пумпур излагает в «Предварении». В сказке это подается как пример, подтверждающий необыкновенную силу Лачплесиса. Пумпур усматривает параллель между Лачплесисом и изображенным в некоторых легендах Большим Кристопом и высказывает предположение, «не переселился ли этот перевозчик из предания языческих времен (т. е. из сказки о Лачплесисе.— Я. Р.) в предание времен христианских» о Кристапе (Христофоре), переносившем людей через Даугаву? Поэт приводит поговорку: «Он — чисто Лачаусис» — и указывает, что слышать ее приходится в тех случаях, когда «кто-либо во время работы, пуская в ход силу, ломает какую-нибудь вещь».

Мотив переправы героем людей через реку в других произведениях латышского повествовательного фольклора не установлен (в отличие от Лачплесиса, Кристап переносил людей через Даугаву на своих плечах — Бинемани 146); однако сомневаться в его фольклорном происхождении оснований нет. Сама тема — богатырь, в руках у которого ломаются во время работы орудия труда и вещи, — представлена во многих сказках.

Богатырь Янис заталкивает телегу в угол сарая так, что она «рассыпается на кусочки» [LP VI, 394, Гулбене — Влк]. Лачаугайнис едет в лес по дрова: «В лесу подошел он к одной сосне, как хватил по ней топором, так и полетел топор бог знает куда, а у него осталось в руках лишь топориче» [Сб 152—153, Друвиена — Ц]. Цепы, которыми люди молотят у отчима, Лачплесису кажутся крохотными. Он берет дубовый ствол и начинает молотить: «Раз, два — одна мякина осталась!» В лесу он нагружает такой воз, что лошадь не может сдвинуть его с места. Тогда он «пришиб лошадь кулаком, кинул и ее на воз и сам впрягся в оглобли. Только сани от такого рывка сломались» [LP VI, 462—463, Яунрозе — Влк, зап. Д. Озолинь в 70-х годах XIX в.].

819—832. *Люди зовут меня Кокнесис...* и далее. Имя Кокнесис означает букв. «Носящий деревья». Имя это — производное от географического названия Кокнесе. Кокнесис строит укрепление у впадения речки Персе в Даугаву, т. е. укрепляет Кокнесский замок. В начале XIII в. на берегу Даугавы, недалеко от места впадения в нее Персе, находился древний Кокнесский замок.

Согласно хронике Генриха Латвийского, в «Kukonoyses», «Kukenoys», «Kokenoyses» правил русский князь Вячко (Vetseke), вассал Полоцкого великого князя. В Кокнесе жили латгалы, селы и русские. Не в силах противодействовать немецкому давлению, Вячко в 1208 г. сжег замок и ушел со своей дружиной на Русь.

Не совсем ясно, действует ли Кокнесис в эпосе только как богатырь из Кокнесе и один из обитателей замка (ср. Op VI, 833—836) или является владельцем замка. В VI песне Кокнесис вместе с предводителем Таливалдом избирается помощником

Лачплесиса в воинском походе против немцев, но это можно объяснить и его исключительными личными качествами.

Записаны предания, где великаны — подобно Кокнесису в «Лачплесисе» — строят города, селения и т. п. и с этой целью носят на плечах бревна. Город Кулгиду, например, строили великаны — срубил великан дерево, положит бревно на плечи и несет домой (Сб 24, Ренда — Клд, зап. Фр. Рекис). В другом предании говорится о семи братьях, которые, строя дома, «подтаскивали лес на плечах» [LP VII, I, 1325, зап. в 70-х годах XIX в.; ср. Ас 266, Добеле — Ег, зап. в 1936 г.]. Однако подобные мотивы в латышском фольклоре большая редкость.

Кокнесис изображен как богатырь, таскающий из леса бревна, очевидно, под влиянием популярного мотива народной сказки. В сказках нескольких распространенных типов говорится о богатырях Приежуравейсе [Сб 146; LP VI, 494], Озоларавейсе [LP VI, 572], Кокуравейсе [Сб 152], которые с корнями вырывают из земли сосны, дубы и другие деревья (Приежуравейс — «Вырывающий сосны», Озоларавейс — «Вырывающий дубы», Кокуравейс — «Вырывающий деревья»). Пумпур не случайно дал своему герою имя, которое подчеркивало его близость к фольклорным героям и вместе с тем четко указывало, откуда он родом, где совершает подвиги.

Так же, как в эпизоде Л II, 819—833, в сказках говорится, что главный герой (в некоторых вариантах — Лачаусис, или Лачаделс, — LP VI, 476, 494) встречает вырывающего деревья и отправляется вместе с ним в путь. В «Лачплесисе», в ходе дальнейшего повествования, эта тема развивается иначе, нежели в сказках, в соответствии с намерениями автора.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1—7. *Мрачно шумящим бором покрыты Кангара горы...* и далее. *Кангар* (Кангарова гора, холм), *Кангары* — издавна встречавшиеся в Латвии названия возвышенностей, лесов, болот, лугов, полей, селений, усадеб, хуторов [Эндзелин, 1961, 37—38]. Слово «кангар» образовалось от ливск. «kangar», что означает «холм», «пригорок» (der Hügel) [Мюленбах-Эндзелин II, 154; Латв. конв., X, 19740]. Вместе с тем «кангар» в латышском языке может значить «вереница холмов». В «Лачплесисе» Кангары рисуются как внушительная горная гряда. Находятся они на древней ливской земле; ридзиньский рыбак приводит в Кангаровы горы к колдуну Кангару немецкого священника Дитриха, корабль которого разбило бурей в устье Даугавы [Л III, 88—116]. Очевидно, здесь имеются в виду Большие и Малые Кангары в Огрском р-не (примерно в 40 км от Риги). В XIX в. Большие и Малые Кангары были хорошо известны видземским крестьянам: через Кангары вел путь из центральной части Видземе в Ригу.

Изображение в «Лачплесисе» Кангарских гор в древности в большой мере соответствует их внешнему виду в период создания эпоса. Кангары тянутся через местность, где и ныне еще находятся лесные массивы и болота.

С Кангарскими горами Огрского р-на связано в народе много преданий и сказов, характеризующих Кангары как место, где путников подстерегали грабители [FS 55, 430; Jkr IV, 12; LP VI, 207]. И в «Лачплесисе» «неприятное впечатление на всех спут-

ников производила эта округа» [Ор III, 5], но только как местность малолюдная, болотистая, кишашая хищными зверями.

В преданиях говорится, что Кангарские горы насыпали Диев [LP V, 384; VII, 1, 1327], Черт [LP V, 385], Великан [Сб 18; LP VI, 207—208; Ас 65—66, 269—270], очень сильный хозяин [LP V, 385]; что в горах этих водятся черти [Сб 80, Друвиена — Ц; LP V, 386] и Великан [Сб 17, Эргли — Ц; LP V, 384; LP VI, 207, Анниеники — Тк; Ас 65—66, 268—270, Сунтажи, Лаубере — Пр]. В «Лачплесисе» Кангарские горы — место, где живет колдун, предатель Кангар; само по себе описание этих гор в эпосе имеет фольклорную окраску. К тому же в III песне Пумпур непосредственно использовал — в переработанном виде — некоторые предания о великане, живущем в Кангарских горах.

54—55. *Пошлю я весть великану на озеро Пейпус...* Озеро Пейпус находится на границе Эстонской ССР и РСФСР — на территории обеих республик (по-эстонски — Peipsi järv; по-русски — Чудское озеро). В эстонском эпосе окрестности Пейпус-озера — одно из мест, где происходит действие «Калевипозга» (песни X—XII, XX).

73—74. *...Они знали, что Перкон Ведьм, колдунов и нечистых стрелой своей убивает.* По преданиям и поверьям балтийских и других народов, Перкон является ненавистником чертей, преследует и поражает их повсюду (PS XIII, 121, 226—227; Ас 53, 68, 79; LTT 23135—23140, 23142—23146; см. также: J. Balys, Graustinis ir velnias Baltaskandijos kraštų tautosakoje, — «Tautosakos Darbai», VI, Kaunas, 1939). Этот мотив неоднократно встречается в «Лачплесисе».

88—92. *В Даугавы устье корабль без мачт и ветрил был заброшен...* и далее. Пумпур рассказывает здесь, как буря занесла в устье Даугавы корабль, на котором немецкие купцы впервые отправились «торговать в Балтийских портах» [Ор III, 120]. В основе этого эпизода лежит предание, восходящее к «Рифмованной хронике» и «Ливонской летописи» Франца Ниенштедта (начало XVII в.), где говорится, что немцы впервые попали в древнюю Латвию благодаря тому, что буря загнала их корабли в устье Даугавы. Этот мотив варьируется в «Ванем Иманта» Г. Меркеля: бурю нагнало божество, которое в «грозу билось за наше (ливов и латышей. — Я. Р.) спасение», чтобы утопить алчных чужеземцев. У Г. Меркеля этот эпизод заимствовали и Фр. Малберг, для «Стабурага и Лиесмы», и Пумпур (Фр. Малберг отбросил мотив вмешательства божества). Пумпур рассказывает в «Лачплесисе», что бурю вызывали Перкон и Антримп. Такое развитие мотива перекликается с клятвой Перкона и Антримпа в I песне — уничтожать порабощенных латышского народа и топить корабли пришельцев.

91—92. *Чужеземцев ливы спасли.* Ливы — многочисленный народ финно-угорской группы.

В XIII в. ливы населяли сравнительно узкую полосу вдоль Рижского залива от границ Эстонии до Венты на Курземском п-ове (правый берег Даугавы в ее нижнем течении и низовья Гауи находились на территории видземских ливов). Кое-где вместе с ливами жили и латыши. Уже в XIII в., в период нашествия крестоносцев, число ливов резко сократилось в результате войн. На земли их все больше переселялись латыши. Постепенно латышский язык вытеснил ливский. В настоящий момент в Латвии живет всего лишь ок. 800 ливов, хорошо знающих свой язык. Большая часть

из них — ок. 500 человек — живет на севере Курземского п-ова (П. Аристэ, Ливы и ливский язык, — «Известия АН ЛССР», 1958, № 11, стр. 31—50).

103—104. ...узнал в одном из них *Кангар Ридзиньского рыбака*... Ридзиня — небольшой правый приток Даугавы, протекавший по территории, где позднее образовалась Старая Рига. В широком месте Ридзини, недалеко от ее впадения в Даугаву, издавна (еще до XVII в.) была гавань. Со временем Ридзиня совсем обмелела, и в первой половине XVIII в. ее засыпали.

114. *Молвил он: «Дитрих зовут меня...»* Историческим прототипом Дитриха, или Дитериха, является упоминаемый в хронике Генриха Латвийского Теодорих из Турайды (Theodoricus, Theodericus, Thidericus de Thoreida), монах цистернианского ордена, один из немцев-миссионеров в Ливонии. В «Хронике Ливонии» он впервые упоминается в I части, где фигурирует как сподвижник епископа Мейнарда по миссионерской деятельности среди ливов (Мейнард явился в Латвию в 1184 г. и находился здесь до 1196 г.). Позднее рижский епископ Альберт сделал Теодориха аббатом цистернианского монастыря в Динамюнде. С 1211 г. и до самой смерти (1219 г.) Теодорих был епископом эстонским.

При жизни Теодорих основал духовно-воинский орден «Братство Христовых рыцарей», принимал участие во многих крестовых походах (1207, 1212, 1219 гг.) против народов Ливонии (селов, эстов), был дипломатом рижского епископа Альберта. Эта последняя сторона деятельности Теодориха наиболее ярко отражена в хронике. Важные дипломатические поручения он выполнял, еще будучи сподвижником Мейнарда. Погиб Теодорих во время похода датчан против эстов.

Из известных Пумпуру в период создания «Лачплесиса» произведений, где фигурирует Теодорих Турайдский, кроме хроники Генриха Латвийского следует отметить «Древние времена Лифляндии» Г. Меркеля и его же литературную легенду «Ванем Иманта». В последней особенно подчеркнуты хитрость и коварство Теодориха. Он именуется «коварным монахом», «коварным святошей», «коварным пастырем» с «лицом святоши», со «лстивым лицом».

В «Лачплесисе» Дитрих — самый первый миссионер, явившийся в Латвию. Исторический Теодорих — один из первых миссионеров, распространявших католическую веру в Латвии. Из жизнеописания Теодориха в хронике Генриха Латвийского Пумпур использовал сведения о путешествии Теодориха и Каупо по Германии [Л III, 804—805] и в Рим, к папе [Л III, 780—784; IV, 23—30], а также сведения о намерении турайдских ливов принести Теодориха в жертву своим богам [Л VI, 652—663]. О деятельности Дитриха среди турайдских ливов см. прим. Л III, 758 и сл.

В эпосе Пумпура Дитрих изображается как политический интриган. В интерпретации исторического Теодориха Турайдского в «Лачплесисе» ярко проявилась оценка иноземных захватчиков, данная в «Ванем Иманта» Г. Меркелем и вполне соответствующая оценке народной: «Каждое деяние чужеземных грабителей дышит злым умыслом, предательством и коварной хитростью» [Меркель, 1802, 137].

Для автора «Хроники Ливонии» Теодорих — «достопочтенный» слуга господний [Хрон. Лив., XXIII, 11], хронист высказывает даже надежду, что после смерти Теодорих попадет «в мир мученижов», т. е. в царство небесное [Хрон. Лив., XXIII, 11].

Для Пумпура же Дитрих — презренный «святоша» [Ор III, 776], «закошнелый во всем злом» [Ор IV, 197], «лживый монах» [Ор VI, 651], чертов слуга.

125. *Каупо* — предводитель турайдских ливов (юго-западная Видземе, по правому берегу Гауи). В хронике Генриха Латвийского впервые упоминается под 1200 годом. Замок *Каупо* находился неподалеку от построенного в 1214 г. Фридландского, или Трейденского (позднее название), замка. Высказывалось мнение, что у *Каупо* был еще второй замок («малый замок») — Вилкместское городище, в километре от Кримулдского (Кремонского) немецкого замка, но это мнение в последнее время оспаривалось (см. Heinrichs, *Livländische Chronik*, Zweite Auflage, Bearbeitet von Leonid Arbusow und Albert Bauer, Hannover, 1955, стр. 27).

Каупо принял христианское вероисповедание и стал решительным сообщником немецких феодалов, во многом способствовал укреплению их власти и внедрению католицизма в Латвию в XIII в. Умер *Каупо* в 1217 г., во время похода немцев, ливов и латгалов в Эстонию, от тяжелой раны.

156 и сл. В *Кангарских чащах Калапуйс* лютый обосновался... и далее. Фрагмент, в котором говорится о вторжении эстов на латышскую землю и о борьбе Лачплесиса с Калапуйсом, в сказочно-легендарной форме отражает раздоры, схватки латышей и эстов в конце XII — начале XIII в., интерпретируя их как большое зло для обоих народов.

Относительно происхождения имени Калапуйс в экземпляре первого издания «Лачплесиса», найденного в б. Крапской вол., в начале III песни рукою поэта вписано следующее пояснение: «Калапуйс — не переведенное с эстонского Калевипоэг, а исконное латышское имя, которое я слышал вместе с преданием о ложе великана Калапуйсиса в Кангарских горах от одного старого сунтажца. У Крейцвальда в эстонской стороне указано несколько мест, где Калевипоэг лежал в горах, но о Кангарских горах ничего не говорится».

Житель Сунтажей (Огрский р-н) рассказывал Пумпуру предание, бытовавшее в его родной местности: в Сунтажах начинаются Большие Кангары, возле сунтажских «Кодеров» находится «Великаново ложе» [LP VII, I, 1326—1327; Латв. конв., XXI. 41189].

В собраниях латышского повествовательного фольклора не обнаружены тексты, где бы встречалось имя Калапуйс (исключением является лишь вариант, сконструированный искусственно неким собирателем фольклора в 70—80-х годах). Но по свидетельству Пумпура, Калапуйс — все же исконное имя собственное (в народном предании).

Мотив великанова ложа содержится почти во всех известных преданиях о великанах в Кангарах, и вряд ли вариант с Калапуйсом существенно от них отличался. Но в отличие от Калапуйсиса в «Лачплесисе», в преданиях о Кангарских горах великан не изображается опасным для людей — он миролюбив и даже помогает людям [Сб 18, Эргли — Ц]. В преданиях говорится об огромном росте великана и его необычайной физической силе. Пяти лет от роду великан уже на голову выше самого высокого дерева в Кангарах; в десять лет большой лес ему по щиколотку — как трава-мятлица [Ас 269, Лаубере — Рг]. Великан принимает лесоруба за жучка, сует в боль-

шой палец своей рукавицы и уносит в Курземе показать родителям [LP V, 384]. Веселое изумление и восхищение сказителя исключительной физической силой героя находят выражение в рассказе о том, как кангарский великан готовит себе завтрак: он ставит котел на огонь и только тогда отправляется в Ригу за солью — не успеешь оглянуться, а он уже возвращается с солью.

Мотив бедствий, которые Калапуйсис причинял жителям Кангарских гор, очевидно, создан Пумпуром по образцу аналогичных фольклорных мотивов [LP V, 97; PS XI, 200; XV, 431 и др.].

Характерный фольклорный мотив борьбы богатыря с великаном Пумпур связал с Калапуйсисом из латышского предания и представил последнего как эстонского великана. Латышским народным сказкам не свойственно, как правило, указание на этническую принадлежность героя-богатыря и борющегося с ним великана. Известна лишь одна сказка, где изображается борьба латышского богатыря и эстонского великана. В этой сказке, записанной в Друвиенской волости (Ц) К. Тарзиером, медвежий сын побеждает эстонского великана Саркандариса [Сб 156—157]. Однако народность истоков этого эпизода может вызывать недоверие, поскольку в сказке вообще есть сомнительные места (например, появляется некая «Пещера судьбы»); к тому же установлено, что некоторые из присланных К. Тарзиером сказок не являются подлинными. О борьбе древних латышей с эстами рассказывает ряд преданий, бытовавших в северной Видземе, но в них не выделяются образы каких-либо отдельных героев [PS XV, 322; FS 116, 116]. Пумпур же заставляет вступить в поединок латышского Лачплесиса и эстонского великана, но лишь затем, чтобы они осознали необходимость мира и добрососедских отношений между латышским и эстонским народами.

Вблизи от Кангарских гор находится продолговатый холм с впадиной. В предании говорится, что в этой впадине обычно спал великан [Сб 17 Эргли — Ц; LP V, 384; VI, 208, Анниеники — Тк; Ас 270—271 Лаубере — Рг и др.]. Местные жители зовут это место «исполиновым ложем». В эпосе иное объяснение: «исполиново ложе» — яма, которая образовалась на том месте, где Лачплесис повалил на землю Калапуйсиса.

187—189. *К склону горы прислонив свою палицу...* (в оригинале: *Рядом с ним стояла прислоненная палица исполинской величины. Была она из сучковатого бревна с жерновом на конце*. Ср. Фр. Крейцвальд, Калевипоэг, М., 1956, стр. 134, песнь V — Калевипоэгу служит оружием большой дуб, им он побивает рать злобного финского колдуна и убивает его самого). Возможно, мотив этот создан самим Пумпуром, не исключено, однако, влияние латышской сказки или «Калевипоэга». В некоторых сказках богатырь вместо палицы берет огромную ель [LP VI, 544] или дуб [PS II, 38]. Оружием богатыря бывает огромная палица, дубина, стальная или железная палка, а также стальной меч.

219. *А умирая, лягу я в Зунде*. В немецких, шведских (и соответственно в русских) источниках морской пролив Väike väin (между о-вами ЭССР Сапема и Муху) называется Малым Зундом (der Kleine Sund), морской пролив Suur väin, или Muhu väin (между материком и о-вом Муху), — Большим Зундом (der Grosse Sund) или Моонзундом (der Moonsund). всю морскую полосу между Западно-эстонским архи-

пелагом и материком эстонцы зовут Väinameri. В эстонском языке слово «зунд» не встречается. Вероятнее всего, в «Лачплесисе» под Зундом подразумевается морской пролив между Сарема и мысом Колка (на севере Курземского п-ова).

230. *А его палица будто б лежит и поныне в болоте.* Мотив «исполиновой палицы» фигурирует в одной из легенд. Некий великан, почуяв приближение последнего часа, прислонил свою палицу к постели. После его смерти палица покрылась листвою и начала расти. Еще перед первой мировой войной на краю «великанова ложа» росло дерево, которое обычно называли «исполиновой палицей» [Ас 271, Лаубере — Рг]. Ср. с прим. Л III, 187—189.

289—290. *Медленно витязь в ту палату вошел...* и далее. Важное место в III песне занимает мотив затонувшего в Буртниеком озере замка.

Предания о затонувшем замке широко распространены в латышском фольклоре и относятся к числу самых примечательных. Известны предания об ушедших под землю городах, например о городах, затонувших в Лиелицавском [LP V, 390] и Брукненском болотах [PS XV, 456] (Б), о городе Елгава [LP VI, 211]. В сказках встречаются также сюжеты о затонувших замках [Сб 70—71, LP I, 65, 66; III, 79; Jkr V, 129] и городах [LP II, 25, 30; VI, 333—334; 1053 Яунауце — Ег; зап. в 1863 г. А. Биленштейн].

В некоторых преданиях указывается, что затонувшие замки принадлежали древним латышам [Сб 29; LP VII, 1, 1086, 1087; XV, 305 и др.]. Есть варианты, в которых эти замки — собственность чужеземных владельцев [LP VII, 1, 1088, 1095; PS XV, 336]. В «Лачплесисе» заколдованный замок предстает как бывшее обиталище легендарного латышского племени буртниеков. В затонувшем замке находятся «ларн, полки, заваленные большими свитками, деревяшками и бирками с руническим письмом» [ОР III, 289—291]. Соответствующие параллели имеются и в фольклоре.

В Свенте (Ил) есть старое городище, гласит предание. В старину там часто видели, как богато одетая девушка выходит из горы, как эта девушка читает книгу [LP VII, 1, 1087]. Под городищем в Добе (Тк) видели, как читают книги ангелы (духи) [LP VII, 1, 1080]. На том месте, где затонул Спиргусский замок (Тк), через несколько недель появился каменный столб с непонятными письменами. Через какое-то время столб этот опять затонул [LP I, 176]. В Гарсене (Ил) во время пахоты было найдено множество старых вещей — топоров, украшений, брошек и т. п. — и камней. На камнях виднелись высеченные буквы («Balss», 1885; о буквах на камнях см. также LP V, 384). Еще одно предание рассказывает, что сто пятьдесят лет назад в Скриверской волости (Рг) люди рыли в лесу яму и нашли череп. На лобовой части черепа были вырезаны буквы. Никто этих букв прочитать не мог. Ходила молва, что в том месте, где рыли яму, был прежде замок древних латышей [FS 1955, 14991, Сэрене — Ек, зап. в 1961 г.].

В отличие от «Лачплесиса», в преданиях чаще всего описываются замки, ушедшие под землю или оказавшиеся внутри горы; зафиксированы, правда, и предания о замках, опустившихся на дно озер: Буртниецкого [FS 116, 137, Ренцены — Влм; Ас 126, Умурга — Влм; Ас 127, Кокмуйжа — Влм], Аклиса [PS XV, 433, Сенце — Ек], одного из озер Берзауне (Мд) [PS XV, 301]. Чаще в преданиях говорится о затонув-

глих в озерах усадьбах и церквах. Так, в большинстве вариантов, связанных с Буртниеком озером, речь идет о церкви [LP VI, 213; VII, 1, 1290, Триката — Влк; PS XV, 419, 421, Плани, Аумейстеры — Влк; FS 17, 1495; Бауни — Влм. Ср. Анцитис, 279]. В отличие от «Лачплесиса», предания повествуют лишь о погружении Буртниецкого замка. Мотив поднятия замка в них отсутствует (однако он встречается в преданиях о замке, ушедшем в гору, в замковый холм).

Пумпур не случайно избрал Буртниеком озеро. В 60—70-х годах оно часто называлось в легендах, созданных латышскими поэтами и писателями. Юрис Алуна в сборнике «Двор, природа, вселенная» писал: «А когда буртниеки утонули в озере, кое после них и по сей день Буртниеком зовется, с ними и все латышские песни, все духовное наследие древних латышей в том озере погибло» (J. Alunāns, Kopotī rakstī, II, Rīgā, 1931, стр. 228).

Обращаясь к мотиву, введенному Алунаном, Аусеклис в «Письмах из Лиелварде» (1873) говорит уже о затонувшем в озере замке, используя этот сюжет для аллегорического выражения идеи культурного возрождения и развития: «Вы, поэты, пополняйте ваше достоинство, тщательно знакомьтесь с бессмертным духом народной поэзии; будьте народными служителями и певцами! Как и у некоторых других народов, у латышей появятся и уже появляются свои провидцы. Провидцы эти, широко окинув мир своим взором, прочитают и сокрытое в глубинах забвения (я не говорю здесь ни о каких волшебствах), возможно, прочитают они в бурных волнах Буртниецкого озера много забытого, дивного. Тогда поднимется древний „завороженный“ замок со всеми буртниеками, мудрецами и многоумными мужами...» (Auseklis, Izlase, Rīgā, 1955, стр. 159).

Строки «Лачплесиса» о «священных письменах» — древних грамотах, которые находятся в затонувшем Буртниеком замке, — близки к легендарным картинам Ю. Алуны, Аусеклиса и др. и перекликаются с мотивами народных преданий. Древние грамоты в эпосе Пумпура — это латышские сказания, героические песни, мифология, сведения о прошлом народа, о его судьбах. В них философия, история народа, свод морали. В духе традиций периода национального пробуждения здесь особо подчеркивается значение фольклора. В Буртниеких писаниях отражены не только латышские традиционные фольклорные представления и образы, но и — в «наставлениях Видуведа» — гуманистические идеи времени.

Нередко в преданиях о затонувших замках своеобразно проявляется национальное самосознание народа. В них преломляются воспоминания о тех далеких временах, когда народ еще не находился в рабстве у чужеземных захватчиков и у латышей были свои замки. Так или иначе, мотив поднятия затонувшего замка мог приобретать символическое значение в периоды борьбы за освобождение. Не случайно в 60—80-е годы предания о затонувших замках предков пользуются особой популярностью у поэтов и публицистов. На основе этих преданий создаются выдающиеся произведения литературы (например, баллада Аусеклиса «Замок света», написанная в 1875—1876 гг. и впервые опубликованная в 1888 г.), в которых затонувший замок воспринимается как символ былой свободы народа, его древней культуры, а поднятие замка со дна озера — как символ обретения свободы. В «Лачплесисе» образ затонувшего замка сам

по себе не имеет аллегорического смысла, поскольку в III песне изображается период, когда народ еще свободен. Но такой смысл присущ свиткам в замке Буртниека.

В большинстве народных преданий замок может подняться из недр земли при условии, если будет угадано его название [*Inland*, 1855, 253; Сб 29; LP VII, I, 1806; PS XV, 364 и др.]. В «Лачплесисе» название замка уже известно. Чтобы заклятие оказалось снятым и замок всплыл на «рассвете к солнечному свету», Лачплесису надо провести в нем ночь. Он побеждает появляющееся в полночь ужасное чудовище, справляется с ведьмой Спидалой и «с семьей арапами» (в пер. Вл. Державина — «эфиопами»). В фольклорных произведениях также присутствует этот элемент обязательного выполнения условия, правда, только в сказках.

Какое-то чудовище погружает в глубину дворец вместе с королевской дочерью. Один из богатырей проникает во дворец и побеждает чудовище. Дворец тут же поднимается наверх [LP III, 79, Миса — Б].

Сын рыбака в течение трех ночей переносит мучения, которые ему причиняет черт, уволокший под землю королевский град. Наконец он сносит девятиглавому чуду все девять голов, и на холме вырастает дивный град [LP II, 30, Джуксте — Ег].

Юноша проводит ночь в заколдованном, ушедшем под землю замке. Он побеждает семерых чертей, освобождает томящуюся в замке девушку, и замок поднимается на поверхность земли [Сб 70—73].

360—378. Фольклорные источники этого эпизода расшифровать нелегко. На первый взгляд может показаться, что лежащее в гробу чудовище — это так называемый «живой мертвец». В латышском фольклоре имеется очень богатый и разнообразный материал о «живом мертвце», но с рассматриваемым эпизодом «Лачплесиса» в какой-то мере перекликаются лишь сказки о заколдованной королеве, колдуне или ведьме в гробу (ср. № 307 сюжетного указателя Аарне — Томпсона). Если их рассматривать как источники Пумпура, то пришлось бы сделать вывод, что из фольклора заимствована лишь сама идея «живого мертвца»; все остальное следовало бы расценивать как собственное творчество поэта. В действительности «чудовище... с клыками, словно кирки, и с ногтями, как сабли» [Л III, 362—363] не мертвец, а черт в облике мертвца. Эпизод явно основан на мотивах латышского фольклора. Примечательны некоторые сказки [Сб 70—73; Jkr V, 39—40; PS III, 442—446], в которых так же, как в «Лачплесисе», описана борьба с чертом в образе мертвца в заколдованном замке, причем в этих текстах и в эпосе Пумпура налицо ряд общих и аналогичных деталей.

Младший сын — дурак и смельчак, желая узнать, что такое страх, нанялся на службу к королю и взялся провести ночь в заколдованном замке, погрузившемся под землю. Герой просит дать ему с собой одного солдата. В замке храбрец принимается готовить еду, а солдата посылает за дровами. Вдруг из дымохода падает чья-то рука, нога, потом вторая рука и нога, затем голова и туловище. Герой не испытывает ни малейшего страха. Он решает посмотреть, куда же делся солдат. Оказывается, солдат примерз за дверью к стене. Дурак вносит солдата в кухню, кладет его поближе к огню и отогревает. Тем временем упавшие руки, ноги, голова и туловище срастаются и оживают. Это сам черт. Герой отрубает ему мечом голову, рас-

правляется с другими чертями, и освобожденный от заклятия замок поднимается на поверхность земли [Сб 70—73; Скрунда — Клд].

В этой сказке привлекает внимание следующая подробность: в замке долгое время царит необычайный холод. И в «Лачплесисе»: «О полночь в замке сделалось так холодно, что Лачплесис еле мог выдержать» [Ор III, 358—360].

Храбрец, силач три ночи подряд проводит в захваченном чертями королевском дворце. При себе у него чудесные музыкальные инструменты. Играя на них, можно всех заставить танцевать. На третью ночь шесть чертей вносят гроб, в котором лежит огромный мертвец. Герой своей игрой доводит чертей до изнеможения, а затем убивает их. Потом поднимает из гроба мертвеца, который оказывается «самым старшим чертом». Мертвец грозит сожрать храбреца, но тот начинает играть, и главному черту приходится плясать. Сбегают другие черты и приносят смельчаку гору денег, только бы он отпустил старшего черта. Богатырь изгоняет чертей из дворца [PS III, 444—446, Аумейстери — Влк].

У большой дороги стоит замок. Каждый, кто туда входит переночевать, превращается в камень или чурбан. И вот в замок заходит переночевать путник и разводит огонь. Сбегают разъяренные кошки, из нор выползают ужи и гасят огонь. (Под кошками, ужами подразумеваются черты. В латышском повествовательном фольклоре черт нередко предстает в образе кошки, а иной раз в виде змеи.) Герой вновь разводит огонь. Через некоторое время из трубы вываливается гроб с мертвецом (с чертом). Путник хватает мертвеца и подтаскивает его к огню со словами: «Грейся, дурак, вон ты как замерз!» А потом побеждает еще двух «бородачей». После этого чурбаны и камни в замке превращаются в людей, чары с замка спадают (Jkr V, 39, Грамзда — Лп].

399. *Видувед*, или *Видвед* [Ор III, 629], в произведениях других латышских писателей называемый также Видевутом и Видвудом, — легендарная личность, впервые встречающаяся в написанной в начале XVI в. книге Эразма Стеллы о прусской старине «De Borussiae antiquitatibus». По утверждению Э. Стеллы, Видевут, живший в VI в., был аланом (одно из скифских племен) и якобы ознаменовал новую эпоху в жизни древних пруссов. Прежде пруссы будто бы пребывали в дикарском состоянии. Питались сырым мясом, не знали жилых домов, не имели ни законов, ни правителей, ни религии. Отдельные племена враждовали между собой. Мудрый Видевут призвал пруссов учиться порядку, существующему у пчел, и внушил им мысль избрать короля. Те с готовностью вняли советам Видевута и единодушно избрали его своим королем. Видевут объединил древнепрусские племена. Ввел у древних пруссов религию, законы, земледелие, брак, смягчил их нравы, изменил обычаи. Излагая все это в своей книге, где вообще много фантастических измышлений, Э. Стелла рассматривает Видевута как историческое лицо, версия эта не имеет, однако, научной основы (Wilhelm Mannhardt, *Letto-Preussische Götterlehre*, Riga, 1936, стр. 176—183).

Следует отметить, что изображаемый древнепрусский правитель напоминает «культурных героев», встречающихся в фольклоре разных народов (см. Е. Мелетинский, *Происхождение героического эпоса*, М., 1963, стр. 25). Тем не менее это не дает оснований связывать Видевута с древнепрусскими преданиями, образ мог быть создан

самим Э. Стеллой по образцу «культурного героя» преданий или эпоса других народов. Весьма сомнительные сведения Э. Стеллы некритически восприняли С. Грунау, М. Стрыйковский, В. Коялович и др., а от них эти данные перешли в «Древние времена Лифляндии» Г. Меркеля. Видевуту у Меркеля приписывается «создание» латышского народа из разноязычных племен, живших в VI в. на южном побережье Балтийского моря. Якобы Видевут дал им формы общественной организации и новые традиции. Г. Меркель был убежден в исторической достоверности личности Видевута и приписываемых ему деяний [Меркель, 1798, 26—83]. «Древние времена Лифляндии» стали источником для латышских авторов 50—70-х годов — Фр. Малберга, Аусеклиса, К. Кундзиня. Фр. Малберг и Аусеклис тоже считали Видевута исторической личностью [ср. Анцитис, 280].

В эпосе Пумпура говорится, что Видевут «основал народ латышский» и дал ему законы, соблюдая которые «народ процветает и вечно бессмертен» [Ор]. «Наставления Видуведа» [Л III, 621—668], в которых выражаются идеи демократизма и звучит призыв служить человечеству, принадлежат к самым ярким в идейном отношении страницам эпоса.

438—457. ...на Востоке, из-за семи отдаленных Царств семи королей... и далее. По Пумпуру, племя буртниеков явилось на берега Балтийского моря откуда-то изда- лека, с востока. В эпосе говорится, что Восток — «колыбель народов» [Л IV, 863]. Аналогичные мотивы в стихах Пумпура отвечали тогдашнему увлечению «индоазиат- ской преемственностью».

В первозданной колыбели
Блюл народы брат Восток.
Им в любом земном пределе
Всяк завидовать бы мог.

(«Восток и Запад», перевод С. Шервинского)

На Востоке на далеком
В древней вековой тиши
Под опекой сына Бога
Пребывали латыши.

Божий сын искусства разным
Подданных своих учил,
Пагоды красы чудесной
На столбах золотых взносил.

(«Восток», 1869, — Rk I, 173, перевод Ю. Абызова)

Прамшан¹ в этот край с Востока
Наших праотцев привел,

¹ Прамшан — псевдомифологическое божество.

Перкон во главе их ехал,
Иодов, нечисть, поражал.

(«Застольная песня ко II Вселатышскому
певческому празднеству, 19 июня 1880 г.» — Rk I, 282,
перевод Ю. Абызова)

В своих очерках «На востоке, за горами, за морями» (ч. II, 1900), Пумпур говорит: «На Востоке, вот где колыбель человечества» [Rk II, 293]. В первой части очерков (1898) поэт иронизирует над «некоторыми из молодых „ученых“, кои тщатся опровергнуть старую теорию и полагают, будто первые жители Европы отнюдь не явились из Азии, а возникли где-то здесь в болотах или в девственных лесах» [Rk II, 290]. Точка зрения, выраженная Пумпуром, была чрезвычайно популярна в латышской литературе второй половины XIX в., особенно в 50—70-х годах. Так, Фр. Малберг в 1856 г. в статье «Краткие сведения о том, откуда латыши взялись и какие обычаи у них в старину имелись» говорит, что латыши, так же как, вероятно, русские и немцы, вначале обитали в Азии, на Ганге. Шире и еще определеннее эта индийская гипотеза излагается в очерке «Народы Курземе и Видземе и сопредельные народы, их быт и языки», приложенном к книге Кр. Барона «Описание нашего отечества» (1859).

В конце 60-х годов идея азиатской прародины латышей (в частности, Индии) получает выражение в эпической поэме Фр. Малберга «Стабураг и Лиесма». Думается, что произведение Фр. Малберга оказало в этом плане известное влияние на «Лачплесиса».

Следует указать, что мотив первоначальной родины латышей «на далеком Востоке» стимулировался не только упомянутой индийской, или азиатской, теорией, но и некоторыми другими факторами (см. прим. Л IV, 679—953).

458—459. Там их никто не тревожил; и Запада море назвали Белым они. Пумпур связывает название Балтийского моря (фактически по принципу народной этимологии) со словом «balts» — «белый», к тому же имея в виду, что последнее зачастую выступает в латышских народных песнях как положительный эпитет. Подобная же «этимология» названия «Балтийское море» имеет место в стихотворении Пумпура «Восток» (1869) [Rk I, 174]; встречалась она и до Пумпура.

В действительности название Балтийского моря связано, вероятно, с датскими Belt'ами, как зовут два пролива между датскими островами. Дат. «Belt» (географическое наименование) неотделимо от дат. «belte» — «пояс», в основе которого лат. «balteum» (J. E n d z e l i n s, Ievads baltu filoloģijā, Rīgā, 1945, стр. 6—7).

463—465. ...Узинь под осень Медом одаривал. Дети богов научили их делать Хмельную брагу и пенное пиво. Узинь выступает здесь как бог пчеловодства. В латышской народной мифологии встречаются две формы его имени — Узинь и Усинь (последняя более распространенная). Как «пчелиный бог» Усинь упомянут также в приложении к Латышской грамматике Г. Фр. Стендера и в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля. В народе он чаще считался покровителем лошадей, но наряду с этим именовался и «пчелиным божеством» [LP VII, 1, 365—366, 368; LTT, 31410].

Среди прочих занятий сыновей Диева упоминается и пивоварение [LD 33753].

В древности пиво и вино считались у некоторых народов божественными напитками. У древних славян, например, имелись предания о божественном происхождении пива, вина и других хмельных напитков (А. А. Коринфский, В мире сказаний, СПб., 1905, стр. 228). В некоторых латышских народных песнях пиво именуется «божьим даром» [LD 2328; 2329, 2 и др.].

470. *Светлые то времена, золотые для Буртниек были.* Пумпур в «Лачплесисе» рисует самое отдаленное доисторическое прошлое латышей на берегах Балтийского моря как «златые времсна в земле Буртниек» [Op III, 463—473]. Во второй половине XIX в. в произведениях латышских писателей и публицистов наметилась тенденция идеализации прошлого. Древнейшая доисторическая эпоха или весь период до нашего крестоносцев изображались как «Золотой век» Латвии. «Золотой век» упоминается и в стихах Пумпура.

Легенда о «Золотом веке» была направлена против реакционной и лживой теории прибалтийских немецких феодалов об их так называемой «культурной миссии» в Прибалтике, она способствовала укреплению национального самосознания латышского народа, но вместе с тем отражала ограниченность воззрений идеологов латышского национального пробуждения.

Само понятие «Золотой век» латышские писатели заимствовали из античной литературы (Гесиод, Овидий). В латышском фольклоре не наблюдается идеализации какого-либо периода истории.

472—486. *Вихрь послал он на Белое море, и Вихрю велел он...* и далее. Эпизод содержит вариации мотива перемещения озер и проч.

В латышском фольклоре широко распространены мотивы перемещения озер. Имеются предания и о Буртниекском озере.

Там, где теперь Буртние́к, раньше было небольшое Агрумское озеро. И вот как-то в воскресенье, во время службы, прилетело туда Таурское озеро и затопило церковь вместе с богомольцами [PS XV, 419, Плани — Влк].

Раньше Буртниекское озеро находилось на болотистой местности возле города Валмиера и звалось оно Астарис. Однажды оно поднялось на воздух и опустилось на нынешнее место, где стало зваться Буртние́к [LP V, 408—409, Pг].

О перемещении Буртниекского озера см. также [LP VI, 213; Ас 126, Умурга — Влм, зап. в 1929 г.; Ас 127, Кокмуйжа — Влм, зап. в 1928 г.; FS 116, 137, Ренцени — Влм] (последние три варианта рассказывают, что Буртниекское озеро затопило замок).

Причины, по которым озеро подымается в воздух, различны: 1) человек случайно или умышленно нарушает привычную жизнь озера, относится к нему непочтительно; 2) озеро недовольно окрестностью; 3) озеру не дали названия, не угадали его, или название не нравится озеру; 4) озеро хочет наказать людей за прегрешения. В «Лачплесисе» изображается, как Вихрь вздымает озеро по приказанию Йода, чтобы затопить долину Буртниек. Есть варианты народных преданий, в которых озеро поднимает черт или колдун [LP VII, 1, 1288, Сунтажи — Pг, зап. ок. 1893 г.; PS XV, 415—416], но эти мотивы, насколько можно судить, широко не распространены.

Изображая перелетающее с места на место озеро, Пумпур использовал мотив преданий о поведении озера в пути:

«Этакая небольшая туча собралась прямо над стадом и страшно заплескала» (оз. Бабите) [LP I, 179];

«После этого озеро ревело девять дней и девять ночей и наконец поднялось и опустилось на Буртниеки» (оз. Буртниеки) [PS XV, 419];

«...вдруг поднялся страшный ветер, загрохотал гром, и черное небо с воем разверзлось на церковь и имение» (оз. Буртниеки) [PS XV, 421].

Эти элементы народных повествований нашли отражение и в «Лачплесисе».

В преданиях говорится, что летающее озеро иногда обрушивается на дома, церкви, реже — на замки и заливают их (см. об этом прим. I III 289—290).

В «Лачплесисе» погружение замка Буртниеков — результат действий Йода. В преданиях погружение замка обычно объясняется иначе или объяснения не даются вовсе. Но есть варианты [LP V, 391; VI, 204, 211, FS 220, 114], где замок погружает в землю Черт или Йод, ведьма или колдун. Сходную мотивировку имеет этот сюжет и в некоторых сказках [Сб. 72—73; LP II, 30; III, 79; VI, 332, 1052—1053].

В народных преданиях и поверьях Вихорь (Viesulis) характеризуется иногда как живое существо, связанное с Чертом или его слугами — колдунами, ведьмами [LP I, 162—163; V, 127 и др.; LTT 32887—32890 и др.]. В рассматриваемом эпизоде Вихорь предстает слугой Йода, т. е. Черта. Мотив «Лачплесиса» — острый предмет, бросаемый «в смерчево сердце» — очень популярен в народном творчестве [LP I, 163; VI, 57; VII, 1, 700, 702; PS XV, 177, 178].

487—492. *Буртниеки все бы погибли, если бы Лиго случайно...* и далее. Эпизод близок мотивам латышских сказок, преданий и эпоса других народов («Калевала», «Калевипоэг» и др.), где говорится о замечательных музыкантах, игра и пение которых обладают волшебной силой над людьми и природой [LP II, 60, 82; V, 156; PS V, 229—230; VI, 283, 288; ср. LP I, 17; III, 24; IV, 19—20].

488. *Куокле* — латышский народный щипковый струнный инструмент, родственник литовским канкле, эстонскому каннеле, карело-финскому кантеле и русским гуслим.

494—502. *Не было ничего вначале...* и далее. Сходные мотивы о начале мира имеют место в фольклоре [LP VII, I, 1192; PS XIII, 13—14]. В латышских народных преданиях мотив сотворения мира отмечен влиянием библейского мифа. В преданиях Черт при сотворении мира рисуется первоначально как слуга Диева [LP VII, I, 1192; PS XIII, 117].

501—512. *Мир сотворить наконец надумал Бог и сказал он Черту...* и далее. В эпизоде о сотворении земли и возникновении гор непосредственно использованы мотивы преданий. Идентичные и сходные мотивы: Диев (Бог), желая создать землю, попросил Черта, который жил в то время в воде, вынести на поверхность горсть ила [LP VII, I, 1192]. Черт послушался, но подумал: «А что это Диев станет делать?» [LP VII, I, 1193]. Схватил на всякий случай пригоршню ила и сунул в рот [LP VII, I, 1192]. А Диев раскидал принесенный ил по небесной шире со словами: «Пусть растет и процветает», — и возникла земля, ровная, без гор и долин, деревья и растения [LP VII, I, 1193]. Создал он землю из ила и праха и сказал: «Да будет!» [LP VII, I, 1192]. «Пусть растет и процветает» [PS XIII, 117]. Начал разбухать ил и во рту у Черта,

не смог его Черт удержать и расплевал по всей земле — в тех местах, куда он плюнул, поднялись горы [LP VII, I, 1192—1193].

516—520. *Солнце в те дни и Земля были девушками...* и далее. В латышских народных песнях упоминается Мать земли, но женою Диева (Бога) она никогда не называется. В одних песнях говорится о женитьбе Диева на Сауле (Солнце) [LD 33799, 33799v] или на дочери Сауле [LD 34043, 8; 34043, 8v; 34043, 23]. В других подчеркивается, что у Диева нет ни жены, ни детей [LD 33678; 33679]. Во многих вариантах в качестве женихов дочерей Сауле выступают сыновья Диева, Месяц и другие божества.

Мотив «Лачплесиса» — брак Диева с Землею — перекликается с древнегреческим мифом о браке Геи (олицетворяющей землю) с Ураном (олицетворяющим небо), и не исключено, что он возник частично под влиянием этого мифа.

Латышские народные песни рассказывают о женитьбе Месяца на Сауле [LD 33810] или на дочери Сауле [LD 33803; 33845¹; 33865]. Звезды в «Лачплесисе» выступают как дети Месяца и дочери Сауле; это соответствует тому, что говорится о латышской мифологии в сочинениях Г. Фр. Стендера и младолатышей. Известно и народное предание (Латв. мит., 21; J. A l u p ā n s, *Kopotī rakstī*, II, Rīgā, 1931, стр. 161; Сб. 5), в котором звезды изображаются детьми Месяца и Солнца. О женитьбе Месяца и Солнца повествуется также в литовском фольклоре.

521—533. *Боги-сыны были дивно сильны...* и далее. В III песне говорится, что Перкон, Антримп, Патримп, Зиедонис, Пакол родились от брака Диева с Землей или с Сауле (Солнце) и именуются «сыновьями богов» и «первыми сыновьями богов». Но в I песне Перкон, Антримп, Патримп (а также Лиго, Пушкайтис) именуются «богами» и отделены от «сыновей богов» [Op I, 5—46]. Это противоречие частично устраняется в III песне [Op III, 524—525], где говорится, что первые божьи сыны «были столь могущественны, что почти богами слыли».

Об Антримпе, Патримпе, Паколе и Зиедонисе см. прим. к I песне.

В народных песнях изображается некий Кузнец, который «кует в небе» [LD 33721—33728]; обычно под этим Кузнецом понимается Перкон [Латв. мит., 23]. Мифический Кузнец выковывает для дочерей Сауле и сыновей Диева «веночки», «сундук для приданого», «перстеньки», «пояса», «сабельки», «шпоры». В оригинале «Лачплесиса» [Op III, 526—528] говорится, что Перкон «возвел», т. е. выковал, «небесный свод»; мотив возведения небесного свода в латышском фольклоре не зафиксирован.

525—530. Мотивы коней Сауле и ее золотой лады взяты из народных песен [LD 33945; 33913; 33878; 33908 и др.].

535—542. *...Камни вначале мягкими были...* и далее. Подобные мотивы имеются в народных преданиях. «Диев все камни создал мягкими и наказал Черту их не трогать. Черт, побуждаемый любопытством, потрогал камни, и с тех пор они затвердели [FS 219, 142]. Диев усеял всю землю грибами-дождевиками. Вэлн раздавил их, и они превратились в камни («Teikas pag Dievu», Izlase, Rīgā, 1929, стр. 10; PS XIII, 125). В других преданиях о возникновении камней также говорится, что в старину они были легкими и мягкими, как грибы-дождевики [Сб 45; LP V, 108].

Об отпечатках ног Черта на камнях (чертов след) часто говорится в народных

преданиях [Сб 24; PS XV, 456, 475; Ас 58 и др.]. В эпосе этот мотив контаминруется с преданием о том, как камни стали твердыми.

543—552. *Не было в те времена у деревьев ветвей и развилин...* и далее. Мотив долота, выкованного для Диева, создан Пумпуром на основе мотива народных песен о Кузнеце, который «кует в небе» (Перкон). Прочие мотивы (Диев и Черт — косари; как у деревьев возникли сучья) полностью совпадают с мотивами народных преданий [LP VI, 450—451; VII, I, 1169—1172; PS XIII, 147, 149—150, 152].

552—565. *...в ту пору водились у Черта коровы...* и далее. Фрагмент, описывающий «коров Диева и Черта», очень близок к мотивам некоторых преданий или даже совпадает с ними. Это становится очевидным при сравнении строк эпоса со следующими примерами. Было у Черта много черных, комолых коров с неразвоенными копытами, а у Диева их не было, хотя всякого другого добра было у него больше, чем у Черта [«Balss», 1880, № 55]. У Черта все коровы были серые [PS XIII, 140]. Диев строил хлев. Подходит Черт и спрашивает: «На что тебе хлев? У тебя же коров нет!» Диев отвечает: «Будет хлев — будет и скотина» [PS XIII, 129]. Построив хлев, Диев напустил тучу слепней на скотину Черта и таким образом загнал ее в свой хлев [Jkr II, 6; LP V, 104; LP VII, I, 1165]. Диев пошел ночью в коровник Черта и перегнал всех коров к себе [PS XIII, 140]. Диев живо принялся перекрашивать чертовых коров — пошла масть и бурая, и рыжая, а больше всего пестрая; черным — белое пятно на лоб... потом большинству приделал рога, привязал хвосты из камыша и расщепил всем копыта [Jkr II, 6—7]. Утром Черт глядит — коровник пустой [PS XIII, 140]. Пришел Черт своих коров искать, но увидел у Диева в коровнике только пеструх, лысух да буренок [PS XIII, 140] с рогами, с развоенными копытами [LP VII, I, 1165]. Так он и не смог своих коров узнать и остался без скотины [LP VII, I, 1162, 1165; PS XIII, 140].

566—581. *Вскорости Бог завести собаку решил...* Сходный сюжет о собаке Диева и о сотворении волка имеется в народных преданиях [LP VI, 292; PS XIII, 163—166].

582—597. *Бог, наконец, человека решил сотворить...* и далее. Сходный сюжет о создании человека имеется лишь в одном предании, записанном в 1930 г. В сотворении человека участвовали Диев и Вэлн. Диев создал человека с одним глазом, одним ухом, одной рукой и одной ногой. Вэлн добавил второй глаз, второе ухо, вторую руку и вторую ногу. И человек получился не совсем хороший и не совсем дурной [FS 724, 105, Падуре — Клд]. С этим преданием перекликается речение: «Правая нога у человека божья, левая — чертова» [LTT 13348].

611—615. *Боги и дети богов — все пошли воевать...* и далее. Этот эпизод напоминает древнегреческий миф о борьбе Зевса с титанами.

676—726. *Велей пора наступила...* и далее. В латышской народной традиции «vēlī» (в литовской мифологии — «vėlės») — одно из названий душ умерших людей. Велями правит Матерь велей (у литовцев — Vėliuona). Она же умерщвляет живых людей. В старину верили, что «в пору велей» души умерших навещают живущих. «Пора велей» приходилась на осень, обычно на октябрь (в связи с этим октябрь в старину звался «месяцем велей»). В овинах, банях, жилых помещениях устраивались угощения для велей, чтобы добиться их расположения, и гадания. В рассматриваемом эпизоде «Лач-

плесиса» отражен обряд угощения велей. Одно из четверостиший песни, которую поет Лаймдота с другими девушками перед угощением велей,— народная обрядовая песня:

Аугшлечите, Землечите!²
Закатись в корзиночку,
Отдохни в корзинке с шерстью,
В камышовом креслице!

Указание на то, что первая строфа песни Лаймдоты представляет собой народную песню, имеется в «Пояснениях» Пумпура к «Лачплесису». Четверостишие об «Аугшлечите, Землечите» Пумпур приводит как народную песню в стихотворении «Наши народные песни» (1870) и в своих воспоминаниях (1890). В изданиях фольклорных материалов имеются пять вариантов этой песни [LP VI, 47, Вестиена — Мд, сказ. Ю. Озолинь, 70 лет; Tdz 55097; 55097, 1; 55098]. Один из них [Tdz 55097, 1, Силаяни — Рз], если не считать диалектных отличий, полностью соответствует четверостишию, приведенному в эпосе. В «Лачплесисе» эту песню поют, призывая на угощение Мать велей. Именно в такой связи Пумпур вспоминает эту народную песню и в своих автобиографических записках. По сведениям сборника А. Лерхиса-Пушкайтиса, в Вестиене (Мд) подобную песню, напротив, поют по окончании поры велей — выпроваживая их.

В изображении вечера велей в «Лачплесисе» почти все детали полностью отвечают народным традициям (место, избранное для угощения велей,— рига, украшение и приготовление помещения и кушаний, приглашение Матери велей, ворожба, «вкусные еды» велями и т. п.) [см. LP VI, 47; LP VII, 1, 280—295, Мазсалаца — Влм, зап. ок. 1891 г.; LTT 32488]. Создавая эпизод угощения велей в «Лачплесисе», Пумпур основывался на наблюдениях детства и юношества, об этом можно судить по отрывку из его автобиографических записок о праздновании ночи велей в Лиельюмправе в середине XIX в. (отрывок опубликован лишь в пересказе составителя собрания сочинений Пумпура Ю. Калниня). См. «Andreja Pumpura raksti», K. Bērziņa apgādībā, Rīgā, 1912, стр. X, XLIX—L.

684—686. Рига всегда была местом любимым всяких домашних Духов. В яме под печкой гномы гнездились. За печкой жил Домовой (в оригинале: За печкой жил Циемниек). Еще в первой половине XIX в. среди латышских крестьян была распространена вера в особое домашнее божество, которое чаще всего называли Mājas kungs — Домашний барин (букв. «Господин над домом», близко по смыслу к русск. «Домовой»). По народным суевериям, это божество домашнего очага может жить в разных местах, в том числе в печи, за печью или на печи [LTT 19322—19347]. В записи, сделанной в Латгалии, говорится о Хозяине риги, который всегда живет в риге и в честь которого с окончанием молотбы едят и пьют на печи [LTT 25530]. О том, что домашнее божество где-либо в Латвии называется гномом, как в «Лачплесисе», сведений нет. Гномы упоминаются в некоторых латышских преданиях. Это маленькие человечки, ко-

² Augšlēcīte, Zemlēcīte (латыш.) — букв. «Высокопрыгающая», «Низкопрыгающая» (по объяснению А. Лерхиса-Пушкайтиса, речь идет о жабе; считалось, что она приносит богатство).

торые выходят из-под земли и по ночам помогают людям [см. PS XIII, 296; LTT 4581]. Циемниека как литовское божество домашнего очага упоминают М. Стрыйковский, Я. Ласицкий. У них это имя заимствовал Я. Ланге, а у него — Г. Фр. Стендер. Сведений о Циемниеке в надежных латышских мифологических источниках нет.

758 и сл. *Немец пронырливый Дитрих быстро сумел...* и далее. В обращении в христианскую веру ливского вождя Каупо и в склонении его к пособничеству захватчикам особая роль в эпосе отводится Дитриху. Этот мотив не только вытекает из общей обрисовки образа Дитриха в «Лачплесисе», но и перекликается с некоторыми историческими фактами. Прототип Дитриха в «Лачплесисе» — Теодорих из Турайды в конце XII — начале XIII в. был миссионером у турайдских ливов, т. е. там, где правил Каупо. Немецкий остзейский историк Хр. Э. Пабст считает, что именно крещение Каупо имеет в виду «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, когда говорит об «одном Торейдском (Турайдском.— Я. Р.) ливе», которого в 1191 г. первым из всех крестил Теодорих [Хрон. Лив., I, 10]. Это предположение, не имеющее впрочем достаточных оснований, разделяет и Г. Меркель в «Древних временах Лифляндии» [Меркель, 1798, стр. 323—324].

783—785. *Сам же на их корабле плыть решил он в заморские земли...* и далее. Летом 1203 г. Каупо в сопровождении Теодориха Турайдского отправился в путешествие по Германии. Они проехали «большую часть Германии» [Хрон. Лив., VII, 5], побывали у римского папы, осенью 1204 г. вернулись в ливскую землю.

897. О Дочери Севера см. прим. Л IV, 511—562.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

27—70. В рассказе о пребывании Каупо у папы использованы факты и детали из соответствующего эпизода хроники Генриха Латвийского [Хрон. Лив., VII, 6; см. также Хрон. Лив., X, 10].

75—78. *Юношей, что в Рим с собою...* и далее (в оригинале: *Юношей, которые были взяты Каупо в Неметчину, по монастырям монахам в обучение отдали*). Материал для разработки этого мотива Пумпуру дал эпизод, взятый им самим из IV части хроники Генриха Латвийского или через посредство какого-либо другого автора (в частности, Г. Меркеля). Летом 1200 г. враги созвали Каупо, Анно и других ливских вождей «на пир». Когда те собрались, враги заперли их; епископ Альберт потребовал выдачи заложников. «Боясь, что их отправят за море в Тевтонию (в Германию.— Я. Р.),— пишет хронист,— они (старейшины.— Я. Р.) представили епископу около тридцати своих сыновей, лучших, какие были на Двине и в Торейде (в Турайде.— Я. Р.)». Епископ отправился с заложниками в Германию. Возвращаясь на следующий год в ливскую землю, он оставил заложников в Германии [Хрон. Лив., IV, 4; V, 1].

Г. Меркель изображает это событие в «Ванем Иманта» и пересказывает в «Древних временах Лифляндии». В «Древних временах Лифляндии» он добавляет, что заложники воспитывались в немецких монастырях и впоследствии верно исполняли поручения епископа Альберта в Ливонии.

Исторические источники, в том числе хроника Генриха Латвийского [Хрон. Лив.,

Х, 7], позволяет предполагать, что в XIII в. в Германии действительно готовили священников и иных церковных служителей для Прибалтики из среды ее коренных жителей. Пумпур в «Лачплесисе» высказывает подобное предположение.

В эпосе говорится, что Каупо, отправляясь с Дитрихом в путешествие по Германии и в Рим, взял с собой «из своего замка» юношей [Ор III, 866]. В Германии они были отданы в монастырь, чтобы учиться «немецким премудрым наукам». Пумпур считает, что среди этих юношей был и «Знаменитый Индрикис» [Л IV, 80], т. е. Генрих Латвийский (см. прим. Л IV, 80).

Интересно, что в эпосе ничего не говорится о заложниках, нет ни малейшего указания на то, что юноши из замка Каупо едут в Неметчину по принуждению. Чем объяснить это отклонение от хроники? Думается, во-первых, тем, что данный эпизод хроники из соображений чисто композиционных воспроизводится неточно (см., например, Л IV, 395—424, обстоятельства, при которых Кокнесис попадает на немецкий корабль, плывущий в Неметчину). Во-вторых, в эпосе отмечается, что Каупо еще до своего путешествия в Германию и Рим питает иллюзорную надежду на «немецкие премудрые науки», которыми враги, алчущие богатств Балтии, согласны поделиться с его соотечественниками. Поэтому он с такой охотой посылает юношей учиться в Неметчину. В-третьих, поэт еще раз хотел показать, что среди древних жителей Латвии есть люди, стремящиеся к знаниям, только завоеватели используют это в своих целях.

80. *Латвийский Индрикис* [Ор] — автор «Хроники Ливонии» Генрих Латвийский. Хроника его (1224—1226) является одним из источников по древней истории Латвии и Эстонии. Неизвестно, кем был Генрих Латвийский — латышом или немцем. В «Лачплесисе» он латыш, получивший образование в Неметчине.

93—102. *Там, где Ридзиня впадала в Даугаву...* и далее. Рига как древнее поселение ливов и древних латышей на речке Ридзиня была известна еще до появления немецких рыцарей. В низовьях Ридзини находился торговый центр — Рига. Здесь на время или на постоянное жительство селились немецкие купцы. В начале XIII в. крестоносцы по указанию епископа Альберта (см. прим. Л IV, 104) начали строить на Ридзине немецкое поселение и возводить укрепления. Годом основания Риги принято считать 1201 год. Генрих Латвийский пишет о так называемом основании Риги в «Хронике Ливонии» [Хрон. Лив., IV, 5; V, 1]. В 1201 г. Альберт перенес епископский престол из Икшкиле (Иксуль) в Ригу. Рига становится центром экспансии против древних ливов, латышей и эстов. В эпосе правильно сказано: «И оплотом стала Рига Чужаков и хищников» [Л IV, 115—116].

98—99. *Посреди камень Встал собор...* (в оригинале: *Посреди воздвигли собор*). Имеется в виду собор св. Марии, так наз. Домский собор — бывший кафедральный собор рижского епископа (в Старой Риге), заложен в 1211 г., строительство продолжалось до 80-х годов XIII в.

104. *Епископ Альберт* — Альберт Буксгевден, рижский католический епископ. Во время его епископства развернулась экспансия против народов Прибалтики, он был фактическим организатором захвата Ливонии в первые три десятилетия XIII в. При Альберте были покорены ливы, эсты, латышские племена — латгалы, селы, началось покорение остальных латышских племен — куршей, земгалов.

Альберт Буксгевден родом из северо-западной Германии. В 1199 г. он был посвящен в епископы Ливонии и носил этот сан до своей смерти, до 1229 г.

Епископ Альберт был высшим представителем местной власти не только церковной, но, по сути дела, и военной. Ему были подчинены крестоносцы, которые появлялись в Ливонии временно, и постоянное войско «Братства Христовых рыцарей» во главе с магистром.

В эпосе Альберт не показан, но из всех упоминаний о нем [Л IV, 104; VI, 199, 234—237, 288—289, 808—819 и др.] ясно, что именно он — **главный** организатор и руководитель немецкого вторжения. Обрисован он как жестокий и непреклонный исполнитель замысла покорения и христианизации Латвии.

109—110. *Икшкиле* находится на правом берегу Даугавы, примерно в 20 км от Риги; *Саласпилс* — между Икшкиле и Ригой. Икшкильский (Иксульский) и Саласпилсский (Гольмский) каменные замки построены в 1185—1186 гг. при немецком миссионере Мейнарде. Саласпилсский замок находился на островке с позднейшим названием Мартиньсала на Даугаве. Оба замка были первыми немецкими замками в Латвии. В Икшкиле и Саласпилсе Мейнард построил и церкви. В 1186 г. бременский архиепископ Гартвиг II учредил Икшкильское епископство.

458—461. Четверостишие из песни корабельщиков «Сколотил отец мне лодку...» — народная песня [см. LD 30875].

511—562. *Вот я — Дочь Зимы!*.. и далее. У Вл. Державина — Дочь Зимы, в оригинале — *Ziemeļmeita*, т. е. Дочь Зиёмелиса (Севера, Северного ветра). Для создания этого образа Пумпур использовал латышские народные песни. В собрании латышских народных песен Кр. Барона «Латышские даины» — восемнадцать песен о Зиёмельмейте. Смысл ее образа расшифровать нелегко.

В связи с проблемой образа Дочери Севера (Зиёмелиса) в «Латышских дайнах» привлекает внимание песня о поездке на смотрины [LD 14425]. Из тридцати шести ее вариантов, записанных в разных местностях Латвии, семнадцать воспевают «бандениеков» (в одном случае «барабанщиков»), которые едут на смотрины к Дочери Зиёмелиса [LD 14425, 3; 14425, 3v; 14425, 4; 14425, 4v и др.]; *bandenieks* — работник, которому хозяин в качестве платы выделяет кусок земли.

— Вы куда же, «бандениеки»,
В шубки наряжаетесь?
— Есть у Зиёмелиса дочка,
На смотрины едем к ней.
— Вы не ездите напрасно,
Не увидеть вам ее;
Там и свой жених сыскался —
Землю в кортому берет [LD 14425, 4].

Распространенность имени Зиёмелис (оно встречается почти в половине вариантов песни) заставляет предполагать, что данный мотив в этих песнях генетически связан

с народными представлениями о Дочери Зиемелиса как об особом существе [ср. LD 31825].

Одна из версий песни о Дочери Зиемелиса (близкая к ранее указанным вариантам свадебных песен в собрании Кр. Барона) опубликована в 1938 г. в III томе «Народных песен» П. Шмидта:

Вы куда же, пареньки,
В шубки облачаетесь?
Есть у Зиемелиса дочка,
На смотрины к ней идем

[Tdz 55661, Лаубере — Pr].

Более определенно говорится о Дочери Севера в следующей народной песне:

Ладь челнок мне, батюшка,
Тки мне парус, матушка,
Сяду, в море поплыву,
На Зиемельмейту погляжу

[LD 30875, Лиезере — Мд, зап. Я. Неуман, Рукоп. собр.
Ученой комиссии Рижского латышского общества].

Именно данную латышскую народную песню Пумпур представил как мифологическую в статье 1880 г. «Об одном старом добром обычае и как он ныне извратился в латышском народе» [Rk II, 414—415].

Дочь Зиемелиса воспевается и в народном романсе, который в 1885 г. обработал для хора композитор Андрей Юрьян:

Морю нужен тонкий невод,
Белый парус — лодочке,
Плещет, плещет белый парус,
Быстро лодочка бежит,
Быстро лодочка несется
К Зиемелису самому.
Есть у Зиемелиса дочка,
На смотрины еду к ней.
Уж ты ездь иль не ездь,
Не видать тебе меня.
Лучше здесь ходить по глине,
Чем у мужа по мосткам;
Здесь и грязь-то серебрится,
А мостки — они в слезах...

(A. Jurjāns, Latviešu tautas dziesmus krājums, II,
Rīgā, 1885)

Думается, что из латышских фольклорных произведений именно песня, соответствующая типу LD 30875 (Пумпур в «Лачплесисе» включил текст этого типа в песню корабельщиков), и, возможно, романс, обработанный А. Юрьаном, послужили поэту основой для создания образа Дочери Зиемелиса (Дочери Севера). Однако в том, что Пумпур ввел этот мотив латышской песни в эпос и интерпретировал его именно так, а не иначе, серьезную роль сыграла «Калевала» (ср. образ Дочери, или Девы Севера, — один из центральных в карело-финском эпосе).

Пумпур в «Лачплесисе» сообщает, что о Дочери Севера «многие предания говорят», «корабельщики рассказывают» [Ор IV, 540—541]. Но надежных материалов об этом образе в латышских сказках и преданиях до сих пор не выявлено.

Дочь Севера в «Лачплесисе» весьма специфический образ сверхъестественного антропоморфного существа. Изображение ее отмечено предельным лаконизмом и лирической мягкостью. Героиня Пумпура возвышенна и прекрасна. Хотя отец ее поднимает бури в Северном море и сама она руководит сражениями между умершими воинами, сущность характера Дочери Севера в глубочайшем спокойствии. После исчезновения Лаймдоты охваченный терзаниями и тоской Лачплесис думает о Дочери Севера и решает поехать посмотреть на нее, чтобы обрести покой.

В характеристике героини у Пумпура мотив народных песен о Дочери Севера сливается с поверьем о сполохах [Л IV, 536—544]. По латышским народным поверьям, сполохи — это души павших воинов. Когда они бьются, возникает северное сияние. Появление сполохов — знамение войны с большим кровопролитием, мора или иной большой беды [LTT 14182—14206]. Некоторые из этих поверий записаны еще в XVII, XVIII и в первой половине XIX в. [LTT 14182—14191]. Аналогичные финно-угорские поверья использованы в эпосе Фр. Р. Крейцвальда: спутники Калевипоэга на пути к «границе мира» со страхом наблюдают за северным сиянием — за борьбой воинственных «духов северных сияний» («Калевипоэг», М., 1956, стр. 378).

Конкретная обрисовка Дочери Севера в «Лачплесисе» отличается от обрисовки ее в «Калевале». Матерью Дочери Севера в «Калевале» является Хозяйка Похьелы (Севера), которая не только занимается земледелием и скотоводством, но и великая волшебница (об имени Похьела см. Kaarle Krohn, Kalevalastudien, I, — «FF Communications», № 53, Helsinki, 1924, стр. 82). В карело-финском эпосе Дочь Севера предстает не как сверхъестественное существо, каким она является у Пумпура, а как реальный человек, наделенный лишь необычайной красотой: «всех других прекрасней» [Калевала, XIII, 5], «красота земли и моря» [Калевала, XIII, 236]. Отступление от основной линии характеристики героини имеется только в одном эпизоде — в восьмой руне [Калевала, VIII, 1—30]. Здесь образ Девы Севера приобретает фантастические черты.

Отец Зиемельмейты — Зиемелис — в оригинале «Лачплесиса» непосредственно не показан, но характеризуется в рассказе дочери или посредством описания его владений, ледяного дворца и природных явлений, происходящих, когда он пробуждается от долгого сна. Зиемелис предстает в эпосе как могучий, угрюмый исполин, владыка севера; подвластные ему ветры и бури не щадят ни один корабль, очутившийся в его царстве. Образ Зиемелиса следует рассматривать как самостоятельный, созданный Пумпуром по принципам изображения, свойственным народным сказкам и преданиям (вол-

шебные свойства, гиперболизация). Вероятно, какой-то материал дал поэту вариант песни LD 30875 и обработанный Ю. Юрьяном романс «Морю нужен тонкий невод». Зиёмелис как особое существо встречается в сказке, напечатанной впервые в 1887 г., где он помогает волку выгнать домашних животных из их лесной избушки. От его дыхания замерзает вода и снег засыпает землю [PS I, 241—242; см. также PS V, 449]. Как один из двенадцати сынов Отца ветров Зиёмелис эпизодически появляется в другой сказке [LP II, 31; см. также прим. Л I, 123].

525. *Виллайне* — принадлежность латышского женского костюма — покров, шаль, вышитая цветным гарусом, укрывающая спину и грудь, на груди или на плече скрепляется брошью — сактой.

663—678. *Пусть он землю ту, где злые Обитают сумпурни...* и далее. Сумпурни — псоглавцы. Слово «sumpurņis» — производное от «suns» — собака и «rigns» — морда. В латышских народных сказках и преданиях псоглавцы обычно обитают в лесу. Но есть варианты, говорящие о некоей земле сумпурнисов [Jkr IV, 53] или острове сумпурнисов [LP VII, 1, 996, зап. ок. 1893 г.]. Весь эпизод с описанием внешности псоглавцев, их поведения и рекомендацией, как спастись от них, полностью отвечает мотивам латышских сказок и преданий.

679—953. *А на самом крае света...* и далее. Страницам IV песни о крае земли (в переводе Вл. Державина «край света») и об алмазной горе в какой-то мере близки некоторые мотивы латышского повествовательного фольклора.

На конкретную разработку темы края земли, взятой Пумпуром из повествовательного фольклора, в большой мере повлияли латышские народные песни о Солнце (Сауле), дочерях Солнца и сыновьях Диева.

Немало параллелей и близких мотивов содержится в латышских сказках и в эпосе других народов. Сказки о чудесных странах, солнечном крае, земле изобилия, огненной земле, земле мрака, невиданных островах, алмазных и «притягивающих» горах и т. д. известны у многих народов. В указателе Ст. Томпсона имеется обширный раздел *Marvels* («Чудеса»), посвященный сказкам этого цикла (Stith Thompson, *Motiv-index of Folk-literature*, III, — «FF Communications», № 108, Helsinki, 1934, стр. 1—200). Известны древнегреческие мифы о крае земли. Некоторые элементы их содержатся в «Одиссее». В конце «Калевалы» Вейнемейнен «едет... туда, где вместе сходятся земля и небо». Тема края света занимает видное место в «Калевипоэге», где развитию ее посвящена целая песня — XVI. В разработке темы края света Пумпур в значительной мере следовал, по-видимому, латышским сказкам и поверьям. Однако само обращение к этой теме могло произойти под влиянием эпоса других народов, так как в латышском повествовательном фольклоре она не очень распространена (зафиксирована пока лишь в нескольких вариантах).

По некоторым латышским народным поверьям, земля — «большущая гладкая равнина», «плоская и круглая, как тарелка»; где-то далеко она сходится с небом [FS 876, 38; 876, 159, зап. в 1929 г.], там и находится край земли. «Там есть невидимая стена. Дойдешь до нее и дальше шагу не ступить. Что за той стеной — никто того не знает. Некоторые полагали, что там вроде ада что-то» [FS 876, 159]. Где-то далеко, говорят, есть каменная стена — «край света». Моряки рассказывают, кто на нее влезет,

«тот онемееет, лицо у него блаженное делается, и он сразу же прыгает по ту сторону» [FS 876, 560, зап. в 1929 г.].

Мотивы края света или края земли известны нам в следующих латышских сказках: FS 41, 1148, зап. в 1927 г.; 548, 2164; 648, 286, зап. в 1928 г.; LP II, 1—2; IV, 17—18; PS X, 141. В трех из этих вариантов [FS 41, 1148; 648, 286; LP II, 1—2] край света — высокая каменная стена — обнаруживается во время плавания на корабле. За стеной находится рай [FS 648, 286]. В другой сказке два брата отправляются искать край света. На краю света находятся ад, чистилище и рай [FS 548, 2164]. С этим переключаются строки эпоса:

Там врата небес, и там же
Пекло отверзается [Л IV, 865—866].

В героической сказке [LP IV, 17—18] богатырь по ветвям огромного дерева взбирается до облаков. Ступая по облакам так же, как по земле, он достигает места, где облака сходятся с землей. Герой спускается на землю и приходит домой. Край земли упоминается и в латышской народной песне, впервые напечатанной в сборниках Г. Ф. Бютнера (1844) и А. Биленштейна (1875):

Выплывали из моря
Два чалых коня;
На одном — попона звездная,
У другого — звездная уздечка.
Они знали край земли,
Дно морское они знали.

(«Latviešu ļaužu dziesmas und ziņģes», Jelgavā, 1844,
№ 2238, Тирза — Мд).

В «Латышских дайнах» имеется еще один вариант этой песни [LD 33874v], который незначительно отличается от предыдущего [33874].

В «Лачплесисе» край земли описан как обитель богов — сыновей Перкона, Солнца, дочерей Солнца, сыновей Диева — и счастливых людей. Это одновременно Восток, сказочное восточное царство, прославляемое в данной части эпоса Пумпура. Изображая Восток, Пумпур обращался к мотивам народных песен о Солнце, о «золотом яблоке», которое «бросают», «катают» Солнце и сыновья Диева; две песни он использовал текстуально, варьируя их [ср. LD 33878; 33944]. Как развитие мотива «золотого яблока», которое бросают небесные божества [LD 33815; 34031], появились в эпосе строки о золотых садах Солнца. На развитии темы сказочного Востока в произведении Пумпура сказалась распространенная в то время в латышской мифологии версия о Востоке как о некоей «святой земле», «чудесной земле», обители Солнца и Месяца. Подобные высказывания о «Восточной земле» встречаются в приложении к «Латышской грамматике» Г. Фр. Стендера, в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля и др., основываются они на преувеличении значения некоторых фактов латышской мифо-

логии, произвольной их комбинации и на ошибочной этимологии (G. Fr. Stender, *Lettische Grammatik*, стр. 261; Меркель, 1798, 38, 138—140). Известно, что у латышской народной традиции имеется божество утренней зари Аустра (см. прим. Л I, 33—34), но материалов, подтверждающих особое мифологическое значение восточной части неба, нет. Возвеличивание Востока в эпосе вызвано, несомненно, и глубокими дружественными чувствами Пумпура и всего латышского народа к русскому народу, стремлениями прогрессивного латышского общества установить еще более тесные отношения между обоими народами.

В свете изложенных замечаний становится понятнее, почему Пумпур изображает Восток как первоначальную родину латышского народа (см. прим. Л III, 438—457).

685—696. *Небо там стоит так низко, что рукой дотянешься...* и далее. Сходный мотив встречается в легенде, впервые напечатанной в «Латышских сказках и преданиях» П. Шмидта: «В старину один солдат пришел со службы и рассказывал, что был он на Кавказе. Там есть такие высокие горы, что женщины, кончив колотить белье, вальки за облака суют» [PS XV, 266]. Записала это А. Миезере в Сауке (Ек) «от старого солдата».

771—856. *...к области псоглавцев Волей волн прибило их...* и далее. Эпизод сходен с преданием [LP VII, I, 996], где люди в бурю попадают на остров псоглавцев. В эстонском эпосе герой также попадает в землю собакоподобных существ, но они характеризуются иначе, чем латышские сumpури («Калевипоэг», М., 1956, стр. 378—379). По эстонским народным поверьям, эти существа стерегут подходы к краю земли. Ситуация с людоедами-псоглавцами, заваливающими вход в пещеру, где укрылся Лачплесис, напоминает сходный эпизод древнегреческого эпоса — Одиссей в пещере циклопа. Аналогичный вариант имеется и в записях латышских сказок [PS XI, 192—193; ср. LP II, 1—2]; правда, в ходе его изучения была высказана мысль, что вариант этот создан под книжным влиянием [PS XI, 192—193; «Filologu biedrības raksti», XVII, Rīgā, 1937]. Есть все основания полагать, что рассказ Пумпура о Лачплесисе в пещере псоглавцев написан в значительной мере под воздействием «Одиссеи».

915—953. *К берегам горы алмазной Их корабль приблизился...* и далее. В данном эпизоде рассказывается о приключениях Лачплесиса и его спутников близ громадной алмазной горы за краем неба и земли. Сходные мотивы содержатся в некоторых сказках о крае света [LP II, 1—2; FS 41, 1148; 648, 286], но вместо алмазной горы в них фигурирует высокая каменная стена.

963—972. *Витязь понял: это остров, Что с чудесной силою Корабли притягивает...* и далее. Мотиву из «Лачплесиса» о зачарованном острове, притягивающем суда, в латышских сказках установлены лишь очень отдаленные параллели [LP IV, 201—203].

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

7—9. *В море ветры, бури подымала И угнала судно витязя В ледяное Северное море* (см. также Л V, 395—398). Здесь использованы распространенные в прошлом народные поверья о ведьмах, которые умеют вызывать ветер и бурю, метель и град [LP VII, I, 662—663].

27—40. Из леса в море Мост высокий переброшен был... и далее. В сказке богатырь с товарищами выходит к широкой реке, через которую перекинут большой мост. За мостом — замок с могучими воротами или корчма [LP VI, 463; PS II, 51 и др.]. В других вариантах замок стоит посередине реки [LP VI, 483, 545]: «В этом замке не было ни одного человека, а все равно все было прибрано и ухожено — кони в стойле накормлены, вычищены, столы в комнатах накрыты, постели взбиты — все как следует быть. Замок со всех сторон омывала река, через которую был перекинут красивый мост» [LP VI, 483]. Согласно сказке, замок этот принадлежит черту.

53—54. Взял тогда свое оружие витязь, Стал на страже на крутом мосту. В основе рассказа о борьбе Лачплесиса с йодами лежит сказочный сюжет. По указателю Аарне — Томпсона он соответствует № 300 А, но встречаются контаминации и со сказками другого типа [см. LP VI, 464—466, зап. М. Арон в 70-х годах XIX в.; 478—480, зап. П. Витолинь в 1889 г.; 483—485, 545—547; PS II, 46—50, зап. ок. 1923 г.; 50—58, зап. ок. 1895 г.]. Поэт едва ли воспользовался каким-то одним текстом сказки. В изложении чувствуется хорошее знание сказки, умение разобраться в ее акцентах, великолепное чувство колорита. Все это заставляет думать, что Пумпур слышал сказку не единожды и все ее особенности воспринял органично.

Вместо характерного для соответствующих сказок «Черта» в V песне фигурирует «Йод» (см. прим. Л II, 285).

Фазы борьбы Лачплесиса и отдельные мотивы в той или иной мере соответствуют латышским народным сказкам. В «Лачплесисе» борьба героя с йодами, или чертями, у моста тоже длится три ночи подряд, тяжесть ее последовательно возрастает. На третью ночь, отправляясь к мосту, богатырь оставляет товарищам какой-нибудь предмет (стакан с водой, платок и т. д.), который способен дать знать, что герой нуждается в помощи. Сходно описывается облик многоглавого йода, его появление (он едет на коне), поведение его коня при приближении к мосту (йод поносит своего коня, ему отвечает богатырь), начало состязания, его ход (йод предлагает сдуть окрестный лес, чтобы образовалось открытое место для ристалища, и дует первым; йод вгоняет героя в землю по колено или по пояс и т. д.). На третью ночь товарищи героя спят крепким сном, и ему приходится бросить какой-нибудь предмет в дом, чтобы они проснулись и увидели знак, призывающий их на подмогу. С помощью друзей герой побеждает йода. Старая колдунья, мать убитых йодов, превращается в колодец, Спидала (в сказках: дочери, сестры или жены чертей — ведьмы) — в яблоню. Но герой эпоса Пумпура не дает товарищам испить воды из этого колодца и съесть яблоки с этой яблони, он рубит «колодец», т. е. мать йодов (в сказке — и остальных ведьм), и расправляется с заколдованной яблоней [ср. LP VI, 464—466, 478—480, 483—485, 545—547; PS II, 46—54].

Поэт кое-что варьирует, но по большей части остается в пределах традиционного повествования, только делает его более ярким, акцентирует самое важное, отбрасывает лишнее, концентрирует действие. Борьба Лачплесиса происходит на морском острове, в отличие от вариантов сказки, где богатырь расправляется с чертями «на материке». В латышском фольклоре имеются, правда, сказки о борьбе с чертями на морском острове, но сюжет их совсем другой, не имеющий отношения к сюжету

эпоса [LP VI, 549, зап. в 70-х годах XIX в.; PS II, 123—125]. Сильно видоизменен мотив с яблоней-ведьмой: в сказке богатырь уничтожает яблоню, в эпосе Спидала откачивается от колдовства, от связи с силами тьмы и тем самым спасает себя.

553. *Мать морей* (в оригинале: *Матерь моря*) — латышское божество моря, упоминается в народных песнях [LD 30772—30775; 30910], в заговорах [Латв. бур., I, 352, 388] и редко в сказках [LP VII, 1, 641—642, зап. ок. 1901 г.; PS III, 390—392, зап. ок. 1891 г.].

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

I и сл. В начале VI песни изображается Янов праздник как древний латышский обычай, который существовал еще до распространения в Латвии христианства. Взгляд этот на Янов праздник в историческом отношении оправдан: хотя Янов день по времени (24 июня) и названию совпадает с днем христианского святого Иоанна Крестителя, образ Яниса в латышских песнях и обряды, с ним связанные, не объясняются влиянием христианской церкви, и следует полагать, что этот языческий культ существовал еще до появления немцев в Латвии. Янов день — праздник летнего солнцестояния и плодородия в старину был тесно связан с календарем земледельческих работ. Фактически он означал окончание весенних работ и начало летних; магическая цель этого праздника — подготовка с помощью определенного ритуала к уборке будущего урожая.

День накануне Янова праздника назывался Травный день (*Zāļu diena*), а ночь — Янова ночь. В Травный день рвали разные растения, вили из трав, цветов и дубовых листьев венки, украшали ими комнаты, клетки, ульи, коров и т. д. С наступлением сумерек начинали петь песни («Яновы песни»). В песнях воспевался Янис, высмеивались лентяи, прославлялись усердные работники. Янис предстал в них как некое живое существо, персонифицирующее плодородие. После каждого стиха в «Яновых песнях» следует своеобразный рефрен — восклицание «Лиго, Лиго!» (см. об этом ниже), поэтому исполнение этих песен называется «лигование» (*līgošana*), а исполнители — «лиготайи» (*līgotāji*). Вечером все домочадцы с песнями возлагали на голову хозяина дома — «Янова батюшки» — дубовый венок, а на хозяйку — «Янову матушку» — венок из цветов и трав. Затем все шли в поле и с песнями обходили сады, огороды, нивы, луга; в садах и полях втыкали в землю раскидистые ветви. Празднование продолжалось — «лиготайи», или «Яновы дети», с травами и цветами шли петь к соседям, где им подносили пиво, угощали лепешками и сыром. Так они обходили одну усадьбу за другой. Люди, живущие по соседству, собирались вместе, обычно на каком-нибудь холме, и там, на высокой жерди или на дереве, разжигали огонь. Собравшись вокруг огня, пели, танцевали. Иногда разводили костер и прыгали через него.

Все эти действия, так же, как и «лигование», были связаны с народными представлениями о том, что именно таким образом можно призвать благодать на луга, поля, сады, скот, умножить плоды своих трудов.

Со временем такие действия, как плетение венков, разжигание огня, «лигование» постепенно утратили свой первоначальный магический смысл и приобрели чисто увеселительный характер.

Многие встречавшиеся у латышей обряды и поверья, связанные с Яновым днем (плетение венка, разведение огня на возвышениях, некоторые заговоры, верования, связанные с цветком папоротника и др.), известны и другим народам — русским, белорусам, полякам, эстонцам, литовцам, немцам и др. (См. Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1938, стр. 152—153; В. И. Чичеров, Русское народное творчество, М., 1959, стр. 378; «Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens», Bd IV, Berlin und Leipzig, 1931—1932, стр. 709—739.) Однако обширный песенный цикл, связанный с мифологическим Янисом, и «лигование» присущи именно латышским традициям.

Янов день был самым большим календарным праздником у латышей. С ним связано такое количество народных песен, как ни с одним другим праздником. Описания Янова дня даются во многих произведениях латышской классической литературы.

В начале VI песни «Лачплесиса» фигурируют многие элементы празднования Янова дня, упоминаются традиционные обряды (разведение праздничных огней, «лигование» и т. д.). Использованы «Яновы песни» и фрагменты из них. Для Пумпура Янов день — праздник плодородия, который отмечают с приходом лета [Л VI, 5—51]. Кроме того, автор подчеркивает момент любовной игры среди молодых людей и, следуя изображению Яновой ночи у Г. Меркеля, считает древнелатышский Янов день праздником согласия и содружества [Меркель, 1798, 162, 170—171; Меркель, 1802, 13, 14].

Интересно, что Пумпур ни в VI песне, ни вообще в «Лачплесисе» не приводит имени Яниса, зато воспекает Лиго. Если в I и III песнях Лиго предстает как бог латышской песни вообще, то в VI песне под Лиго фактически понимается Янис. Слово «Лиго» поэт употребляет как имя божества и пишет с прописной буквы [Л VI, 31—69].

Изображая древнелатышский праздник, Пумпур избегал, очевидно, употреблять имя Янис потому, что считал его более поздним, христианским именем, которое вытеснило имя древнего божества, каким якобы являлся Лиго. Именно такой взгляд высказал Г. Меркель в «Древних временах Лифляндии». Меркель говорил, что монахи старались приспособить древний праздник «северного Амура» к чествованию Иоанна Крестителя, в связи с чем в латышские народные песни и вошло имя этого библейского лица; но в повторах, завершающих каждый стих песен, сохранилось имя древнего божества (Лиго) [Меркель, 1798, 162, 170—174]. Исходя из этого представления, Г. Меркель при описании Яновой ночи в «Ванем Иманта» оперирует только именем Лиго (см. также прим. Л I, 25).

Мнение о том, что у древних латышей существовал культ некоего божества Лиго, было признано несостоятельным в результате критического изучения латышской мифологии [Латв. мит., 66—68]. Выказано предположение, что восклицание «лиго!» является повелительной формой глагола «ligot» (лит. «linguoti») — качаться, колышаться и обозначает движение солнца, его покачивание, вращение [Мюленбах-Эндзелин, II, 484; Латв. мит., 89, 91]; примечательно, что есть ряд народных песен, где «ligot» используется именно для обозначения солнечного движения [LD 26640; 33201 и др.]. Проблема имени Янис — появилось ли оно в календарной обрядовой поэзии в резуль-

тате заимствования названия христианского праздника или каким-нибудь другим путем — пока еще не разрешена.

1—2. *Раз в году приходит Лиго Гостем в край детей своих* (в оригинале: *Раз в году приходит Лиго На своих детей взглянуть*). Эти строки, за исключением имени, совпадают с популярным двустихием из народной песни Янова цикла: «Раз в году приходит Янис На своих детей взглянуть» [LD 32938 v].

7. *Праздник Лиго, полночь Лиго*. В оригинале VI песни трижды употреблено понятие «ночь Лиги» [Op VI, 7, 19, 118] вместо понятия «Янова ночь». Чем это вызвано? В статье Фр. Малберга о происхождении латышского народа и его древней религии (газ. «Маяс виесис», 1856, №№ 6—7), в работах этнографического характера и в художественной литературе второй половины XIX в. нередко упоминается неизвестная в народной мифологии «латышская богиня» Лига (ср. божество Лиго у Г. Меркеля). Ю. Алуан в стихотворении «Праздник богини Лиги» (ок. 1848 г.) называет Янов день днем Лиги, а Фр. Малберг в эпосе «Стабураг и Лиесма» Травный вечер — вечером Лиги. Аусеклис (в «Письмах из Лиелварде», 1873), описывая празднование Янова дня в Лиелварде, называет его праздником Лиги. Пумпур вводит в эпос не только бога Лиго, но и (в случаях с «ночью Лиги») богиню Лигу. Лига в значении божества упоминается и в некоторых стихах Пумпура [Rk I, 269, 282, 297].

9—30. *Как костры пылали ярко...* и далее. В данном описании чувствуется некоторое влияние мотивов «Ванем Иманта» Г. Меркеля [ср. Меркель, 1802, 5—15].

10. *Синяя гора* (Zilais kalns). В «Лачплесисе» говорится, что древние латыши устраивают праздник Лиго, празднуют ночь Лиги на Синей горе — «пред лицом богов своих» [Л VI, 94—97]. Здесь Пумпур полностью следует за «Ванем Иманта» Г. Меркеля, где этот праздник также происходит на Синей горе. Синяя гора часто воспевалась в латышской литературе, особенно во второй половине XIX в.

Горы или группы холмов с подобным названием встречаются в разных местах Латвии. В преданиях есть несколько попыток объяснить возникновение этого названия; в некоторых из преданий указывается, что данная гора, или горы, как будто подернуты синей дымкой, туманом, и приводится сказочное объяснение этого явления [PS XV, 467; «Teikas par Dievu», Rīgā, 1929, стр. 98—99 и др.]. Из всех Синих гор самой примечательной является гора в северной Видземе (Валмиерский р-н, Муйяны, неподалеку от границы с Эстонской ССР). Некогда эта гора считалась священной и была широко известна благодаря источнику, которому приписывались целебные свойства. В роще на горе нельзя было сломать ни веточки. На эту гору в Травный вечер съезжались из отдаленных мест крестьяне на празднование Янова дня. Из-за испарений, поднимающихся от окрестных болот, издали кажется, будто вершина горы окутана синей дымкой. Именно эта гора вдохновила Г. Меркеля в «Ванем Иманта» [Меркель, 1798, 5]. Произведение Г. Меркеля, несомненно, один из главных литературных источников, которые стимулировали изображение Синей горы в произведениях Аусеклиса и Пумпура. Сильно переоценивая значение Синей горы, Аусеклис в статье «О пении у латышей» (1873) приравнивает празднование Янова дня на этой горе в старину к древнегреческим Олимпийским играм; им создана ода «В честь Синей горы». Синяя гора в Муйянах явилась, несомненно, «прототипом» Синей горы в «Лачплесисе».

В эпосе Пумпура указывается, что на Синей горе накануне Янова дня собирается «весь народ» [Op VI, 95—96], на празднество являются племенные вожди из далеких областей Латвии [Л VI, 132—135, 348—369]. Возможно, это преувеличение объясняется не только сказочным стилем эпоса, художественной гиперболизацией подлинного этнографического факта, но и распространенным в то время — во второй половине XIX в. — среди латышских литераторов представлением о Синей горе в Валмиерском р-не как об общем для всех латышей месте празднования Янова дня.

11. *Как рога трубили звонко* (в оригинале: *Лигусоны трубили в рога*). Лигусоны (см. также Л VI, 24, 76) наряду с вайделотами — одно из названий древнелатышских жрецов в «Лачплесисе». Если вайделоты как жрецы упоминаются в эпосе в разных случаях — в эпизодах празднования Янова дня [Л VI 76, 80, 334], свадьбы Лачплесиса и Кокнесиса [Л VI, 450], то лигусоны встречаются только при описании Яновой ночи. Лигусоны (Ligaschones) фигурируют в договоре Немецкого ордена с древними пруссами в 1249 г.; судя по этому договору, лигусоны у пруссов были «чем-то вроде жрецов» (*quasi gentiliū sacerdotes*); они прославляли на похоронах жизнь и деяния умерших (Wilhelm Mannhardt, *Letto-Preussische Götterlehre*, Riga, 1936, стр. 42). П. Шмидт толкует лигусонов как сословие исполнителей причитаний на похоронах у древних пруссов [Латв. мит., 52]. Г. Меркель, Фр. Малберг и др. необоснованно перенесли обозначаемых этим словом служителей культа у древних пруссов в латышскую мифологию, характеризуя их как древнелатышских жрецов. В «Ванем Иманта» Г. Меркеля лигусоны предстают в картинах празднования дня Яниса. У Карла Зариня (К. Миллера — «Балтияс вестнесис», 1872, № 47) они являются жрецами Лиги. И в «Лачплесисе» лигусоны предстают как жрецы Лиго или Лиги.

24. См. прим. Л VI, 11.

37—42. *На коне своем красивом...* и далее. Использована, в несколько измененном виде, одна из популярнейших песен Янова цикла [ср. LD 32560, 5v; 32560, 6; 32560, 7].

61—63. *Навести в зеленых селах, Лиго, Лиго, Детушек своих веселых, Лиго!* Вариация двуступища народной песни о Янисе [ср. LD 32937].

70—131. *А когда той песни звуки...* и далее. Картина празднования Яновой ночи перекликается с изображением этого празднества в «Ванем Иманта» и в «Древних временах Лифляндии» Г. Меркеля [ср. Меркель, 1802, 9—12; Меркель, 1798, 170—173].

142—143. *В знаках рун они читали Черные пророчества* (в оригинале: *Руны на бирках, которые читали в роще, предсказывали недоброе*). Здесь говорится о гаданиях с помощью рунических письмен. Руны — особые германские древние письмена на основе латинского и греческого алфавитов. Они вырезались или выцарапывались на дереве, кости, металле, высекались на камне, ими покрывались керамические изделия. Руны, особенно в начальной стадии развития, служили в большой мере магическими знаками, позднее они использовались для записи исторических событий, для надписей на надгробных камнях. На бирках — круглых или граненых палочках — обозначался в старину (с помощью зарубок или римских цифр) размер задолженности. Бирки были распространены как в Латвии, так и во многих других странах. Не ясно, имеются ли в виду у Пумпура бирки или деревья священной рощи с руническими

письменами. Рунические письма трактуются в эпосе совершенно правильно (с точки зрения истории культуры) — как магические знаки.

У древних латышей имелись также орнаментальные магические знаки (см. прим. Л II, 109, 113), которые, однако, не следует смешивать с руническим письмом. Нет доказательств, что древние латыши знали или понимали руническое письмо, хотя такая возможность не исключена.

149 и сл. *Вести он поведал им...* и далее. Ситуация с гонцом, который сообщает в Янову ночь латышам о нашествии крестоносцев и их злодеяниях, взята из «Ванем Иманта» Г. Меркеля [ср. Меркель, 1802, 22—48].

196—201. *От отряда отделился Некий рыцарь...* и далее. Подразумевается вассал епископа Альберта Даниил, которому епископ в 1201 г. дал в лен земли Лиелвардских ливов (см. прим. Л II, 8) [Хрон. Лив. V, 1]. В «Лачплесисе» этот ленник зовется Даниел Баннеров. В хронике Генриха Латвийского встречается только «Даниил». Баннеров — позднейшая интерполяция в одной из рукописей хроники XVI в. Именем Даниил Баннеров пользуется и Г. Меркель в историко-этнографическом очерке «Древние времена Лифляндии» и в «Ванем Иманта». В «Ванем Иманта» Даниил обрисован как человек, вероломно нарушающий данные обещания, и именуется «трусливым убийцей».

В Лиелварде Даниил поселился не раньше 1206 г.; деревянный замок лиелвардских ливов немцы сожгли во время одной из акций епископа Альберта (1205 г.), еще до появления Даниила (в эпосе его сжигает Даниел — Л VI, 216—219).

В 1212 г. во время восстания ливов и аутинских латгалов Даниил из Лиелварде нанес удар ливам своей округи — заточил всех их старейшин [Хрон. Лив., XVI, 3]. Хроника приводит также сведения о его интригах против Кокнесского (Кукенойского) князя Вячко (1206 г.) [Хрон. Лив., XI, 8].

208—215. *Жителей в селеньях ваших Обложу я податью...* и далее. В оригинале о податях, налагаемых Даниелом, сказано: «Он возьмет себе с хозяйства Десятую часть И для своих пастырей „Пуод“ всяких злаков — „Пуод“ с каждой сохи В их пользу». В покоренных областях немцы облагали латышей и ливов податями — так наз. десятиной или мерой зерна (mensura) с каждой пашущей лошади и сохи [см. Хрон. Лив., II, 7; X, 13; XV, 5; ср. Хрон. лив., XVIII, 3]. Десятина была больше подати с сохи. Первый вид подати со вторым не сочетался (как изображается в «Лачплесисе»).

В эпосе мерой подати с сохи является «пуод», содержащий ок. 8 кг. В действительности мера была куда больше (так, по данным хроники, ливы в Лиелварде платили Даниилу полталанта, т. е. примерно ок. 80 кг ржи с сохи).

224. *Гауя* — одна из самых больших рек в Латвийской ССР. Течет по территории Видземе, впадает в Рижский залив севернее устья Даугавы (в 18 км). Гауя очень извилиста (длина ее в несколько раз превышает расстояние между истоком и устьем по прямой).

В «Лачплесисе» на берегах Гаун происходят некоторые эпизоды борьбы древних латышей и ливов с немецкими рыцарями.

225—233. *Дабрелис* (в хронике Генриха Латвийского — Дабрел, Дабрелис, До-

бред) — один из племенных вождей ливов, живших на Гауе в начале XIII в. Его замок Сатезеле находился в южной части Гауи, примерно в 48,5 км от Риги. Место расположения замка — так наз. Ливские шанцы, или Ливская гора, примерно в 1 км от Гауи, несколько выше современной Сигулды. Севернее Гауи, напротив Сатезеле, был замок ливского вождя Каупо.

Есть основание считать, что Дабрелис, владыка Сатезельского ливского замка, был по национальности не ливом, а латышом: имя Дабрелис не ливское, по корневой основе оно явно балтийского происхождения (см. «Filologu biedrības raksti», Rīgā, 1923, стр. 5).

В 1206 г. во время похода епископа Альберта против ливов, обитавших в нижней части Гауи, враги осадили и Сатезельский замок. По словам хрониста, защитники его храбро сопротивлялись. «Дабрел, их старейшина, — пишет хронист, — ободрял их и поддерживал» [Хрон. Лив., X, 10]. Врагам пришлось отступить. Но обстановка менялась не в пользу ливов, и в том же 1206 г. сатезельцы, не видя другого выхода, приняли крещение. В 1210 г. Дабрелис уже участвует в крестовом походе против эстов. Участие это следует рассматривать скорее как результат принуждения со стороны немцев, нежели как добровольный акт. В 1211 г. Дабрелис умирает от чумы, которая вспыхнула в Видземе и в Эстонии.

В «Лачплесисе», насколько можно судить, Дабрелис представлен вождем латышей [см. Л VI, 529—560; Ор VI, 227—236]. Обрисован он как пламенный патриот, борец с крестоносцами.

234—285. *Но епископ Рижский Альберт...* и далее. В эпосе говорится, что после того как немецкие рыцари захватили ряд латышских и ливских земель, в замке Дабрелиса на Гауе собрались со своими войсками «несколько латышских вождей», чтобы «совместно с ливами» [Ор] оказать сопротивление врагу. Войско епископа окружило замок, и началась ожесточенная борьба на «много дней и месяцев».

Некоторые факты и ситуации для этого эпизода дали страницы хроники Генриха Латвийского о восстании ливов и аутинских латгалов (из окрестностей Цесиса) осенью 1212 г. Непосредственной причиной восстания был произвол, чинимый представителями ордена. Восстали Сатезеле и часть ливов с другого берега Гауи совместно с латгалами, собравшимися в замке. Войска епископа и ордена осадили Сатезеле; с ними были и те ливы, которые остались покорными завоевателям. Надо думать, принимал участие в осаде и отщепенец Каупо (как изображается и в «Лачплесисе»), хотя в хронике об этом ничего не говорится. После многодневной ожесточенной осады, при которой использовались машины для метания тяжелых камней и другие осадные орудия, восстание было подавлено.

Во время боя в замке был убит стрелой один из латгальских вождей — Русинь, в тот момент, когда он снял свой шлем и перегнулся через край укрепления, чтобы говорить с комтуром Цесисского (Венденского) орденового замка (в «Лачплесисе» эпизод этот использован в VI песне — 257—267, правда, здесь Русинь делает попытку объясниться с Каупо).

Пумпур использовал исторические материалы о подавлении восстания, однако кое в чем отступил от истории, стремясь особо подчеркнуть героизм и несокрушимость

восставших борцов. Если по историческим сведениям защитники Сатезеле после героического сопротивления капитулировали перед превосходящими силами противника, то в «Лачплесисе» они сражаются, пока почти все не находят смерть [Л VI, 282—285]. Одним из вождей восставших изображен в «Лачплесисе» Дабрелис. Подобная характеристика Дабрелиса соответствует его роли в защите Сатезеле в 1206 г. Однако во время событий 1212 г., которые, по сути, взяты Пумпуром за основу при создании отрывка Л VI, 233—285, Дабрелиса в Сатезеле не было (см. прим. Л VI, 225—233).

258 *Русинь* (в хронике Генриха Латвийского — *Russinus*) — предводитель латгалов из замка Сотекле, неподалеку от Цесиса. В хронике Генриха Латвийского упоминается впервые за 1208 год. Представителям ордена удалось вовлечь Русиня в союз против эстов, и он принял участие в ряде немецких походов в Эстонию. Но в 1212 г. Русинь оказался среди сатезельских борцов против сил епископа и ордена. Он был одним из мятежных вождей, возможно даже главным среди них.

366. *Талвалд* (*Талвалдис* или *Таливалдис*; букв. значение имени — «Далеко простирающий свою власть»), в эпосе латышский племенной вождь, соратник Лачплесиса по борьбе с немецкими рыцарями [Л VI, 664—677].

В древний период истории Латвии такое имя носил один из предводителей древних латгалов, старейшина Талавы — Таливалдис (в хронике Генриха Латвийского — *Thalibaldus*, *Talibaldus*). Нет никаких сведений о том, что Таливалдис когда-либо принимал участие в борьбе с немцами.

В 1208 г. крестоносцам удалось натравить латгалов на эстов, и Таливалдис выступил против эстов в военном союзе с немецкими рыцарями. В 1214 г. сыновья Таливалдиса признали власть Рижского епископа Альберта и стали его вассалами. Умер Таливалдис в 1215 г.

Следовательно, у Таливалдиса в «Лачплесисе» и исторического правителя Талавы общими являются лишь имена и место деятельности (территория Видземе). В эпосе, где Таливалдис характеризуется как борец против иноземной агрессии, образ исторического Таливалдиса идеализирован.

374—475. В эпизоде свадьбы Лачплесиса и Лаймдоты, Кокнесиса и Спидалы воспроизводятся латышские народные обряды, тексты шести народных песен со свадебной и молодежно-игровой тематикой.

Надо думать, что Пумпур довольно хорошо знал обряды Лиельюмправы и Лиелварде, известно, что он считал себя компетентным написать об этом очерк (см. приложение «Народные тексты» в данном томе, стр. 336). Свадебные обряды Пумпур наблюдал и в других местах Видземе, например, в Пиебалге. Можно, однако, не сомневаться, что при описании свадеб в VI песне «Лачплесиса» хотя бы частично воспроизводятся традиционные ритуалы особенно близких поэту Лиельюмправы и Лиелварде.

В этой связи интересно отметить, что некоторые из использованных в эпосе песен свадебного цикла в «Латышских дайнах» Кр. Барона ближе всего к вариантам Лиелвардской волости.

Церемониал старинной латышской свадьбы весьма обширен, и поэт, естественно, отобрал для изображения в эпосе лишь наиболее характерные моменты действия.

374—377. *Что сидишь ты, мой венок, Криво на головушке...* — народная песня, ср. LD 8499. Имеет очень много вариантов; 8499, 6v — из Лиелварде.

378—381. *Как носила я венок...* — народная песня родильного и свадебного циклов, ср. LD 1071 — Лиельюмправа; LD 24540 — пять вариантов: три из Лиелварде, два из других мест бывшего Рижского уезда.

382—385. *Милый, в клетки камышовой Гвоздь забей серебряный...* — народная свадебная песня. В «Латышских дайнах» есть большое число ее вариантов [LD 24618 и вар.] из различных местностей Латвии, но такой, как в Л VI, 382—385, только один [LD 24618, 14], и именно он — из Лиелварде.

386—389. *Скачут молодцы чужие...* — народная свадебная песня. В «Латышских дайнах» имеются варианты из различных волостей [LD 18993 и вар.], но самый близкий [LD 18993, 2v] — из Лиелварде.

390—393. *Скакуны под ними пляшут, На дыбы взвиваются...* (в оригинале: *Глянь, где статные воины, Мои милые родичи! Мечами ворота отпирают, На дыбы коней вздымают*) — народная песня свадебного цикла [ср. LD 19030 и вар.]. В старинных свадебных традициях видное место занимал обряд похищения, или умыкания, невесты. В соответствии с последним свадьба в старину называлась *vedības*, от глагола *vest* — везти, увозить; родные и близкие жениха — *vedēji* — увозящие; близкие невесты и все приглашенные ею на свадьбу — *panāksnieki*, *panākstnieki*, в букв. значении *panācēji* — догоняющие, преследователи. В ряде свадебных песен некоторые действия свадебного церемониала изображаются как особого рода военная операция, в которой принимают участие *vedēji* и *panāksnieki*; подобно целым воинским дружинам [LD 18307; 25236, 4] и отрядам [LD 18308—09], они нападают и обороняются, имеют предводителя [LD 20295, 5] и старшего [LD 19039], развевающиеся знамена [LD 21134; 18514—68; 18571] и военных трубачей [LD 18532—27; 18980—82—91] (A. Ozols, *Par latviešu tautasdziesmām*, — Ldz I, 32). Обе свадебные дружины вооружены саблями (настоящими или деревянными). Так и в последних двух четверостишиях [Л VI, 386—393], которые в «Лачплесисе» поет «родня невесты» (в оригинале: *panākstnieki*), родные и близкие невесты характеризуются как «статные воины» [Op], вооруженные мечами.

441. *Пура* (*pūrs*) — старинная латышская мера сыпучих тел, примерно ок. 69,5 л.

458—461. *Как в лесу хмелинка вьется...* Использована латышская народная песня, которая интерпретируется в эпосе как древнелатышская языческая свадебная формула.

514. *Ликоп* (*Līkops*) — традиционное угощение после заключения сделки. Восклициание «Ликоп!» употреблено в значении приветствия и пожелания счастья.

652—663. *Лачплесис велел немедля Выдать ливам Дитриха...* и далее. Использован эпизод из хроники Генриха Латвийского (в слегка измененном виде) о намерении турайдских ливов принести монаха Теодориха в жертву своим божествам. В хронике об этом говорится так: «Ливы из Турайды решили принести его (Теодориха. — Я. Р.) в жертву своим богам, потому что жатва у него была обильная, а на их полях — погибла, затопленная дождями. Собрался народ, решили узнать гаданием волю богов о жертвоприношении. Кладут копы, конь ступает [через него] и волею божьей ставит раньше ногу, почитаемую ногой жизни... Кудесник говорит, что на спине коня сидит христианский бог и направляет ногу коня, а потому нужно обтереть спину коня, чтобы

сбросить бога. Когда это было сделано, а конь опять, как и в первый раз, ступил раньше ногою жизни, брату Теодориху жизнь сохранили» [Хрон. Лив., I, 10].

Интересна интерпретация данного исторического факта в хронике и в «Лячплесисе». В хронике Теодориха спасает от смерти воля христианского бога. В эпосе Дитрих остается в живых потому, что он «подлец» и ливским богам эта жертва не угодна. Мотивировка, приведенная Пумпуром, служит окончательному развенчанию католического монаха — немецкого миссионера и политика.

678—729. *Немцы в Лиелварде засели...* и далее. Это или подобное событие не упоминается ни в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, ни в написанной в конце XIII в. «Рифмованной хронике». Но многие сходные случаи описаны в других источниках по древней истории Прибалтики и отражены в художественной литературе еще до Пумпура (см. V. Biļķins, *Zemgaliešu ciņas ar bīskapiem un ordeni*, [Rīgā], 1936, стр. 54—55).

На процессе, который в начале XVI в. шел в папской курии между рижским архиепископом и Ливонским орденом, свидетели архиепископа представили доказательства, что братья Ливонского ордена после какой-то победы над земгалами пригласили земгальских нобилей на пир и всех перебили. В «Хронике Пруссии» Дюсбурга говорится, что судья (advocatus) Натанги и Варме (древнепрусские области) Фольрад созвал прусских старейшин на пир в свой Ленценбургский замок. Во время пиршества судья покинул замок, приказав старейшин запереть и замок поджечь. Прусские старейшины сгорели вместе с замком («Scriptores rerum prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft», Bd I, Leipzig, стр. 98—99).

Описанный П. Дюсбургом случай Пумпур излагает в своей литературной зарисовке борьбы древних пруссов за свободу «Erkus Monte» (1875). Эпизоды хроники о подлой расправе с прусскими нобилями Г. Меркель рассказывает в «Древних временах Лифляндии» [Меркель, 1798, 101] и варьирует (применительно к ливам) в «Ванем Иманта» [Меркель, 1802, 135—136]. Сходные мотивы имеются в одном из латышских народных преданий. «В шведские времена» (следовательно, в XVII в.—Я. Р.) немецкие помещики в Яунпилсе (Тк) согнали мужиков в один сарай и подожгли его. Когда люди кричали, помещики смеялись: «Ты глянь, как мои мыши запищали!» (Материалы II фольклорной экспедиции АН ЛССР 1948 г.: 1835, 6391, Ирлава — Тк, сказительница Ете Румпе, зап. А. Анцелане; см. также PS XV, 312, предание о мазсалацком епископе). Возможно, что Пумпуру были известны и какие-нибудь предания этого типа.

750—799. *Хоть оборонялись крепко Латники немецкие...* и далее. Эпизод с пленением Лиелвардского Даныеля и его казнью добавлен самим Пумпуром, в хронике его нет. Картина казни Даныеля в эпосе [Л VI, 790—799] напоминает иную ситуацию хроники Генриха Латвийского [Хрон. Лив., II, 8]. Крестоносцы, явившиеся в 1198 г. с епископом Бертольдом к ливам, вырезали на ветви дерева подобие человеческой головы, которую ливы сочли головой саксонского бога. После возвращения крестоносцев на остров Готланд ливы «...сняли голову с дерева, связали плот из бревен, положили на него голову будто бы саксонского бога и вместе с верой христианской отправили в море, вслед уходящим в Готландию» [Хрон. Лив., II, 8]. В эпосе таким

же образом воины Лачплесиса привязывают к доске Даныеля и пускают в Даугаву с насмешливым напутствием Даугаве унести его вместе с его «чужой верой» [Ор] в Неметчину.

808—819. *Но и сам епископ Альберт Не был в безопасности...* и далее. Те крестоносцы, которые прибывали в Ливонию на время, проводили здесь один год. В отличие от тех, кто являлся сюда на постоянное поселение («Братство Христовых рыцарей»), в хронике Генриха Латвийского они именуются пилигримами. В «Лачплесисе» верно замечено, что пилигримы прибывали в Латвию каждый год, весной, и что за ними в Германию отправлялся епископ Альберт [Л VI, 158—161, 808—819, 854—913, 980—983].

974—977. *Если кто-нибудь сумеет Уши отрубить ему, В тот же миг его покинет Сила непомерная.* Здесь использован мотив, имеющийся в сказке о Лачплесисе. Согласно этой сказке, в изложении Пумпура, Лачплесиса можно было победить только в том случае, если отрубить у него медвежьи уши, в которых заключена сверхъестественная сила богатыря. В сказке эту тайну выдает врагам Ликцепуре (см. прим. Л II, 498), в эпосе — Кангар. Мотив «уязвимое место героя» кажется необычным для латышского повествовательного фольклора, так как в надежных латышских источниках он пока не установлен, за исключением сказки о Лачплесисе. Об общей неуязвимости богатыря Лачаусиса рассказывает легенда из Трикаты — Влк (зап. Я. Зиемелис, «Balss», 1891, № 11; см. эту легенду и в PS XV, 320). Ср. латышские волшебные сказки о поясе, дающем силу, и о чудесной рубашке. Герою достается «пояс звериного царя», или он находит «чудесный пояс» на дороге, или отнимает у змеи ее золотой пояс. Надетый на голое тело пояс наделяет героя необычайной силой и непобедимостью. Враги хитростью отнимают у богатыря пояс (на некоторое время), и он становится уязвимым, пока пояс не возвращается к нему [LP I, 81—82, Джуксте — Ег, зап. А. Лерхис-Пушкайтис; IV, 48—49, Ирлава — Тк; IV, 54—55, Куkenники — Тк]. Некий человек получает в дар чудесную рубашку; пока владелец носит ее, он неуязвим [LP VI, 855—856, Друвиена — Ц, зап. Я. Калнинь]. Фольклорный мотив чудесного пояса упоминает и Пумпур в «Предварении», приводя аналогии и параллели между сказкой о Лачплесисе и другими произведениями повествовательного фольклора.

Мотив сказки о Лачплесисе в известной мере напоминает сказания других народов об уязвимом месте сказочного героя (Ахиллеса пята в древнегреческом эпосе; уязвимое место Зигфрида в «Песни о нибелунгах»).

984—995. *В войске том был некий Черный Рыцарь...* и далее. И в сказке о Лачплесисе роковой противник — сын ведьмы, трехголовое существо; в «Лачплесисе» он человек, немецкий рыцарь, один из крестоносцев. Такое творческое видоизменение образа противника Лачплесиса служит в эпосе антифеодальной, патриотической тенденции.

В латышском фольклоре до сих пор не обнаружено такого предания или сказки, где бы изображался поединок героя — народного защитника — с немецким рыцарем или с рыцарем вообще. Не упоминает нигде о таком предании и сам Пумпур.

В одном предании, записанном А. Лерхисом-Пушкайтисом (Джуксте — Ег), го-

ворится о великане, который был врагом рыцарей: «В Тукуме на Виселичной горе в старину рыцари великана вешали. Этот великан был их большим врагом: где только можно, все их затей и дела срывал. Наконец захватили его — стали вешать. Только от тяжести великана веревка порвалась, и как он упал навзничь, так и свалился к подножию Виселичной горы. Еще и поныне показывают место, где трава не растет. Это то место, где великан провалился» [LP VII, 1, 1328]. См. также предание LP II, 85. В стародавние времена в Джуксте был великан, «каких редко выдвывали». Началась война. Великану велели не пускать недруга со стороны моря (от Рижского залива. — Я. Р.). Так великан и сделал (зап. в Джуксте А. Лерхис-Пушкайтис).

В обоих этих преданиях, которые лишь в незначительной мере соответствуют «Лачплесису», изображения самого поединка нет; кроме того, враги богатыря не имеют здесь такой исторически конкретной характеристики, как Темный рыцарь в «Лачплесисе».

Противниками богатыря в сказках являются обычно хищный зверь (медведь, лев и др.), змей, черт или многоголовая ведьма, сын ведьмы, злобный великан и т. п. По одной из чрезвычайно широко распространенных версий латышской народной сказки, богатырь нанимается «к барину», т. е. к немецкому барону, чтобы потом, в соответствии с договором, получить за свою работу право дать барину три шелчка; таким образом он и убивает барина.

У латышей есть предания — правда, число их невелико — о борьбе древних латышей с крестоносцами. Борьба ведется между двумя враждующими войсками [Сб. 29; LP VII, 1, 1086 — первая публ. в 1859 г. в журн. «Inland»; Ас 292—293, зап. в 1926 г., 325, зап. в 1925 г., 366—367, зап. в 1936 г.].

Придать противнику Лачплесиса облик немецкого рыцаря побудила Пумпура сама историческая действительность.

1072—1113. *Тут уж Лачплесис, не споря, Вышел против рыцаря...* и далее. Борьба Лачплесиса и Темного рыцаря (в переводе Вл. Державина — «Черный рыцарь») развивается в соответствии с мотивом сказки о Лачплесисе, различия наблюдаются лишь в некоторых деталях.

Насколько позволяет судить современное состояние изучения латышских сказок и преданий, трагическая гибель положительного героя (изображенная в варианте сказки о Лачплесисе и в эпосе Пумпура) — чрезвычайно редкий мотив в латышском повествовательном фольклоре. Гибель героя противоречит эстетике народной сказки (что касается сказки о Лачплесисе, то необходимо считаться с тем, что она, как уже отмечалось, в известной мере приближается к преданиям). Трагическая смерть героя отнюдь не исключение в жанре героических сказок, только героических сказаний у латышей мало. Гибнет Курбад в сказке о Курбаде [LP I, 13] и полусказочный, полупоэтический Спекуйекс [LP VI, 570]. В одной из сказок некий человек получает кольцо, которое исполняет все его желания. С помощью кольца он побеждает войско чужеземного короля. Затем герой решает убить черта и разорить ад, но черт исподтишка нападает на него и убивает [LP VI, 869, Лиелварде — Рг; см. также предания LP VII, 1, 1328; PS XIV, 144].

1139—1141. *В золотом чертоге он Спит близ Лиелварде, глубоко В Даугаве; под*

островом. На Даугаве, напротив Лиелварде, был прежде остров, который звался могилой Лачплесиса. Существовало ли это название и до появления эпоса или возникло позже — еще не выяснено. В связи со строительством Кегумской гидроэлектростанции этот остров в 1939 г. был затоплен (Анцилис, 269; Материалы III фольклорной экспедиции АН ЛССР 1949 г.; FS 1850, 4600, Лиелварде, сказ. Б. Микелсон, 74 года; 1850, 5699, Лиелварде, сказ. Л. Этмане, 67 лет; 1850, 6018, Рембате, сказ. К. Якубович, 52 года).

1142—1155. *И донныне лодочники Иногда о полночи Видят...* и далее. Этот мотив не фигурирует в пересказе Пумпура сказки о Лачплесисе, и неизвестно, взял ли его поэт из этой сказки или ввел, опираясь на какие-то другие фольклорные источники. Так, латышские народные предания, повествующие о тех местах, где когда-то происходили сражения, сообщают иногда, что духи погибших воинов по ночам продолжают битву [PS XV, 322 — Celītes kalns, Вийциемс — Влк; PS XV, 306 — Očkas pļaviņa, Лубана — Мд; PS XV, 332 — Pilveņu pilskalns, Тауркалне — Б]. См. прим. Л IV, 511—562 о северном сиянии или сполохах. В преданиях эти мотивы отражают народные мифологические представления, но в «Лачплесисе» они использованы с иной целью — для утверждения героизма и мужества народа, для выражения уверенности в том, что именно за ним окончательная победа над силами зла.

ТЕКСТЫ, ЗАПИСАННЫЕ У НАРОДНЫХ ПЕВЦОВ И СКАЗИТЕЛЕЙ

В настоящем разделе представлены латышские фольклорные и этнографические материалы (сказки, легенды, народные песни, поверья и описания обрядов), которые помогают уяснить все многообразие связей «Лачплесиса» с фольклором. Приложение вводит в ту атмосферу латышского фольклора и народных обычаев, которая была определяющей при создании эпоса Пумпура.

На характере и направленности данного приложения не могло не сказаться то обстоятельство, что одни и те же фольклорные произведения в устном бытовании имеют различные варианты. И, в свою очередь, сходные эпизоды, ситуации, похожие образы встречаются в сказках или легендах с неодинаковыми, самостоятельными сюжетами.

Наряду с законченными сюжетами повествовательного фольклора Пумпур широко использовал отдельные эпизоды и ситуации, свободно их комбинируя и творчески перерабатывая.

Как уже указывалось, рукописи, связанные с созданием «Лачплесиса», не сохранились. Конкретные свидетельства автора о том, какие именно фольклорные произведения он использовал, отсутствуют, если не считать записанной Пумпуром сказки о Лачплесисе и немногих других указаний поэта.

В силу этих причин в самом подборе фольклорных текстов имеется известная условность. Даются лишь ориентировочные примеры текстов, содержащих такие фольклорные сюжеты, эпизоды и образы, которые воплотились в эпосе или могли вдохновить поэта. Они раскрывают идейно-тематическую близость «Лачплесиса» к фольклору.

Народные сказки, легенды и песни Пумпур воспринимал главным образом в тех местах бывшего Рижского и Цесисского уездов, где он жил и работал. В пределах возможного предпочтение нередко отдается произведениям, записанным в этих местах, но задача базироваться на них в основном не ставится. Определяется это следующими практическими и методическими соображениями: 1) соответствующих обобщающих работ о фольклоре пумпуровских мест не имеется; 2) сличение «Лачплесиса» с латышским фольклором показывает, что подавляющее большинство фольклорных произведений, к которым в той или иной мере имеет отношение эпос Пумпура, известно в разных местах Латвии. А следовательно, попытка строго ориентировать приложение

на фольклор немногих мест Латвии была бы искусственной и привела бы к преувеличенному впечатлению о зависимости «Лачплесиса» от локальных фольклорных особенностей.

Иногда одни и те же, по существу, мотивы даются в нескольких вариантах; например, «Необычное происхождение героя от человека и медведя. Богатырь побеждает медведя (льва, быка)»; «Герой не может соразмерить силу, ломает орудия труда»; «Буртниецкое озеро. Затонувшие замки. Письмена» и др. Это делается с намерением подчеркнуть распространенность, важность соответствующих мотивов, а также в тех случаях, когда сходные тексты дополняют друг друга новыми подробностями, имеющими значение для понимания «Лачплесиса».

Настоящий раздел тома не ставит задачу полностью отразить все фольклорное богатство «Лачплесиса». В ходе создания эпоса весьма важную роль играли отдельные детали, содержащиеся в самых разных произведениях повествовательного и песенного латышского фольклора, которые в целом невозможно рассматривать как источники «Лачплесиса». Составитель не стремился показать все связи «Лачплесиса» с фольклором, ибо это неминуемо привело бы к избыточности материала.

Для более легкой ориентации в материале те народные сказки и легенды, которые роднит с «Лачплесисом» лишь какой-то отдельный эпизод или момент, представлены соответственно в виде фрагмента. В отличие от текстов, приведенных полностью, фрагменты заключены в кавычки.

В «Лачплесис» не включены непосредственно антифеодальные народные песни. Но формирование мировоззрения А. Пумпура и антифеодальная направленность «Лачплесиса» не могут быть поняты вне связи с латышскими народными песнями социального протеста и борьбы. Поэтому весьма важно было включить в приложение образцы латышских антифеодальных песен.

В VI песне эпоса Пумпур опирается на цикл «Яновых песен». Обширный «Янов цикл» представлен в приложении двенадцатью характерными народными песнями¹.

Раздел народных текстов открывается двумя вариантами произведений латышской народной устной прозы о герое-богатыре — сыне человека и медведя и текстами антифеодальных народных песен. Далее материал располагается по песням эпоса, насколько это возможно — в порядке последовательности изложения. Тексты имеют общую порядковую нумерацию. Сказки помечены соответствующими номерами типов по указателю Аарне — Томпсона. Номера фрагментов относятся к сказке в целом.

Данное приложение является первой в своем роде попыткой наглядно представить фольклорные истоки «Лачплесиса». Надо полагать, в ходе дальнейшего изучения материалов фольклора в предлагаемый перечень войдут новые тексты, а также смогут быть сделаны уточнения по отбору вариантов. Перевод народных текстов — Ю. И. Абызова.

¹ Не считая цитируемых в описании Янова праздника, данном в «Письмах из Лиелварде» Аусеклиса. См. № 165 данного приложения.

СЫН ЧЕЛОВЕКА И МЕДВЕДЯ — ЛАЧПЛЕСИС
(«РАЗДИРАЮЩИЙ МЕДВЕДЯ»), ЛАЧАУСИС
(«МЕДВЕЖЬЕУХИЙ»)

1

Lāčplēsis jeb Lāčausis radies no lācenes, lāču mātes, kuru kāds meža iemītnieks sev pieradinājis kā sievu. Augot tas ātri attīstījies par lielu, staltu jaunekli. No savas mātes tas tikai mantojis lāča ausis un lielu stiprumu, kādēļ to nosaukuši par „Lāčausi”. Pirmajos jaunekļa gados tas iztīrījis tēva mājas apkārtni no plēsīgiem zvēriem, lāčiem, vilkiem un meža cūkām, kurus tas, prasti aiz žokļiem saķerdams, pārplēsis; caur to arī dabūjis to nosaukumu „Lāčplēsis”. Vēlāki, kad vairs mājā neatradis gadījumu priekš spēka izlietošanas, tas ceļojis apkārt pa Baltiju, darba meklēdams; bet viss, ko tas darījis, noticis ar pārlietu lielu stiprumu, kur salauzījis visas darba lietas. Tā reizi tas bijis par pāricēlāju pie Daugavas; kad laudis uz celtuves salasījušies, viņš sācis airēt, bet tūlī pēc pirmiem vilcieniem aires salūzušas un celtuve būtu ierauta straumē un sadragāta, ja Lāčplēsis nebūtu airu vietā izlietojis plaukstis, — viņš ar plaukstīm sācis tik spēcīgi airēt, ka celtuvi atgriezis no straumes un pārvilcis laimīgi otrpus Daugavas. Pēc tam tas saderējies pie kāda kuniga par puisi, kurš tam uzdevis visādus grūtus darbus izdarīt, kā: ar lāčiem art, velna dzirnavās kviešus malt, nogrimušo pili uzcelt, milzi aizdzīt utt., arvienu apsolīdams savu skaistuli meitu par sievu. Lāčplēsis visu izdara un atsvabina zemi no visādiem mošķiem un briesmoniņiem. Beigās kunigs vairs nevar aizliegties, un Lāčplēsis dabūn viņa skaistuli meitu par sievu un dzīvo kādu laiku laimīgi.

Aiz septiņām jūrām dzīvoja kāda briesmīga ragana; tai bija dēls ar trim galvām. Viņš katru rītu gāja pie mātes un vaicāja: „Māte, vai es esmu stiprākais visā zemē?” Arvien viņa atbildēja ar „jā”, bet pēdīgi sacīja: „Būtu gan stiprākais visā zemē, ja aiz septiņām jūrām nedzīvotu Lāčplēsis, kurš vēl stiprāks par tevi!” Nu dēls mātei miera nelika, gan lūdza, gan draudēja, lai tā caur savu velna skolu izdabūjot, kā Lāčplēsi varētu pārspēt. Ragana nu skrēja pie visiem velniem, bet neviens nezināja padoma, kamēr pēdīgi pats Likcepure pamācīja, ka Lāčplēša spēks pastāvēt viņa lāča ausīs; — ja tās nocirstu, tad viņš būtu kā cits cilvēks. Raganas dēls, to zināt dabūjis, devās uz Baltiju. Viņš skrēja, ka vētra sacēlās un visas straumes Daugavā šņāca briesmīgi. Lāčplēsis, to dzirdējis, devās briesmoniņam pretim, tie sastapās pie Daugavas. Lāčplēsis cirta pirmais ar savu smago zobenu un nocirta raganas dēlam vienu galvu. Šis cirta atpakaļ un nocirta Lāčplēsim labo ausi; — tūlī labā roka zaudēja stiprumu un nevarēja turēt smago zobenu. Tādēļ viņš saķēra zobenu kreisajā rokā un nocirta raganas dēlam otro galvu. Tas cirta atkal un nocirta Lāčplēsim kreiso ausi, un tūlī

kreisā roka zaudēja stiprumu, smagais zobens nokrita zemē. Bet arī raganas dēls bija pazaudējis divas galvas un caur to palicis divas trešas daļas nespēcīgāks. Nu Lāčplēsis metās tam virsū, tie sakampās ar rokām un sāka lauzties. Viņi laužās līdz pat vakaram, bet, krēslai metoties, tiem slīdēja kājas, un abi iegāzās no krasta atvara dzelmē.

Лачплесис, или Лачаусис, родился от медведицы, которую некий лесной житель приблизил к себе как жену. С годами он превратился в рослого, статного юношу. От матери он унаследовал только уши и большую силу, потому и называли его Лачаусис. В первые годы юности он очистил окрестности родного дома от хищных зверей, медведей, волков и кабанов, которых просто разрывал, хватая за челюсти; благодаря этому он получил еще имя Лачплесис. Со временем, не находя больше применения своей силе, отправился он странствовать по Балтии в поисках работы; только все, что он делал, делалось им с чрезмерной силой, из-за чего ломались орудия труда. Так, он был перевозчиком на Даугаве; когда люди собрались на пароме и он принялся грести, весла тут же сломались, и поток чуть было не увлек паром и не разбил его, но Лачплесис пустил в ход ладони, точно весла, и принялся так сильно грести ими, что паром справился с течением и пристал к другому берегу Даугавы. Затем Лачплесис нанялся к одному кунигу, и тот давал ему всяческие трудные задания: на медведях пахать, на чертовой мельнице молоть, поднять затонувший замок, прогнать великана и т. д., все время обещая ему в жены свою красавицу-дочь. Лачплесис все исполнял и очищал землю от всякой нечисти и чудищ. Куниг уже не мог больше упорствовать, Лачплесис получил его красавицу-дочь и какое-то время жил счастливо.

А за семью морями жила злобная ведьма, и у нее был трехголовый сын. Каждое утро приходил он к матери и спрашивал: «Мать, а что, я сильнее всех на свете?» И всегда она отвечала: «Да». Но однажды сказала: «Был бы сильнее всех, кабы за семью морями не жил Лачплесис, который сильнее тебя!» Сын не давал матери покоя — и молил, и грозил, чтобы та с помощью колдовской науки вызнала, как можно Лачплесиса одолеть. Носилась ведьма по всем чертям, но ни один не знал средства, пока сам Ликцепуре не подсказал, что сила Лачплесиса заключена в его медвежьих ушах: отрубишь их — и станет он, как все люди. Проведал это ведьмин сын и отправился в Балтию. Летел так, что буря поднялась и вся стремнина Даугавы клокотала. Услышал это Лачплесис, бросился чудищу навстречу и сошлись они над Даугавой. Первый ударил Лачплесис своим тяжелым мечом и отрубил ведьмину сыну одну голову. Тот ударил в свой черед и отсекал Лачплесису правое ухо. И тут же правая рука потеряла силу и не смогла больше держать меч. Схватил тогда Лачплесис меч в левую руку, и отлетела у ведьмина сына вторая голова. Тот ударил опять и отсекал Лачплесису левое ухо — левая рука утратила силу, упал тяжелый меч на землю. Но и ведьмин сын потерял две головы, а значит, две трети силы своей. И тогда кинулся на него Лачплесис, схватились они и давай ломать друг друга. Боролись до самого вечера, а в сумерках поскользнулись они и обрушились оба с обрыва в омут.

Pumpurs, Ievedumam,—«Lāčplēsis, Latvju tautas varonis», Rīgā, 1888, стр. V—VI. Услышано А. Пумпуром не позднее первой половины 70-х годов XIX в. в окрестностях Лиелварде и Лиелжюмправы (Pr). В «Предварении» к «Лачплесису» А. Пумпур указывает, что публикует сказку в сокращенном виде.

2

„Bez tam arī esmu dzirdējis tādu parunu ļaužu mutē: ja kāds pie darba, visus spēkus pieliekot, kādu lietu salauž, tad saka: „Viņš ir tāds kā Lāčausis!“ Apakš Lieljumpravu muižas un dažos citos pagastos Lāčplēši ir māju vārdi“.

«Кроме того, слышал я такую поговорку: если кто-нибудь во время работы, пытая в ход всю свою силу, ломает какую-нибудь вещь, то говорят: „Настоящий Лачаусис!“ (выделено мною.—Я. Р.). В окрестностях Лиелжюмправы и в некоторых других волостях „Лачплēши“ [„Раздирающие медведя“] — название хуторов».

Pumpurs, Ievedumam,—«Lāčplēsis, Latvju tautas varonis», стр. VII.

3

Kādreiz mācītāja cienīgā māte gājusi ar kalponi ezerā mazgāties; bet bija piemirsušas ziepes līdz paņemt. Kalpone tecējusi atpakaļ pēc ziepēm. Par to laiku lācis iznācis no meža uz divām kājām vien, saņēmis cienīgo māti un aiznesis uz mūžīgu tuksnesi, kur viņam zemes apakšā bijis mājoklis.

Divpadsmit gadi cienīgā māte tur sadzīvojusi pie lāča. Un viņai ar lāci piedzimis dēls; to nosaukusi par Lāčausi, tādēļ ka viņam ausis bijušas pēc lāča. Šis Lāčausis bijis apbrīnojami stiprs puika.

Reiz viņš vaicājis savai mātei, vai nebūtu labāki no alas laukā iet.

Māte atteikusi: „Būtu gan, dēls, bet kā lai tiekam? Alas caurumam lācis aizvēlis lielo akmeni priekšā.“

„Tā maza vaina!“ Lāčausis pasmējies un ar vienu roku atgrūdis akmeni.

Nu izgājuši laukā. Bet pašu brīdi lācis nācis mājā un gribējis Lāčausi plosīt, tamdēļ ka akmeni aizvēlis. Tomēr Lāčausis neļāvies vis: satvēris lāci un pārplēsis pa vidu kā kaķēnu. Tad abi ar māti nogājuši uz mācītāja muižu un izstāstījuši, kas tādi esot. Mācītājs iesākumā gan nemaz negribējis vairs savu sievu pazīt, bet beidzot, kad izstāstījuši, palicis itin priecīgs, ka sieva atradusies un ka vēl tik stipru dēlu pārvedusi. Tikai tas īsti nepaticis, ka dēlam lāču ausis. Bet kas nu katram ir, tas viņam ir — ko darīsi.

Tā nu Lāčausis jau labu laiku dzīvojis pie sava patēva. Te vienu dienu ieskries pie mācītāja. Ko tie vīri pa riju ar tādām pātagām perot? „Ai dēls kā tu nezini? Viņi jau kuļ, tie ir spriguli“.

„Tādi diedziņi! kas tie par spriguliem? Pag, pag, tad jāiet man talkā”.

Un tūlīņ Lāčausis aizsteidzies uz mežu, izrāvis ozola stempi (stumbru) ar visām saknēm, iesējis par spriguli, atķuidījis citus nost un nu sācis kult, lai Dievs pasarga. Viens divi — sakūlis visu metienu pelavās vien.

„Tas neiet — tādi varas darbi!” mācītājs domājis un tūlīņ iedevis Lāčausim divi birkavi smagu vāzu, lai ejot pie velna melderā par puisī. Labi, aizgājis. Bet vienu dienu nezina ko melderis aizkaitinājis Lāčausi, un šis dusmās kā grābis dzirnu akmeni melderim mest, tā iztriecis caur mūri kā nieku, bet melderi par laimi netrāpījis vis.

Ko nu? Melderis sabijies un nu ar labu vien pieglaudies Lāčausim, **lai dzirnavās vairs nestrādā**dot, lai labāk pārvedot no meža malku. Labi. Bet tur tanī mežā velni vien mājējuši. Lāčausis aizbrauc malkā — te divi velni klāt šo ķibelēt. Bet Lāčausis satvēris abus pie matiem un sitis galvas **kulā** (kopā), kamēr sākuši lūgties, lai par labu maksu atlaižot.

Lāčausis atteicis: „Vai būs divi pūri zelta, tad jā!”

„Būs būs!” šie nosolījušie un tūlīņ viens aizskrējis pakaļ; bet otru paturējis vēl pie sevis.

Necik ilgi — velns ar zeltu klāt. Nu iekrāvis asi malkas vezumā, uzlicis arī zeltu un sācis braukt. Bet kur tu dieviņ! zirgs tādu vezumu neparko pavilkt.

Ē! Lāčausis sadusmojies, nositis ar dūri zirgu, uzlicis to arī vezumā un tad licies pats ilksis. Bet ragavas no lielā vilciena salūzušas. Neko darīt — uztaisījis jaunas ragavas, resnas jo resnas, un tad pārvilcis mājā. Melderis to redzēdams, aplam sabijies; bet Lāčausis ņēmies rāties, kas tie par zirgiem viņam esot, kas par ragavām? Melderis domājis: „Ar to joki nav! labāk aizmaksāšu, ko izpelnījis, un lai iet projām”.

Lāčausis aizgājis tālāk pasaulē un saticies ar Kalnugāzēju un Krūmukodēju.

Krūmukodējam bijuši jāvēra kāposti pusdienai; bet tad ienācis vecis, apgāzis kāpostu katlu un vēl piekāvis vārītāju. Otrā dienā vārījis Kalnugāzējs, tam arī tāpat. Trešā dienā vārījis pats Lāčausis; bet tas saņēmis veci un iesitis viņa bārdū ozola stempī. Tā vecis tur palicis. Bet no rīta atraduši, ka vecis ar visu stempi nozudis alā. Lāčausis iesējis virvē grozu un laidies vecim pa caurumu pakaļ. Iegājis zemes apakšā pašā dibinā un atradis divi meitas gauži raudam.

Viņš vaicājis: „Ko jūs raudat?”

Bet meitas mājušas: „Klusi, klusi, nerunā tik dikti! Skat, kur viens guļ ar divpadsmit galvām, ja tas atmostos, tad tev nelabi klātos”.

Tad viņš tik dikti vairs nerunājis. Bet tur uz loga bijušas divi butelītes: vienā bijušas spēka zāles, otrā miega zāles. Bet otrā istabā bijis velnam divpadsmit birkavu smags zobins. Viņš iedzēris vienreiz no spēka zālēm, vēl nejaudājis zobinu īsti cilāt; bet kad iedzēris otru un trešo reizi, tad svaidījis smago zobinu kā spalvu. Tūlīņ gribējis Divpadsmitgal-

vim uzbrukt, bet meitas nelaidušas. Tas velns vemjot ugunis, viņas teikušas, tādēļ padabūšot pienu un tad — ik galvu nocirtišot, ik uzliesot pienu ugunis slāpēt.

Tā arī noticis. Kā nocirtis ar lielo zobinu sešas galvas uzreiz, tā meitas uzlējušas tai vietā pienu, un ugunis ne redzēt. Ar otru cirtienу nocirtis vēl atlikušās sešas galvas, un atkal meitas uzlējušas pienu. Tā nu Dīvpadsmītgālvīš, nedabūjis ugunis vemt, bijis pagalam.

Tagad Lāčausis vaicājis meitām: „Kas tur ir tais istabās?”

„Tur tikai gari vien!” meitas atteikušas.

„Nav vis gari vien! Neesi tik drošs, neej tur iekšā!” viens apakš benķa iesaucis. Un tas bijis tas vecis, kam bārdи todien stempī iespīlējis. Bet Lāčausis tomēr gājis un apsisis viņus visus.

Nu paņēmis meitas un gājis pie cauruma, lai velk augšā. Krūmukodējis ar Kalnugāzēju meitas gan uzvilkuši, bet Lāčausi tišām atstājuši apakšā. Nekā darīt — Lāčausis gājis atpakaļ pie vecа, kam to bārdи spīlējis, un uzsaucis bārgi: „Gādā man trepes, ka varu no šejienes laukā tikt!”

Vecis apgādājis trepes, un Lāčausis nu uzkāpis augšā. Nu gājis pie viena ķēniņa un atradis tur savus biedrus priekšā kāzas svinam. Tās meitas, ko biedri pārveduši, bijušas šī ķēniņa meitas, un ķēniņš atdevis katram vienu par sievu, tamdēļ ka melojuši: viņi esot izglābuši viņа bērнus.

Bet tiklīdz meitas ieraudzījušas Lāčausi — tās teikušas tėvam: „Tas ir мūsu īstenais glābējs!”

Кēniņš nu atdevis Lāčausim jaunāko meitu par sievu, bet abus blēžus nosodījis.

Как-то супруга священника пошла со служанкой мыться на озеро, но забыли [они] мыло с собой взять. Служанка побежала обратно, за мылом. А той порой вышел из леса медведь, — на задних лапах вышел, — схватил он жену священника и унес в дикую пустошь, где у него под землей была берлога.

Двенадцать лет прожила она там, у медведя. И родился у нее от медведя сын; назвала она его Лачаусис, потому что уши у него были, как у медведя. Этот Лачаусис был на диво сильный парнишка.

Вот как-то спрашивает он мать, а не лучше ли им уйти из берлоги?

— Оно бы лучше, сынок, да как же уйдешь? Лаз-то в берлогу медведь большим камнем завалил.

— Эка штука! — посмеялся Лачаусис и одной рукой отвалил камень.

Вышли они. Только в ту самую пору медведь домой идет, и решил он Лачаусиса разорвать за то, что тот камень отвалил. Но Лачаусис не поддался: схватил медведя и разорвал пополам, как котенка. Пришли они вдвоем с матерью на пасторскую мызу и рассказали, кто они такие. Священник сначала никак не хотел свою жену признать, но под конец, когда они все рассказали, даже обрадовался, что жена нашлась и еще такого богатыря-сына привела. Только то не понравилось, что у сына уши медвежьи, да что поделаешь!

Долго жил Лачаусис у своего отчима. И вот как-то прибегает он к священнику [и спрашивает], что это там люди в риге делают с такими палками?

— Ах, сынок, да разве ты не знаешь? Они молотят, это же пепы.

— Такие тоненькие! Что же это за пепы? Погодите-ка, вот уж я вам помогу!

И тут же побежал Лачаусис в лес, вырвал дуб прямо с корнями, сделал цеп, отогнал всех в сторону и давай молотить — дай бог ноги унести! Раз, два — от снопов одна мякина осталась.

«Не годится мне такая работа!» — думает священник и тут же дает ему два берковца зерна, — ступай, мол, к чертову мельнику работником. Ладно, отправился [Лачаусис к мельнику работать]. Как-то мельник рассердил его, Лачаусис в гневе как запустил в него жерновом, так стену и просадил насквозь, хорошо еще в мельника не попал.

И что же? Испугался мельник, улещает Лачаусиса, чтобы тот на мельнице больше не работал, а лучше привез бы из лесу дров! Сказано — сделано. А в лесу том черти жили. Поехал Лачаусис за дровами, а на него два черта! Схватил он их за волосы и давай друг о дружку головами бить, пока те не взмолились, чтобы отпустил их за хорошую плату.

— Дадите две меры золота, тогда отпущу, — говорит Лачаусис.

— Дадим, дадим! — обещали черти, и тут же один помчался за золотом, а другого Лачаусис при себе оставил.

Немного погодя черт с золотом уже тут как тут. Нагрузил Лачаусис сажень дров, сверху золото уложил и трогает лошадь. Да какое там! Лошадь такой воз и стронуть не может.

Рассердился Лачаусис, пришиб лошадь кулаком, кинул и ее на воз и впрягся сам. Только сани от такого рывка сломались. Делать нечего — сладил он новые сани, [бревна] толстые-претолстые, и приволок их домой. Увидел это мельник и вовсе перепугался, а Лачаусис давай браниться, что, мол, за лошади, что за сани?! «С этим шутки плохи! Лучше заплачу ему, что заработал — и пусть себе идет», — думает мельник.

Пошел Лачаусис дальше по свету и повстречал Сквырни-гору и Скуси-куст.

Стал Скуси-куст варить щи на обед; но тут появился старичок, опрокинул котел, а самого кухаря прибил. На другой день [обед] варил Сквырни-гора, и его старичок прибил. На третий день [обед] варил сам Лачаусис — сгреб он старичка и зажал его бороду в дубовый ствол. Старичку и с места не стронуться. Только утром глядят, а старичок-то вместе со стволом исчез в глубокий провал. Привязал Лачаусис к веревке корзину, спустился за старичком. Добрался до самого дна и видит: две девушки горько плачут.

— Чего плачете? — спрашивает он.

— Тише, тише, не разговаривай так громко! Видишь, вон Двенадцатиглав спит, если проснется, худо тебе будет, — машут на него руками девушки.

Он и не стал громко разговаривать. А на окне у девушек стояли две бутылочки: в одной снадобье, которое силу прибавляет, в другой — которое сон нагоняет. А во второй комнате стоял чертов меч, весом в двенадцать берковцев. Отпил [Лачаусис] из

первой бутылочки один раз — еще не смог как следует мечом помахать; отпил второй и третий раз — так и замахал им, будто перышком. И решил он тут же на Двенадцатиглава напасть, только девушки не дали. Этот черт огонь изрыгает, сказали они, потому надо молока достать: как голова у него отлетит, сразу огонь молоком заливать.

Так и сделали. Срубил [Лачаусис] одним махом шесть голов, девушки [огонь] молоком залили — его и не видать. Взмахнул [Лачаусис] мечом во второй раз и срубил остальные шесть голов, а девушки опять [огонь] молоком залили. Так Двенадцатиглав и сдох.

— А в той комнате кто? — спрашивает Лачаусис у девушек.

— Там только духи одни! — отвечают девушки.

— А вот и не одни духи! Не храбрись, не ходи туда! — кричит кто-то из-под лавки.

Это тот старичок был, которому он тогда бороду защемил. Только Лачаусис все-таки пошел и прикончил всех, [кто там был].

Потом подошел вместе с девушками к провалу, чтобы Скуси-куст и Сковырни-гора вытащили всех наверх. Те девушек-то вытащили, а Лачаусиса оставили. Делать нечего — пошел Лачаусис обратно к старичку, которому бороду защемил.

— Сделай мне лестницу, чтобы я мог отсюда выбраться! — говорит ему грозно.

Сладил старичок лестницу, и Лачаусис выбрался на волю. Приходит он к одному королю и видит там своих товарищей — свадьбу собираются играть. Девушки, которых они вытащили, были дочерьми этого короля, и король отдал их спасителям в жены, ведь [Скуси-куст и Сковырни-гора] сказали, будто сами его дочерей спасли.

Но как только девушки увидели Лачаусиса, так и сказали отцу:

— Вот наш настоящий спаситель!

Тогда король отдал Лачаусису младшую дочь в жены, а обманщиков наказал.

[LP VI, 462—467]. Зап. Д. Озолинь в 70-х годах XIX в. в Яунрозе (Влк) [А.-Т. 650 А.301 В].

В указателе латышских сказок, составленном А. Медне-Романе (1907—1950)² по системе Антти Аарне и охватывающем как публикации, так и архивные материалы [FS], отмечено 15 ед. сказок 650 А. 301 В и 6 ед. сказок 650 А. 301 А.

Сказочные типы 301 А, 301 В и 650 А широко распространены в латышском фольклоре [301 А, 301 В — PS II, 74—340; 650 А — PS VIII, 406—454]. Указатель А. Медне-Романе дает следующие сведения о распространенности указанных типов. 301 А — 203 ед.; контаминации 301 А с другими типами (включая и 650 А) — 72 ед.; 301 В — 146 ед.; контаминации 301 В с другими типами — 47 ед.; 650 А — 203 ед.; контаминации с другими типами — 66 ед. Во многих из этих сказок главное действующее лицо — сын медведя.

² Рукопись хранится в Секторе фольклора Института языка и литературы им. Андрея Упита АН Латв. ССР.

ГОСПОДА, ИХ ПРИСЛУЖНИКИ И ФЕОДАЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

4

„Kādēļ manim likas kājas,
Kādēļ kupris mugurā?
To man dara kunga rijas,
Kunga plati tīrumiņi.

«Отчего у меня кривые ноги,
Отчего горбатая спина?
Таковыми их сделали господская рига,
Широкие господские поля.

5

Nāciet, kungi, apraugiet,
Kāda mūsu dzīvošan':
Odens tek caur istabu,
Bebri lēca gultiņā.

Ступайте, господа, поглядите,
Какое у нас житье:
Вода по комнате течет,
Бобры прыгают в постель.

Sis tautas dziesmas vien jau gan-
drīz visu tālaika dzīvi izrāda. No
viņām varam redzēt, ka bēdas
mūsu zemē arvienu ļoti stipras
pastāvējušas”.

Уже одни эти народные песни пока-
зывают тягостную жизнь того време-
ни. По ним можно судить, что невзго-
ды в нашем краю всегда крепко ко-
ренились».

Из очерка Пумпура «Милый „Балтияс вестнесис“». Очерк, подписанный псевдонимом Анс Лаузум, напечатан в газете «Балтияс вестнесис», 1870, № 27. К первой песне в LD имеются 22 варианта [LD 31641—31641v], ко второй — один [LD 31350].

6

Kas kaitēja kundziņam
Kalniņā nesēdēt,
Lai tie pūta kādi vēji,
Vīsi pūta sudrabiņu.

Чем худо барину
Сидеть на горе,
Какие бы ветры ни веяли,—
Все приносят серебро.

[LD 31302]. Зап. И. Дзенстейн в Кечи (Pr).

7

Kārklū vīze sarājās
Ar vācieša tupelīti:
Ko tā vīze sagādāja,
To tupele patērēja.

Ивовый лапоть побранился
С немецким туфлем:
Что лапоть наживал,
Туфель проматывал.

[LD 31875]. Зап. А. Хермансон в Видземе и Курземе.

Kur, vācieti, tava zeme,
Kur tie tavi kumeliņi?
Kam tu nāci šai zemē
Manus grūtus sviedrus ēst?

Где, немец, твоя земля³,
Где твои кони?
Зачем явился ты в этот край
Моим трудовым потом питаться?

[LD 31876]. Зап. Рундел в Нитауре (Pr).

Elle, elle kunga rija
Ar visām pelavām:
Sprigulītis manu mūžu
Kā ar dzelzi sakapāja.

[Ldz I, № 695].

Чистое пекло — барская рига
Со всей ее мякиной:
Молотильный цеп мой век,
Будто железом, исполосовал.

Velna kungs, elles kungs,
Nekul mana bāleliņai!
Sapūs tava muguriņa,
Virs zemītes dzīvojos.

Чертов барин, адов барин,
Не изводи моего братца!
Сгинет твоя спина
Еще при жизни на земле.

[LD 31369]. Зап. Я. Матисон в Лнезере (Мд).

Ozolmuiža, vērgu muiža,
Kaut tu būtu nogrimusi,
Kaut tu būtu nogrimusi
Dziļā elles dibenā!
Jauni raud atnākot,
Veci raud aizejot,
Iecavīte garām tek
Pilna kalpu asarām.

Озолмуйжа⁴ — подневольное имение,
Чтоб ты провалилось,
Чтоб ты провалилось
На дно пекла глубокого!
Молодые плачут, приходя,
Старики — уходя,
Ицавите⁵ течет мимо,
Полная холопских слез.

[LD 31418]. Зап. Миежу Янис в Озолниеках (Ег).

³ Речь идет о барине.

⁴ «Озолмуйжа» (букв. «Дубовое имение») — название имения.

⁵ Ицавите — река в Земгале.

12

Tik bij prāta kundziņam
Kā mazam bērniņam;
Vakar sēja zirņu druvu,
Šodien pākšu raudzījās.

Уж и ума у барина —
Что у малого дитяти:
Вчера засеял поле горохом,
Сегодня стручки высматривает.

[LD 31311, 2]. Зап. А. Бозе в Лиелварде (Pr).

13

Vagarītes līgaviņa
Suni brauca baznīcā;
Kamēr pate dievu lūdza,
Suns noēda iemauktiņus.

Поехала старостина невеста
На собаке в церковь;
Пока она богу молилась,
Собака уздечку съела.

[LD 31519]. Зап. Гелинг в Эзере (Лп).

14

Es tev lūdzu, vagarīte,
Neper manu arājiņu,
Es tev došu šoruden
Trīs slaucamas vāverītes.

Прошу я тебя, староста,
Не пори моего кормильца,
А я тебе дам осенью
Трех дойных белок.

[LD 31466]. Зап. Р. Вульф в Екабпиле (Ег).

15

Jo man bija grūts darbiņš,
Jo priecīgi padziedāju:
Lai neteica bargi kungi
Darba dēļ noskumušu.

Чем тяжелей у меня работа,
Тем пою я веселее:
Чтобы не говорили злые господа,
Будто работа меня в тоску вгоняет.

[Līdz I, № 872]. Зап. Я. А. Янсон в 1950 г. в Сигулде (Pr).

Исп. Л. Хенцелс, род. в 1880 г., слышал в Цицере и Гайках (Клд).

16

Melna čūska miltus mala
Vidū jūras uz akmeņa,
Tos būs ēst tiem kungiem,
Kas bez saules strādināja.

Мелет муку черная змея
Посреди моря на камне,
Доведется ее есть господам,
Которые дотемна заставляют работать.

[LD 31348]. Зап. Я. Пликаусис в Биксере (Мд).

17

Man bij viena raiba kuņa,
To sūtīju medībās.
Samedīju aklu zaķi,
Ved' uz Rīgu dancināt.
Rīgas kungi brinējās,
Ka var aklis tā dancot.
Izdur, velns, kungam acis,
I kundziņš tā dancos!

[FS 17, 29158]. Рига, зап. ок. 1929 г.

Была у меня пестрая сука,
Пошел я с нею охотиться.
Поймал слепого зайца,
Повез в Ригу — показать, как пляшет.
Дивятся рижские господа,
Как это слепой может так плясать.
Выколи, черт, барину глаза —
И барин так же запляшет!

18

Ai bāliņi, mums, bāliņi,
Ellē darba gana būs:
Kundziņš virs trumulī,
Mums uguns jākurina.

[LD 31264]. Зап. Лабану Андрей в Цесвайне (Мд).

Ах, братцы родные,
И будет же нам в пекле прорва работы:
Будут барина варить в посудине,
Нам же — огонь поддерживать.

19

Elle klie dz, elle brēc,
Nava vēl piepildīta.
Neklie dz, elle, nebrēc, elle,
Gan tu tiksi piepildīta,
Gan tu tiksi piepildīta
Ar stražiem, stāra stiem,
Ar stražiem, stāra stiem,
Ar tiem muižas junkuriem.

[Ltdz I, № 713]. Зап. М. Арон в 1887 г. в Берзауне (Мд).

Кричит пекло, вопит пекло,
Оттого что еще не заполнилось.
Не кричи, пекло, не вопи, пекло,
Уж заполнишься,
Уж ты заполнишься
Надсмотрщиками да старостами,
Надсмотрщиками да старостами,
Да приказчиками из имения.

20

Kad man būtu tā naudiņa,
Kas guļ jūras dibenā,
Es nopirktu Rīgas pili
Ar visiem vāciešiem.
Es vāciešam atdarītu,
Kā vācietis man darīja,
Es vācieti dancinātu

Кабы у меня были деньги,
Что лежат на дне морском,
Я купил бы Рижский замок
Вместе с [господами-]немцами.
Я бы с [баринoм-]немцем то сделал,
Что [барин-]немец делал со мной,
Я бы [барина-]немца плясать заставил

Uz karstiem ķieģeļiem,
 Es vācieti dancinātu
 Uz karstiem ķieģeļiem.
 Jo vācietis augstu lēktu,
 Es pakurtu uguntiņu.
 Dienu liktu mežā braukt,
 Nakti riju kuldināt,
 Svētdienīņas pēcpusdienu
 Liktu cūkas paganīt.
 Pieci vilki arklu vilka,
 Vācietis ara raudādams.
 Dod, vācieti, piecas markas,
 Es paaršu smiedamies!
 Vāciešam gari stilbi,
 Velna šūti zābaciņi,
 Tas varēja ellē brist
 Līdz pašam dibenam.

[ES 617, 1414]. Зап. А. Цимзе в 1928 г. в Косе. Сказ. К. Олте, 70 лет, слышал в Скуене (II).

21

Ai dieviņ, ai dieviņ,
 Viens kundziņš pagalam!
 Būs vieglāki bāliņiem,
 Būs vieglāki māšiņām.

Ах ты боже, ты мой боже,
 Один барин преставился!
 Будет полегче братцам,
 Будет полегче сестрицам.

[LD 31262]. Зап. Я. Матисон в Лиезере (Мл).

22

Ai vācieti, velna bērns,
 Ritā tevi svilinās,
 Sasies rokas, sasies kājas,
 Uzsvērs boma galiņā.

Ох, [барин-]немец, чертово чадушко,
 Завтра тебя поджарят,
 Свяжут руки, свяжут ноги,
 Вздернут на конец бревна.

[LD 31861]. Зап. Винькис в Каугурах (Влм).

23

Niršķēt niršķ kaņupītes
 Zem manām kājiņām;
 Tā niršķēja kunga kauli
 Zem manām rociņām.

Хрустит-похрустывает конопелька
 Под моими ногами;
 Так хрустели барские кости
 Под моими руками.

[LD 31390]. Зап. Э. Тетер в Литене (Мд). Кр. Бароном помещено в разделе заговоров, заклинаний, направленных против господ.

24

Stāvu vācieti nocirtu,
 Stāvu drēbes pastatīju;
 Uztecējis kalniņā,
 Noslaucīju zobentiņu.

Сразу [барина-]немца я зарубил,
 Сразу одежду расстелил;
 Взбежавши на гору,
 Вытер саблю.

[Ltdz, I, № 975]. Зап. П. Александрович в 1935 г. в Рудзетах (Дг). Сказ. А. Румпе, 59 лет.

25

Ej, saulīte, drīz zemē,
 Dod man svēta vakarīna:
 Sīvi kungi, vagariši
 Nedod svēta vakarīna.
 Paga, paga, vagarīti,
 Ritā tevi dedzinās,
 Ritā tevi dedzinās
 Ar zilām ugunīm.

Ступай, солнышко, скорее вниз,
 Дай мне светлое воскресенье⁶:
 Злые господа да старосты
 Не дают мне светлого воскресеньца.
 Погоди, погоди, староста,
 Завтра тебя сожгут,
 Завтра тебя сожгут
 На синем огне.

[FS 62, 484]. Зап. Э. Бергмане в 1925 г. в Барте (Лп). Сказ. А. Тилибе, 78 лет.

26

Kūlējiņi, kūlējiņi,
 Godājiet rijnieciņu:
 Izveduši piesieniet
 Pie lielā skudru pūļa.

Молотильщики, молотильщики,
 Вы уважьте барского овинщика:
 Выведите, привяжите
 К большому муравейнику.

[LD 31565]. Зап. А. Гегер в Вецпиебалге (Ц).

⁶ В оригинале: «святой вечер» — так в латышских народных песнях назывался канун воскресного дня.

В LD IV в разделе «Барин, жизнь на мызе, прислуга и крестьяне» и в разделе об отношении народа к немцам-помещикам насчитывается 641 тип [LD 31261—31902] народных песен, часть из которых представлена с многими вариантами. В FS хранятся около 20 000 ед. песен антифеодального цикла.

ПАРАЛЛЕЛИ К ОТДЕЛЬНЫМ ПЕСНЯМ ЭПОСА

Песнь первая

Перкон — дарующий плодородие,
народный заступник

27

Pērkonīpis rūcināja
Visu garu vasariņu.
Atsūtīja zaļu zāli,
Dāboliņu, pušķotāju.

Грохотал Перкон
Все долгое лето.
Послал зеленые травы,
Клевер — заглядение.

[Ltdz III 7847]. Материалы Приекульской (Лп) начальной школы; зап. В. Дреймане в 1939 г.

28

Rūci, rūci, Pērkonīti,
Skaldi tiltu Daugavā,
Lai nenāktu ienaidnieki
Mana tēva zemītē.

Греми, греми, Перкон,
Разрази мост через Даугаву.
Чтобы не пришли враги
В землю мою отчую.

Песня напечатана в приложении к газете «Балтияс вестнесис», № 57, за 1889 г., в статье Л. «Латышские народные песни на международном языке».

Песня в LD имеет 12 вариантов (LD 32149—32149 lv). В FS она с разными вариантами встречается более чем в 90 записях.

Фольклорные тексты о Перконе см. также в приложении к III песне.

Лайма — провидица судьбы,
определяющая людской век

29

Man ļautīpi mūžu lika,
Šķit', Laimiņa nelikusi;
Man Laimiņa nolikusi
Pirmajā stundiņā.

Люди жизнь мою решают,
Будто Лайма не решила;
Да Лайма ее определила
В первый же час.

[LD 9222 v]. Зап. Я. и А. Раман в Марциене (Мд).

Es savai Laimīpai
Mūžam labu nevēlēju,
Kam tā manu mūžu lēma
Uz asaru avotiņ'.

Я о Лайме о своей
Вовек добром не отзовусь
За то, что судьбу мою решала
На слезном роднике.

И. Спрогис, Памятники латышского народного творчества, Вильна, 1868, стр. 307, № 22. Зап. в окрестностях Плавиняса и Кокнесе (Pr).

Visi ļaudis man sacīja,
Mana Laimē noslikuse;
Mana Laimē kalniņāi
Sēd sudraba krēsliņāi.

Все люди мне толкуют,
Будто моя Лайме утонула;
Моя Лайме на горе
Сидит в серебряном кресле.

[LD 9223, 6v]. Зап. М. Паэгле в Лиелварде.

Варианты этих песен, а также другие типы песен о Лайме — провидице судьбы см. LD II, 532—547 в разделе «Лайма предопределяет человеческую судьбу». Песни этой тематики встречаются и в других томах LD. Богатый материал имеется в FS.

Стабурадзе-Стабураг

а) Стабурадзе — прядильщица, ткачиха,
вышивальщица

Tā sacīja lieli kungi
Stabas radzi pieiedami:
Kur šī zīda vērpējīn',
Nēzdaudzīņa audējīn'?

Так сказали знатные господа,
Подойдя к Стабарадзе:
Где тут эта сучильщица шелка,
Мастерица, что платочки ткёт?

Stabas raga māmuliņ'
Zidu diegu šķeterēj',
Zidu diegu šķeterēj',
Nēzdaudzīņu rakstīja.

Стабагарская матушка
Нитки шелковые мотаёт,
Нитки шелковые мотаёт,
Платочки вышивает.

Песни № 32—33 из кн.: [J. Chr. Stender], Der Stabburags, Mitau, 1850, стр. 10.

б) *Стабурадзе — радетельница*
в тяжелый час

34

Окрестные жители знают различные предания и песни [о Стабураре]. В главном гроте, из которого вытекает струя, они видят днем девушку, которая прядет для бедного крестьянского люда, для тех, кому недосуг заняться своими делами потому, что господа очень их притесняют.

Fr. Kruse, Urgeschichte des Estnischen Volksstammes und der Keiserlich Russischen Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Curland..., Moskau, 1846, стр. 169.

в) *Слезы Стабурадзе. Стабурадзе — плачущая невеста*

35

Gauži raud Stabas radze
Miglainā rītiņā;
Kad saulīt' ieraudzīja,
Tad lustīgi padzīvoj'.

Горько плачет Стабарадзе
Туманным утром.
Когда солнышко увидит,
Заживет радостно!

[J. Chr. Stender], Der Stabburags, стр. 10.

36

Viņos laikos kāds jauneklis braucis Daugavā zvejot. Viņa līgava palikuse uz krasta. Piepeši sacēlušies briesmīgi viļņi, laiva apgāzusies un brūtgans noslīcis. Nu nabaga līgava raudājuse krastā caurām dienām un nakšīm, lūgdamās, lai Daugavas dzīle atdotu mīlāko. Tā raudot meiča beidzot palikuse par radzi — Staburagu.

Поехал в стародавние времена один парень на Даугаву рыбу ловить. Невеста его на берегу осталась. Вдруг поднялись страшные волны, лодка перевернулась, и жених утонул. Бедная невеста, плача, день и ночь на берегу стояла, моля, чтобы пучина Даугавы вернула ей милого. Плакала, плакала, так и превратилась в скалу — Стабурар.

[LP V, 408]. Зап. Озол в Сауке (Ек).

37

Meita — kurzemniece un puisis — vidzemnieks ļoti mīlējuši viens otru, bet kungi nelāvuši precēties.

Meita stāvējusi tai vietā, kur tagad Staburadze, un raudājusi. Puisis

no Vidzemes puses jājis ar zirgu Daugavai pāri, gribējis it kā nozagt meitu un vest uz Vidzemi, bet noslēcis. Meita raudot palikusi par radzi — Staburadzi.

Девушка из Курземе и парень с видземского берега очень любили друг друга, но господа не позволяли им жениться. Девушка стояла на том месте, где теперь [скала] Стабурадзе, и плакала. Парень с видземской стороны поехал на коне через Даугаву, думая похитить девушку и увезти в Видземе, но утонул. Девушка плакала, пока не превратилась в скалу Стабурадзе.

[FS 1955, 14843]. Зап. Я. Рудзитис в 1961 г. в Селпилсе (Ек). Сказ. А. Дзерне, 90 лет, слышала в молодости.

Песнь вторая

Необычное происхождение богатыря от человека
и медведя. Богатырь побеждает медведя
(льва, быка)

38

„Reiz dzīvoja ļoti nabags malkas cirtējs. Un tam bija viena vienīga, bet ļoti skaista meita. Katru dienu meita mēdza tēvam uz mežu azaidu nest. Te vienreiz — atkal azaidu nesot — no biezumiem izlīda lācis: lai azaidu šoreiz atdodot viņam! Meita neko, atdeva azaidu un aiztecēja citam pakal. Bet otrā dienā atkal lācis pretim: lai šo azaidu arī atdodot! Meita neko, atdeva un aiztecēja citam pakal. Trešo dienu lācis neprasa vis vairs azaidu; bet paņēma pašu meitu uz muguras, aiznesa dziļā mežā savā midzenī un turēja sev par sievu.

Pēc kāda laika lāča sievai gadījās dēls, un viņa iesauca to par Lāčādēlu. Puika auga acīm redzot, un viņš bij ļoti skaists un vareni stiprs; tikai tā tā vienīgā nelaime, par ko varēja sūkāties: abas ausis bija vairāk pēc lāča nekā pēc cilvēka.

Kad Lāčādēls bij paaudzis, tad vienu dienu, kamēr lācis nebij mājā, viņš paņēma savu māti un aizveda no meža projām. Bet drīzi vecais lācis dzinās dēlam pakal rūkdams, trakodams un gribēja dūsmās nezinko nu izdarīt. Tomēr Lāčādēls nemaz nesabaidījās no trakuļa: pakampa vienkārši to aiz čupra un nosita kā kaķi gar ozolu. Māte noskatījās vien; bet dēls teica: „Iesim nu tālāk!“ Gāja, gāja abi — beidzot aizgāja pie malkas cirtēja, sava mātes tēva un apmetās tur būdīnā dzīvot. Bet drīzi ciema zēni bija apcēlušī, ka būdīnā savāds puika mājot — ar lāča ausīm. Un kā jau zēni, kam visu vajaga izdibināt, šie sāks, vadzi, katru dienu sarasties pie Lāčādēla un domā — tas jau arī tāds pats puika kā viņi, un raudzīs šo jau

tur raustīt aiz lāča ausīm. Bet, kur tu dieviņ! nezin, vai paplēsa diktāk, vai kas tur notika, — uz vienreiz Lāčadēls kā siseņus pa kaklu pa galvu pār-dzina mājā. Un no tās reizes zēni vairs nenāca ne lūdzami lāča ausis čamdīt.

Tā nu te būdīņā Lāčadēls pieauga par stipru vīru un tad sadomāja plašā pasaulē doties".

«Жил некогда очень бедный дровосек. И была у него одна-единственная, но очень красивая дочь. Каждый день дочь отцу в лес обед носила. И вот как-то, когда она обед несла, вылез из чащи медведь: подавай, мол, ему обед! А дочери что [делать] — отдала обед, а сама побежала принести другой. На другой день опять медведь на-встречу: отдавай и этот обед! А дочери что [делать] — отдала и побежала за дру-гим. На третий день медведь уже не потребовал обеда, а схватил дочь [дровосека], взвалил ее на спину, унес в глубокий лес, в свою берлогу, и стал с нею жить как с женой.

Через какое-то время у медведевой жены родился сын и назвала она его Лача-делс⁷. Рос парнишка на глазах, красивый был и страх какой сильный; одна беда — оба уха у него были скорее медвежьи, чем человечесьи.

Вырос Лачаделс и увел свою мать из леса, когда медведя не было дома. Старый медведь погнался за сыном, рычит, буйствует, готов в ярости невесть что сделать. Но Лачаделс нисколько не испугался буяна: просто сгреб его за загривок и пришиб, как кошку, об дуб. Мать молча глядела. А сын говорит: „Пошли дальше!“ Шли они, шли — наконец пришли к дровосеку, который женщине отцом приходился, и поселились в его хижине. Но вскорости в селении мальчишки проводали, что в хижине диковинный парень живет — с медвежьими ушами. Известное дело, мальчишки — все им надо раз-ведать. Стали они каждый день к Лачаделсу сбегаться и прикидывать: вроде такой же парень, как они, только вот уши, — и норовят его за эти уши подергать. А Лача-делс — то ли его слишком больно дернули, то ли еще что — живо всех распугал, будто тараканов. С той поры мальцы больше не являлись — и не заманишь! — медвежьи уши щупать.

Так в той хижине Лачаделс и вырос, стал сильным мужчиной и надумал по свету побродить».

[LP VI, 493]. Зап. Погу Янис-Бехманис ок. 1879 г. или несколько ранее в Глуде (Er) [A.-T. 301 B 550].

„Viens vīrs reiz mežā cirtis malku. Pienākuse lāča mātīte un aizve-
duse vīru savā alā, zem lielas siekstes. Tur viņi sadzīvoja ilgu laiku. Bet
pa to ilgu laiku lāča mātītei bij atradies cilvēks ar lāča ausīm. Viņu iesau-

⁷ Лачаделс — «Медвежий сын».

kuši par Lāčausi. Virs nu palicis pie lāča mātītes, kamēr Lāčausis izaudzis par stipru stipru vīru un kamēr sācis pa mežu staigāt par strēlnieku".
[Seko dažādu Lāčauša varoņdarbu apraksts.]

«Как-то один человек рубил в лесу дрова. Пришла медведица и увела его в свою берлогу под большой корягой. Там они прожили долгое время. И родился у медведицы за это время ребенок с медвежьими ушами. Назвали его Лачаусис. А человек оставался с медведицей, пока Лачаусис не стал сильным-пресильным мужчиной и не начал по лесу бродить — охотиться».

[Следует описание различных подвигов Лачаусиса].

[LP VI, 528]. Зап. П. Старкис ок. 1872—1874 гг. в Лиелварде [А.-Т. 301 B. 313].

40

„Reiz saimnieks sūtījis meitu linus plūkt. Dienvidū meita turpat apgūlusies laukā un cieši piemigusi. Te iznācis no meža liels lācis, saņēmis meitu priekšketnās, iestiepis klinšu alā un sadzīvojis gandrīz gada laiku. Meitai no lāča piedzimis spirts dēls. Citādi dēls izskatījies pēc ikdienišķa cilvēka — tikai ausis vien bijušas pēc lāča ausīm. Viņu tādēļ iesaukuši par Lāčausi.

Astotā gadā Lāčausis bijis jau tik stiprs, ka lielījies tēvu nosist tādēļ, ka nelaidis viņu ar māti no alas laukā. (Lācis esot aizvēlis lielu akmeni alas caurumam priekšā.) Bet māte atrunājusi, lai to nedarot.

Vienreiz lācis gulējis saulgoznī pie liela ozola. Lāčausis nu atgrūdis lielo akmeni, izgājis no alas, sakampis ar labo roku lāci pie pakaklāju un triecis tā gar ozolu, ka smadzenes vien aizsprāgušas.

Pēc tā darba Lāčausis līcis nokalt birkavu smagu nūju un taisījis pasaulē”.

«Послал как-то хозяин работницу лен теревить. В полдень прилегла она прямо на поле и крепко заснула. Тут вышел из лесу большой медведь, сгреб ее передними лапами, утащил в пещеру и жил там с нею почти год. Родился у работницы от медведя шустрый сынок. Во всем на обычного человека похож был, только вот уши на медвежий лад. Потому его и прозвали Лачаусис.

По восьмому году Лачаусис был уже такой сильный, что грозился убить отца за то, что не выпускает их с матерью из пещеры. (Медведь завалил ход в пещеру большим камнем.) Только мать отговорила его от этого.

Как-то медведь спал на припеке у большого дуба. Лачаусис отвалил камень, схватил правой рукой медведя за заднюю лапу и трахнул об дуб, так что у того мозги разлетелись.

После этого велел Лачаусис выковать себе палицу в берковец весом и отправился по свету бродить».

[LP VI, 475]. Зап. Лиелуп в 70-х годах XIX в. в Вецпиебалге (Ц) [A.-T. 301 B].

41

„Reiz viens mācītājs braucis nakts laikā pa mežu ar savu sievu un saticis lielu lāci. Lācis uzklupis piktumā, izrāvis mācītājam sievu no ragum, aiznesis uz savu alu un no tā laika turējis to sev par sievu. Pēc kāda laika lāča sievai gadījies dēls; viņš bijis viscaur pēc cilvēka — tikai viena auss bijusi pēc lāča. Māte tādēļ dēlu iesaukuse par Lācausi. Lācausis audzis brīnum liels un stiprs, tā kā jau vecais lācis sācis no viņa bīstīties.

Reiz vecais lācis, gribēdams zināt, cik īsti viņa dēls būs stiprs — uzvedinājis viņu cīkstoties. Uja! kā viņi kampušies — kauļi skaidri krikšķējuši. Bet papriekšu vecais lācis tomēr iedzinis Lācausi līdz puslieliem zemē; tad jaunais Lācausis nejauki iepīcis un kā nu ķēris tēvu, tā iemējis to stāvu zemē — pāri par galvu: — vecais bijis pagalam”.

«Ехал раз один пастор в ночное время через лес со своей женой и встретил большого медведя. Медведь пришел в ярость, схватил с саней жену пастора, утащил ее в свою берлогу и держал там как свою жену. Через какое-то время родился у нее сын — во всем человек, только одно ухо медвежье. Потому мать и нарекла его Лачаусис⁸. Вырос он настоящим богатырем, большим и сильным, так что даже старый медведь начал его побаиваться.

Как-то старый медведь, желая узнать, насколько сильный у него сын, подбил его бороться. Ух ты! Как они схватились — только кости затрещали. Сначала было старый медведь вогнал Лачаусиса по колено в землю. Но тут молодой Лачаусис рассерчал, да как взялся за отца, так и вогнал его стоймя в землю — с головой! — тут и конец пришел старому [медведю]».

[LP VI, 490]. Зап. Погу Янис-Бехманис ок. 1879 г. или несколько ранее в Глуде (Ег) [A.-T. 301 B].

42

„Reiz viena meita mežā sēposi un apmaldījusies. Meita maldīsies, maldīsies, bet kā netikusi, tā netikusi no meža ārā. Pēdīgi, kur gadījies, kur ne, liēs (liels) lācis un meitu — skript un savā alā iekšā! Meita netikusi vairs ārā no lāča alas. Viņa sākusī dzīvot ar lāci un sadzīvosī bērnu. To nu iesaukuši par Lāčadēlu. Lāčadēls biš varen stipris. Lāčadēls dzīvoš, dzīvoš

⁸ Лачаусис — Лачаусис («Медвежьеухий»).

alā, kamē jau biš lies un stipris. Reiz šis noskaities uz vecā lāča un, kā nēmis, tā pāplēsis to vidū pušu kā sapuvušu kaķi. Nu Lāčadēls gāš pasaulē". [Tālāk seko vēstījums par dažādiem Lāčadēla varoņdarbiem.]

«Собирала как-то одна девушка грибы в лесу и заблудилась. Бродила, бродила — никак не может из лесу выбраться. И вдруг откуда ни возьмись большущий медведь. Сгреб девушку и в свою берлогу уволок! Так она оттуда и не смогла выбраться. Стала жить с медведем и прижила ребенка. Назвали его Лачаделс. Был он настоящий богатырь. Жил да жил Лачаделс в берлоге, пока не вырос большим и сильным. Как-то рассердился он на старого медведя, схватил его и разорвал, будто дохлую кошку. И пошел Лачаделс по свету».

[Далее следует повествование о различных подвигах Медвежьего сына.]

[FS 145, 1327]. Зап. Г. Скуиня (А. Зиемелис) в 1926 г. в Билске (Влк). Сказ. Я. Туркис, 63 года [А.-Т. 301 В]. О раздирании медведя см. также № 3 данного приложения (Зап. Д. Озолинь в Яунрозе — Влк).

43

Reiz viena māte tamēr zīdījuse savu dēlu, kamēr varējis ozolu izraut no saknēm. Bet dēls aplam daudz ēdis, un tādēļ sūtījuse pelnīties. Gājis, gājis, saticis kungu braucam ar divi melniem. Salīdzis pie tā: ēst, cik grib un gada galā kungam vienu pļauku. Bet dēls kungam ik uz ēdiena apēdis veselu katlu putras, kukuli maizes un vidukli gaļas. Kungs ātri palicis nabags. Reiz sūtījis dēlu sudmalās sieku auzu malt, jo tur bijuši velni un viņš gribējis, lai tie dēlu patērē. Bet dēls velnus apkāvis un taču samalis. Tad sūtījis pie mucnieka sastīpot mucu. Bet mucnieks bijis lauva. To dēls saplosījis kā jēru un teicis kungam, ka mucnieku nositis. Tad kungs sūtījis dēlu ar grāmatu pie ķēniņa, lai tas ar karaspēku nošauj. Bet dēls pakēris pātagu un visus apsisitis. Mājā pārnākdams, cirtis arī kungam nolīgto pļauku, nositis to un palicis pats par kungu.

Как-то одна мать до тех пор кормила своего сына, пока он не стал дубы с корнями вырывать. Только очень уж он много ел — пришлось отправить его на заработки. Шел он, шел и встретил барина на паре вороных. Сговорились так: еды сколько хочешь, а в конце года — барину одну оплеуху. Только парень за один присест съедал у барина котел похлебки, каравай хлеба и тушу мяса. Барин быстро разорился. Вот послал он парня на мельницу овес молотъ — там водились черти, и он хотел, чтобы они парня извели. Но парень чертей перебил, а овес все-таки смолот. Тогда послал его барин к бондарю набить обручи на бочку. А бондарем был лев. Парень разодрал его, как ягненка, и сказал барину, что убил бондаря. Тогда барин послал парня с грамотой к королю, чтобы тот приказал войску застрелить парня. Но

парень схватил кнут и всех [воинов короля] перебил. Вернулся домой, влил барину оплеуху, по уговору, пришиб его и сам стал барином.

[LP VI, 413]. Зап. Я. Межинь в Нице (Лп) [А.-Т. 650 А].

44

„Viens puika bijis lauvu alā vairāk nekā desmit gadi un jēlu gaļu vien ēdis. Ar laiku viņam tomēr tur dzīvot apnīcis un tādēļ izgājis no alas. Bet lauva satika viņu, iepliķoja ar ķepām un iedzina atpakaļ alā. Kad nu lauva gāja medīt, tad tas alas priekšā aizvēla lielu akmeni, lai puika netiek vairs laukā. Bet puika itin viegli novēla akmeni un atkal izgāja no alas. Tad lauva to atkal izplaukāja, iedzina bedrē atpakaļ un aizvēla ļoti lielu lielu akmeni alas priekšā. Bet puika arī to akmeni novēla. Un, kad nu atkal lauva gribēja viņu plaukāt, tad puika dūsmās pārplēsa lauvu pa vidu un aizgāja uz mācītāja muižu. Mācītājs viņu pieņēma un sūtīja skolā”.

[Puika dodas pasaulē, veic varoņdarbus, atsvabina ķēniņa meitas.]

«Один парнишка больше десяти лет прожил в логове у льва и только сырое мясо ел. Потом надоело ему там жить, он и ушел из логова. Но лев встретил его, побил и загнал обратно. Когда лев уходил охотиться, он подкатил к логову большой камень, чтобы парнишка не выбрался. Только тот легонько откатил камень и опять вышел из логова. Лев его опять побил, загнал в логово и привалил вход большущим-пребольшущим камнем. Но парнишка и этот камень откатил. А когда лев вновь хотел побить его, он в ярости разодрал льва пополам и ушел на пасторскую мызу. Пастор принял его и послал в школу».

[Парнишка отправляется бродить по свету, совершает подвиги, освобождает королевну.]

[LP VI, 458]. Зап. Д. Озолинь в 70-х годах XIX в. в Яунрозе (Влк) [А.-Т. 301 В].

45

[Māte sazīdina savu dēlu divdesmit vienu gadu, un dēls iegūst milzu spēku. Viņš salīgst muižā pie kunga par kalpu un prot norunas noteikumus izmantot tā ka kungam nodara lielus zaudējumus. Kungs nolemj no Stipriņieka tikt vaļā.]

„Lielkungam bij liels Ukraines vērsis, kas cilvēkus badīja un tādēļ arvien stāvēja piesiets. Šo nu lielskungs pavēlēja stiprajam vīrsū laist. Vērsis devās bārodams stiprajam vīrsū Lielskungs, to redzēdams, priecājās un sacīja: „Tas viņu āzēs!” Bet tikko tas pie stiprā tika, stiprais to sagrāba pie pakājkājām, pārplēsa vidū pušu, noplēsa ādu no vienas un no otras puses ar vienu rāvienu nost un uzmeta gaļu un ādu uz nastas,

sacīdams: „Nu ir gaļa arī pie maizes!” Tā sacījis, tas aizgāja ar visu nastu un vērsi uz māju, un lielskungs palika, kā apstulbis, pakal skatoties”.

[Мать кормит сына грудью двадцать один год, и сын приобретает огромную силу. Он нанимается в работники к помещику и ухитряется все делать так, чтобы причинять барину вред. Барин решает избавиться от богатыря.]

«У барина был большой украинский бык, который бодал людей и потому всегда стоял привязанный; его-то барин и велел богатырю отвязать. Бык с ревом кинулся на богатыря. Барин глядит и радуется: „Сейчас [бык] ему задаст!” Но только бык к богатырю подлетел, тот схватил его за задние ноги и разорвал пополам, потом одним рывком содрал шкуру с одной половины, с другой и бросил мясо и шкуру в тюк, сказав: „Вот и мясо есть к хлебу!” Сказал это и потащил тюк домой, а барин остался стоять, как столб, вслед ему глядя».

[Зинибу ком., III, 108; А.-Т. 650 А1.]

Пукис — приносящий богатство

46

Pūkis bija tas, kas mēdza labību no vienas vietas otrā aiznest un parādījās kā uguns liesmina ar garu asti pa gaisu skriedams.

Пукис — тот, кто мог хлеб из одного места в другое перетащить и являлся, как огненное пламя с длинным хвостом, по воздуху мчащееся.

[LTT 25148]. Зап. ок. 1875 г.

47

Vēci laudis tic, ka pūkis saviem draugiem labību un naudas nesot.

Старые люди верят, что пукис своим друзьям хлеб и деньги приносит.

[LTT 25140]. Зап. ок. 1797 г.

Звери роют русло Даугавы

48

Zvēri, no Dieva radīti, ņēmās pēc kāda laika cits citu nīdēt un pat saplosīt, Gribēdams, lai zvēri dzīvotu mierā, Dievs izgudroja tiem darbu, jo viņš zināja, ka, darbu strādājot, nav vaļas nīdēties. Šis darbs, no paša

Dieva izgudrots, bija rakt Daugavu. Zemes rokot bija kalniem sanesamas un ielejas atstājamās.

Nu devās visi pie darba, Zaķis ar lapsu mērīja upes garumu: zaķis lēca pa priekšu, lapsa tam pakal, apzīmējuma robežas ar savu asti, kas vilkās pa zemi. Kurmis dzina pirmo vagu, āpsis rakās zemē, vilks un suns kašņāja kājām lācis nesa zemes un taisīja kalnus upes malās... Strādāja visi, ko nagi nesa.

Kad Daugava bija gatava, atnāca pats Dievs apskatīt darbu. Viņš bija ar visu mierā un slavēja katru strādnieku. Kurmi un lāci, kas vēl nebija tīrījušies no rupjā zemes darba melnumiem, Dievs lielīja kā visčaklākos un lika tiem palikt tādiem, kādi tie bija, lai viņu godu redzētu vienmēr. Vilkam, kas visvairāk strādājis kājām un degunu, lika paturēt melnas kājas un melnu degunu.

Darbu un strādniekus vērodams, Dievs turpat ieraudzīja lietus putniņu (klieni) zaros lēkājam un saulē sildāmajiem un tam uzsauca: „Vai tev cita darba nav, kā tik lēkāt un sildīties?”

Lietus putniņš vizīgi atbildēja: „Vai tad, rupju darbu strādājot, lai es noķernāju savus košos, raibos svārkus? Tas jau tev pašam nepatīktu”.

Bet Dievs sacīja: „Tev, putniņ, kā redzu, košie, raibie svārki par ļaunu: tu no šā brīža dabūsi melnas bikses klāt un nekad nedzersi ūdeni iz upes, ko tu neesi līdzējis izrakt. Tik no rasas tu pārtiksi un dziedāsi tad vien, kad citi putni, no negaisa glābdamies, lien ligzdā”.

Pārgalvi pārmācījis, Dievs stājās pie izraktās upes vietas, paņēma savu zelta kausu un, upi par Daugavu nosaukdams, ielēja ūdeni un parādīja ar sava paša roku, uz kuru pusi tai tecēt.

Звери, Диевом созданные, стали какое-то время спустя друг друга ненавидеть и даже терзать. Желая, чтобы звери жили в мире, Диев придумал для них работу, так как знал: когда дело делаешь, ссориться некогда. А работа эта, самим Диевом придуманная, была такая: Даугаву рыть. Землю, значит, рыть, в холмы собирать, а доли оставлять.

И вот принялись все за работу. Заяц с лисой измеряли длину реки: заяц бежал впереди, лиса — за ним, отмечая границы хвостом, который по земле волочился. Крот первую борозду прокладывал, барсук землю рыл, волк с собакой лапами ее откидывали, медведь землю таскал и холмы вдоль берегов насыпал... Все работали, как кто мог.

Когда Даугава была готова, пришел сам Диев на работу посмотреть. Со всем был согласен и каждого работника похвалил. Крота и медведя, которые еще не очистились от земли, Диев похвалил как самых усердных и велел им оставаться такими, какие они есть, чтобы все всегда видели их заслуги. Волку, который больше работал лапами и носом, оставил черные лапы и черный нос.

Наблюдая за работой и работниками, Диев приметил иволгу, как она по веткам прыгает и на солнышке греется, и прикрикнул:

— Тебе что, больше дела нет, как только прыгать да греться?
— Как же я, черную работу выполняя, смогу свой красивый, яркий наряд уберечь? Тебе самому это не понравится,— заносчиво ответила Иволга.

— Тебе, пичуга, как погляжу, красивый, яркий наряд только во вред, отныне получишь ты еще черные штаны, и никогда не пить тебе воду из рек, раз ты не помогала реку рыть. Одной росой тебе довольствоваться и пить ты будешь только тогда, когда другие птицы, от непогоды спасаясь, в гнезда будут укрываться! — сказал Диев.

Проучив зазнайку, Диев встал у вырытого русла, взял свой золотой ковш и, назвав реку Даугавой, влил туда воду и указал своей собственной рукой, в какую сторону ей течь.

Fr. Brīvzemnieks, Mūsu tautas pasakas, Rīgā, 1887. Зап. Я. Озол в Сауке (Ек). Варианты: Сб. 41; LP VI, 192—193; PS I, 396—401; FS 145, 2024; 280, 974; 739, 4791.

Чертова яма

49

Skrīveru pagastā, līdzās Velna bedres krogam, atrodas liela, dziļa bedre. Garām bedrei ved lielceļš, kura otrā pusē tek Daugava. [...]

Senos laikos šai vietā atradies liels akmens. Pavasaros pa Daugavu braukuši ar plostiem plostnieki. Kādā vēlā vakarā Velna bedres krogā iegājuši plostnieki, lai pārgulētu nakti. Krogā ieradies arī velns. Tas noklausījies, ko plostnieki runājuši. Velns vienmēr ir naida un atriebības pilns. Arī šoreiz viņš gribējis cilvēkiem ļaunu darīt. Apmēram astoņus kilometrus aiz Lielvārdes atrodas ūdenskritums — Ķegums, kas ir seklākā vieta Daugavā. Velns gribējis Daugavu aizsprostot, lai plostotāji netiktu Rīgā. Tad pašā naktī viņš aizgājis pie lielā akmeņa. Paņēmis akmeni uz muguras, tas devies pa ceļu uz Ķegumu. Aizgājis divus kilometrus aiz Lielvārdes, piepēži dziedājis gailis. Velns tūlīt nosviedis akmeni un pazudis. Akmens vēl tagad stāv lielceļa malā. Bet akmeņa vietā, pie Velna bedres kroga, palikusies dziļa bedre. No tā laika cēlušies nosaukumi „Velna bedre” un „Velna bedres krogs.”

В Скриверской волости, возле корчмы «Чертова яма», есть большая, глубокая яма. Мимо ямы ведет проезжая дорога, по другую сторону которой течет Даугава. [...]

В давние времена в этом месте находился большой камень. Весной по Даугаве гнали плоты плотогонны. Как-то поздним вечером в корчму «Чертова яма» зашли плотогонны, чтобы переночевать. Явился в корчму и черт. Подслушал он, о чем плотогонны говорят. Черт, он всегда полон злобы и мести. Вот и на сей раз захотел черт людям

зло сотворить. Километрах в восьми от Лиелварде находится порог — Керум, самое мелкое место на Даугаве. Черт решил Даугаве путь преградить, чтобы плотогоны в Ригу не попали. Той же ночью пошел он к большому камню. Ввалил камень на спину и направился к Керуму. Прошел километра два за Лиелварде, а тут и петух запел. Черт кинул камень и скрылся. Камень и доселе лежит возле проезжей дороги. А на месте камня, у корчмы «Чертова яма», осталась большая яма. С той поры и пошло название «Чертова яма».

[FS 861, 1]. Зап. М. Лиепиня в 1929 г. в Скривери (Рг.). Сказ. А. Сниеде. Варианты: LP V, 408; Ас 78; FS 861, 612.

50

Netālu no Mēmeles upes asu 50 liels zemes gabals ir pats no sevis iegrimis. Šo zemes gabalu veci ļaudis nosaukuši par Velna dobi. Veci ļaudis stāsta, ka tad, kad tie vēl bijuši mazi bērni, neviens nav varējis paiet šai dobei garām, kas nav apmaldījies. Cilvēks, kas pienācis pie dobes un gribējis no tās aiziet projām, tomēr to nav varējis izdarīt, jo pēc kāda laiciņa tas atkal atradies tajā pašā vietā pie dobes, no kuras aizgājis. Ļaudis domājuši, ka te esot kāds ļauns gars, kas tos maldinot, tāpēc nosaukuši dobi par Velna dobi.

Неподалеку от реки Мемеле кусок земли саженой в пятьдесят сам собой провалился. Старики и прозвали провал Чертовой ямой. Рассказывали старики, что, когда они еще ребятишками были, никто мимо этой ямы пройти не мог, чтобы не заблудиться. Человек, который подходил к яме и хотел от нее уйти, так и не мог этого сделать: через какое-то время он опять на прежнем месте у ямы оказывался. Люди думали, что там какой-то злой дух живет, который их с пути сбивает, потому и прозвали эту яму Чертовой.

[FS 872, 2]. Зап. Н. Билстыня в 1929 г. в Курмене (Б).

51

„No Jelgavas 16. verstē, Bērzes laukā (lielceļa malā) atronas apaļa bedre — Velna bedre, kur arvienu spogojoties. Reiz pieguļnieks vedis tur zirgu dzirdīt. Bet, ik zirgs kluncienu vilcis, ik ūdens apgabalus placis un zirgs arvienu slidējis dziļāk, kamēr ierauts iekšā. Pats vīrs arī rauts līdz aiz pastalas; bet auklas — par laimi — notrūkušas un tā palicis dzīvs — pastalu vien rāvējs dabūjis. Citā reizē atkal puika rauts ar varu tur iekšā”.

«На шестнадцатой версте от Елгавы, в Берзской волости (на обочине большой дороги) находится круглая яма — Чертова яма, где всегда нечистая сила является. Как-то один человек ночью повел туда свою лошадь поить. Лошадь пьет, а вода все убывает, и лошадь все глубже туда затыгивает, пока совсем не затянуло. И человека

за постолу потянуло, да, к счастью, недоуздок порвался, вот он и остался жив; тому, кто затыгивал, только постол и досталась. В другой раз парнишку в яму затыгнуло».

[LP V, 407]. Зап. Я. Трейманис в 1873 г. в Глуде (Ег) [ср. Ас 80]. Предания о Чертовых ямах бытовали и в других местностях Латвии [Сб 88; РS XV, 446; FS 631, 233 и др.].

Парень летает, забравшись в колоду ведьмы,
и подглядывает за ее проделками

52

„Beidzot viņpus jūras bišu strops apstājas un nu bij Vāczeme klāt. Spīšanas nokāpj zemē, ievēl bišu koku ziedu krūmā apslēpt un pašas aiziet roku rokā ar Vācijas kungiem. Kungi brīnum smalki gērbušies, bet šim arī tagad labākas drēbes gadījušās — spīd vien. Bet tur Vāczemē bijusi pavisam citāda pasaule: visi koki balti ziedējuši, kamēr mājā vēl ne labi lapas neplaukušas. Puisis ziedu krūmā nolauzis dažus ziedus un tūlīt atkal līdis stropā atpakaļ. Ne visai ilgi vairs — spīšanas arī klāt: izvēl no krūma bišu koku, uzstēžas jātniski, nomurmina dažus vārdus un brauc mājā. Bet uz jūras vecākā māsa ieteikusies:

„Nevar saprast, kamdēļ šoreiz mūsu zirgs tik gausi skrien? Vai zini ko: sviedīsim viņu labāk jūrā! Man bail, ka nepārbraucam par vēlu un tad to kaunu: mājsnieki apmanīs, ka esam spīšanas”.

„Nē, māsīņ,” otra atteikusi, „nesviedīsim vis, tas mūsu tēva vecais zirdziņš; cik reizu neesam jājušas ar viņu”.

„Nu, manis pēc! bet, ja pārskriesim par vēlu, tad zini gan!” „Nebūs vēlu, nebūs!” jaunākā māsa apmierinājusī un tā tad nesviedušas bišu koku jūrā, citādi puisis pagalam būtu bijis, kā ja. Īsi priekš gaismas pārkluvušas tā līdz ar nagiem mājā un tūlīt līdušas gulēt”.

[No rīta puisis kaunina saimnieka meitas, ka tās ir raganas un nakti bijušas Vāczemē.]

«Наконец по ту сторону моря колода опустилась — в Неметчине очутились. Слезли ведьмы, спрятали колоду среди цветущих кустов, а сами под ручку с немецкими господами пошли. Господа все разряжены, и у этих откуда-то наряды взялись — так и переливаются. А там, в Неметчине, совсем другой мир: все деревья в белом цвету, хотя дома еще только-только листочки проглянули. Работник сорвал с куста несколько цветочков и живо обратно в колоду. Вскоре и ведьмы являются, вытащили колоду из куста, сели верхом, пробормотали какие-то слова и полетели домой. Только над морем старшая сестра говорит:

— Не пойму, отчего это нынче конь у нас так медленно идет? Знаешь, давай-ка лучше бросим его в море! Боюсь, что не успеем вовремя, и стыдно, если домашние узнают, что мы ведьмы.

— Нет, сестрица,— говорит вторая,— не надо бросать, это ведь старый отцовский конек. Сколько раз уж на нем ездили.

— Ну, как знаешь! Только если опоздаем, пеняй на себя!

— Не опоздаем, не опоздаем! — утешает младшая.

Так и не бросили они колоду в море, а то бы несдобровать парню. Перед самым рассветом — времени в обрез оставалось — добрались они до дома и тут же спать отправились».

[Утром работник срамит хозяйских дочерей за то, что они ведьмы и ночью были в Неметчине.]

[LP V, 22]. Зап. в окрестностях Салацы (Влм) [А.-Т. 306]. См. также PS II, 492—523. В указателе А. Медне-Романе отмечено 108 ед. сказки А.-Т. 306 и, кроме того, 20 ед. контаминаций этой сказки с другими типами.

Сборища и пирушки чертей и ведьм

а) Внешность чертей и ведьм, их пляска

53

[Muzikants Jānis nokļūst ellē, spēlē velniem un raganām.]

„Jānis nosēdās uz kādu zelta krēslu un sāka spēlēt. Te pārskrēja velni: cits ar trim, cits ar sešām, cits ar deviņām, pats vecais ar divpadsmit galvām. Kāri tie klausījās uz Jāņa skanām. Vecais velns nosūtīja savus sulaiņus, lai tie atvestu raganas. Sanāca tādas daiļas „preilenes“, kā saulītes, zīda kleitēs, zelta kurpītēs ar dimanta papēžiem — pašas piens un asinis, bet acis uguns kas uguns. Velni savilkās melnus, garus svārkus zelta knopēm un spožiem spožiem zābaciņiem, spīciem papēžiem, piesprauda sev katrs dimanta zvaigzni un nu ņēmās dancot un lakstīties ar raganām. Bija ko redzēt, kā velni ar raganām lēca! Raganas gandrīz pa gaisu vien lidinājās un tikko kājas pie zemes piedūra — ka nozibēja vien. Bet Jānis ņēmās spēlēt, ko tikai nagi nes — arvienu ātrāki, arvienu ātrāki — te, tranks! tranks! divi stīgas pušu. Rāva vēl vaļā uz tām divām, bet nu bija velni un raganas tā iekaisuši dancot, ka Jānim palika zils priekš acīm no trakās dejas”.

[Музыкант Янис попадает в ад, играет чертям и ведьмам.]

«Сел Янис на золотой стул и стал играть. Сбежались тут черти: один с тремя, другой с шестью, третий с девятью, а самый старший — с двенадцатью головами. Жадно стали они слушать игру Яниса. Старший черт послал слугу за ведьмами. Явились барышни, что твое солнышко каждая — платья шелковые, туфельки золотые, каб-

луки алмазные, сами — кровь с молоком, глаза — огнем горят. Черти обрядились в черные, длинные кафтаны с золотыми пуговицами и в блестящие сапожки на острых каблуках, каждый припилил себе алмазную звезду — и давай плясать да играть с ведьмами. Было на что поглядеть, когда черти с ведьмами скакали! Ведьмы, те прямо по воздуху летают, ногами чуть земли касаются — так и мелькают. А Янис принялся играть что было мочи — все быстрее да быстрее. Вдруг — дзинь, дзинь! — две струны лопнули. Но он и на двух оставшихся наяривает. А черти с ведьмами в такой пляс пустились, что у Яниса в глазах зелено стало».

[LP V, 53—54]. Зап. В. Рунтулис в Вилце (Ег). В издании П. Шмидта «Латышские сказки и предания» эта сказка отнесена к номеру 476 указателя Антти Аарне.

*б) Герой промывает или натирает
глаза колдовским варевом.
Трапеза чертей и ведьм*

54

„Viens kungs karītē vedis vijolnieku uz kāzām. Aizbraukuši pie Kangaru kalniem, kāpuši laukā, gājuši gabaliņu kājām. Bet ik nu kungs soli spēris, ik zeme arvienu vērusies dziļāki vaļā. Beidzot iegājuši greznā istabā. Te nu vijolnieks skandinājis vijoli un tūda pulka kungu, kundžu sanākuši diet. Kurš savu kārtu bijis izlēcies, tas aizgājis, bet iedams pamērcējis pie izejamām durvīm pirkstu tādā podiņā un ar šo mērci aptraipījis kreiso aci. Tad vijolnieks arī savu kreiso aci aptraipījis. Kā aptraipījis — ieraudzījis ka lēkātāji nav vis kungi kundzes, bet āži, kazas, nejauki lakstīdamies. Vijolnieks izbailēs tirpis vien. Beidzot tas pats kungs atkal izvedis vijolnieku pasaulē, izlaidis pie Bullu kroga no karītes, iedēvis riekužu zelta”.

«Один барин повез скрипача на свадьбу. Подъехали к Кангарским горам, вылезли, пошли дальше пешком. Но как только барин шаг ступит, так земля под ним и просядет. Наконец вошли в богато убранную комнату. Тут стал скрипач на скрипке наигрывать, и тотчас сбежались баре и барыни плясать. Каждый поочередно выплясывал и уходил. А уходя, окунал пальцы в посудину у дверей и этим варевом мазал левый глаз. Тогда и скрипач помазал себе левый глаз. Как помазал, так и увидел, что плясуны вовсе не баре и не барыни, а козлы да козы гнусные. У скрипача от страха мурашки по телу пошли. Потом тот же самый барин вывел скрипача на свет божий, посадил из кареты у Бульской корчмы и дал пригоршню золота».

[LP VII, I, 621]. Зап. Лиелуп в 70-х годах XIX в. в Вецпиебалге (Ц). В «Латышских сказках и преданиях» П. Шмидта сказка дана под номером 476.

[Pie vienas saimnieces dzīvojis jauns puisis. Saimniece ar savām meitām bijušas raganas. Puisis iedzer raganu zāles un uz pietas nokļūst velnu un raganu dzīrēs.]

„Viņi ieskrējuši skaistā pilī. Pils lielā zālē bijušas raganu dzīres. Lieli galdi bijuši apkrauti ar gardiem ēdieniem un dzērieniem. Visas raganas ēdušas un dzērušas. Puisis gan neēdis. Pēc tam raganas gājušas otrā istabā un viena pēc otras kāpušas pār tādu savādu kā cilvēku skudres izskatā un tik pat tievu kā skudre, kas bijis tērpts zelta brūnās, gulējis uz grīdas un smējies. Puisis iegājis arī tur. Tad raganas gājušas pie sidraba vannas un mazgājušas acis. Puisis arī piegājis. Kad viņš izmazgājis acis, tad no brīnumiem palicis stāvēt kā sasalis. Uz galdiem dārgo ēdienu vietā viņš ieraudzījis zirgu kaulus, miroņu stilbus, maitas un čūskas... Puišam auksts vien pārskrējis pār visu miesu. Pa laimi viņš gan nebija ēdis no gardiem ēdieniem”.

[У одной хозяйки жил молодой работник. А хозяйка и дочери ее были ведьмы. Работник выпил волшебного снадобья и попал в ступе на пиршество чертей и ведьм.]

«Влетели они в красивый дворец. В большой зале пировали ведьмы. Большие столы были уставлены яствами и напитками. Все ведьмы ели и пили. Работник ничего не ел. Потом ведьмы пошли в другую залу и одна за другой перешагивали через что-то вроде человека в муравьином облики; такой же тонкий, как муравей, он был в золтой кольчуге, лежал на полу и смеялся. Работник прошел вслед за всеми. Потом ведьмы подходили к серебряной ванне и мыли себе глаза. Работник тоже подошел к ванне. И как промыл глаза, так от изумления и застыл. На столах вместо дорогих яств он увидел лошадиные кости, человечески лытки, падаль и змей... У работника холодная дрожь по телу прошла. Хорошо, что он ничего не ел из этих яств.

[PŠ II, 521]. Зап. Х. Скуиня (А. Зиёмелис) в Циргали (Влк) [А.-Т. 306].

Чертъов старшѣй

„Šai pasaulī dzeivēja arī vins gudrinīks, kurijs beja taidс gudrs, ka jū nīkai navārēja apgudreit pats lelyjs Lucypers, kurs sēdēja uz augста krāsla un deve sovīm valnīm vysaidas pavēles”.

«Жил на этом свете мудрец, такой мудрый, что его никак не мог перемудрить сам великий Луципер, который сидел на высоком кресле и отдавал своим чертям всякие повеления».

[PŠ V, 173]. Зап. В. Захарска в Макашанах (Рз), сказ. М. Суш, 100 лет.

„Tod atgōja Ļucipers ar trejom acim, garu dagunu, osim, garim zūbim, ōdas capureiti, pazeltētu mēteļi, sorkonom biksem un meikstim sorkonim zamša cymdim un zōbokim“.

«Тут пришел Луципер с тремя глазами, длинным носом, острыми длинными зубами, в кожаной шапке, в позолоченном кафтане, в красных штанах, в мягких красных замшевых рукавицах и в сапогах».

[PS V, 304]. Зап. Я. Дановский в Дагдской вол. (Дг)

... Līccepuris jeb vels apkārt staigājot un dažubān rādās.

...Лиццепурис -- это черт, рыскающий вокруг и порою показывающий себя людям.

G. F. Stender, Pasakas un stāsti, Jelgavā, 1789, [изд. 2-е], стр. 369.

Пукис — мифическое чудовище

„Turpat aiz pilsētas zalktis mājāja kalnā, un ikgaду viens jauns sievišķis tam bij jāziedo, citādi viņš vēma tādu jipti ārā, ka pa septiņi judzi viss tā kā ar uguni sadeg.“

«Сразу же за городом, в горе, жил змей, и каждый год ему надо было приносить в жертву молодую девушку, а не то он изрыгал такой яд, что на семь верст вокруг все как огнем выжигало».

[LP VI, 712]. Зап. Виднерис в Скрунде (Клд).

Стабурадзе-Стабураг

а) *Стабурагские дочери; их одеяния и узоры*

Kādēļ košas, kādēļ dailas
Stabas raga mamzelītes?
Stabas radze zīdu vērpē,
Avotiņš šķeterēj’.

Отчего нарядные, отчего красивые
Девушки Стабарага?
Стабарадзе шелк прядет,
Родник нитку сучит.

61

Kas kaiš Staba meitiņām
Raibas rotas nenesot?
Staba radze aude, mete,
Avotiņš šķeterēj'.

Отчего Стабским девушкам
Яркие узоры не носить?
Стабарадзе ткет, сшивает,
Родник нитку сучит.

62

Stabas raga māmuliņ,
Dod man zīda paladziņ'!
Tā iedeve sav' meitiņu,
Dod ir zīda paladziņ'.

Стабарагская матушка,
Дай мне шелковую простынку!
Дала свою дочку —
Дай и шелковую простынку.

63

Es tev lūdzu, Stabu rags,
Dod man vienu nēzdaudziņ',
Dod man vienu nēzdaudziņu,
Nēzdaudziņa audējiņ'!

Я молю тебя, Стабураг,
Дай ты мне платочек,
Дай ты мне платочек,
И ту, которая этот платочек ткала!

Песни № 60—63 из кн.: [J. Chr. Stender], Der Stabburags, стр. 10.

64

Kas kait Stabu meitiņām
Zīda kleitas nevalkā:
Staba auda, Staba vērpā,
Zīda diegus šķeterēja.

Отчего Стабским девушкам
В шелковых платьицах не ходить:
Стаба ткет, Стаба прядет,
Нитку шелковую сучит.

[LD 30783, I]. Зап. Янис Бауман в Сеце (Ек).

б) Стабурагские пахари

65

Staburaga arājiņi
Tīrumiņu apsējuši,
Pakar zelta sētavīti
Sudrabiņa vadzītē.

Стабурагские пахари
Пашню засеяли,
Повесили золотые севалки
На серебряные вешалки.

[J. Chr. Stender], Der Stabburags, стр. 10.

66

Sēdi, meita, gaidi goda,
Ne jel tava Laimē sēd,
Laimē zirgi nosvīduši,
Tev vietīņu meklējot.

Сиди, девушка, жди своего часа,
Зато твоя Лайма не сидит,
Вспотели Лаймины кони,
Пока она для тебя место выбирает.

[LD 6629v]. Зап. В. Страутинь (Ванкин) в Таурупе (Пр). У песни много вариантов. В LD песня имеет 72 вар. [LD 6629—6629, 10].

67

Laimē pīna pinekliņu,
Kalniņā sēdēdama.
Piepin mani tu, Laimīte,
Pie tīkama tēva dēla.

Ладит Лайма завязку,
Сидя на горе.
Привяжи ты меня, Лайма, этой завязкой
К желанному отцовскому сыну.

[LD 10163]. Зап. Фр. Думпис в Блдиене (Тк).

68

Ei Laimīte, parād' man
Manu miežu arājiņu,
Tam barošu kumeliņu
Tīrajāmi auziņām.

Ай, Лайма, укажи мне
Моего пахаря, сеющего ячмень,
Я накормлю его коня
Отборным овсом.

[LD 9313]. Зап. Фр. Индриксон в Ляудоне (Мд).

Перкон едет в облаках

69

[Reiz divi puīši aruši zemi netālu no Lielvārdes muižas. Mudīgais savu zemes gabalu ātri uzaris un licies gulēt.]

„Kamēr slinkais puisis vēl aris, sacēlušies biezi padebeši un sev par lieliem brīnumiem ieraudzījis gaisā aizjūgu baltiem zirgiem aizjūgtu. Ratos iekšā sēdējis sirms vecis ar garu bārdu un garu pātagu rokā. Kā vēlāk pazinis, tas bijis pats Pērkona tēvs. Pērkons pārbraucis abiem arājiem pāri, bet pēc īsa laiciņa atgriezies atpakaļ un sitis krusteniski ar savu pātagu uz gulētāju. Tūlīt nospīdējis zibens un gulētājs bijis beigts.

Tā zibens tik esot pātagas sitiens“.

[Как-то раз два работника пахали недалеко от Лиелвардского имения. Работящий быстро вспахал свое поле и прилег отдохнуть.]

«Пока ленивый все еще пахал, собрались густые тучи, и увидел он, изумившись, в воздухе колесницу с белыми конями. В повозке сидел седой старец с длинной бородой и с длинным кнутом в руке. Потом выяснилось, что это был сам батюшка Перкон. Перкон проехал над обоими пахарями, но вскоре вернулся и ударил крест-накрест своим кнутом по спящему. Тут же сверкнула молния и убила спящего.

Молния — это когда Перкон кнутом хлещет».

[PS XIII, 125]. Зап. Зиедынь в Рембате (Pr).

70

[Viens puika pēc mātes nāves, kad tēvs aprecēja citu sievu, aizbēga uz mežu un apmaldījās. Viņš vairs neatrod mežā malu. Satiek nelabo. Nelabais saka, lai šis nākot pie viņa par kalpu. Puika arī nevarēja neko citu darīt un gāja pie nelabā par kalpu].

„Kad jau bija tur kādi trīs gadi nodzīvojis, tad nelabais saka uz puiku: „Tu šē sēdi un skaties, kad tik Pērkons rūc, tad cel mani augšā!“ Puika sēd, sēd — skatās: nāk mākonis, un pa priekšu tam ar baltu zirgu jā viens vīrs un māj šim ar roku, lai atiet nost. Kā tik puika atiet nost, tā Pērkons sper un nosper nelabo”.

[После смерти матери, когда отец женился на другой, мальчик убежал в лес и заблудился. Встретил нечистого. Нечистый предложил пойти к нему на три года в работники. Парнишке пришлось согласиться.]

«Когда уж три года к концу подходили, говорит нечистый парнишке:

— Ты сиди здесь и смотри, а как только Перкон загромыхает, разбуди меня!

Сидит парнишка, сидит — смотрит: движется туча, а впереди нее на белом коне едет какой-то человек и машет ему рукой, чтобы он отошел в сторону. Едва парнишка отошел, как Перкон ударил и убил нечистого».

[PS XIII, 226]. Зап. Я. Пустур в Аглоне (D).

71

**Герой не может соразмерить свою силу
и ломает орудия труда**

«Как-то раз пошла одна женщина за свежей травой (sēkot). Встретилась она с медведем, и медведь ее утащил в свою берлогу. Продержал он ее там целых три года и затем отпустил на волю. У женщины этой родился от медведя сын — наполовину

человек, наполовину медведь, и называли его Медведоростом⁹. Вырос он и стал очень силен и ловок. Когда пришло время, он нанялся к священнику в работники. Это было зимою. Как-то раз послал священник Медведороста за дровами. Тот и поехал. В лесу подошел он к одной сосне, как хватил по ней топором, так и отлетел топор бог знает куда, а в руках у него осталось лишь топориче. Рассердился (saņēma sausas dusmas) Медведорост, изломал большущее дерево (lielo milzenīcu) в маленькие кусочки и нагрузил ими большой-пребольшой воз. Нагрузил он воз и хочет домой ехать. Но кобыла его храпит, рвется, а сама ни с места. Как дал ей Медведорост щелчок по ребрам, так и убил наповал. Рассердился Медведорост и сам потянул воз домой. Увидел это священник и говорит: „Нет, нет! Или купи новую кобылу, или тяни воз сам, а на мельницу ехать надо: муки в доме вовсе нет“.

[Сб 152]. Зап. К. Тарзиер в Тирзе (Мд) [А.-Т. 650 А. 301 В]. Воспроизводится с незначительными поправками.

72

[Pazūd baznīckunga sieva ar savu mazo dēliņu Mārtiņu. Pēc gada malkas cirtēji tos atrod mežā, kur tie dzīvo kādā alā. „Zēnam bijusi viena cilvēka auss, otra — lāča auss“. Māte ar bērnu atgriežas mājās.]

„Bijis jāsūta Mārtiņš skolā. Aizvedis [baznīckungs] uz skolu, tur zēni sākuši viņu zobot. Mārtiņš sadusmojies un salauzis solus. Skolotājs atnācis pie baznīcas kunga un sācis viņam stāstīt. „Nu ko tad darīt“, teicis baznīcas kungs.

Nākošā dienā aizvedis Mārtiņu pie kalēja. Tur atkal Mārtiņš tā kalis, ka lakta izputējusi“.

[Mārtiņš dodas pasaulē, uzveic pretinieku velna apsēstā pilsētā, izved no apakšzemes princesi un apprec to].

[Пропала жена священника с маленьким сыном Мартином. Спустя год лесорубы нашли их в лесу, где они жили в каком-то логове. У мальчика было одно человеческое ухо, другое — медвежье. Мать с сыном вернулись домой.]

«Пришла пора отправлять Мартина в школу. [Священник] отвез его в школу, а там ребята стали над ним смеяться. Рассердился Мартин и переломал все парты. Пришел учитель к священнику и рассказывает о случившемся.

— Что же тут поделаешь, — сокрушается священник.

На другой день отвез он Мартина к кузнецу. Стал Мартин ковать, да так что наковальня разлетелась».

⁹ Из заголовка этой сказки — «О Медведоросте (Lāčaugains)» — в сборнике, вышедшем на русском языке, видно, что имя в оригинале — Лачаугайнс, т. е. «Ростом с медведя». Оригиналы текстов латышских сказок и преданий, опубликованных в сборнике, до сих пор не найдены.

[Мартин отправляется бродить по свету, побеждает противника в городе, которым завладела нечистая сила, выводит из подземелья принцессу и женится на ней.]

[FS 12, 2618]. Зап. А. Ручин в Екабпиле (Ег) в 1933 г., сказ. Э. Ручиня, 53 года [A.-T. 650 A. 301 A].

73

„Vienam melderim bijis briesmoti stiprs zellis. Kviešu maisus pa sudmalām viņš svaidījis kā ķīļķēnus un māju aizķert pie stūra un apgāzt viņam bijis tīrais nieks. Kur tik viņš arī nekēries klāt, lai arī cik viegliņām, tur viss lūzis un plīsis, ka drupačas vien atlikušas. Melderim no tāda pārāk stipra zella palicis bail, un viņš to atlaidis. Ko var zināt, ka nesagāž visas sudmalas. Zellis neko daudz nebēdā ar, — ka atlaiž, atlaiž, ies pasauli apskatīties“.

[Meldera zellis nokļūst pazemē, nosit deviņgalvi velnu, atsvabina ķēniņa vienīgo meitu, iegūdamс viņas roku un valsti.]

«У одного мельника был очень сильный подручный. Мешки с зерном по мельнице перекидывал, что твои клецки, а дом поддеть за угол да перевернуть — это для него раз плюнуть. За что ни возьмется легонечко-легонечко — все трещит и ломается, только щепки остаются. Страшно стало мельнику и отпустил он своего подручного. Чего доброго, еще и мельницу перевернет. Подручный не больно горевал: „Отпустили — и ладно, пойду на мир погляжу“».

[Подручный попадает в подземное царство, убивает девятиглавого черта, освобождает единственную дочь короля и получает в награду ее руку и королевство в придачу.]

[FS 877, 1162]. Зап. Ф. Волленберг в 1930 г. в Риге, сказ. Т. Озола, 80 лет, слышала в детстве в Лиелварде [A.-T. 650 A. 301 A].

74

„Reiz Jānis salīga siena laikā pie viena saimnieka pļaut. Bet pļava bij ļoti nelīdzena; arī krūmi un ozoli tur bij saauguši cits pie cita. Jānis, pļavā iegājis, tūlī uz pirmā izkaptс laidiena iecirta ozolā — izkaptс nolūza. „Nu, kas lūzis, lūzis!“ viņš domāja un nesacīja nekā. Bet, kamēr citi pļāvēji dienvidu gulēja, Jānis paņēma viņu izkaptис un sāka ar tām pļaut aizkavēto; bet kā negāja tā negāja: kuru izkaptис paņēma, tā iecirtās kokā un nolūza. Tagad Jānis aplam sadusmojās un izravēja visus krūmus, visus ozolus pļavā ka melns vien palika. Pēc dienvidus atnāk saimnieks: kas tad tas! visas izkaptис nolauztas, visi koki izravēti. Viņam tūlī iešāvās prātā: „Kad tikai stiprais Jānis to nebūs darijis, jo viņam tas nav nekas. Vēl vakar

lieku vāgus (ratus) vagūža kaktā noridēt, viņš sagrābj vāgus un iedrāž kaktā, ka gabalu gabalos sašķīst. Nudien cits tas nav, kā Jānis".

Saimnieks nu pieies Jānim klāt: „Klausies, vai tu nezini, kas tās manas izkaptis nolauzis un tos kokus izraustījis pļavā?"

„Kā tad nu es nezināšu, saimniek: pats es viņas nolauzu, pats izraustīju".

[Stiprinieks uzveic kēniņu, kad tas nepilda līgumu, uzvar velnu, iegūst velna pili.]

«Нанялся как-то Янис к одному хозяину сено косить. А луг был неровный — и кусты, и дубы всюду. Только пришел Янис на луг, взмахнул косой, задел за дуб — коса и сломалась. „Ну, сломалась — так сломалась!" — подумал он, но ничего не сказал. А пока остальные косари после обеда отдыхали, Янис взял их косы и давай ими косить то, что осталось. Только вот незадача: какую косу ни возьмет, задевает о дерево, и коса ломается. Разгневался Янис и вырвал все кусты и все дубы на лугу, так что [весь луг] черным стал. Приходит после обеда хозяин. Что за диво! Все косы сломаны, все деревья выворочены. И тут же смекнул: „Уж не Янис ли силач это сделал? Для него ведь это пустяк — еще вчера попросил его телегу в завозню¹⁰ закатить, так он ее так пихнул, что на куски разлетелась. Да, больше некому, только Янис [мог это сделать]"».

Подходит хозяин к Янису:

— Послушай, ты не знаешь, кто это мои косы поломал и все деревья на лугу вырвал?

— Как не знать, хозяин, я поломал, я и вырвал».

[Богатырь побеждает короля, когда тот не выполняет уговор, побеждает черта, завоевывает чертов дворец.]

[LP VI, 394]. Зап. Приедите в Гулбене [А.-Т. 650 А]. См. также № 1—3 данного приложения.

**Медвежий сын встречается
с вырывающим деревья.
Великаны, таскающие деревья, строят город**

75

„Lācadēls paņēmis kūju un gāš pasaulē. Viņš gāš, gāš un redzēs, ka vienc vīrs stiknas [pūlas] ap lielu ozolu. Lācadēls gāš klā un prasīs, ko šis māžojoties. Tas nu sacīs, ka šis raunot kokus. Abi nu sarunāšies un norunāši lauzties. Kurš kuru uzvinnēsot, ta tam švakākam jānāk līdz tam stiprākam. Nu Lācadēls ar Kokurāvēju sākuši lauzties, un Lācadēls pievārēs Kokurāvēju. Kokurāvēš nu gāš Lācadēlam līdz".

¹⁰ Завозня — здесь: сарай для саней, телег, упряжек.

«Взял Лачаделс палицу и пошел по свету. Шел, шел, видит — какой-то человек возится с огромным дубом. Подошел Лачаделс и спрашивает, что это он чудачит. А тот отвечает, что деревья вырывает. Решили они бороться: кто кого поборет. А который слабее окажется, тот пойдет с тем, кто сильнее. Стали Лачаделс и Вырывающий деревья бороться, и Лачаделс победил. И пошел Вырывающий деревья с Лачаделсом».

[FS 145, 1327]. Зап. Х. Скуиня (А. Зиемелис) в 1926 г. в Билске (Влк), сказ. Я. Туркис, 63 года [А.-Т. 301 В].

76

„... Lācadēls pieauga par stipru vīru un tad sadomāja plašā pasaulē doties. Labi, aizgāja. Bet jau otrā dienā viņam gadījās pa priēžu mežu iet un tur otrā malā ieraudzīja lielu vīru. Lācadēls vaicāja: „Kas tu tāds esi, te stāvēdams?”

„Esmu Priežurāvējs!”

„Nu vai tu ko spēji arī?”

„Spēju gan — raustu priedes ārā”.

„Nu tad sāci darboties, lai redzu, kā tu viņas ravēsi!”

Un Priežurāvējs tūlīņ ņēmās strādāt: kuru priedi sakampa — ārā ar visām saknēm kā kaņepe. Viens divi — viss mežs guļ līdumā.

„Ah! redzu gan, tu esi teicams vīrs, nāci man līdz!” Lācadēls uzslavēja rāvēju. Priežurāvējam tas patika un viņš aizgāja līdz”.

«...Вырос Лачаделс силачом и надумал отправиться по свету побродить. Ладно, пошел. И уж на другой день довелось ему по сосновому лесу идти, и встретил он в другом конце леса рослого человека.

— Ты кто такой, зачем здесь стоишь? — спрашивает Лачаделс.

— Я — Вырыватель сосен.

— А что ты умеешь делать?

— Да что, сосны вот умею вырывать.

— Ну, берись за дело, погляжу, как ты их рвешь!

Вырыватель сосен тут же взялся за работу: за какую сосну ни схватится, та с корнями вон, будто конопля. Раз-два — и вместо леса одна просека осталась.

— Ага! Вижу я, парень ты что надо, пошли со мной! — похвалил Лачаделс силача. Вырывателю сосен это по душе пришлось, и пошли они вместе».

[LP VI, 494]. Зап. Погу Янис-Бехманис ок. 1879 г. в Глуде (Ег) [А.-Т. 301 В. 550].

77

«Город Кулдигу (Голдинген) строили великаны и построили прежде всего мельницу. Пойдет, бывало, великан за балкой для дома, срубит дерево, положит на плечи и идет домой, а дома возьмет бревно в пять или более сажен, поднимет один конец одной рукой, а другой тешет».

[Сб 24]. Зап. Ф. Рекис в Ренде (Клд).

Песнь третья

Горы Кангары. Великан в Кангарах

а) Горы Кангары — ненадежное место

78

„Agrāk Kangari rīgasiem (Rīgā braucējiem) bijuši ļoti nedroša vieta: gandrīz neviena nedēļa nepagājusi, kur kāds neticis nokauts vai aplaupīts“.

«В старину Кангары считались у едущих в Ригу опасным местом: недели не проходило, чтобы там кого-нибудь не убили или не ограбили».

[LP VI, 208]. Зап. Милда-Скайдрите Упцием в Анненеках (Тк).

79

„Kangaru kalni jau tā samesti kā zirga mugura: brauc nu pa zirga muguru! Abās pusēs kalnam bezdibenīgi purvi, kuros dzīvojuši laupītāji. Šie aplaupījuši katru ceļa vīru, kas iedrošinājies viens pats braukt pār kalniem, pat dienas laikā. Burlaku bijis pilns purvs un mežs. Viņi, velna skruķi, ietaisījuši zem kalna sev alas, kurās paši piemituši un nolaupītās mantas slēpuši, kamēr tās uz Rīgu neaizsūtītas“.

«Горы Кангары с лошадиной спиной схожи — попробуй-ка по конской спине проехать! По обе стороны бездонные топи, где жили разбойники. Они грабили каждого путника, который осмеливался в одиночку ехать, даже среди бела дня. И в лесу и в болотах полно было этих душегубов. Они, чертово семя, понаделали себе в горах пещер, сами там жили и добро награбленное укрывали, пока в Ригу его не отправят».

[Jkr IV, 12]. Зап. Я. Карп в Кулдиге.

б) Великаново ложе в Кангарах

80

«У большой дороги, ведущей из имений Лубане и Цесвайне (Лифляндской губ.) в Ригу, около сорока верст от последнего города, на одном пригорке, тянущемся к юго-востоку от больших Кангарских гор (lielajiem Kangaru kalniem), находятся две горки на расстоянии ста шагов друг от друга. С горки, которая лежит к востоку, идет до самой подошвы канава или овраг — кажется, будто это русло иссякшей речки. Об этой местности в приходе Эргле, в сорока с лишком верстах от нее, записал К. Блау следующую сказку.

Жил-был в этой местности великан. Место между двумя горками служило ему

кроватю: горка, что к западу,— изголовье, другая — для ног. Канава, или овраг, образовалась от ... спящего великана. Великан этот был страшно силен и скоро ходил. Мать его, бывало, поставит на огонь котел для похлебки, а сын пойдет пешком в Ригу за солью и принесет в каждой руке по несколько берковцев» [Сб 17].

81

„Tanī Kangaru galā, kas Suntažu pagasta robežās, rīgasi (Rīgā braucēji) vēl šodien rāda kādu kalna ierobu, kas milzim esot noderējis par gultu. Turpat arī upīte; tā arī no milža cēlusies”.

«В том конце Кангарских гор, что в Сунтажской волости, едущие в Ригу и поныне показывают ложбину, которая великану ложем служила. Там же и речка; и она от великана образовалась».

[LP VI, 208]. Зап. Милда-Скайдрите Упцием в Аннениеках (Тк).

Перкон преследует Йода

82

Pērkona laikā tie [latvieši] sacīja, ka Pērkons Jodu gānot un to meklējot ar zibeni nospert; kur nu tas nabags Jods bēgdams ieskrienot, vai kādā mājā, vai kokā, tur arī Pērkons zibeni metot pakā.

Во время грозы сказывали они [латыши], что Перкон Йода отгоняет и всюду ищет, где бы его молнией поразить; куда этот бедняга Йод заскочит, в дом, скажем, или в дерево, туда и Перкон вдогонку молнию шлет.

[LTT 23137]. Зап. ок. 1840 г.

83

Vecais tēvs [Pērkons] rūc un zibens sper ar lodi tur, kur Velns pie-sities.

Старец [Перкон] грохочет и молнию мечет туда, где Вэлн пристроится.

[LTT 23136]. Зап. ок. 1834 г.

84

„Rīgas—Daugavpils lielceļa malā netālu augš Ķeguma straumes ir zil-pelēks akmens labas pirtīņas lielumā, kuru sauc par Ārņa akmeni. [...]”

Pērkons Velnu trenkājis, ka tas nekur nevarējis no Pērkoņa glābties un tamdēļ ielīdis Ārņu akmenī. Un, kā Pērkons Velnam spēris ar savu zibeni, tā atspēris arī akmenam vienu šķelkši".

«На обочине дороги из Риги в Даугавпилс, немного повыше Керума, есть иссиня-серый камень, с добрую баню размером, который зовут Арнисовым камнем. [...]

Перкон так загнал Вэлна, что тому некуда было укрыться, вот он и залез в Арнисов камень. А Перкон как метнул в Вэлна свою молнию, так и отколол от этого камня осколок».

[FS 696, 761—2]. Зап. А. Ошкали в Лиелварде (Pr). Ср. другие предания о преследовании Перконом чертей: Сб 6—7; LP VI, 55—56; LP VII, I, 465, 473—475, 478, 490, 497—498; PS XIII, 121, 227; XIV, 184—185, 189—193.

Буртниекское озеро. Затонувший замок.
Письмена

85

[„Priekš daudz, daudz gadiem. . .“] „... .tajā vietā, kur tagad Burtnieku ezers atrodas, melna cūka rakusi dienu nakti vienā gabalā. Pēc trim gadiem pašā svētdienas dienā, kad Burtnieku baznīcā pašu laiku bijuši baznīcēni sanākuši, Taures ezers pārlaidies pa gaisu uz Burtniekiem, kur tas apracis arī Burtnieku baznīcu ar visiem baznīcēniem. Vēl tagad skaidrā saules dienā, kā tēvi stāsta, varot redzēt Burtnieku ezerā aprakto baznīcu un torni“.

[«Много, много лет тому назад...»] «...в том месте, где теперь Буртниекское озеро, черная свинья день и ночь, не сходя [с места, землю] рыла. Через три года, в самое воскресенье, когда Буртниекской церкви прихожане собрались, Таурское озеро перелетело по воздуху в Буртниеки и затопило Буртниекскую церковь вместе с богомольцами. И нынче еще в ясный солнечный день, как деды рассказывают, в Буртниекском озере можно увидеть церковь и колокольню».

[LP VII, I, 1290]. Зап. Таливалдис ок. 1889 г. в Трикате (Влк).

86

Vecos laikos pa gaisu laidies Burtnieku ezers un meklējis vietu, kur nolaisties. Tam pa priekšu laidies putns un saucis: „Bēgat ļaudis, Burtnieks nāk!“ Visi aizbēguši, tik kādā pilī ar zelta torpiem palikuse viena jaunava. Tur arī ezers nolaidies, nogremdēdams pili ar jaunavu. Vēl tagad saulainā dienā Burtnieku ezerā varot redzēt nogrimušās pils zelta torņus.

В старину летело по воздуху Буртниекское озеро и искало место, где опуститься. А впереди него летела птица и кричала: «Бегите, люди, Буртние́к идет!» Все разбежались, только в одном замке с золотыми башнями осталась одна девушка. Там озеро и опустилось — затопило замок вместе с девушкой. И теперь еще в солнечный день в Буртниекском озере можно увидеть золотые башни затонувшего замка.

[Ас 126]. Зап. М. Берзинь в 1929 г. в Умурге (Влк), сказ. А. Крума.

87

Burtnieku ezers agrāk esot atradies tā sauktā Podzenu lukstā, kur viņam vienai kājai nav bijis rūmes, tā spiesta. Tad kādu dienu tas pacēlies gaisā un pārceļojis uz savu tagadējo vietu, kur sagāzies un sevī nogremdējies kādu pili. Podzenu lukstā netālu no Teterkalna atrodas akmens, senāk arī stabs ar aprakstītu pergamentu. Pie akmeņa saietot septiņu kungu, tagad pagastu, robežas.

Буртниекское озеро раньше находилось в пойме, прозываемой Подзенской, где и одной его ноге места не хватало: тесно было. И вот как-то взмыло оно и перелетело на нынешнее свое место, где пролилось и затопило один замок. А в Подзенской пойме, недалеко от Тетеркална, есть камень; раньше там столб стоял с исписанным пергаментом. К камню сходились границы [владений] семи господ, а нынче — волостей.

[Ас 127]. Зап. К. Букум в 1928 г. в Коценах (Влм), сказ. Кр. Букума. Другие тексты преданий: Буртниекское озеро затопляет церковь [Ас 127—128; FS 693, 90; 834, 2100], дома, сады, поля [FS 877, 2255], замок [FS 116, 137].

88

[Vecos laikos kādu dienu virs Spirgus pils savilcies mākonis un, niknai vētrai plosoties, stāvējis veselu dienu un nakti pār pili. Beigās mākonis gāzies zemē, taisni pilij virsū. Acumirkļi pils nogrimuse ar visiem saviem iedzīvotājiem, un tai vietā izcēlies bezdibens. Skaidrā saules gaismā varējuši bezdibenī skursteņus redzēt.]

„Bet neba ļaudis par pils nogrimšanu vien dabūjuši izbrīnoties: pēc pāra nedēļām jauks akmeņa stabs ar svešas valodas burtiem pavairojis izbrīnosanos vēl jo lielākā mērā. Šis stabs, no bezdibena izceldamies, pludojis taisni par to vietu, kur saules gaismā skursteņi redzēti. Pareģi stāstījuši un apgalvojuši, ka pils atkal pacelšoties, ja tik atradišot tādu cilvēku, kas mācēšot burtus lasīt. Pēc kāda laika jaukais burtu stabs nogrimis, pazudis“.

[В стародавние времена как-то над Спиргусским замком появилась туча, и буря неистовствовала там день и ночь. Наконец туча осела прямо на замок. В один миг

замок затонул со всеми своими обитателями, и на том месте образовалась пропасть. В ясный солнечный день можно в этой пропасти увидеть дымоходы.]

«Но не только тому люди дивились, что замок затонул: спустя несколько недель удивление это усугубил красивый каменный столб с письменами на неведомом языке. Столб этот поднялся из глубины и плавал как раз в том месте, где при солнце трубы видны. Вещуны сказывали и даже предрекали, что замок опять восстанет, как только найдется такой человек, который эти письма прочтает. Через какое-то время красивый столб с письменами опустился, пропал».

[LP I, 176]. Зап. А. Лерхис-Пушкайтис в Джуксте (Ег).

89

В Верхней Курземе подле Свентского имения есть старое, теперь красивым сосняком заросшее, городище. В стародавние времена там часто видели красиво одетую девушку — как она из холма выходит. Рядом с нею на цепи собака. Девушка слезно молила путников, чтобы они извлекли ее из горы, чтобы спасли, а уж она тогда даст им такое богатство, какого только они захотят. Только никто не отваживался ее спасти, потому что боялись собаки. Видели эту девушку и книгу читающей.

[Бинемани, 66]. Первая публикация (на нем. яз.) см. журн. «Baltische Monats-schrift», Bd XXIX. Зап. А. Биленштейн.

90

Неподалеку от Яунпилса, в Курземе, находится гряда холмов, прозываемая Висельные горы; их леса, глубокие долины придают окрестности поэтическую окраску. Некогда в старину, как гласит легенда, здесь стоял большой, могучий замок, задолго до того, как нынешний [немецкий] Яунпилсский замок построили. В замке жил богатый, могущественный вожь; при нем ни одна слеза не орошала полей бедных земледельцев, потому что всюду он поспевал с помощью; даже издали шли к нему люди в трудный день, а уж он всем помогал. Но было это давным-давно. И вот [...] пришли горестные времена. Добрый вожь не смог помочь людям — чужеземцы осадили его замок. Но небо простерло руки над ним и его войнами — не смогли [враги] убить его, благодетеля своего народа. Глубоко в гору ушел он со своими войнами, замком и всем добром. Столетия прошли над землей, и могучее дерево распростерло свои тенные ветви над вершиной холма. Выросло оно из ворот старого замка, корни его ушли глубоко в старые стены, а ветви его порою волшебн звучат, шелестят. Тем, кто внимает им в тиши, дерево это шепчет имя древнего вожь; веками шепчет оно это имя, только никто не может его уловить. Но однажды дерево произнесет имя вслух, отчетливо, и услышит его народ и разнесет имя древнего благодетельного вожь с ликованием по всей земле. Тогда новый замок погрузится, а старый, словно по волшебству, снова поднимется к солнечному свету. Древний вожь предстанет в своем прежнем величии и могуществе и обойдет, благословляя, окрестности. И снова он в своем

старом замке будет творить справедливость и благо, оказывать людям помощь и давать советы.

[Бинемани, 54—55]. Первая публикация (на нем. яз.) в журн. «Inland», 1859 г.— «по рассказу некоего старого латыша».

91

„Netāļu no Jaunpils tagadējās pils atronas Jaunpils pilskalns jeb Kartavu kalni. Šinī kalnā sensenos laikos stāvējuse pils, kas visā novadā tāļu bijuse redzama. Bet pils līdz ar ļaudīm nogrimuse kalnā, savu vārdu uzticēdama kādam vecam kokam. Kad nu kāds cilvēks pils vārdu uzminēsot, tad vecā pils izcelšoties no kalna ar visiem ļaudīm un tagadējā pils no zemes virsus nozudišot. Jāņu naktis kalna iekšienē varot dzirdēt it kā ligojam tālumā koklējām. Tur tad apakšzemes iedzīvotāji svinot Jāņu svētkus”.

«Неподалеку от теперешнего Яунпилсского замка есть замковая гора, или Висельные горы. На этой горе в стародавние времена стоял замок, который был виден далеко вокруг. Но замок вместе с людьми ушел в гору, доверив свое название старому дереву. Когда какой-нибудь человек название замка угадает, старый замок поднимется из горы вместе с людьми, а теперешний замок с поверхности земли исчезнет. В Янову ночь внутри горы вроде бы звучит веселье, как будто куклы звенят. Обитатели замка Янов праздник под землей справляют».

[LP VII, 1, 1086]. Зап. Наудишник в Яунпилсе (Тк) ок. 1887 г.

92

Mežotnes pilskalns atrodas uz Lielupes kreisā krasta pretim Mežotnei. Reiz kāds ganu zēns ganījis aitas pie pilskalna. Rīts bijis agrs, un zēnam sācis nākt miegs. Viņš arī zālītē apgūlies un drīz aizmidzis. Pēc brīža atmodies viņš redzējis ka trūkst vienas aitas. Redzēdams ka citas aitas mierīgi ēd, viņš gājis pazudušo meklēt. Aita mierīgi ēdusi starp krūmiem. Zēns gājis aitu dzīt atpakaļ bet aita projām. Vienā krūmā aita iegājusi alā. Zēns aitai ielidis pakaļ. Sev priekšā viņš pamanījis seno Mežotnes pili. Pils pagalmā, uz šķēpiem atspiedušies, stāvējuši senie zemgaļu kareivji. Zēns gribējis bēgt bet kāda balss viņam teikusi: „Redzi šos mēmos varoņus un mācies no viņiem aizstāvēt savu tēvijul” Zēns ļoti nobijies un steigšus izdzinis aitu no alas ārā un ilgi nerādījies uz to pusi.

Межотненское городище находится на левом берегу Лielупе, против Межотне. Однажды пастушок пас овец возле городища. Было раннее утро, мальчика одолевал сон. Он прилег на травку и вздремнул. Проснулся, видит: овцы спокойно пасутся, но

одна исчезла. Мальчик пошел ее искать. Овца мирно паслась в кустарнике. Мальчик погнался за ней. [В пещере] он увидел древний Межотненский замок. Во дворе, опершись о мечи, стояли древние земгальские воины. Мальчик хотел убежать, но чей-то голос произнес: «Гляди на этих немых героев и учись у них защищать отечество!» Мальчик очень испугался, поспешил выгнать овцу из пещеры и долго не ходил в ту сторону.

[Ac 316—317]. Зап. А. Бучус в 1926 г. в Межотне (Б), сказ. Р. Бучус, пер. М. Крупниковой.

93

„Vecos laikos uz Mežotnes pilskalna bijuse stipra pils. Bet vienu nakti tā nogrimuse. Reiz gan tā atkal uzcelšoties, bet kad, to nevarot zināt“.

«В древние времена на Межотненском замковом холме стоял крепкий замок. Но в одну ночь он ушел под землю. Когда-нибудь опять подымется, да вот когда — неизвестно».

[LP V, 397]. Зап. Павеню Едис в Рундале (Б).

94

Tai laikā, kad latvieši vēl paši par savu dzimteni un viņas mežiem un druvām kā brīvi ļaudis valdīja, uz augstā pilskalna pacēlās lepna un stalta latviešu pils. Aiz viņas augstiem un bieziem vaļņiem iedzīvotāji slēpās kara gadījumos. Kad gandrīz visi no pils un apkārtnes iedzīvotājiem bij krituši cīņā pret bruņiniekiem, tad arī pils ar vēl pāri palikušajiem cilvēkiem nogrima. Šis nogrimušās pils vārds tika uzticēts kādam vecam kokam, kurš pils tuvumā auga un zem kura agrākie pils iedzīvotāji bija upurējuši saviem dieviem. Bet, ja kāds vecās pils vārdu uzminētu, tad pils līdz ar saviem kareivjiem celtos augšup.

Reiz gājuši divi ceļinieki pār šo pilskalnu. Piepeši viens no viņiem pakritis, jo kāja bijusi aizmetusies aiz kāda satrunējuša balķa gala. Viņš izlauzis šo balķi, lai citiem nebūtu jākrīt, un zem viņa ieraudzījis kādu tumšu caurumu. Līdis iekšā, bet, kad izlīdis, nevarējis savam biedrim nekā pastāstīt, jo palicis mēms. . .

В те времена, когда латыши еще сами своей отчизной, ее лесами и нивами как свободные люди владели, на высоком замковом холме вырос величественный и стройный латышский замок. За его высокими и толстыми стенами жители укрывались во время войны. Когда почти все жители замка и его окрестностей пали в битве с рымлярами, замок с несколькими оставшимися в живых ушел под землю. Название этого скрывшегося замка доверено одному старому дереву, которое растет поблизости от замка и под которым древние обитатели замка приносили жертвы своим богам. Но если

кто угадает название старого замка, то замок вместе со своими войнами поднимется из-под земли.

Шли как-то два путника по замковому холму. Вдруг один из них споткнулся: зацепился за конец какого-то истлевшего бревна. Выломал он этот конец, чтобы другие не падали, и увидел под ним темный провал. Взял и полез туда, а когда вылез, не мог своему товарищу ничего рассказать: онемел...

[Ас 325]. Зап. К. Янсон в 1929 г. в Яунелгаве (Ек). Тексты различных преданий о погружившихся под землю замках см.: LP I, 177—178; VI, 204; VII, I, 1079—1081, 1083—1085, 1096; PS XV, 333, 456; Ас 298, 315—319. Много записей в FS.

[Kāds liels tēviņš nogremdē ķēniņa zelta pili ar visu meitu. Valdnieks apņemas sūtīt savus trīs stiprākos vīrus: Vakaru, Pusnakti un Gaismu „gremdētājam uz ādu.” Vakars un Pusnakts pēc kārtas gājuši ar tēviņu cīnīties, taču nav varējuši nogrimušās pils lielos vārtus atdarīt.]

„Beidzot Gaisma taisījies ceļā. Viņš gājis lēniem soļiem, pārdomādams, kā vārtus atdabūt. Te neviļot satīcis vecu vīru. (Tas bijis Dievs). Vīrs prasījis Gaismai, lai pateicot, uz kuriem gribot iet. Gaisma izstāstījis visu galu no gala. Nu vīrs apmācījis, lai trīsreiz sperot ar labo kāju pa vārtiem, tad atdabūšot vaļā. Gaisma tā darījis. Vārti atvērušies, un lielais tēviņš kritis Gaismai virsū; bet Gaisma nožņaudzis tēviņu. Tūda pils pacēlusēs ar visu valdnieka meitu”.

[Какое-то чудовище утащило под землю королевский золотой дворец вместе с королевской дочерью. Повелитель решает, что три самых сильных воина — Вечер, Полночь и Рассвет — должны отправиться и «проучить злодея». Вечер и Полночь поочередно выходят биться с чудовищем, но не могут открыть большие ворота дворца.]

«Наконец Рассвет отправился в путь. Шел он медленным шагом, размышляя, как ворота открыть. И встретил по дороге старца. (А это был Диев). Спросил старец у Рассвета, куда тот идет. Рассвет рассказал ему все как есть. Старец и научил его, чтобы он пнул три раза правой ногой в ворота, они и распахнутся. Рассвет так и сделал. Ворота распахнулись, и большое чудовище набросилось на Рассвета, только Рассвет задушил чудовище. Тут и дворец поднялся вверх вместе с королевской дочерью».

[LP III, 78—79]. Зап. О. Кирштейн в Мисе (Б) [А.-Т. 301].

[Velns nozadzis kādam valdniekam meitu un ieslēdzis to zelta pilī, kas atradusies augstā kalnā, alas dibenā. Valdnieks sūtījis savus trīs vīrus — Vakarū, Pusnakti un Gaismu, lai meitu atpestītu. Vakars un Pusnakts nav varējuši Velnam pietikt. Pēdīgi gājis Gaisma.]

„Gaisma uzkāpis kalnā, atlauzis vārtus un iekļuvis zelta pilī pie meitas; bet Velns tai brīdī nebijis mājā. Meita sagaidījuse Gaismu ar lielu prieku un pamācījuse, lai tik gaidot tur otrā istabā, gan jau Velns drīzi pārnākšot.

Pēc laba brīža Velns pārradies un tūdaļ prasījis, kas esot uzlauzis vārtus. Meita brīnījuse: „Kas tad nu varēja uzlauzt: vai tad tev kāds pretinieks maz ir?”

„Ir gan! — Velns atteicis, — Gaisma mans vienīgais pretinieks, bet par to nekas: te viņš nekad neiekļūs; ne zvirbulis viņa smaku te neatnesīs”.

Bet pašā tai brīdī Gaisma iznācis no otras istabas ar savu zobinu un iedzinis Velnu līdz ceļiem zemē. Velns turējies, cik jaudājies, tomēr nelīdzējis: Gaisma to iedzinis pavisam zemē un nodūris to ar zobinu. Un tūlī zelta pils pacēlusēs kalna galā. Gaisma paņēmis valdnieka meitu pie rokas un pārvedis pie tēva”.

[Черт похитил королевскую дочь и заключил ее в золотой замок, который находился в высокой горе, в глубине пещеры. Три воина — Вечер, Полночь и Рассвет — идут выручать девушку. Вечер и Полночь не смогли проникнуть к Черту. Наконец пошел Рассвет.]

«Рассвет влез на гору, распахнул ворота и прошел в золотой замок к дочери [короля]; а Черта в это время не было дома. Дочь [короля] встретила Рассвета с большой радостью и научила, чтобы он ждал в другой комнате, а то Черт скоро придет.

Через какое-то время является Черт и тут же спрашивает, кто это ворота выломал?

— Кто же это мог выломать? Разве есть достойный тебя противник? — удивляется королевна.

— Есть! — отвечает Черт. — Рассвет — мой единственный противник, но это ничего: сюда он никогда не проникнет; даже воробей его духу сюда не занесет.

И в то же самое время Рассвет вышел из другой комнаты со своим мечом и вогнал Черта по колено в землю. Черт держался до последнего, но все же не устоял: Рассвет совсем вогнал его в землю и прикончил мечом. И тут же золотой замок поднялся на вершину горы. Рассвет взял королевскую дочь за руку и привел к отцу».

[LP III, 79]. Зап. Штраус в Маззалве (Ек) [А.-Т. 301].

[Младший сын, желая узнать, что такое страх, по приказанию короля попадает в заколдованный, погрузившийся под землю замок. С ним королевский солдат, младший сын посылает его за дровами. Через какое-то время в трубу падают чья-то рука, нога, потом вторая рука и нога, затем голова, туловище, но герой не испытывает ни малейшего страха.]

«Затем он вышел и смотрит, где его солдат, и видит, что солдат за дверьми у стены замерз. Взял его дурак, внес в кухню да и говорит:

— Ты так замерз; погоди, я тебя отопрею.

Положил он солдата у огня и греет, а между тем видит: упавшие ноги, руки, голова и туловище соединяются да оживают. Вынул он свой меч, отсек от ожившего тела голову и, сварив свои клецки, вошел в дворцовую палату — принялся есть. Вошел другой [черт] с двумя головами и спрашивает:

— Что ты тут делаешь?

Дурак вынул свой меч, отсек черту обе головы, бросил их в погреб и продолжал есть свои клецки. Вошел третий черт с тремя головами. Дурак отсек и у него головы и все продолжал есть. Вошел четвертый черт с четырьмя головами. Дурак сделал с ним то же самое».

[Герой побеждает пятого, шестого, седьмого черта и прочую нечисть, и замок освобождается от колдовства.]

«И услышал он такой шум, что вся земля сотряслась — точно гром загремел (pērkona dumpis). Тогда поднялся замок из земли. Пришел царь, возложил корону на его голову и провозгласил его царем и своим зятем. И в то же самое время провалился в землю (argrīma) замок того царя, который его околдовал (aplādējis, arbūris). А этот царь царствует вместе со своим зятем счастливо еще и ныне, если не померли».

[Сб 71—73]. Зап. Плочкалн и Виднер в Скрунде (Клд) [А.-Т. 326].

Варианты сказки типа А.-Т. 326 об испытаниях героя в заколдованном (иногда погрузившемся под землю) замке, о его бесстрашии, вследствие которого чары с замка спадают, см. PS II, 433—459. Много записей в FS.

Дуб — символ мужчины, липа — символ женщины

Ozols auga kalnīnā,
Liepa auga lejiņā.
Pate liepa attecēja,
Ozoliņa lūkoties.

Дуб растет на горке,
Липа растет в низине.
Сама липа прибежала
На дуб поглядеть.

[LD 12197]. Зап. Я. Неуман в Лиезере (Мд).

Vīņpus upes kupla liepa,
 Šaipus zaļis ozoliņis.
 Dievs, dod miežu vasariņu,
 Līgos liepa pie ozola.

По ту сторону реки — раскидистая липа,
 По эту сторону — зеленый дубок.
 Дай бог урожайное для ячменя лето —
 Заколышется липа подле дуба.

[G. F. Buettner], Latviešu ļaužu dziesmas un ziņģes, Jelgavā, 1844, № 2072.
 Зап. в Лиелварде.

Усинь, или Узинь

100

Kad pirmo medu ņem, tad ziedo Ūsiņam.

Когда первый мед берут, то приносят его в жертву Усиню.

[LP VII, 1, 365]. Зап. П. Тортус в Яунлайцене (Влк).

Сыны Диева варят пиво

101

Dieva dēli alu dara
 Vizulišu kanniņā,
 Saules meita guni kūra,
 Vaska cimdi rociņā.

Сыны Диева пиво варят
 В изукрашенном чане,
 Дочери Сауле огонь поддерживают,
 В желтых¹¹ рукавичках [они].

[LD 33753]. Зап. в Лубане (Мд).

Вихрь

102

„Ļaunais jau nevar pat ne mierīgi un klusu pastaigāties; viesulis un vētra tūdaļ kājās, viņu pavadīdami“.

«Нечистый не может тихо и спокойно ходить; тут же вихрь и непогода подымаются, его сопровождая».

[LP I, 162]. Зап. А. Лерхис-Пушкайтис в Джуксте (Ег).

¹¹ В оригинале: «vaska cimdi» — «восковые (украшающий эпитет) рукавицы».

Viesulis esot dzīvs, un viņam vidū esot sirds ar asinīm.

Вихрь, он живой, и сердце у него с кровью.

[LTT 32889]. Зап. А. Васкис в Тукуме.

Lai novērstu Viesuli, tad tam pašā vidū vajaga iesviest nazi, kas to
piestiprina pie zemes.

Чтобы отвлечь Вихрь, надо в самую середину ему кинуть нож, он и пригвоздит
его к земле.

[LTT 32891]. Зап. В. Винтере в Матишах (Влм).

Женитьба Диева на Сауле

Kam tie zirgi, kam tie rati
Pie Dieviņa namdurēm?
Dieva zirgi, Laimes rati,
Gaida Sauli iesēstam.

Чьи это кони, чья повозка
У Диевых ворот?
Диевы кони, Лаймина повозка,
Ждут, когда Сауле усядется.

[LD 33799v]. Зап. Янис Авен в Вецпиебалге (Ц).

Сауле едет по небосводу

Saule brauca gar debesi
Div' dzeltenī kumeliņi.
Ai Saulīte mīla balta,
Vai tie tev nepiekusa?
— Lai tie kusa, lai nekusa,
Man nav vaļas dusināt.

Едет Сауле по небу
На двух золотистых конях.
Ах, Саулите любезная,
Не притомились они у тебя?
— Притомились не притомились,
Некогда мне дать им отдохнуть.

[LD 33915]. Зап. в Алсунге (Азп). Прислал Вецгулбенский (Мд) учитель
Пипинь.

Женитьба Месяца на дочери Сауле

107

Kam tie sirni kumeliši
Pie Dieviņa nama durīm?
Tie Mēneša kumeliši,
Saules meitas precenieka.
Šodien Saules, šodien Saules,
Šodien Saules meitu veda;
Šodien Saule apsedlo
Simtu bērus kumelišus,
Dod tu, Dieviņ, Mēnešam
Simts dēliņus jāējīņus.

Чьи это серые кони
У Диевых ворот?
Это Месяцовы кони,
А он сватает дочку Сауле.
Нынче Сауле, нынче Сауле,
Нынче Сауле дочку выдает;
Нынче Сауле седлает
Сотню гнедых коней,
Дай Диев Месяцу
Сотню сынков-наездников

[G. F. Buettner] Latviešu ļaužu dziesmas un ziņģes, Jelgavā, 1844, № 2841.

Звезды — дети Месяца и Сауле

108

Viņos laikos Mēness apprecējis Sauli. Viņi piedzīvojuši daudz bērnu: visas zvaigznes. Bet vienreiz Mēness palicis nezticams: sācis mīlīnāties ar Rīta zvaigzni. Nu Saule sanīdusies ar savu vīru un pavēlējuse Rīta zvaigznei arvien viņas tuvumā uzturēties.

В древние времена Месяц женился на Сауле. Нажили они много детей: все звезды. Но как-то Месяц неверность проявил: стал любезничать с Утренней звездой. Рассердилась Сауле на своего мужа и велела Утренней звезде всегда подле нее держаться.

[LP V, 111]. Зап. Я. Озол в Айзкраукле (Pr).

Перкон и его сыновья

109

Kalējs kala debesīs,
Ogles bira Daugavā:
Saules meitas saktu kala,
Dieva dēla zobentiņu.

Кует кузнец в небесах,
Сыплет угли в Даугаву:
Дочке Сауле кует сакту,
Сыну Диева — меч.

[LD 33728]. Зап. А. Юрка в Салаце (Влм).

Близкие этому типу песни о Кузнеце, который кует в небе для дочерей Солнца и сынов Диева [LD 33723; 33725—33726; 33730].

Kalējs kala debesīs,
Ogles bira Daugavā,
Es paklāju villanīti,
Man piebira sudrabiņa.

Кует кузнец в небесах,
Сыплет угли в Даугаву;
Расстелю я покрывало,
Пусть насыплется мне серебро.

[LD 33724v]. Зап. А. Шкерберг в Лиелварде (Рг). Песня в LD имеет 110 вариантов [LD 33724—33724, 8]. В FS ок. 450 записей песни этого типа. Существуют и другие песни о Кузнеце, который кует в небе [LD 33721—33722; 33727; 33729; 33731].

Pērkonami pieci dēli,
Visi pieci amatnieki:
Divi rūca, divi spēra,
Piektais šķīla uguntiņu.

У Перкона пять сынов,
Все пятеро умельцы:
Двое громыхают, двое ударяют,
Пятый высекает огонек.

[LD 33704v]. Зап. Э. Жагат в Лиелварде. В LD — 57 вариантов (33704—33704, 8v).

Происхождение земли и человека

Kad pasaule vēl nebij radīta, tad Dievs līdinājās līdz ar Velnu bezgalīgā tukšumā. Tā līdinoties, Dievs kādreiz bija nodomājis sākt radīt pasauli. „Klau, Veln, — tā viņš sacīja, — tu māki ātri skriet. Laidies lejup tālu tālu! Tur tu redzēsi savādus gružus un putekļus viesulī griežamies. Satver tos, cik vari, sauļā un atnesi man!” Velns paklausīja un šāvās lejup. Lai gan viņš skrēja kā bults, tomēr pagāja labs laiks, līdz nokļuva pie apzīmētās vietas, kur gruži, putekļi griezās viesulī. Viņš sāka tos tvarstīt un arī satvēra cik necik sauļās. Bet te nu Velna neuzticīgais prāts sāka vaicāt: ko gan Dievs darīšot ar šiem gružiem un putekļiem? kam tie viņam vajadzīgi? Velnam cēlās domas, ka Dievs varbūt gribot izlietot tos sev vien par labu, tādēļ nodomāja paturēt kādu drusku priekš sevis. Bet kad nu Velnam nebija nekāda apgērba, kur gružus paslēpt, tad viņš ieņēma kādu mazumiņu no tiem mutē un citus nesa sauļās Dievam. Kad bija atkal aizskrējis pie Dieva atpakaļ un sabēris atnestos gružus, putekļus Dievam sauļā, tad Dievs sēja tos debess izplatījumā, sacīdams: „Lai aug un zaļo!” Un, lūk, tūdaļ parādījās apakšā jauka zaļa, līdzena zeme. Koki auga acīm redzot, puķes sāka plaukt un ziedēt. Bet Velns nomanīja arī savā mutē

kaut ko vareni augam. Viņš turēja gan muti visā spēkā cieti, bet nelīdzēja nekā, jo tur iekšā auga un auga vēl trakāki. Vaigi Velnam izspiedās kā kalni, un viņš novērsās no Dieva, lai tas viņa seju neredzētu. Vēl gan mazu brītiņu Velns spēja saturēt muti cietu, bet tad spruka ar varu vajā un gāzās lieli zemes piki laukā jaunai pasaulei virsū. Šie zemes piki, ko Velns izgrūdis no mutes, redzami vēl tagad pa visu zemes virsu un viņus sauc par kalniem.

Когда мир еще не был сотворен, Диев с Вэлном летали в безграничной пустоте. И вот, летая так, Диев надумал как-то сотворить мир.

— Слушай, Вэлн,— говорит он,— ты умеешь быстро бегать. Спустись вниз, далеко, далеко! Там ты увидишь вихри из всякой пыли и сора. Ухвати, сколько сможешь, в горсть и принеси мне!

Послушался Вэлн и помчался вниз. И хоть летел он стрелой, все же прошло много времени, пока добрался он до нужного места, где вихрем крутились пыль и сор. Стал ловить и поймал в горсть, сколько смог. И тут недоверчивый Вэлнов ум стал допытываться: а что Диев будет делать с пылью и сором? Зачем ему это? Решил Вэлн, что Диев хочет, быть может, только себе во благо что-то учинить, и решил какую-то часть [пыли и сора] придержать. А так как никакого одеяния у Вэлна не было, куда бы прах спрятать, то он спрятал немного в рот, а остальное принес в пригоршне Диеву. Прилетел он к Диеву, вытряхнул принесенное в пригоршню ему, а Диев рассеял все по небосводу и сказал:

— Пусть растет и зеленеет!

И тут же образовалась внизу красивая зеленая ровная земля. Деревья на глазах вырастают, цветы распускаются и цветут. Чувствует Вэлн — и у него во рту что-то разрастается. Уж изо всех сил сдерживает — не помогает, так наружу и выпирает. Раздулись щеки у Вэлна, как горы, он уж от Диева отворачивается, чтобы тот лица его не видал. Потерпел еще какое-то время Вэлн, потом как вырвались из него и повалились глыбы земли на ровную гладь нового мира. Глыбы эти, которые изо рта Вэлна изверглись, и по сей день видны на поверхности всей земли, и зовут их — горы.

[LP VII, 1, 1192—1193]. Зап. ок. 1883 г. Варианты: LP VII, 1, 1192; PS XIII, 119—120, 124.

Dievs visus akmeņus radījis mīkstus un pieteicis Velnam, ka lai akmeņus neaiztiekot. Velns, zinķārības dzīts, aizticis akmeņus, un tie visi no tā laika esot palikuši cieti.

Диев создал все камни мягкими и наказал Черту их не трогать. Черт, побуждаемый любопытством, потрогал камни, и все они с тех пор затвердели.

[FS 219, 142]. Зап. П. Дзерве в 1926 г. в Лизуме (Ц); сказ. Я. Лауцис и Р. Дзерве.

114

Dievs apsviedis visu zemi ar pūpēžiem. Tie bijuši mīksti. Velns staigājis pa zemes virsu un visus pūpēžus izmīņājis. Tie palikuši cieti un nosaukti par akmeņiem.

Диев усеял всю землю грибами-дождевиками. И были они мягкими. Вэлн ходил по земле и дождевики топтал. Стали они твердыми, и прозвали их — камни.

«Teikas par Dievu», Izlase, izd. Latviešu folkloras krātuve, Rīgā, 1929, стр. 10. Зап. И. Медне в Риге; сказ. М. Биеле.

115

«Однажды черту пришло в голову побросать в Двину большие камни, чтобы погубить струги и плоты, плывущие по Двине. Впопыхах он побежал мимо корчмы Паргис (Pargis krogu) в Багскую волость (нем. Neuuhof). У корчмы и ныне еще виден его след на одном камне во рву. Ров и теперь называется „Чертовым следом“ (Velna rēda). Добежав до Багского поместья, он схватил большущий камень, донес его до Балодской усадьбы и бросил в Двину».

[Сб 24]. Зап. Я. Озол в Сауке (Ек).

116

Dievam un Velnam bijušas lielas pļavas. Dievam bijis kalniņš, bet Velnam bijusi izkapti. Dievam bijusi jāpļauj zāle. Dievs paņēmis Velna izkapti un nopļāvis savu zāli. Velns brīnījies: kā Dievs ar kalniņu varējis nopļaut zāli. Velns paņēmis Dieva kalniņu un sviedis ap zāli. Kalniņš iedūries kokā. Toreiz koki bijuši bez zariem. Tā no tā laika kokiem zari radušies.

У Диева и Вэлна были большие луга. У Диева было долото, а у Вэлна — коса. Надо было Диеву накосить травы. Взял Диев [без ведома Вэлна] Вэлнову косу и накосил себе травы. Удивился Вэлн: [ему показалось] что Диев может долотом траву косить. Взял Вэлн Диево долото и давай по траве махать. А долото все в деревья вонзается. Деревья тогда были без веток. А с той поры начали у них ветви расти.

[Ас 247]. Зап. П. Дзерве в 1926 г. в Лизуме (Ц); сказ. Я. Лауцис и Р. Лзерве.

Dievam bijis smuks sunītis; tas viņam vienmēr līdz skraidījis. Velnam arī iepaticies tas sunis un — neko vairāk — iztaisījis tādu pašu no māliem. Nu pūtis dzīvību suņam. Pūtis, pūtis — izpūties no rīta līdz vakaram — sunis kā neceļas, tā neceļas. Ko nu? Gājis Dievam padoma prasīt. Dievs mācījis Velnu: lai pieejot savam sunim klāt un sakot: „Celies, vilks, kodi Velnu!” Velns domājis: „Par ko es teikšu: — kodi Velnam! labāk teikšu: nekodi Velnam!” Un nu uzsaucis savam māla sunim: „Celies, vilks, nekodi Velnam!”, bet sunis neceļas un neceļas. Nu labi redzējis — tā galā netiks — būs jāsauc: kodi Velnu! Labi, — drošības dēļ aizmācījis aiz kārkļu krūma un saucis arī: „Celies, vilks, kodi Velnu!” Kā to izteicis, te no māla suņa izgadijies vilks un taisniem soļiem Velnam virsū! Velns aizsprucis pār kalnu kalniem.

Un tā vēl šo baltu dienu Velnam no vilka jābēgot.

Была у Диева красивая собачка; она всегда за ним бегала. Вэлну тоже захотелось [собачку иметь], вот он и сделал себе такую же из глины. Стал жизнь в нее вдуть. Дул, дул, с утра до вечера дул — собачка хоть бы что: не шелохнется. Что делать? Пошел к Диеву совета просить. Диев и научил Вэлна — подойди, мол, к собачке и скажи: «Вставай, волк, кусай Вэлна!» Вэлн подумал: «А зачем мне говорить: „Кусай Вэлна!” Я лучше скажу: „Не кусай Вэлна!”»

— Вставай, волк, не кусай Вэлна! — крикнул он своей глиняной собачке.

Только собачка никак не встает. Видит Вэлн — не остается ничего другого, как кричать: «Кусай Вэлна!» Ладно, присел для надежности за ивовый куст и кричит от туда:

— Вставай, волк, кусай Вэлна!

И только произнес это, как тут же из глиняной собачки выскочил волк и прямо на Вэлна! Вэлн так и дунул от него за горы, за доли.

И по сей день еще Вэлну от волка приходится бегать.

[LP VI, 292]. Зап. Бриедис (Пиперу Август) в Эргли (Ц). Варианты: PŠ XV, 166—167. В сборнике латышских преданий «Teikas par Dievu» (1929, стр. 51—52) даются сведения о восьми неопубликованных вариантах [FS].

Reiz Dievs uztaisījis biešu dobē cilvēkam līdzīgu tēlu ar vienu aci, ausi, roku un kāju, teikdams: „Labu redzēt, labu dzirdēt, labu darīt un labus ceļus staigāt!” Velns nav gribējis palaisties un pietaisījis otru aci, ausi, roku un kāju, teikdams: „Ļaunu redzēt, ļaunu dzirdēt, ļaunu darīt un ļaunos ceļus staigāt!” Atnācis Dievs un iepūtis dzīvību, un tā radies cilvēks. Tamdēļ cilvēkas ir ne visai labs un ne visai ļauns.

Как-то сделал Диев на свекольной гряде похожее на человека создание с одним глазом, одним ухом, одной рукой и ногой, сказав: «Видеть благое, благое слышать, творить благое и благими путями ходить!» Вэлн не хотел отстать и приделал второй глаз, второе ухо, вторую руку и ногу, сказав: «Видеть дурное, слышать дурное, творить дурное и дурными путями ходить!» Пришел Диев и вдохнул в свое творение жизнь. Так появился на свет человек, и потому человек не во всем хорош, но и не во всем плох.

[FS 724, 105]. Зап. Э. Линке в 1930 г. в Падуре (Клд); сказ. Т. Линке.

Диев и Вэлн — земледельцы и скотоводы

119

Sen senos laikos Dievam un tāpat Velnam katram bijuši savi tīrumi, ganības, pļavas.

Velns bijis iegādājis sevīm izkapti ko sienu pļaut, bet Dievs kalis sienu ar kaltu. Velns rītiem pa rasu vien pļāvis un, kad rasa nožuvusi, tad gājis gulēt. Dievs kalis visu dienu un nekur tālu neticis. Te Dievam ienācis labs padoms prātā: klusām, kamēr Velns gulējis, paņēmis viņa izkapti, nopļāvis vēl lielāku gabalu, nekā Velnam bijis nopļauts, un atkal atlicis izkapti vietā. Velns uzcēlies brīnīdamies: kā tikai Dievs ar kaltu tik lielu lauku nokalis? Un nu Velnam iepaticies pļaujamās rīkus mīt. Labi, Dievs paņēmis izkapti un Velns kaltu. Nu Dievam vedies ļoti labi, bet Velnam negājis nekurp. Velns sadusmojies, ka tik neganti pievilies, un sācis ļoti ātri kalt, bet, jo ātrāk kalis, jo vairāk pļavu izbakstījis, un tā, re, ciņi pļavās cēlušies.

В стародавние времена и у Диева, и у Вэлна были свои поля, выгоны, луга.

Вэлн постарался сделать себе косу, чтобы сено косить, а Диев сено косил долотом. Вэлн только утром по росе косил, а когда роса сходила, шел спать. Диев целый день косил и все не управлялся. Вот и пришла Диеву в голову мысль: потихоньку, пока Вэлн спит, взять его косу, скосить еще больше, чем было скошено у Вэлна, и снова косу на место положить. Встал Вэлн и дивится: как это Диев своим долотом такой луг выкосил? И захотелось ему поменяться с Диевом. Ладно, взял Диев косу, а Вэлн — долото. У Диева дело спорится, а у Вэлна ничего не получается. Рассердился Вэлн, что дал маху, и давай косить все быстрее да быстрее, а чем быстрее косит, тем больше луг ковыряет, оттого на лугу кочки и появились.

[LP VI, 450—451]. Зап. Милда-Скайдрите Упшнем в Аннениеках (Pr). Варианты: LP VII, 1, 1169—1170; PS XIII, 145—150. В сборнике «Teikas par Dievu» (стр. 37) имеются данные о восьми неопубликованных текстах (FS).

Dievs un Velns dzīvojuši kaimiņos. Abiem bijušas skaistas mājas un arī lauki. Bet Dievam nebijis lopu. Tas gājis nakti Velna laidarā un atvedis visas Velna govīs sev. Velnam bijušas visas toles, nešķeltiem nagiem. Dievs pielicis tām ragus, pāršķēlis nagus. No rīta velns brīnījies — laidars tukšs! Gājis pie Dieva: „Tu manus lopus esi aizvedis!” — „Nu, skaties: vai tie tavi?” Dievs teicis un vedis Velnu savā laidarā. Velns purinājis galvu: „Nē, man bija toles ar nešķeltiem nagiem. Tās nav manas”, tā viņš noteicis un gājis bēdīgs mājup.

Stāsta arī, ka Dievs Velnam lopus noblēdījis šādā kārtā. Velna gans, dzilna, ganos aizmigusi. Lopi sagājuši Dieva tīrumā. Dievs tos noķīlājis, pārvedis mājā, sadzinis kūti un visām tolēm pielicis ragus, kā arī pāršķēlis nagus. Velna govīs visas bijušas pelēkas. Dievs tām piešķīris dažādu spalvu. Vēlāk Velns nācis savus lopus meklēt, bet Dieva kūtī redzējis tikai raibaļas, lauķes, brūnaļas. Tā viņš nav varējis savas govīs vairs pazīt un palicis bez lopiem. Un dzilna arī vēl šo baltdien staigā apkārt un izbijušies sauc pazudušos lopus: „Tprū, tprū!”, jo arī viņa vairs savu ganāmo pulku nepazīst.

Диев и Вэлн жили по соседству. У обоих были славные усадьбы и поля. Но у Диева скотины не было. Пошел он ночью к Вэлну в коровник и перегнал всех Вэлновых коров к себе. У Вэлна они были все комолые, со сплошными копытами. А Диев приделал им рога, а копыта расщепил. С утра Вэлн глядит — коровник пустой! Пошел к Диеву:

— Ты мою скотину угнал!

— Да ты погляди, твоя ли это?! — говорит Диев и ведет Вэлна в свой коровник.

— Нет, у меня комолые были с нерасщепленными копытами. Не моя это, — покачал головой Вэлн и ни с чем побежал домой.

А еще рассказывают, как Диев у Вэлна скотину выманил. Вэлнов пастух, дятел, уснул на выгоне. Скотина зашла на Диевы поля. Забрал ее Диев, угнал к себе домой, запер в хлев и всем комолым коровам приделал рога, а копыта расщепил. У Вэлна все коровы были серые. А Диев сделал им всем разную шерсть. Пришел Вэлн своих коров искать, но увидел у Диева в коровнике только пеструх, лысух да буренок. Не смог он своих коров узнать, так и остался без скотины. И дятел по сю пору летает и испуганно зовет пропавшую скотину: «Тп-ру, тп-ру!», потому что и он свое стадо не узнает.

[PŠ XIII, 140]. Зап. В. Кундзиня в Нерете (Ек); сказ. Д. Звайгзне.

Sen, senos laikos Velnam bijis mazs pulciņš melnu govju un par ganu bijuse dzilna. Dievs nodomājis arī sev tādus pienīgus lopus iegādāt. No-

gājis pie Velna: lai pārdodot. Velns nepārdevis. Par to Dievs palicis dusmīgs un apņēmies kūti celt, lai sabizinātu Velna lopus tur iekšā. Kūti ceļot, pienāk Velns: „Ko tu te taisi?” „Kūti!” „Kur tad tev govīs?” „Kad būs kūts — radīsies govīs!” Velns neko. Tiklīdz kūts bijuse gatava — Dievs labi karstā dienā nolīcis kūts pasliegsnī izkāpti, iegādājies dažādas krāsas, uzsūtījis Velna govīm lielu baru dunderu, dzilnai saldu miegu un sabizinājis visus lopus savā kūtī. Govīs, kūtī skriedamas, pārgriezušas uz izkāpti nagus. Dievs visas piesējis valgos un nokrāsojis raibu raibas. Atnāk Velns ar dzilnu: tās esot viņa govīs tur kūtī. Dievs atsacījis: „Ja jums tādas bijušas, tad ņemat!” Velns aplūko govīs: no ģimja gan būtu tā kā viņa lopi, bet tie neesot ne īsti melni, ne arī nešķeltiem nagiem. Velns bēdīgs aizgājis, bet dzilnu aiztriecis lopus meklēt pa kaklu pa galvu. Vēl šo baltu dienu dzilna lelina lopus: „Trpr, trpr!”

В стародавние времена было у Вэлна маленькое стадо черных коров, а за пастуха был дятел. Решил Диев и себе таких молочных коров завести. Пошел к Вэлну: «Продай». Не продает Вэлн. Рассердился Диев и решил хлев построить, чтобы загнать туда вэлнову скотину. Строит он хлев, подходит Вэлн:

— Чего делаешь?

— Хлев!

— А где у тебя коровы?

— Был бы хлев, а коровы будут!

Вэлн ничего не сказал. Как только хлев был готов, Диев в жаркий день приладил к порогу хлева косу, припас разной краски, наслал на вэлновых коров стаю слепней, на дятла — сладкий сон и загнал всю скотину в свой хлев. Коровы, вбегая в хлев, копыта себе о косу разрезали, Диев всех их спутал и покрасил в разные цвета. Приходят Вэлн с дятлом — так, мол, и так, наши коровы тут.

— Если у вас такие были, то берите! — говорит Диев.

Смотрит Вэлн на коров: по облицию вроде бы его, да только не черные и копыта не цельные. Ушел Вэлн понуро, а дятла погнал в три шеи коров искать. И по сей день еще дятел коров созывает: «Тр-пр, тр-пр!»

[LP VII, 1, 1165]. Зап. Р. В. Берзинь в Аннениеках (Pr). Варианты: LP V, 104; VI, 450; VII, 1, 1160—1166; PS XIII, 129—131, 136, 138—141. В сб. «Teikas par Dievu» отмечается 24 неопубликованных варианта (FS).

Бели, угощение велей

122

Пора велей, «землика», или Диева дни, празднуются четыре недели: с 29 сентября до 28 октября.

[LTT 32509]; сведения взяты из кн.: С. Tetsch, Curländische Kirchengeschichte..., Königsberg und Rīga, 1767.

Zemlika jeb veļu laiks iesākās ap mūsu Miķēļa dienu un pastāvēja veselas četras nedēļas.

«Землика», или пора велей, начиналась около Михайлова дня и длилась целых четыре недели.

[LTT 32511]; из газ. «Latviešu Avīzes», 1845, № 37.

124

В определенную пору латыши отмечали так называемый «вечер велей», когда чествовались души умерших в истекшем году, которые в «вечер велей» снова сходились (в виде духов) у своих близких — на угощение. Накануне вечера велей все домохозяева готовились принять велей: женщины готовили вкусные кушанья (самым лучшим блюдом был творог — без творога не обходилась ни одна свадьба), мужчины ставили в риге длинные столы, по углам — деревца или украшали предназначенное для велей помещение другой зеленью. Парни ладили побольше светцов, куда горящую лучину уставляли кушаньями, затем окна и двери распахивали, чтобы велям было легче войти, и приговаривали:

Nāci, nāci, Veļu māte,
Ko par miegu bēdājies,
Atradīsi biezu putru
Gara galda galiņā.

Входи, входи, Матерь велей,
Не стоит о сне тужить,
Найдешь здесь кашу
В конце длинного стола.

Уходя домой, глава семейства наказывал всем, чтобы никто не оставался на ночь в бане или в риге, а дома чтобы все вели себя достойно. Утром все домохозяева съедали кушанья, которые благословила Матерь велей, и радовались, что отныне души ушедших состоят с ними в близкой связи.

[LP VII, 1, 280]. Зап. Спричу Эрнст в Мазсалаце (Влм) ок. 1891 г.

125

...старые люди рассказывали, что глава дома накануне вечера велей распахивал окна на ночь и обе створки привязывал сосновым лыком, чтобы велям было легче входить; девушки ставили под обеденный стол корзинки с шерстью и тонко чесанный лен, напевая при этом:

Augšlecīte, Zemlecīte,
Sēdies mēldru krēsliņā;
Sēdies mēldru krēsliņā
Velies vilnas groziņā!

Аугшлеците, Землеците,
Садись на камышовый стул,
Садись на камышовый стул,
Закатись в корзинку с шерстью!

«Andreja Pumpura raksti», K. Bērziņa arg., Rīgā, 1912, стр. XLIX—L. Отрывок из воспоминаний А. Пумпура о праздновании ночи велей в Лиельюмпрае (Pr) в середине XIX в.; эта часть воспоминаний опубликована в передаче литератора Юриса Калнина.

126

К окопцу бани надо прислонить шест, чтобы велям легче было туда попадать.

[LTT 32488]. Зап. А. Вилцынь в Лигатне (Pr).

127

Veļa māte, Veļa māte
Kara darbus pastrādāja:
Citam ņēma mīļu draugu,
Citam mīļu māmuliņu.

Матерь велей, Матерь велей
Ратных дел наделала:
У кого взяла милого друга,
У кого милую матушку.

[LD 27781]. Зап. Звайгжню Андж в Эргли (Ц).

128

Augšlēcite, zemlēcite,
Velis vylnas grūzēpā;
Velis vylnas grūzēpā,
Sēdis meldru krēsleņā!

Аугшлечите, Землечите,
Закатись в корзинку с шерстью;
Закатись в корзинку с шерстью,
Садись на камышовое кресло!

[Tdz 55097, 1]. Зап. Ф. Лемешонок в Силаяни (Рэ).

129

Augstlēcite, zemlēcite,
Nāc pa logu istabā;
Sēdies meldru krēsleņā,
Velies vilnas groziņā!

Аугшлечите, Землечите,
Ступай через окно в комнату;
Садись на камышовый стул,
Закатись в корзинку с шерстью!

[Tdz 55097]. Зап. в Сидгунде (Pr).

Песнь четвертая

Зиемельмейта

130

Tēvis, tēvis, tais' man laivu,
Aud, māmiņa, zēģelītes,
Lai es braucu jūrīnā
Ziemeļmeitas lūkoties.

Отец, отец, сделай мне лодку,
Вытки мне, матушка, паруса,
Чтобы поплыл я в море
К Зиемельмейте на смотрины.

[LD 30875]. Зап. Я. Неуман в Лиезере (Мд).

Jūriņ' prasa smalku tiklu,
 Laiviņ' baltu zēgelīš',
 Uzvelk baltu zēgelīti,
 Iet laiviņa mirdzēdama,
 Iet laiviņa mirdzēdama
 Līdz Ziemeļa namdurvīm.
 Ziemeļam ir daiļa meita,
 Tās es braucu lūkoties.
 — Vai tu brauci, vai nebrauci,
 Tu jau manis nedabūs'.
 Labāk tēva dubļus bridu
 Ne tautieša laipu gāj';
 Tēva dubļi sudraboti,
 Tautu laipas asaro's.
 — Nu ardievu, Ziemeļmeita,
 Tu vairs manis neredzēs':
 Nu es braukšu jūriņāi
 Pa tiem jūras krastiņiem,
 Pa tiem jūras krastiņiem,
 Pa tiem jūras vilnišiem.

A. Jurjāns, Latviešu tautas dziesmu krājums, II, Rīgā, 1885. Варанты: FS 208, 1745; 508, 1711; 1239, 1294; 1653, 3079; 1765, 4778; 1800, 3861; 1955, 9145; 1960, 1004, 5859, 7255, 7478; 1968, 3490 и др.

Tēvis, tēvis, dar' man laivu,
 Aud, māmiņa, zēgelit',
 Lai es braucu jūriņā
 Ar Ziemeļi rotāties.
 Ziemeļami skaistas meitas,
 Tās es braucu lūkoties.
 Pret vilnīti laivu griezu,
 Pret vējiņu zēgelit';
 Uzvelk' baltu zēgelīti,
 Iet laiviņa mirdzēdam',
 Iet laiviņa mirdzēdama
 Līdz Ziemeļa namdurvīm.

Отец, отец, сделай мне лодку,
 Вытки мне, матушка, паруса,
 Чтобы поплыл я в море
 С Зиемелисом поиграть.
 У Зиемелиса красивые дочки,
 Поплыву я на смотрины.
 Против волны лодку направляю,
 Против ветра парус поставлю.
 Поставлю белый парус,
 Бежит лодка, поблескивая,
 Бежит лодка, поблескивая,
 К воротам Зиемелиса.

[FS 1880, 948]. Зап. М. Берзинска в 1951 г. в Гарозе (Ег); сказ. Д. Сепе, 70 лет.

Kur iesiet, puisēniņi,
 Kažokos ģērbušies?
 — Ziemeļim viena meita,
 Tās iesim raudzīties.

— Куда вы, парни,
 В шубы обрядившись?
 — Есть у Зиемелиса одна дочка,
 Идем к ней на смотрины.

[Tdz 55661]. Зап. Я. Педер в Лаубере (Pr); сказ. Э. Педере, 85 лет. Песня в LD имеет 17 вариантов [LD 14425, 3; 14425, 3v; 14425, 4; 14425, 4v].

Северное сияние

Kad nakts laikā pie debesīm ziemeļa pusē gaišums atspīd, to sauc par baigiem jeb kāviem, jo tur nomirušu karavīru dvēseles kaujoties.

Когда ночью на небе с северной стороны свет играет, это называется «страхи» или «кави», потому что там души погибших воинов бьются.

[LTT 14188]. Зап. К. Шилинг ок. 1832 г. в Тирзе (Мд).

Ziemeļa blāzma esot karaļaužu dvēseles, kas karā nokautas. Kad tās kaujoties, tad tā esot briesmu zīme, kas karu vai citu nelaimi nozīmē.

Северное сияние — это [когда бьются] души павших воинов. Предзнаменование недоброе — войну или другую беду сулит.

[LTT 14185]. Зап. ок. 1836 г.

Страна псоглавцев

„Sumpurņu zemē dzīvojot cilvēki, kuriem ģimja vietā esot purns kā supiem.“

«В стране псоглавцев живут люди, у которых вместо лица морда, как у собаки».

[Jkr IV, 53]. Зап. Я. Карп в Цесвайне (Мд).

„Sumpurņi ir divejādā izskatā: suņu galvām un putnu galvām. Sumpurņi dzīvojot uz kādas svešas salas, kuru neviens nevarot uziet tikai retu reizi gadoties, ka vētras dzītus kuģus tur aiznes. Sumpurņu radi — ar putnu galvām dzīvojot atkal netālu uz otras salas”.

«Псоглавцы бывают двоякого обличия: с собачьей головой и с птичьей головой. Живут псоглавцы на некоем дальнем острове, куда никто не может попасть, только редко-редко туда корабль пригонит бурей. А родичи псоглавцев — с птичьими головами, живут неподалеку, на другом острове».

[LP VII, 1, 966]. Зап. Приедес Екаб ок. 1893 г. в Доле (Pr).

Cilvēki, no sumpurņiem bēgdami, āvuši vīzes ačgārni kājā, ka nevar pēdu sadzīt, lai sumpurnis domātu, ka uz otru pusi bēdzējs aizgājis. Bēruši arī pelnus vīzēs, lai sumpurnis nevarētu smakas saostīt. Reiz viens vīrs, no sumpurņa bēgdams, uzkāpis kokā, kurš bijis tuvu pie upes un uz upes pusi stipri ielicis. Sumpurnis, pa pēdām atskrējis, redzējis bēgļa pakrēsli ūdenī un domājis, ka cilvēks upē. Nu gribējis izlakt; bet tikmēr lacis, kamēr pārplīsis.

Люди, убегая от псоглавцев, обувают лапти задом наперед, чтобы нельзя было по следам гнаться, чтобы псоглавец подумал, будто человек в другую сторону побежал. Еще золы в лапти насыпают, чтобы псоглавец след не мог взять. Как-то один человек, от псоглавца убегая, залез на дерево, сильно пригнувшееся к реке. Псоглавец, по следу идя, увидел отражение беглеца в воде и подумал, что человек в реке. Решил он воду вылакать, лакал, лакал — да и лопнул.

[LP VII, 1, 998]. Зап. Я. Упитис в Гатарте (Ц).

Медный сад — место пребывания божеств

Aiz Daugavas vara dārzs
Baltā smilšu kalniņā;
Tur ziedēja zelta rozes,
Sudrabiņa magoniņas.
Dieva dēli bāleliņi
Puškoj' savas cepurītes,
Saules meitas jumpravīņas,
Darināja vainadziņus.

За Даугавой — медный сад
На белой песчаной горочке;
Там цветут золотые розы,
Серебристый мак.
Сыны Диева, юноши,
Украшают свои шапочки,
Дочки Сауле, девушки,
Делают веночки.

[LD 33739]. Зап. Янис и Александр Раман в Марциене (Мд).

Божества (Сауле, сыновья Диева) кидают
золотое яблоко

140

Kas tur kvit, kas tur zib
Viņē meža malīņē?
Dieva dēli kvitina,
Zeltāboli mētādami.

Что там сверкает, что сияет
В том конце леса?
Сыны Диева сверкают,
Кидая золотое яблоко.

[LD 33815]. Зап. Я. Хеннынь в окрестностях Сасмакас (Валдемарпилс).

141

Noiet Saule vakarā,
Zeltābolu mētādama;
No rītiņa uzlēkdama,
Sijā tīru sudrabiņu.

Идет Сауле к вечеру —
Золотое яблоко кидает;
С утра вставая,
Сеет чистое серебро.

[LD 33881]. Зап. Краусурбис в Межотне (Б).

Кони Сауле. Сауле ночует в золотой лодке

142

Saule savu kumeliņu
Jūriņā peldināja,
Rītos agri uzlēkdama,
Vakaros noiedama.

Сауле своего коня
Купает в море,
Утром рано восходя,
Вечерами заходя.

[LD 33945]. Зап. А. Лерхис-Пушкайтис в Джуксте (Ег). У песни много вариантов.

143

Saule savus kumeliņus
Jūriņāi peldināja;
Pate sēd kalniņāi,
Zelta groži rociņāi.

Сауле своих коней
В море купала;
Сама на холме,
Золотые вожжи в руках.

[LD 33944v]. Зап. Э. Жагат в Лиелварде (Рг). Песня в LD имеет 103 варианта [LD 33944—33944, 4].

Aiziet Saule šo vakaru,
Iekrīt zelta laivīnāi;
Uzlec Saule no ritiņa,
Paliek laiva ligojot.

Заходит Сауле с вечера —
Падает в золотую лодку;
Встает Сауле утром —
Лодка остается [пустая], качаясь.

[LD 33878v]. Зап. А. Бозе в Лиелварде (Pr). Песня в LD имеет 25 вариантов [LD 33878—33878, 3].

Край земли. Мореходы на краю земли

No jūriņas izpeldēja
Divi sirmi kumelīņi;
Vienam bija zvaigžņu dekis,
Otram zvaigžņu iemaviņi.
Tie zināja zemei galu,
Tie jūriņas dibeniņu.

Выплывали из моря
Два чалых коня;
На одном — попона звездная,
У другого — звездная уздечка.
Они знали край земли,
Дно морское они знали.

[G. F. Buettner], Latviešu lauku dziesmas un ziņģes, № 2238; зап. в Тирзе (Мд).

Agrāk domājuši, ka zeme esot plakana un apaļa kā ripa, kas nobeidzas tur, kur debess velve saplūst ar zemi. Tur esot neredzama siena. Nonāk līdz tai un tālāk ne soļā. Kas aiz šīs sienas, neviens nezina pateikt. Daži domā, ka tur esot kaut kas līdzīgs ellei. Īstā elle atrodas apakš zemes.

Раньше думали, что земля плоская и круглая, как лепешка, и кончается там, где свод небесный с ней сходится. [И что стоит] там невидимая стена. Дойдешь до нее, а дальше ни шагу ступить. Что за той стеной — никто того не знает. Некоторые полагают, что там вроде ада что-то. А настоящий ад, он под землей.

[FS 876, 159]. Зап. М. Кондрате ок. 1929 г. в Видземе.

Kur tālu tālu esot kāds mūris — pasaules mala, par kuru jūrnieki stāstot: ja kāds uz tā uzrāpītos, tas paliecot mēms, pieņemot laimīgu seju un nolēcot otrā pusē.

Где-то далеко-далеко есть стена — край земли, о котором мореходы рассказывают: кто на нее взберется, тот немой делается, лицо блаженное, и сразу же по ту ее сторону прыгивает.

[FS 876, 560]. Зап. А. Шмидхен ок. 1929 г. в окрестностях Талсы.

Viens ķēniņa dēls gribējis redzēt, kas ir aiz jūras, kur ir pasaules gals. Sarīkojis kūģi, ņēmis līdz savus līdzbiedrus un sulaiņus, bet savu ģimeni atstājis mājā. Pārtiku ņēmis līdz priekš septiņiem gadiem. Braucis pa jūru septiņus gadus, un tad tur nekā vairs nebijis, bet priekšā bijis liels, augsts mūris. Bijušas trepes uz tā mūra. Ķēniņa dēls ļoti gribējis zināt, kas aiz tā mūra, bet pats nekāpis augšā, sūtījis vienu sulaini. Tas uzkāpis augšā, pacēlis cepuri, noteicis „ardievu!” un nolēcis otrā pusē. Sūtījis otro sulaini. Tas uzkāpis augšā, pacēlis cepuri, pateicis „ardievu!” un nolēcis otrā pusē. Nu sūtījis ķēniņa dēls vienu savu līdzbiedri, solījis tam pusi no savas mantas, lai tikai pasakot, kas tur otrā pusē. Arī līdzbiedris uzkāpis, pacēlis cepuri, pateicis „ardievu!” un nolēcis otrā pusē. Nu gribējis ķēniņa dēls pats kāpt, bet sākusi jūrā celties vētra un balss vētrā teikusi: „Ja augšā uzkāpsi, tad savu ģimeni neredzēsi!” Ķēniņa dēlam ļoti gribējies redzēt savu ģimeni, un viņš braucis atpakaļ, neizzinādams, kas ir aiz tās pasaules sienas.

Некий королевич захотел узнать, что там, за морем, где край света. Снарядил корабль, взял своих товарищей и слуг, а семью дома оставил. Припасов взял на семь лет. Плыл по морю семь лет, и вдруг — впереди ничего нет, только большая высокая стена. А на стене лестница. Королевичу страшно захотелось узнать, что там за стеной, но сам он не полез, а послал слугу. Влез тот, поднял шапку, сказал: «Прощайте!» — и прыгнул по другую сторону. Послал [королевич] второго слугу. Влез тот, поднял шапку, сказал: «Прощайте!» — и прыгнул по ту сторону. Послал королевич своего товарища, посулил ему половину своих сокровищ, только бы он сказал, что за той стеной. Но и товарищ поднялся, снял шапку, сказал: «Прощайте!» — и прыгнул по ту сторону. Собрался было королевич сам полезть, но тут поднялась на море буря, и голос в буре сказал:

— Полезешь — больше своей семьи не увидишь!

Королевичу очень хотелось свою семью увидеть, и он поплыл назад, так и не узнав, что за той стеной на краю света.

[FS 41, 1148]. Зап. О. Тиман в 1927 г. в Виеталве (Мд). В «Указателе латышских сказок» А. Медне-Романе эта сказка имеет номер ***802.

„Kāda ķēniņa dēls brauc pār jūru un apmaldās. Vēji, vētras trenkā kuģi ilgu laiku šurpu turpu, nekur malas ieraudzīt, nekur jūras kāpu saredzēt. Tā paiet mēneši. Te kādā baltā dienā ķēniņa dēls paceļ acis un ierauga tālumā it kā jūras malu. Prieka pilns tas tūlīt pavēl kuģi uz to pusi griezt. Bet tavus brīnumus: jo vairāk salai tuvojas, jo skaidrāk savāds, jauks troksnis sadzirdams. Piebrauc salai klāt: jaukais troksnis apklus un pašai salai nekā klātu tikt, jo mūri augstum augstie visapkārt.

[Kad tie ir attālinājušies no šīs salas, jaukais troksnis atskan no jauna, bet piebraucot tai atkal klāt — apklust.]

„Kad tu izčibētul!” ķēniņa dēls iesaucas, „lai viens uzrāpjas uz augsto mūri paskatīties, kas tas par jauku troksni!”

Lielām mokām viens uzrāpjas arī, bet līdzko augšā, tas tūlīt saplaukstina rokas, skaļi iekliedzas un nolec otrā pusē zemē. Nu sūta otru, bet tas tāpat saplaukstina rokas, bezgalīgi priecīgs iekliedzas un nolec kā tauriņš zemē. Trešo tā vairs nelaiž, to iesien virvē un tad lai kāpj. Tas uzkāpj, grib lēkt zemē, bet citi atrauj atpakaļ uz kuģa. Nu visi apkārt, ko laba otrā pusē redzējis; bet nekā pateikt — šis mēms no priekiem palicis. Tagad ķēniņa dēls pavēl tālāk braukt”.

«Один королевич плыл по морю и заблудился. Ветры, бури долгое время швыряли корабль туда-сюда — нигде берега не видно, нигде морские дюны не маячат. Так прошел месяц. И вот как-то среди дня поднимает королевич глаза и видит — вдалеке вроде как остров. Обрадовался он и тут же велел корабль туда направить. Только вот чудо: чем ближе остров, тем дальше какой-то диковинный, красивый звук. Подошли к самому острову: красивый звук стих, а к острову не пристать: высокая-превысокая стена вокруг него.

[Когда путешественники отдаляются от острова, звук слышен снова, но стоит приблизиться — стихает.]

— Чтoб тебе пусто было! — воскликнул королевич. — А ну, влезьте кто-нибудь на эту стену, поглядите, что там за звуки!

С превеликими мучениями влез один, но как только влез, так тут же всплеснул руками, громко закричал и спрыгнул по ту сторону. Послали другого, тот тоже всплеснул руками, радостно закричал и спорхнул, как бабочка, вниз. Третьего так просто не послали, а привязали к нему веревку и только тогда отпустили. Он влез [на стену], хотел было спрыгнуть, но его втянули обратно на корабль. Все его обступили: что, мол, там хорошего увидел? А он ничего и сказать не может: онемел от радости. Тогда королевич велел дальше плыть».

[LP II, 1—2]. Зап. А. Лерхис-Пушкайтис в Джуксте (Ег) [А.-Т. 1137].

Mans vecis kādreiz stāstīja pasaku par jūrniekiem, kas atraduši paradīzi. Jūrnieki, laikam septiņi, vienreiz apmaldījušies jūrā un nevarējuši atrast ceļu atpakaļ. Braukuši, braukuši līdz ieraudzījuši priekšā lielu mūri. Kāpuši augšā paskatīties, kas mūrim otrā pusē. Bet kurš tikai uzkāpis, tas sasitis plaukstiņas (rokas) un ielēcis otrā pusē. Kad uz kuģa bijuši vairs tikai daži palikuši un pārējie nenākuši atpakaļ, tad palikušie griezuši kuģi atpakaļ un braukuši atkal meklēt mājas, ko tagad arī atraduši. Mājā tie stāstījuši, ka tur esot bijusi paradīze.

Мой старик рассказывал мне как-то сказку про мореходов, которые рай нашли. Мореходы — семеро, что ли, их было — затерялись как-то в море и не могли обратно дорогу найти. Плыли, плыли, потом видят — перед ними большая стена. Полезли на нее поглядеть, что там за стеной. Но как только кто-нибудь взлезет, так сразу всплещет руками и спрыгнет по ту сторону. Когда на корабле совсем мало народу осталось (те не вернулись), оставшиеся повернули корабль и поплыли снова дом искать, ну и нашли. А дома рассказывали, что там [за стеной] был рай.

[FS 648, 286]. Зап. К. Виетник в 1928 г. в Варнаве (Ек); сказ. А. Баумане. В «Указателе латышских сказок» А. Медне-Романе эта сказка обозначена номером *** 802.

Песнь пятая

Борьба с чертями в полночь у моста

[Vecākiem piedzimis spalvains dēls. Kad dēls liels izaudzis, tas bijis ļoti stiprs. Viņu iesaukuši par Lāču Jāni. Reiz Lāču Jānim ieticies pasauli redzēt: lai tēvs kaļot labu ceļa spieķi — viņš došoties ceļā. Ceļā viņš sastop citus stipriniekus — Kalnurāvēju, Zvejnieku.]

„Iet, iet — beidzot gadās verstī plata upe, kurā ūdens vietā tīras asinis tek. Bet par laimi upei liels tilts pāri. Pāriet tiltam — ierauga lielu pili ar varenēm vārtiem. Atvēruši vārtus un gājuši droši vien iekšā. Ieiet: viss tukšs. [. . .]

Vakarā Lāču Jānis saka: „Vai ziniet, biedri, ko — man netiek tā gulēt: iešu šonakt uz asinsupes tilta padarboties. Bet te es pieliešu trīs traukus ar ūdeni, un tad nu jūs abi — mājā palikdami — cieši skataties šonakt pirmā traukā, kāds mans liktenis: — ja ūdens paliek ūdens, tad man labi klājas; ja metas iesarkans, tad puslīdz labi, bet ja tik sarkans kā nodedzināta dzelzs, tad pavisam nelabi. Tādēļ paliekiet nomodā un sargājiet manu likteni“.

Labi, — to viņi darišot gan! Un nu Lāču Jānis aizgāja uz asinsupes tiltu. Aiziet, izskatās — viss klusu. Ko cita darīs — noliek savu kūļu (spieķi) blakus un gaida. Te — varēja būt tā ap pusnakti — dzird: jā viens ar trim galvām sudraba zirgā pār tiltu, ka dimd vien. Lāču Jānis sagrābj kūļu un nostājas pretim. Trijgalvis uzsauc: „Nost no ceļa!” Lāču Jānis atbild: „Neparko!”

„Nu ja tāds stiprinieks esi, tad pūti pa upi, lai redzu, cik tālu spēji aizpūst!”

Pūtišu gan, bet pūti pats papriekšu, ja tā izgribējies esi!” Lāču Jānis atbild.

Trijgalvis tad pūta arī un aizpūta divi verstis tālu. Nu pūta Lāču Jānis, bet aizpūta pūstresas verstis. Tagad Trijgalvis iepīka par jaunu, sākdam ar Lāču Jāni spēkoties. Bet Lāču Jānis kā krāva ar smago spieķi, tā Trijgalvim visas galvas aizriboja gabalā un rumpis novēlās turpat uz tilta. Lāču Jānis nu paņēma sudraba zirgu, iejāja pilī lepnī jo lepnī un uzteica biedrus, ka labi darijuši, nomodā palikdami.

Otrā vakarā Lāču Jānis atkal piekodināja biedriem palikt nomodā pie otra ūdens trauka un tad aizgāja uz asinsupes tilta. Te ap pusnakti jās atkal viens, bet nu ar sešām galvām zelta zirgā. Lāču Jānis ar kūļu nostājas pretim. Sešgalvis uzsauc: „Nost no ceļa!”

„Neparko — blauji, cik grib!”

„Ak tā!” Sešgalvis iekliedzas, „nu ja tāds stiprinieks esi, tad pūti pa upi, lai redzu, cik tālu spēsi aizpūst”.

„Pūti pats papriekšu, ja tā izgribējies esi”.

Un Sešgalvis pūš arī un aizpūš vēju trīs verstis.

Nu pūta Lāču Jānis un aizpūta vēl lielāku vēju pusversti tālāk.

Tagad Sešgalvis sāka spēkoties. Bet Lāču Jānis kā krāva ar smago metamo, tā Sešgalvim visas galvas aizriboja gabalā un rumpis novēlās turpat uz tilta. Lāču Jānis nu uzkāpa zelta zirgam mugurā, iejādams pilī lepnī jo lepnī un uzteikdam biedrus, ka labi darijuši, nomodā palikdami — viņa likteni sargādami.

Trešā vakarā Lāču Jānis it īpaši piekodināja biedriem nomodā palikt un trešo ūdens trauku vērot. Šie, zināms, nosolas arī. Lāču Jānis nu aiziet mierīgu sirdi uz tiltu un gaida. Te ap pusnakti dzird: tā jā, tā jā viens dimanta zirgā — jādomā, tiltu iegāzīs. Piejāj tuvāk: zirgs laistās kā saule, bet šim divpadsmit galvas rumpja galā. „Vai traks!” Lāču Jānis domā, „te būs ko darīt” un nostājas ar sitamo pretim.

Divpadsmitgalvis uzsauc: „Nost no ceļa, diega zeķe!”

„Neparko!” Lāču Jānis atbild.

„Ak tā! nu ja tāds stiprinieks esi, tad pūti pa upi, lai redzu, cik tālu spēsi vēju aizpūst”.

„Pūti pats papriekšu, ja tā izgribējies esi!”

Divpadsmitgalvis pūš arī un aizpūš vēju pieci verstis.

Nu pūta Lāču Jānis, bet aizpūta tikai puspiekti verstis. Tas Divpadsmitgalvim patika un tūlī viņš vedinājās Lāču Jāni spēkoties. Iesākās briesmīgs cīņiņš, tilts vien drebēja, kā viņi tur rāvās. Beidzot Lāču Jānis — kad vienpadsmit galvas ar spieķi jau bij notriecis — nejaudāja vairs; viņš gribēja drusku elpu ieraut un tādēļ sacīja: „Atpūtisimies!”

Bet Divpadsmitgalvis bij tā ieēdies, ka ne par ko apstāties. „Kas tur put, put — vai vienam nāve, vai otram!” tā viņš atbildēja.

„Bet iedomājies!” Lāču Jānis vēlreiz ieteicās, „vējš un lietus apstājas un tad tu vien to negribi darīt”.

Nu labi! Ja vējš un lietus to darot, tad viņš arī to darišot gan uz īsu brīdi.

Abi pūtās. Bet Lāču Jānis par to laiku norāva apavas no kreisās kājas un svieda tās pilī, lai izzinātu, vai tikai viņa biedri neguļ. Apavas nokrita uz pils jumta, bet šie ne dzirdēja, ne redzēja, aizmiguši palaidņi tādi. Vēl norāva labai kājai arī un aizsvieda, bet ne un ne. Beidzot laida to pašu smago spieķi. Spieķis sadragāja pils jumtu drupās un nu šie, miega pūžņi, atmodisies gan. Atmožas, paskatas — vai akls! trešā traukā ūdens tik sarkans kā nodedzināta dzelzs. Un tā tūlī viens paliek pie trauka likteni vērot, otrs paķer smago spieķi un velk vilkšus, ko tikai māc, cik ātri vien varēdams, pie Lāču Jāņa atpakaļ. Līdz arī aizvilka — cīņiņš no jauna. Bet šoreiz Lāču Jānim bij tikai labs paņēmieni: kā meta beidzamai galvai, tā aizvēlās ripeniski diezin kur un rumpis nokrita no dimanta zirga.

Tagad Lāču Jānis gaviļēdams kāpa dimanta zirgā un lepni jo lepni iejāja pilī.

Šie abi snauduli trīcēja vien: kad tikai nepēršot par to, ka gulējuši. Bet Lāču Jānis atteica: „Pelnījuši gan esiet mizenes, tomēr šoreiz piedošu. Pagatavojiet labāk man vakariņas! esmu izsalcis aplam tagad!”

Labi. Lāču Jānis paēda vakariņas un tad likās gulēt, un sagulēja pēc tik smaga darba veselas trīs dienas un nakts no vietas”.

[У стариков родился мохнатый сын. Он вырос и стал на редкость сильным. Прозвали его Лачу Янис¹². И вот захотел Лачу Янис по свету побродить: пусть отец выкует ему хорошую дорожную палицу, и он пойдет. По дороге Лачу Янис встречает других богатырей — Сковырни-гору и Рыбака.]

«Шли, шли — встречается им река, шириной в версту, а в ней вместо воды чистая кровь течет. Хорошо еще, что через реку мост есть. Перешли мост — увидели большой дворец с могучими воротами. Раскрыли ворота и смело вошли — кругом ни души. [...]

Вечером Лачу Янис говорит:

¹² Лачу Янис — «Медвежий Янис».

— Знаете что, други мои? Не хочу я тут спать: пойду я сегодня к мосту через кровавую речку — потружусь. А здесь я оставлю три чаши с водой, вы смотрите хорошенько на первую чашу — каково мне там: если вода так и останется водой, значит у меня все ладно; если покраснеет, стало быть, — и так и сяк; а если красная, как раскаленное железо, станет, — худо мне. Ну, бодрствуйте да стерегите мою судьбу.

Так тому и быть! И пошел Лачу Янис к мосту через кровавую речку. Пришел, глядит — все тихо. Делать нечего — положил свою палицу рядом и ждет. И вдруг — около полуночи — слышит: едет Трехглавый на серебряном коне через мост, только звон стоит. Схватил Лачу Янис палицу и встал на его пути.

— Уйди с дороги! — кричит Трехглавый.

— Ни за что! — отвечает Лачу Янис.

— Ну, коли ты такой богатырь, то дунь на реку, а я погляжу, как далеко дуть можешь!

— И дуну, только ты первый дуй, если уж тебе так захотелось! — отвечает Лачу Янис.

Дунул Трехглавый — на две версты вдаль. Дунул Лачу Янис — на две с половиной. Еще пуще рассердился Трехглавый и зовет Лачу Яниса биться. А Лачу Янис как махнул палицей, так все три головы и покатались, а тело на мосту осталось. Взял Лачу Янис серебряного коня, приехал, красуясь, во дворец и похвалил товарищей за то, что не спали.

На другой вечер Лачу Янис опять наказывает товарищам не спать: вторую чашу с водой стеречь, а сам едет к мосту через кровавую реку. Вдруг о полночь опять кто-то едет, только уж с шестью головами и на золотом коне. Препградил ему дорогу Лачу Янис с палицей.

— Уйди с дороги! — кричит Шестиглавый.

— Ни за что — ори, сколько хочешь!

— Ах так! — рассердился Шестиглавый. — Ну, коли ты такой богатырь, то дунь на реку, а я погляжу, далеко ли дуешь!

— Дуй ты сначала, если тебе так захотелось!

Дунул Шестиглавый — ветер на три версты вперед ушел.

Дунул Лачу Янис — ветер еще на полверсты дальше ушел.

Вызвал Шестиглавый Лачу Яниса на битву. Как махнул Лачу Янис палицей, так и покатались все шесть голов, а тело на мосту лежать осталось. Сел Лачу Янис на золотого коня, приехал, красуясь, во дворец и похвалил товарищей за то, что не спали, его судьбу стерегли.

На третий вечер Лачу Янис пуще прежнего наказал товарищам бодрствовать и глядеть на третью чашу с водой. Те, понятно, пообещали. А Лачу Янис со спокойной душой пошел к мосту и стал ждать. И вот о полночь слышит: кто-то так скачет на алмазном коне, что, того гляди, мост обвалится. Подъезжает конь, что твое солнышко светится, а у всадника все двенадцать голов. „Ух ты! — думает Лачу Янис. — Будет тут работка!“ — и препграждает ему дорогу со своей палицей.

— Уходи с дороги, сморчок! — кричит Двенадцатиглавый.

— Ни за что! — отвечает Лачу Янис.

— Ах так! Ну коли ты такой богатырь, так дунь на реку, а я погляжу, далеко ли дуешь!

— Дуй ты первый, коли тебе захотелось!

Дунул Двенадцатиглавый и угнал ветер на пять верст.

Дунул Лачу Янис — всего на четыре с половиной версты. Понравилось это Двенадцатиглавному, и тут же вызвал он Лачу Яниса на битву. И началось побоище: только мост трясется — так они схватились. Наконец Лачу Янис — когда одиннадцать голов уже палицей посбивал — обессилел; захотел он дух перевести и крикнул:

— Передохнем!

Но Двенадцатиглавый так разошелся, что и слышать не хочет.

— А, что там, не одному — смерть, так другому! — отвечает.

— Да ты поразмысли! — говорит Лачу Янис. — Дождь и ветер и то унимаются, один ты не хочешь.

Так и быть, уж если дождь и ветер унимаются, то и он ненадолго уняться может.

Отдыхают. А Лачу Янис тем временем снял обувку с левой ноги да как бросит во дворец, чтобы узнать, спят ли его товарищи. Упала обувка на крышу дворца, а те не слышат, не видят: храпят, лежебоки. Разул Лачу Янис правую ногу, кинул обувку — хоть бы что. Запустил он наконец своей тяжелой палицей. Разворотила палица крышу у дворца — сони сразу и проснулись. Проснулись, глядят — а вода в третьей чаше, как раскаленное железо. Один подле чаши остался — судьбу стеречь, другой схватил палицу и потащил волоком к Лачу Янису, быстро, как только мог. Как подтащил, побоище снова началось. Но на этот раз Лачу Янису только одно оставалось: как хватил он по последней голове, так и покатила она бог весть куда, а туловище свалилось с алмазного коня.

Сел Лачу Янис в радости на алмазного коня и поехал, красуясь, во дворец.

А лежебоки трясутся: как бы взбучки не было за то, что проспали.

— Хоть и заслужили вы выволочку, да на сей раз прощаю. Приготовьте-ка мне лучше вечерять: проголодался я! — только и сказал Лачу Янис.

Ладно. Повечерял он, лег и проспал после тяжких трудов своих три дня и три ночи кряду».

[LP VI, 462—466]. Зап. М. Арон в 70-х годах XIX в. в Берзауне (Мд) [А.-Т. 300 А. 301 В]. В указателе А. Медне-Романе сказка «Борьба у моста» [А.-Т. 300 А] имеет номер 300* В. Отмечаются 29 записей сказки 300* В и 38 слу-чаев ее контаминаций с другими номерами.

**Богатырь побеждает ведьм, которые
оборачиваются яблоней и родником**

152

[No zivs viras baudīšanas ķēniņienei un viņas istabas meitai Annužai piedzimst dēli. Kad abi izauguši, Annužas dēls ir gudrāks un pārāks par ķēniņienes dēlu.

Abi aizjāj pasaulē. Viņu pirmajā apmešanās vietā Annužas dēls trīs naktis pēc kārtas cīnas ar velniem pie tilta un uzveic tos.]

„Rītā brālis [ķēniņienes dēls] piecelsies, tūlīn pirmais vārds: „Kas tur bij uz tilta?“

„Lai nu bij, kas būdams. Bet šodien tu jāsi putnu šaut, es atkal sāls meklēt“, — Annužas dēls saka. Labi, katrs aizjāj uz savu pusi. Bet Annužas dēls jā, jā — ierauga vienu ērbeģi. Ieiet ērbeģī, atron: ēdieni gan uz galda, bet nav neviena cilvēka. Ko viņš darīs — aizlied aiz krāss noskatīties, kas to ēdienu ēdis. Pēc laba brīža ieskrien četras dūdas, nometas zemē, paliek par meitiešiem, piesēžas ēst un sāk runāt. Viena saka: „Ko tu darīsi tam ienaidniekam, kas tavu brāli nokāva?“

Šī pametišoties par avotu ar jauku krūzīti klāt un palaidiņot tādu sausumu, ka viņš nekur ūdens nevarēšot dabūt. Tad, ko daiešus dzert, būšot beigts. (Tās četras bijušas raganas.)

Tā otra saka viņa pataisišot badu un pametišoties par jauku ābelnīcu ar jaukiem āboliem. Tad, ko viņš daiešus un raušus āboļus, to būšot beigts.

Trešā saka, šī pametišoties par muižiņu un pataisišot tādu saltumu, ka nekur glābties. Tad viņš, nosalis, kā iešus pa vārtiem iekšā, to būšot beigts.

Ceturtdā, pati vecene, saka: šī palikšot par lielu zvēru, viena puse mutei būšot pie debesīm, otra pie zemes, — un tad dzīvu norīšot viņu.

Tā izrunājušas, visas atkal paliek par dūdām un aizskrien, bet Annužas dēls [...] dodas uz brāli. Abi ar brāli paēd medījumu un sāk jāt. Annužas dēls jā, jā pa priekšu: lai šis jā, jā paka! Jā, jā — uz reizi tāds sausums pametas, ka slāpst bez gala un ūdens nekur dabūt. Te ieraudzīs avotiņu ar skaidru ūdeni un krūzīte klāt.

Ķēniņienes dēls aši grib skriet pie avotiņa; bet Annužas dēls uzsauc: „Neeji tu pa priekšu; pats iešu!“ Pieiet, uzcērt avotam šķērsu ar zobinu: — asins vien apjūk, un nu var dzert cik gribi.

Jāj atkal — nu pametas tāds bads, ka nekur nevar ēst dabūt. Te ierauga skaistu ābelnīcu ar skaistiem āboliem. Ķēniņienes dēls aši aši nolec no zirga un grib āboļus raut, bet Annužas dēls uzsauc: „Neeji tu pa priekšu — pats iešu!“ Daiet — velk ar zobinu pa zariem: — asinis vien pamana — ābelnīca kur bijusi, kur palikusi, un tai vietā nu gadās maizes, lai ēd, cik gribi“.

[Līdzīgi Annužas dēls nogalina trešo un ceturto raganu.]

[От рыбного навара у королевны и ее служанки Аннужи родится по сыну. Сын Аннужи умнее и сильнее сына королевны. Оба идут бродить по свету. В первом же месте, где они останавливаются, сын Аннужи три ночи подряд бьется с чертями у моста и побеждает их.]

«Утром братец [сын королевны] пробудился и сразу же спросил:

— Что там было, на мосту?

— А что бы ни было! Сегодня ты поезжай птиц стрелять, а я соль искать поеду! — говорит сын Аннужи. Сказано — сделано, каждый поехал в свою сторону. Едет, едет Аннужин сын, видит — дом. Заходит в него, глядит: на столе яства всякие, и ни души. Спрятался он за печку, чтобы поглядеть, кто все это есть будет. Через какое-то время влетают четыре голубки, ударяются оземь и превращаются в женщин, садятся за стол и разговор заводят.

— Что каждая из вас сделает недругу, который брата родного убил? — спрашивает одна из них.

Первая отвечает, что обернется родником с хорошенькой кружкой рядышком и такую сущь кругом нагонит, что негде будет недругу больше воды испить, а как попьет из родника, так и конец ему придет. (Все четверо были ведьмы.)

Вторая говорит, что нагонит голод, а сама обернется красивой яблоней с яблоками. Как только недруг яблоко сорвет, так и конец ему придет.

Третья говорит, что обернется именем и нагонит такой холод, что негде будет больше укрыться. Недруг замерзнет, зайдет обогреться, тут ему и конец придет.

Четвертая — старуха — говорит, что превратится в громадное чудище: одна половина пасти — у самого неба, другая — у самой земли. Так живьем недруга и съест.

Проговорили, снова обернулись голубками и улетели, а Аннужин сын [...] направился к братцу. Поели они, что на охоте добыли, и поехали: Аннужин сын — впереди, а брат — следом. Едут, едут, и скоро такая сущь началась, и пить ужас как хочется, а воды нигде нет. Глядь, а перед ними родник с прозрачной водой и кружка рядом.

Королевнин сын к роднику бежать хочет, но Аннужин сын кричит:

— Не ходи, я первым поеду!

Подъехал, как хватил по роднику мечом, кровь так и брызнула — пей [теперь воду]. сколько хочешь.

Едут дальше — вдруг такой голод накатил, а еды нигде и в помине нет. Увидели красивую яблоню с красивыми яблоками. Королевнин сын живо соскочил с коня и уже хочет яблоко сорвать, а Аннужин сын кричит:

— Не суйся первым, сначала я!

Как хватил мечом по ветвям, только кровь брызнула, яблони и следа нет, а вместо нее хлеб — ешь, сколько хочешь».

[Подобным же образом Аннужин сын убивает третью и четвертую ведьму.]

[LP VI, 479—480]. Зап. П. Витолинь в 1889 г. в Медзуле (Мд); сказ. Ф. Калнуп (лет за 25 до записи слышал эту сказку от одного жителя Пиебалги) [А.-Т. 303. 300 А].

Рассказ о том, как богатырь побеждает ведьм, которые оборачиваются яблоней (грушей, липой), постелью, родником или колодцем, нередко являясь составной частью и других латышских текстов о борьбе у моста [А.-Т. 300 А].

Песнь шестая

Яни¹³

153

Nāc nākdama, Zāļu diena,
Visi ļaudis tevi gaida:
Gaida govīs, gaida gani,
Gaida lauku arājiņi.

Приходи, Травный день¹⁴,
Все люди тебя ждут,
Ждут коровы, ждут пастухи,
Ждут те, что пахут пашенку.

[Līdz III, № 7090]. Зап. А. Силиня в 1950 г. в Вилдоге (Pr); сказ. Д. Вейсмане, 18 лет.

154

Jānīts nāca par gadskārtu
Savu bērnu apraudzīt,
Vai tie ēda, vai tie dzēra,
Vai Jānīti daudzinaja.
I tie ēda, i tie dzēra,
I Jānīti daudzinaja.

Раз в году приходит Янит¹⁵
На своих детей взглянуть,
Едят ли они, пьют ли они,
Славят ли Янита.
И едят они, и пьют,
И Янита прославляют.

[LD 32938, 2]. Зап. Я. Баяр в окрестностях Риги.

155

Nem, Jānīti, sirnu zirgu,
Apjāj manu rudzu lauku,
Izmin smilgas, izmin lāčus,
Lai aug tīra labība.

Возьми, Янит, сивого коня,
Объезжай мое ржаное поле,
Вытопчи полевицу, вытопчи сорный ко-
стер,
Чтобы рос чистый хлеб.

[LD 32560, 13v]. Зап. К. Калнинь в окрестностях Екабпилса или Илукста.
У песен этого типа в LD очень много вариантов, в том числе и записанных в Лиелварде.

156

Nem, Jānīti, melnu zirgu,
Apjāj savu rudzu lauku,
Lai burvītis nenobūra,
Lai skauģītis nenoskauda.

Возьми, Янит, вороного коня,
Поезжай вокруг своего ржаного поля,
Чтобы колдун не наколдовал,
Чтобы завистник не завидовал.

[LD 32485, 2v]. Зап. Э. Жагат в Лиелварде.

¹³ «Яни» — Янов день.

¹⁴ «Яновы песни» исполняются с восклицанием «Лиго!» в конце каждой строки.

¹⁵ Янитис (Янит) — уменьшит. форма от «Янис».

Sanāciet, Jāņa bērni,
Augsta kalna galiņā,
Lai dzirdēja Jāņa dziesmas
Par maliņu maliņāmi.

Собирайтесь, Яновы дети ¹⁶,
На высокой горе,
Чтобы слышались Яновы песни
Из края в край.

[Līdz III, № 7324]. Зап. П. Чаунане в 1938 г. в Букайшах (Ег); сказ. З. Чаунан, 46 лет.

Jāņa nakti divi zvaigznes
Vidū gaisa zvērojās;
Zvēro puišu dvēselīte
Jaunu meitu pulciņā.

В Янову ночь две звезды
Горят посреди неба;
Горят сердца у парней
В кругу молодых девушек.

[LD 33095]. Зап. К. Витол в Джуксте (Ег).

Īsa īsa Jāņu nakts
Par visām naksnīņām:
Nepaguvu dziesmu pūru
Līdz pusīti nodziedāt.

Коротка Янова ночь,
Короче всех ночей:
Не успела всех песен
И половины пропеть.

[Līdz III, № 7599]. Зап. В. Гребле в 1954 г. в Яунпиебалге (Ц); сказ. Э. Зелтиня, 81 год, слыш. в Юмуреде (Ц).

Īsa īsa Jāņu nakts
Par visām naksnīņām:
Te satumsa, te uzausa
Pie Jānīša uguntiņas.

Коротка Янова ночь,
Короче всех ночей:
Только стемнело, как уж рассвело
У Яновых костров.

[Līdz III, № 7596]. Зап. А. Строжа в Риге.

Es iebrīdu Jāņu nakti
Bandinieka pļaviņā;
Trīs gadiņi tā pļaviņa
Zelta miglu nomigloja.

Забреду я в Янову ночь
На батраков луг ¹⁷;
Три года этот луг
Золотым туманом туманился.

[Līdz III, № 7409]. Зап. В. Гриновскис ок. 1938 г. в Тервете (Ег); сказ. Я. Гриновскис, 60 лет.

¹⁶ «Яновы дети» — так называемые дети Яниса.

¹⁷ В оригинале: «На бандиниеков луг». О слове «бандиниек», «банденiek» см. стр. 231.

Es redzēju Jāņu nakti
Trīs saulītes uzlecām:
Viena rudzu, otra miežu,
Trešā tīra sudrabiņa.

Видал я Яновой ночью,
Как три солнышка всходили:
Одно — ржаное, второе — ячменное,
Третье — чистого серебра.

[LD 33207]. Зап. Томсон в Лиелварде.

Visu mūžu pieminēju,
Ko dabūju Jāņu naktī:
Dabūj' zirgu ar sedliem,
Dabūj' maizes arājiņu.

На всю жизнь я запомню,
Что получила в Янову ночь:
Получила коня с седлом,
Получила своего пахаря.

[Ltdz III, № 3762]. Зап. А. Круминь в 1948 г. в Алсунге (Азл); сказ. М. Пикша, род. в 1884 г.

Pavadām Jāņa dienu
Līdz viņiem kalniņiem,
Lai pavada Rīgas meitas
Līdz pašai jūrai.

Провожаем Янов день
До дальних гор,
Пусть проводят [его] рижские девушки
До самого моря.

[LD 33229]. Зап. Томсон в Лиелварде.

В LD опубликовано 926 типов «Яновых песен» с вариантами [LD 32306—33232], общей численностью 5392 ед. В FS хранятся более 30 000 ед. Яновых песен.

а) Яни в Лиелварде

«Праздничный вечер, который здесь всегда рано начинается, на сей раз не дал людям возможности оправиться от дневных тягот. Пришлось спешить, чтобы [управиться и] достойно встретить долгожданного дорогого гостя. Руки у всех так и ходили ходуном. Комнаты, двор и пространство перед воротами живо подметены и украшены березками, дубовыми венками и цветами, повсюду разбросаны травы и цветы. Стол устилают аиром и ирисом, а поверх накрывают еще белыми скатертями, потом несут, что бог послал, и подбадривают друг друга, дабы дух возликовал. Мягом

вся окрестность наполняется звучанием лиго-куокле¹⁸. Дети Лиго¹⁹ расходятся по соседям. На соседской меже сойдясь, они благословляют все поле. При виде пшеничной нивы поют:

Labvakari, kviešu druva,
Kā jums Dievs palīdzēja?
Vakar bija liela vētra,
Līdz zemei locījās.

Добрый вечер, пшеничная нива,
Как тебе Диев пособил?
Вчера была большая непогода,
До земли ты пригibasь.

Далее следует: „Добрый вечер, овсяная, гречневая и др. нивы“. После каждой запевки звучит одно- или двукратное „Лиго!“. Про ячмень и рожь говорят, как по-разному они растут.

Kas kait mieža akotam
Saulītē neligot:
Rudzišami, rogaiņami,
Ledus galu nogulēja.

Хорошо ячменной ости
На солнышке качаться,
А колосистая рожь
Подо льдом головку отлежала.

Горох и коноплю различают по их виду.

Tiesa, tiesa, ne meliņi
Vecu ļaužu valodīņā:
Zirnīts auga kāsitē,
Kaņepīte cekulā.

Правда, правда, а не выдумки,
Что старики сказывают:
Горох растет крючками,
Конопелька — хохолками.

Бобы [как бы] упрекают за то, что мать-природа одарила их яркими цветами.

Ai pupīti, mellacīti,
Tavu košu vainaciņul!
Es bij' meita, man nebija
Tik dižana vainaciņa.

Ах, бобок черноглазый,
Какой у тебя венок нарядный!
А у меня в девушках не было
Такого славного веночка.

Желая капусте роста, поют:

Līgojati Jāņa nakti,
Lai aug mūsu kāpostiņi,
Lai aug mūsu kāpostiņi
Kā Jānīša cepurīte.

Пойте в Янову ночь,
Чтобы росла наша капуста,
Чтобы росла наша капуста,
Как Янова шапка.

Идя мимо коровника, бросают туда пучки травы и поют:

¹⁸ «Звучание лиго-куокле» (в оригинале: «līgas kokles skaņas») не следует понимать буквально, как игру на куокле; это поэтическое обозначение звуков «Яновых песен» или песен «Лиго».

¹⁹ См. прим. Л VI, 1 и сл.

Metam zāles laidarā,
Lai telītes vaisļojas;
Cik zālīšu, tik telīšu
Jāņa mātes laidarā.

Кидаем траву в хлев,
Чтобы коровы телились;
Сколько травинок, столько телят
В хлеву Яновой матушки.

Поравнявшись, наконец, с жилым домом, приветствуют хозяйку:

Labvakari, Jāņa māte,
Vai gaidīji Jāņa bērnus,
Vai būs' nama istabiņu
Ziediņiemī kaisījusi?

Добрый вечер, Янова матушка,
Ожидала ли ты Яновых детей,
Убрала ли жилье
Цветами?

В случае хорошего приема прославляют радушную хозяйку:

Kas godīga Jāņa māte,
Atver logu gaidīdama;
Kas jau kāda netiklīte,
Cisiņāsi cužina.

Хорошая хозяйка,
Окно откроет, поджидая;
А которая нерадивая,
Еще лежит, потягивается.

Озабоченная [чем-то] хозяйка может услышать такие слова:

Jāņa māte bēdājās,
Ka sanāca Jāņa bērni;
Nebēdāji, Jāņa māte,
Visi nāca paēduši.

Янова матушка тужит,
Что явились Яновы дети;
Не тужи, Янова матушка,
Все пришли сытые.

Главу семьи усаживают на украшенное кресло, принесенное с собой:

Sēd, Jānīti, krēslīnā,
Zaļozola lapīnās,
Zaļozola lapīnās,
Dāboltiņa ziediņos!

Сиди, Янит, в кресле,
Среди дубовых листьев,
Среди дубовых листьев,
Клеверова цвета!

Осыпав сидящего на стуле цветами и увенчав венком, Яновы дети весело поют:

Es uzliku Jānīšami
Zaļozola vainaciņu,
Lai Dievs dodi Jānīšami
Labas bites ozolā.

Возложу я на Янитиса
Зеленый дубовый венок,
Чтобы дал Диев Янитису
Хороших пчел в дубе [в дубовой коло-
де.— Я. Р.].

Глава семьи сердечно благодарит за посещение и добрые пожелания и угощает гостей пивом. Они пьют пиво и хвалят рукоделие хозяйки:

Kas tur spīd, kas tur viz
Istabiņas dibenā?

Что там сверкает, что там играет
Во глубине комнаты?

Jāņa mātes ziņu rotas,
Tās tur spīd, tās tur viz.

Нерадивые парни или девушки из числа домочадцев также не забыты:

Skolā bija divas meitas,
Viena pate karotīta;
Ir to pašu Duksis nesa
Pa lodziņu istabā.

Шелковое платье Яновой матушки,
Вот что там сверкает, вот что играет.

Есть в школе две девицы —
Одна ложка на двоих,
И ту дворовый пес
Заносит в комнату через окошко.

Хозяйка тем временем уставляет стол сыром, медом и лепешками. А то придет-ся, пожалуй, услышать такую песенку:

Sieru, sieru, Jāņa māte,
Tev bij goves laidarāl
Alus, alus, Jāņa tēvs,
Tev bij mieži tīrumā!

Сыру, сыру, Янова матушка,
У тебя коровы в хлеву!
Пива, пива, Янов батюшка,
У тебя ячмень в поле!

И начнут угощаться и распевать до самой зари:

Jauni puīši, jaunas meitas,
Jāņa naktī negulāt,
Tad rītā redzēsiet,
Kā saulīte rotāsies”.

Молодые парни, молодые девушки,
В Янову ночь не спите,
И увидите утром,
Как солнышко играет».

Auseklis, Vēstules iz Lielvārdes [«Письма из Лиепварде»], IV,— «Baltijas Vēstnesis», 1873, № 37.

б) Яни в Малпилсе

166

«Незадолго до Янова дня Янов батюшка, хозяин, варит пиво, а Янова матушка, хозяйка, готовит сыр, печет пироги, лепешки.

.....

Канун Янова дня зовется «травный день». В травный день хозяйка посылает па-стухов или работниц, чтобы набрали и нарвали всяких трав и цветов в поле, на лугу и в лесу. Из них вяют венки, несут домой и охапками кладут куда-нибудь в холодок, до наступления вечера. Перед заходом солнца чисто прибирают комнаты, моют сто-лы, стулья и особенно окна. Всю обычную утварь выносят, чтобы в доме было про-сторно, и тогда убирают помещение Яновыми травами. Яновы травы — это все травы и цветы, которые сорваны в травный день и в Янов вечер..

.....

Мужчины приносят из леса березки и дубовые ветви и украшают ими ворота, двор, двери и кровати. Кроме того, необходимы ветви рябины. Их прикрепляют над всеми дверьми, чтобы не проникла нечистая сила, которая, особенно в Янову ночь, шныряет вокруг.

Пастухи в Янов вечер украшают скотину венками из березовых веток. Иногда это связано с большими трудностями, но они все равно свято исполняют этот дедовский обычай. На себя надевают венки из цветов и с веселыми песнями идут домой.

Когда скотина загнана в хлев, на ворота его прикрепляют рябиновую ветку, а к порогу кладут репейник, прямо с корнем. Это для того, чтобы ведьмы не могли пробраться в хлев и доить коров.

.....

Вечером, когда дом как следует убран, все домочадцы одеваются в лучшие наряды и идут ужинать. Хозяин угощает домочадцев вином и пивом, а Янова матушка каждого оделяет сыром.

После ужина Яновы дети надевают венки, берут в охапку Яновы травы и идут воспевать Янова батюшку и Янову матушку, хозяина и хозяйку. Янову батюшке надевают венок, сплетенный из дубовых ветвей, а Яновой матушке — венок из цветов и еще осыпают их Яновыми травами, распевая при этом соответствующие Яновы песни. Потом идут по всей усадьбе, в огороде поют над капустой, хмелем, в поле — над рожью, ячменем, картофелем и т. д. и втыкают в каждую ниву ветку рябины.

Обойдя с песнями усадьбу и поля своего Янова батюшки, Яновы дети идут к соседям, срывая по дороге травы, какие только попадаютсся. Потихоньку подойдя к дверям соседа, они запевают. Двери тут же распахиваются, и Янова матушка встречает своих Яновых детей и зовет их в дом. Пришедшие украшают хозяина и хозяйку венками и осыпают Яновыми травами так же, как это делали у себя дома. Но если находят хозяев спящими, то бросают в постель травы, особенно крапиву.

Яновых детей усаживают за стол и потчуют тем, что есть. Помимо этого, Янова матушка оделяет их сыром, а Янов батюшка дает всем по глотку пива.

Поев, Яновы дети начинают петь о соседях, прославляя их, а то и высмеивая. В Янов вечер никто не должен обижаться, даже если про него поют нехорошее, должен только смеяться. И хозяин не сердится, если кто-нибудь из Яновых детей, собирая травы, потоптал луг или ниву, ибо где же еще собирать Яновы травы?

Вдоволь напевшись, Яновы дети сходятся со всех сторон на какое-нибудь возвышенное место и зажигают там Янов огонь на высоком шесте. Для этого берется бочка с дегтем, смола, береста, смолистые сосновые пни и солома, загодя собранные парнями со всей округи. Собравшиеся вокруг огня поют Яновы песни все сообща, или же девушки поют про парней, а парни — про девушек; устраиваются разные игры и танцы под музыку».

[LD V, 13—14]. Зап. Брюммерберг в Малпилсе (Pг).

в) Яни в Трикате

К Янову вечеру Янова матушка готовит сыр, а Янов батюшка варит пиво и запасает вино. Парни в самый Янов вечер украшают березками и ветками ворота, двери и кровати, девушки вяют венки, пастухи украшают венками скотину, когда гонят ее

вечером домой. Хозяева угощают своих Яновых детей: хозяин — пивом и вином, хозяйка — сыром. После этого парни и девушки идут с венками «лиговать» к соседям.

Собравшись вместе, Яновы дети водружают на какое-нибудь высокое дерево посылку со смолистыми дровами или дегтем и зажигают. Толпясь вокруг яркого огня, поют Яновы песни.

[LD V, 16]. Зап. Пунка в Трикате (Влк).

Свадьба

а) Некоторые старинные свадебные обряды

168

[В субботу, в канун свадьбы, жених со своими родственниками являются в дом невесты.]

«Во дворе их встречает отец невесты или какой-нибудь разговорчивый и находчивый родственник невесты и начинает выпытывать у приехавших, кто они такие, откуда да куда едут, да зачем в этот двор завернули и т. п. Жених или кто-нибудь из сопровождающих его остроумно отвечают на вопросы, говорят, что они путники, ищут розу или овечку, или еще что-нибудь, что больше подходит невесте. Во время этих расспросов и ответов завязывается шутивая ссора, которая кончается, когда одна из сторон признает себя побежденной. Когда сторона жениха берет верх, что домочадцы охотно допускают, чтобы не обижать жениха, приезжих ведут в дом:

— Заходите, обогрейтесь! Хоть вы и чужие, незнакомые, и без всяких доказательств, что народ вы честный, ну да мы — люди крещеные, латыши, дадим вам поест и попить, а там и дальше ехать сможете.

Гостей сажают за богато накрытый стол. Поев, путники просят, чтобы их не выгоняли в такое позднее время, а дали переночевать. Наконец их просьбу удовлетворяют и разрешают остаться.

Вскоре после жениха является „ведейс“ (некто вроде посаженного отца) невесты. Кто-нибудь из родичей невесты тут же ведет его в дом. Предварительно он должен отыскать там родителей невесты, которые прячутся. Когда они найдены, „ведейсу“ показывают комнату, где находится невеста с другими девушками. Но в комнату [kambaris] его пускают не раньше, чем он положит на порог серебряный рубль. Затем он должен угадать, которая из девушек невеста. Если он не знает невесту, одна из числа девушек тайком указывает на нее. Угадав, которая невеста, „ведейс“ идет с нею к столу и угощается тем, что там есть.

[LD III¹, 13], из материалов Ученой комиссии Рижского Латышского общества. Зап. Спричу Эрнест в Валмиерском уезде. В очерке использован материал, собранный в разных волостях — Мазсалаца, Руйена, Алоя.

«В субботу, перед свадьбой, дом невесты украшают зеленью и венками, а ворота — елками. В субботу же съезжаются родичи невесты.

Под вечер приезжает жених с провожатыми.

Подъехав к воротам, они обнаруживают препятствие, мешающее проехать во двор. Навстречу им выходят люди — кто-нибудь из домочадцев или друзей невесты, которые называют себя сыщиками или полицейскими, требуют от приезжих паспорт и обыскивают воз, нет ли чего-нибудь подозрительного. Только после большого торга гостей впускают во двор и ведут в дом.

В доме „преценице“ (сваха) ²⁰ начинает рассказывать, что они ищут убежавшую корову, или телку, или беглую женщину. Сначала выводят и показывают стариков и старух, которых „преценики“ ²¹ остроумно и шутливо отсылают обратно. Потом под одним белым покрывалом выводят невесту с одной из ее сестер. „Преценики“ должны угадать, которая невеста. Если они ошибаются, их высмеивают и заставляют угадывать снова, пока не угадают, кто же невеста. После этого невеста здоровается с женихом и его родней, затем поют какую-нибудь песню из духовного песенника, после чего сваха потчует всех вином. Наконец, хозяин и хозяйка просят к столу. Пока все сидят за столом и угощаются, парни и девушки украшают шапки и лошадей жениха и приехавших с ним цветами.

После угощения начинается выкуп приданого. Приданое покрыто белым пологом, перевязано белым кушаком и украшено цветами и лентами. Начинается большой торг. Женихову брату ²² приходится расплачиваться за приданое золотом и серебром. Похвально, он выкладывает иной раз и сотенные, которые потом, разумеется, возвращают ему обратно.

В этот вечер невеста наделяет увозящих приданое и обоих „прецеников“ рукавицами».

[LD III¹, 15—16]. Зап. М. Вилюма в Валмиерской волости (Влм).

«В полночь ²³ с невесты снимают венец и надевают мице ²⁴ — происходит „мицшана“ [надевание чепца]. Невеста садится на стул, одна из женщин снимает венец и надевает его на какую-нибудь молодую девушку, „сестрицу невесты“. Жених, видя это, снимает с себя шапку и надевает на голову невесты. Но невеста, подстрекаемая

²⁰ Здесь «преценице» — одна из главных действующих лиц со стороны жениха.

²¹ Имеется в виду «преценице» и ее муж.

²² «Женихов брат» — настоящий брат жениха или просто неженатый парень, лицо в свите жениха.

²³ По Я. Спрангелю, в полночь после первого дня свадьбы.

²⁴ Мице — женский головной убор, чепец — символ замужества.

поющими, снимает ее, а женщина надевает вместо нее мице. После этого жених садится на место невесты, на тот же стул. Невеста, подойдя к нему, расстегивает ему жилет, развязывает шейный платок и повязывает его себе на талию, чтобы быть плодотворной и чтобы легче было рожать. Жениху же повязывает другой, заранее приготовленный платок. Только теперь молодые — муж и жена.

Затем делят вечный каравай или едят вечное угощение.

После вечного угощения молодую пару ведут в клеть спать».

[LD III¹, 77]. Зап. Спрангель в Эзере (Лп).

171

[Надевание мице в Эргли происходит на другой день после того, как невесту привозят в дом жениха. Брат невесты, которому надлежит снять с сестры венец, тянется через стол и черенком кнута дважды прикасается к венцу. На третий раз он снимает кнутом с невесты венец и надевает, так и не беря его в руки, на голову младшей сестры невесты.]

«Тут встает сваха и надевает на голову невесты ненастоящую мице. Невеста снимает ее и отбрасывает. Сваха надевает второй раз, и невеста опять отбрасывает мице. В третий раз сваха надевает настоящую мице, которую невеста уже не сбрасывает, а на мице еще шапку. Шапка шита из черного сукна, с зеленым плоским дном, как лукошко, или из сукна другого цвета с круглым дном и меховой оторочкой. Водрузив на невесту мице, сваха бьет сначала невесту, потом жениха три раза по щекам; то же делает и ведейс»²⁵.

[LD III¹, 35]. Зап. П. Блаус в Эргли (Ц).

172

«В двенадцать часов ночи начинается обряд надевания мице. Невеста с венцом на голове садится на стул. Вокруг нее становятся девушки и поют. Жених сидит рядом с невестой и во время пения снимает с невесты венец, а мать жениха надевает на нее шапочку. После этого невестка надевает на свекровь платок [...]. Снятый с невесты венец надевают на голову сестре невесты».

[FS 1850, 6051]. Зап. М. Берзинска в 1949 г. в Лиелварде; сказ. А. Рудзите, 71 год, род. в Лиелварде.

173

[Ю. Калнинь, пересказывая «Полвека тому назад» — конец первой части автобиографических записок поэта, замечает:]

²⁵ «Ведейс» и «ведейша» — родной брат жениха со своей женой или сестра жениха со своим мужем, принадлежат к главным действующим лицам со стороны жениха [ср. LD III¹, 26].

Завершая описание крестьянского быта, Пумпур присовокупляет, что мог бы описать и свадебные, крестильные и похоронные обряды своей округи, но, поскольку такие сходны с общелатышскими обрядами, относительно которых Ученая комиссия Рижского латышского общества уже собрала наибольшее сведения, он довольствуется тем, что отсылает к описаниям и собраниям названной комиссии.

J. Kalniņš, Andrejs Pumpurs, — «Andreja Pumpura raksti», Rīgā, 1912, стр. XI.

г) Свадебные песни

Свадебные песни составляют самый обширный цикл в латышском песенном фольклоре (LD III¹, III², III³; богатейший материал имеется в FS). Приведенные здесь образцы отражают такие обрядовые моменты латышской свадьбы, которые зафиксированы и в «Лачплесисе». Из приведенных шестнадцати народных песен в «Лачплесисе» текстуально использовано пять:

[LD 8499; 18993, 2; 19030; 24540; 24618, 14].

174

Kur, ļautiņi, jūs brauksiet,
Sapuškoti kumeliņi?
— Ozolmuižas mēs ļautiņi,
Liepas muižas meklējam.

Куда вы, люди, едете
На изукрашенных конях?
— Мы люди из Дубового имения,
Ищем имение Липовое.

[LD 16227]. Зап. Шмидту Карлис в Лубане (Мд).

175

Atveriet man vārtiņus,
Lai sateki kumeliņi;
Nele jūsu zemīt' ņemšu,
Tikai nakti pārgulēšu.

Отворите мне ворота,
Чтобы конь мог въехать;
Не возьму я вашей земли,
Мне бы только ночь переспать.

[LD 16214, 1]. Зап. Я. Матисон в Лиезере (Мд).

176

Nākat, tautas, raugaties,
Kāda māšas istabiņa;
Sūtin šūta, pītin pīta,
Vidū liepas līgojās.

Заходите, сваты, поглядеть,
Какая у сестрицы комнатка:
Вся в шитье, в вязанье,
Посередке липка колышется.

[LD 16292]. Зап. Крейм в Алсунге (Азп).

Trīs māsiņas klētiņā,
Zīmējiet, sveši ļaudis,
Zīmējiet, sveši ļaudis,
Kura jums piederēs.

Три девушки в клетки,
Угадайте, чужие люди,
Угадайте, чужие люди,
Которая из них ваша.

[A. Bielenstein], Latviešu tautas dziesmas, I, Leipcīgā, 1874, № 1380;
зап. в Яунауше (Er).

Timsiņā, vakarā
Atved manu līgaviņu;
Pats guntiņu paturēju,
Pie vārtiem stāvēdams.

Темным вечером
Везут мне невесту;
Сам я огонек держу,
Стоя у ворот.

[Ltdz III, № 3989]. Зап. Д. Лосан в 1933 г. в Ругаях (Аб).

Brāļi, brāļi, pēc māsiņas,
Neraugiet gara ceļa,
Neraugiet gara ceļa,
Nesaudziet kumeliņu.

Братцы, братцы, за сестрицей
Поезжайте, ничего, что длинный путь,
Ничего, что длинный путь,
Не жалейте коня.

[Ltdz III, № 4170]. Зап. Я. Берзинь в 1935 г. в Алое (Влм); сказ. Т. Қажока-
из Пале (Влм).

Tilti rīb, tautas jāj,
Nejāj mani bāleliņi;
Kad jāš mani bāleliņi,
Žvazdēs vara zobentiņi.

Мосты гремят: скачут те, что увезут
меня²⁶,
Не скачут мои братцы;
Когда поскачут мои братцы,
Звенеть будут медные мечи.

[LD 18993, 2v]. Зап. Э. Жагат в Лиелварде (Pr).

Ekur stalti kara vīri
Mani balti bāleliņi;
Ar zobenu vārtus vēra,
Stāvu dida kumeliņu.

Глянь, вот статные воины,
Мои милые родичи:
Мечами ворота отпирают,
На дыбы коней вздымают.

[LD 19030]. Зап. в Вискали (Pr).

²⁶ В оригинале: «tautas» — родные и близкие жениха.

Lec, brālīti, no kumeļa,
Steidzies tautu istabā!
Tautu dēls naudu skaita
Par māšņas vainadziņu.

Прыгай, братец, с коня,
Беги скорей к жениху в дом!
Жених деньги отсчитывает
За сестрицын веночек.

[LD 24331]. Зап. Ансис Декшениек в Видземе (Курземе).

Mičoju, mičoju
To tautu meitu,
Uz mūžu mičoju,
Ne vienu dienu!

Обряжаю в мице
Девушку,
На век обряжаю,
Не на единый денечек!

[LD 24713]. Зап. Андрей Хермансон в Видземе (Курземе).

Kālab mans vainadziņš
Šķībi stāv galviņā?
Kā tas šķībi nestāvēs,
Pilns tautiņu valodiņu.

Отчего бы это мой венец
Криво на головушке сидит?
А как ему не сидеть криво,
Если люди столько про меня наговорили.

[LD 8499v]. Зап. Ю. Плакис в Кабиле (Клд).

Vaicaj tautas bāliņam:
„Dārgs vizuļu vainaciņš“?
Maksaj viens vizulīts
Divi zelta gabaliņi.

Спрашивает жених у братца:
«Дорогой ли бисерный венец?»
Одна бисеринка в нем стоит
Два золотых.

[LD 24338]. Зап. П. Зиевалд в Бирзгале (Pг).

Vainadziņu valkādama,
Par Laimiņu nebēdāju;
Kad noņēma vainadziņu,
Lūdzu Laimes raudādama.

Как носила я веночек,
Лаймини не знала я,
А как сняли мой веночек,
Кланяться ей стала я²⁷.

[LD 24540]. Зап. Лиэпу Юрис в Лиелварде.

²⁷ Перевод Вл. Державина.

187

Tais', tautieti, niedru klēti
 Sudrabīpa vadzišiem,
 Lai tur kārtu mūs' māsiņa
 Savu ziļu vainadziņu.

Ставь, жених, камышовую клеть
 С серебряной вешалкой,
 Чтобы было куда нашей сестрице
 Свой нарядный веночек повесить.

[LD 24618, 14]. Зап. Э. Жагат в Лиелварде.

188

Teciņiem vien tecēju
 Vaiņakam ziļu pirkt;
 Dievs, sodi tautu dēlu,
 Nopirk' samta cepurīti.

Так бегом и бежала
 Бисер для веночка купить;
 Накажи, боже, жениха:
 Купил бархатную шапочку.

[LD 24654, 4]. Зап. К. Бике в Гауиене (Влк).

189

Skaista plava, kad nepļauta,
 Vēl skaistāka, kad nopļauta;
 Skaista meita vainagā,
 Vēl skaistāka cepurē.

Красивая поляна, когда некошена,
 Еще красивей, когда скошена;
 Красивая девушка в веночке,
 Еще красивее — в шапочке.

[LD 24807]. Зап. Р. Эбель в Вельках (Ц), Я. Кемер в Медзуле (Мд) и др.

**КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЛИТЕРАТУРНЫХ,
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ И ДЕЯТЕЛЯХ ИСКУССТВА,
ФИГУРИРУЮЩИХ В ТОМЕ**

- Айзуп Карлис** (Aizups Kārlis, 1855—?) — подпоручик русской службы, руководитель нелегального кружка офицеров-латышей в начале 80-х годов XIX в.
- Алкснис Екаб** (Alksnis Jēkabs, 1897—1937) — советский военный и государственный деятель. Много сделал для создания, развития и укрепления советской авиации. Один из организаторов знаменитых перелетов в 30-е годы.
- Алунан Юрис** (Alunāns Juris, 1832—1864) — выдающийся деятель младолатышского движения, поэт, переводчик поэзии других народов, языковед, публицист. Основоположник латышской национальной поэзии.
- Акуратер Янис** (Akuraters Jānis, 1876—1937) — латышский писатель.
- Аннинский Сергей** (род. в 1891 г.) — русский советский историк.
- Анцелане Алма** (Ancelāne Alma, род. в 1910 г.) — латышская советская фольклористка.
- Анцитис Кришьян** (Ancītis Krišjānis, 1911—1963) — латышский филолог.
- Аристэ Пауль** (Ariste Paul, род. в 1905 г.) — эстонский советский языковед.
- Арон Матис** (Ārons Matiss, 1858—1939) — латышский буржуазный журналист, работал в области истории литературы, фольклористики и библиографии.
- Аусеклис** (Auseklis, 1850—1879) — друг Пумпура, выдающийся латышский поэт 70-х годов XIX в., представитель прогрессивного литературного направления, так наз. отечественного романтизма, выразитель стремлений к национальному освобождению. Писал по вопросам педагогики и фольклора. В поэзии Аусеклиса широко использованы мотивы, образы и художественные средства фольклора, народной мифологии, а также псевдомифологии.
- Балис Ионас** (Balys Jonas, род. в 1909 г.) — литовский буржуазный фольклорист, приверженец финской школы.
- Банкин Янис** (Bankins Jānis, 1831—1883) — латышский учитель, автор школьных учебников.
- Бáрон Кришьян** (Barons Krišjānis, 1835—1923) — младолатышский деятель, поэт, прозаик и публицист; выдающийся латышский фольклорист, сотрудник Этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антрополо-

- гии и этнографии. Составил обширный библиографический «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края», изданный в 1868 г. Русским географическим обществом в Петербурге, сделав тем самым первые практические шаги для налаживания совместной деятельности русских и латышских фольклористов и этнографов. Бáрон — создатель фундаментального собрания латышских народных песен «Латышские дайны» (1894—1915). В этом сборнике, из шести томов которого пять издала Российская Академия наук, опубликовано 217 996 народных песен.
- Берзинь** Лудис (Bērziņš Ludis, 1870—1965) — латышский буржуазный фольклорист. Из его работ имеют значение исследования метрики и стилистики латышских народных песен.
- Бертольд** — ливонский епископ с 1196 по 1198 г.
- Биленштейн** Август (Bielenstein August, 1826—1907) — реакционный прибалтийско-немецкий ученый и публицист; долгое время (1864—1895) возглавлял немецкое «Латышское литературное (Друзей латышской народности) общество». Занимался изучением латышского языка, фольклора и этнографии.
- Бинеманн** Фридрих, младший (Bienemann, Friedrich jun., 1860—1915) — прибалтийско-немецкий историк; составитель изданного на немецком языке сборника латышских и эстонских преданий.
- Билькин** Вилис (Bilkins Vilis, род. в 1887 г.) — латышский буржуазный историк.
- Биркерт** Петерис (Birkerts Pēteris, 1881—1956) — латышский фольклорист и литературный деятель.
- Болте** Иоханнес (Bolte Johannes, 1858—1937) — немецкий фольклорист.
- Бренцен** Карлис (Brencēns Kārlis, 1879—1951) — латышский живописец и витражист.
- Бренцен** Эдуард (Brencēns Eduards, 1885—1929) — латышский живописец и график.
- Бривземник** Фрицис (Brīvzemnieks Fricis, 1846—1907) — латышский поэт, переводчик, фольклорист; член Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, выдающийся организатор и вдохновитель собрания латышского фольклора. В 70—80-е годы подготовил и издал на латышском и русском языках сборники латышских народных песен, пословиц, поговорок, загадок, заговоров и сказок.
- Бютнер** Георг Фридрих (Buettner Georg Friedrich, 1805—1883) — собиратель латышских народных песен, немец по национальности. Подготовил первое сравнительно широкое издание латышских народных песен (2854 песни).
- Валдманис** Волдемар (Valdmanis Voldemārs, 1905—1966) — латышский советский декоратор и график.
- Вилк** Гирт (Vilks Girts, род. в 1909 г.) — латышский советский декоратор и график.
- Гардер** Иоганн Якоб (Harder Johann Jacob, 1734—1775) — прибалтийско-немецкий литературный деятель.
- Генрих** Латвийский (или Генрих Латышский, Henricus de Lettis) — хронист XIII в., автор «Хроники Ливонии».
- Глюк** Эрнст (Glück Ernst, 1652—1705) — латышский литературный деятель, немец по национальности.

- Грасис Тенис (Grasis Tenis, род. в 1925 г.) — латышский советский живописец и витражист.
- Гребле Вилма (Greble Vilma, род. в 1906 г.) — латышская советская фольклористка.
- Грунау Симон (Grūnau Simons, жил в конце XV — начале XVI в.) — хронист, автор «Хроники Пруссии».
- Грундберг Гайда (Grundberga Gaida, род. в 1928 г.) — латышская советская ваятельница.
- Державин Владимир Васильевич (род. в 1908 г.) — русский советский поэт и переводчик. Державину принадлежат переводы произведений Джами, Дурбека, Навои, Низами, Саади, Фирдоуси, Хагани, Франко, Туманяна, Райниса и др. Он перевел «Лачплесиса», «Калевипоэга», участвовал в переводе «Давида Сасунского».
- Дюсбург Петер (Dusburg Peter) — хронист, автор написанной в первой половине XIV в. «Хроники Пруссии».
- Заринь Карлис (Zariņš Kārlis, 1844—1911) — латышский литературный деятель.
- Звайгзните Екаб (Zvaigznīte Jēkabs, 1833—1867) — латышский писатель.
- Зейферт Теодор (Zeiferts Teodors, 1865—1929) — латышский историк литературы и критик.
- Зузе Зигурд (Zuze Zigurds, род. в 1929 г.) — латышский советский график.
- Зутис Янис (Zutis Jānis, 1893—1962) — латышский советский историк.
- Иванов Янис (Ivanovs Jānis, род. в 1906 г.) — латышский советский композитор.
- Калнинь Янис (Kalniņš Jānis, род. в 1922 г.) — латышский советский критик, историк литературы и писатель. На основе широкого изучения истории латышской литературы и культуры написан его роман «Андрей Пумпура» (1964).
- Калнинь Юрис (Kalniņš Juris, 1847—1919) — общественный деятель, журналист. Подготовил первое (1904) и второе (1912) издания произведений Пумпура, он же автор введения.
- Братья Каудзит (см. Каудзит Матис; Каудзит Рейнис) — знаменитые латышские писатели, авторы романа «Времена землемеров» (1879) — одного из наиболее примечательных в латышской литературе, в нем с большой художественной силой впервые проявились принципы реализма.
- Каудзит Матис (Kaudzīte Matīss, 1848—1926) — писатель, поэт, литературный критик, близкий знакомый Пумпура. Один из псевдонимов Матис Каудзита — Калниньек.
- Каудзит Рейнис (Kaudzīte Reinis, 1839—1920) — писатель и публицист.
- Клаустинь Роберт (Klaustiņš Roberts, 1875—1962) — латышский буржуазный историк литературы и литературный критик; занимался и фольклористикой. Подготовил третье издание сочинений Пумпура в двух томах (1925), сопроводив оба тома вступительными статьями.
- Кпоринь Вилис-Вильгельм (Kporiņš Vilis-Vilhelms, 1890—1939) — деятель Коммунистической партии, публицист, историк, литературный критик.
- Коялович Войцех (Kojalowicz Wojciech, 1609—1677) — историк, исследователь истории Литвы.
- Кронвальд Аtis (Kronvalds Atis, 1837—1875) — выдающийся латышский общест-

венный деятель 60—70-х годов XIX в., публицист, языковед и педагог. Пламенный борец против гегемонии немецких правящих кругов, поборник развития народной культуры.

Крузе Фридрих (Kruse Friedrich von, 1790—1866) — немецкий историк.

Кундзинь Карлис (Kundziņš Kārlis, 1850—1937) — латышский литературный деятель.

Ланге Якоб (Lange Jacob, 1711—1777) — занимался вопросами латышской лексикографии, немец по национальности.

Ласицкий Ян (Łasicki Jan; латинизированная форма — Lasicius, род. в 1534 г., ум. пригл. в 1605 г.) — польский историк.

Лаубе Индрикис (Laube Indriķis, 1841—1889) — латышский литературный критик, писатель и публицист.

Лаутенбах-Юсминь Екаб (Lautenbachs-Jūsmiņš, Jēkabs, 1847—1928) — латышский буржуазный филолог и писатель, представитель так наз. «псевдонародного романтизма» в латышской литературе. Выступал против передовых тенденций в литературе. Из многочисленных работ Лаутенбаха-Юсминя значительны, главным образом, исследования о латышских народных песнях и пословицах, написанные с позиций сравнительной фольклористики.

Лерхис-Пушкайтис Ансис (Lerhis-Puškaitis Ansis, 1859—1903) — выдающийся собиратель латышского повествовательного фольклора и составитель сборников. В его семитомном собрании «Латышские народные предания и сказки» (1891—1903) — 6002 сказки и предания, из которых 2023 собраны и записаны составителем.

Малберг Фридрих (Mälbergis Fridrihs, 1824—1907) — один из первых латышских поэтов, широко использовавших материал народных сказок, преданий, мифологии и псевдомифологии.

Малецкий Ян (Małecki Jan; латинизированная форма — Maletius Johannes, ум. ок. 1575 г.) — польский теолог середины XVI в.

Маннхардт Вильгельм (Mannhardt Wilhelm, 1831—1880) — немецкий фольклорист, исследователь мифологии. Значителен его труд «Латышско-прусская мифология» (опубл. в 1936 г.), содержащий обширные сведения о мифологии балтийских народов с древнейших времен до конца XVIII в. и их оценку.

Мединь Янис (Mediņš Jānis, 1890—1966) — латышский композитор.

Мелдерис Эмил (Melderis Emīls, род. в 1889 г.) — латышский советский ваятель.

Меркель Гарлиб Гельвиг (Merkel Garlieb Helwig, 1769—1850) — видный немецкий публицист, театральный и литературный критик, журналист. Выросший в среде прибалтийско-немецких помещиков, Меркель был страстным защитником прав латышского и эстонского народов, выразителем идей Просвещения, борцом против гнета немецких помещиков и крепостного права. Своими произведениями о положении латышей и эстонцев он вызвал к общественному мнению всей Европы, что находило широкий отклик. Латышский народ всегда считал Меркеля своим писателем, хотя писал он по-немецки. Произведения его способствовали становлению латышского национального самосознания и развитию стихийного анти-

- феодалного движения. Его идеи, темы, мотивы и образы вдохновляли латышских писателей, особенно в 60—80-е годы XIX в.
- Мюленбах Карлис (Milenbahs Kārlis, 1853—1916) — выдающийся латышский языковед.
- Ниедре Янис (Niedre Jānis, род. в 1909 г.) — латышский советский писатель и историк литературы.
- Ниенштедт Франц (Nyenstede Franz, 1540—1622) — прибалтийско-немецкий историк, хронист.
- Озол Артур (Ozols Arturs, 1912—1964) — латышский советский языковед и фольклорист.
- Озолинь Давис (Ozoliņš Dāvis, 1856—1916) — собиратель латышского фольклора.
- Пилсатниек Екаб (Pilsātnieks Jēkabs, 1838—1879) — общественный деятель, автор популярных патриотических песен второй половины XIX в.
- Плакис Юрис (Plāķis Juris, 1869—1942) — латышский языковед.
- Преторий Матейс (Praetorius Matthäus, 1635—1707) — немецкий историк.
- Пур Лаймонис (Purs Laimonis, род. в 1922 г.) — латышский советский писатель. Автор исторического романа «Пылающее городище» (1960) о борьбе древних латышей с немецкими крестоносцами.
- Райнис Ян (Rainis Jānis, 1865—1929) — великий латышский поэт, певец революционной борьбы пролетариата, выдающийся драматург.
- Руссов Бальтазар (Balthasar Russow, род. ок. 1542/43 г., ум. в 1602 г.) — хронист.
- Сокол Эвальд (Sokols Evalds, 1901—1965) — латышский советский литературовед.
- Спрогис Янис (Sproģis Jānis, 1833—1916) — собиратель латышского фольклора и этнографических материалов. Подготовленное Спрогисом издание латышских народных песен (1868), включающее 1857 песен на латышском и русском языках, впервые более или менее широко познакомило русское общество с латышской народной поэзией.
- Стелла Эразм (Stella Erasmus, род. в серед. XV в., ум. в 1521 г.) — немецкий историк.
- Стендер Готгард Фридрих, по прозвищу Старый Стендер (Stender Gotthard Friedrich, 1714—1796) — знаток латышского языка, языковед, первый известный литератор, пишущий на латышском языке, немец по национальности. Его художественные произведения выражали интересы прибалтийских немецких феодалов.
- Стендер Иоганн Христиан (Stender Johann Christian, 1787—1862) — литературный деятель, внук Г. Фр. Стендера.
- Стерсте Андрей (Stērste Andrejs, 1853—1921) — латышский общественный деятель 70—80-х годов XIX в., публицист, языковед, литератор.
- Стрыйковский Мацей (Strykowski Matys, 1547—1582) — польский историк.
- Судрабкалн Ян (Sudrabkalns Jānis, род. в 1894 г.) — латышский советский поэт и публицист, Народный поэт Латвийской ССР.
- Томсон Рихард (Tomsons Richards, 1834—1884) — латышский общественный и литературный деятель; один из организаторов значительных начинаний латышской культурной и общественной жизни конца 60-х и 70-х годов.

Упит Андрей (Upīts Andrejs, 1887—1970) — выдающийся латышский советский писатель, прозаик и драматург, историк литературы, литературный критик и публицист, Народный писатель Латвийской ССР.

Фаллий (Fallijs, 1877—1915) — латышский поэт и писатель декадентского уклона.

Чичеров Владимир Иванович (1907—1957) — русский советский фольклорист, этнограф и литературовед.

Шлезинь Андрей (Slēziņš Andrejs, 1845—1892) — латышский литературный деятель.

Шмидт Петерис (Smits Pēteris, 1869—1938) — латышский буржуазный фольклорист и этнограф; языковед-ориенталист. Им подготовлено издание «Латышских сказок и преданий» в 15 томах (1925—1937) с классификацией текстов по системе Антти Аарне. В издании — 7895 сказок и преданий, из которых 4655 опубликовано впервые.

Эндзелин Янис (Endzelīns Jānis, 1873—1961) — известный латышский языковед.

Юрьян Андрей (Jurjāns Andrejs, 1856—1922) — выдающийся латышский композитор, основоположник латышской музыкальной фольклористики.

Юрьян Янис Анж (Jurjāns Jānis Anžs, 1830—1879) — латышский врач, активный приверженец идей младолатышского движения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Римская цифра после сокращений *Калевала, Л, Ор, Хрон. Лив.* означает песнь или главу, в остальных случаях — том. Арабская цифра после *Калевала, Л, Ор* означает строку, после *LD, Līdz, Tdz, LTT* — номер фольклорного текста. Первая арабская цифра после *FS* означает номер рукописи, вторая — номер текста. В остальных случаях арабская цифра указывает страницу.

Ac — A. Ancelāne, *Latviešu tautas teikas*, Izlase, Rīgā, 1961.

A.-T. — «The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen», Translated and enlarged by Stith Thompson. Second revision, — «FF Communications», № 184, Helsinki, 1961.

FS — Научный архив сектора фольклора Института языка и литературы им. Андрея Упита АН Латвийской ССР.

Jkr — «Jelgavas Latviešu biedrības Rakstniecības nodaļas rakstu krājums, I—IV, Jelgavā, 1890—1901.

LD — K. Barons, *Latvju Dainas*, I, Jelgavā, 1894; II—VI, Pēterburgā, 1903—1915.

LP — A. Lerhis - Puškaitis, *Latviešu tautas teikas un pasakas*, I—V, Jelgavā, 1891—1894; VI, Rīgā, 1896; VII, 1, Cēsīs, 1903.

Ltdz — «Latviešu tautasdziesmas», Izlase, I, Rīgā, 1955.

LTT — P. Šmits, *Latviešu tautas ticējumi*, I—IV, Rīgā, 1940—1941.

PS — P. Šmits (Schmidt), *Latviešu pasakas un teikas*, I—XV, Rīgā, 1925—1937.

Rk — «Andreja Pumpura raksti», Rīgā, 1912.

Rk I—II — «Andreja Pumpura raksti», Dzīvi un darbus apcerējis R. Kļausiņš, I—II, Trešais izd., Rīgā, 1925.

Tdz — P. Šmits, *Tautas dziesmas*, I—IV, Rīgā, 1936—1939.

Аннинский — Комментарии С. А. Аннинского к изд.: Генрих Латвийский, «Хроника Ливонии», М.—Л., 1938.

Анцилис — K. Ancītis, A. Pumpura «Lāčplēša» avoti un paraugi, — «Ceļi», IX, Rīgā, 1939.

Биеманн — Fr. Bienemann, jun., *Livländisches Sagenbuch*, Reval, 1897.

Зинибу ком. — «Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas rakstu krājums», I—XXXIII, Rīgā, 1876—1940.

- Калевала — «Калевала, Карело-финский эпос», [Пер. Л. П. Бельского], М., 1949.
 Л — текст русского перевода «Лачплесиса».
 Латв. бур.— K. Straubergs, Latviešu buramie vārdi, I—II, Rīgā, 1939—1941.
 Латв. конв.— «Latviešu konversācijas vārdnīca», I—XXI, Rīgā, 1927—1940.
 Латв. мит.— P. S m i t s, Latviešu mitoloģija, Rīgā, 1926.
 Лачплесис, 1961 — Введение и комментарии Я. Рудзитиса к изд.: A. P u m p u r s, Lāčplēsis, Latvju tautas varonis, Tautas eposs, Rīgā, 1961.
 Меркель, 1798 — G. M e r k e l, Die Vorzeit Lieflands, Ein Denkmal des Pfaffen- und Rittersgeistes, Bd I, Berlin, 1798.
 Меркель, 1802 — G. M e r k e l, Wannem Ymanta, eine Lettische Sage, Leipzig, 1802.
 Мюленбах-Эндзелин — K. M i l e n b a h s, Latviešu valodas vārdnīca, Redīgējis, papildinājis, turpinājis J. E n d z e l i n s, I—IV, Rīgā, 1923—1932.
 Ор — оригинал «Лачплесиса» в изд.: A. P u m p u r s, Lāčplēsis, Latvju tautas varonis, Tautas eposs, Rīgā, 1961.
 Плакис — J. P l ā ķ i s, Latvijas vietu vārdi un latviešu pavārdi, I, Kurzemes vārdi, II, Zemgales vārdi, Rīgā, 1936—1939,— «Latvijas Universitātes Raksti, Filoloģijas un filozofijas fakultātes sērija», IV, sējums; Nr. 1; V sējums, № 5.

- Сб — [Ф. Я. Б р и в з е м н и а к с], Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее, II, под ред. В. Ф. Миллера, М., 1887.
 Хрон. Лив.— Текст «Хроники Ливонии» в изд.: Генрих Латвийский, «Хроника Ливонии». Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского, предисл. В. А. Быстрянского, М.—Л., 1938.
 Эндзелин, 1922 — J. E n d z e l i n s, Latvijas vietu vārdi, I, Vidzemes vārdi, Rīgā, 1922.
 Эндзелин, 1925 — J. E n d z e l i n s, Latvijas vietu vārdi, II, Kurzemes un Latgales vārdi, Rīgā, 1925.
 Эндзелин, 1956 — J. E n d z e l i n s, Latvijas PSR vietvārdi, I daļa, I sēj., Rīgā, 1956.
 Эндзелин, 1961 — J. E n d z e l i n s, Latvijas PSR vietvārdi, I daļa, II sēj., Rīgā, 1961.
 Эндзелин, Папилд — J. E n d z e l i n s, Papildinājumi un labojumi K. M i l l e n b a h a Latviešu valodas vārdnīcai, I, Rīgā, 1934—1938; II, Rīgā, 1946.

Место записи фольклорных материалов указывается по ранее существовавшему административному делению.

Аб — Абреньский (уезд)
 Азп — Айзпутский
 Б — Баусский
 Влк — Валкский
 Влм — Валмиерский
 Вп — Вентспилсский
 Д — Даугавпилсский
 Ег — Елгавский
 Ек — Екабпилсский

Ил — Илукстский
 Клд — Кулдигский
 Лдз — Лудзенский
 Лп — Лиепайский
 Мд — Мадонский
 Рг — Рижский
 Рз — Резекненский
 Тк — Тукумский
 Тл — Талсинский
 Ц — Цесисский

RESUME

The publication is devoted to «Lāčplēsis» by Andrejs Pumpurs (1841—1902) which was created on the basis of folklore and which acquired the function of Lettish national epos. In contrast to other monuments of the peoples of our country «Lāčplēsis» was not composed by anonymous bards, but was created by an outstanding Latvian poet and included in the treasure store of world culture together with the exact date of its birth (1888) and the name of its creator.

Andrejs Pumpurs modestly called his work a heroic poem, but it immediately became a folk epos. That was at a time when Elias Lennrot, having collected folk runes about the ancient past arranged them together under the common title «Kalevala», and Kreutzwald composed the epos «Kalevipoeg» out of Estonian lyrical and epic songs, tales and legends. The appearance of «Lāčplēsis», as well as the Karelo-Finnish epos «Kalevala» and the Estonian «Kalevipoeg» was prompted by life.

At the time when «Lāčplēsis» came into being the genuinely national literature of the Letts in the Lettish language existed in an unwritten form, among the common people. For many centuries after the seizure of the Baltic lands by the crusaders, the Letts were slaves of foreign landlords. The key positions in the cultural and intellectual life of the Baltic peoples — the church, education, court procedure, censorship, the press — were in the hands of the foreign invaders.

In the conditions of the formation of the national consciousness of the Letts and their liberation struggle the people needed a heroic epos about their destiny.

Unwritten Lettish poetry became the foundation for the development of young recorded literature.

During the 1860—70s' the collecting of epic folklore became one of the major tasks of the progressive Young Letts, to whom the creator of

«Lāčplēsis» belonged. Pumpurs, who himself was of simple origin, knew folklore very well.

The folk poetic components of «Lāčplēsis» did not form one narrative, which would be sung like, say, «Manas» or «Koblandy-Batyr». They were interspersed in a multitude of various narratives.

The poetic content and structure of «Lāčplēsis» were made up of legends about a castle in which had been stored the scriptures of the great laws of human happiness and justice left by the ancestor of the Letts — the castle that had sunk a long time ago; about the kind fairy Staburadze, the daughter of Latvia; about the creation of the land of the Letts and the great Daugava River; about sinister witches' sabbaths; about the fairy-tale land Sumpurni; about the Devil (Velns), and many other folk tales. «Lāčplēsis» also includes ancient Lettish myths, legends, customs, anti-feudal and «Janis songs», proverbs and adages, as well as the original toponymics of Latvia — these components form the basis of the folklore essence of the national epos.

«Lāčplēsis» in an organic fusion of folklore images and the ideas of the people's struggle for their liberation.

The fantastic pictures from Lettish fairy tales in which the hero scored victory over various monsters ring epically in «Lāčplēsis». The epos tells about the people's heroism in fighting the imaginary evil forces and the real historical enemy — the feudal crusaders.

The artistic structure of «Lāčplēsis» typical of folk epos is not something borrowed but a natural manifestation of the folk art of storytelling.

This is vividly demonstrated by such epic parts of «Lāčplēsis» as those telling of the magic birth of the hero, the fantastic strength of the knights, the collision between the bright (heavenly) and dark (underground) cosmic forces and the intertwining of fantasy with the historical truth, the folklore origin of which is beyond any doubt.

By its artistic structure and historical purport «Lāčplēsis» rightfully occupies a worthy place among the epic works created by the peoples of the Soviet Union. At the same time this is a work of recorded literature of the Letts.

Folk epos is an inexhaustible source where professional art draws images and subjects for creating new works of literature, drama, fine art, music.

«Lāčplēsis» has fully played this role in the development of progressive Lettish art.

An introductory article and textological commentary based on the many-year research of J. Rudzītis describes the connections between «Lāčplēsis» and folklore, and the specific features of the use of folk tales, legends, songs, etc.

The volume has a section of folklore texts. It contains Lettish folk tales, legends, songs, popular beliefs and descriptions of customs which were important at the time of the creation of Pumpurs' epos, serving as parallels, as it were, to each chapter of the epos.

These sections provide a weighty proof of the fact that «Lāčplēsis» was created on the basis of Lettish folklore and absorbed the people's historical and artistic experience and their striving for national and social emancipation.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
«Лачплесис» — национальный эпос латышского народа.	
<i>А. А. Петрося</i>	8
Я. Я. Рудзитис. «Лачплесис» А. Пумпура и его место в истории латышской культуры	18

А. ПУМПУР. ЛАЧПЛЕСИС. ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИ (Перевод Вл. Державина)

Песнь первая	71
Песнь вторая	78
Песнь третья	100
Песнь четвертая	122
Песнь пятая	146
Песнь шестая	160

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии	191
Песнь первая	192
Песнь вторая	199
Песнь третья	213
Песнь четвертая	229
Песнь пятая	236
Песнь шестая	238
Тексты, записанные у народных певцов и сказителей	250
Сын человека и медведя — Лачплесис («Раздираю- щий медведя»), Лачаусис («Медвежьеухий»)	252
Господа, их прислужники и феодальные крестьяне	259
Параллели к отдельным песням эпоса	265
Песнь первая	265
Песнь вторая	268
Песнь третья	290
Песнь четвертая	311
Песнь пятая	319
Песнь шестая	326
Краткие сведения о литературных, общественных дея- телях и деятелях искусства, фигурирующих в томе	340
Условные сокращения	346
Resume	348

ЛАЧПЛЕСИС

Латышский эпос, воссозданный
по народным преданиям

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор *Н. Я. Северина*

Младший редактор *А. М. Попова*

Художник *Л. С. Эрман*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *С. В. Цветкова*

Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 24/II 1975 г. Подписано к печати 26/VI 1975 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 22,0+0,25 п. л. Усл. п. л. 26,03. Уч. изд.
л. 23,35. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3173. Зак. 173.
Цена 1 р. 74 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28

Отпечатано в Московской типографии № 10
Союзполиграфпрома, Москва, М-114,
Шлюзовая наб., д. 10. Зак. 399.

Handwritten text, possibly a signature or title, in the top left corner.